

ЗАКН
ВАЈИДИ ТОДАН

ВОСТОМИНАБИ

ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ

**БОРЬБА НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА
И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ МУСУЛЬМАН-ТЮРКОВ
ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ И СОХРАНЕНИЕ
КУЛЬТУРЫ**

КНИГА II

Уфа "КИТАП" 1998

Перевод с турецкого
А. ЮЛДАШБАЕВА

Спец. редактирование
А. ХАКИМОВА

Заки **Валиди** Тоган

В 20 Воспоминания: Книга 2.— Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1998.— 368 с.

ISBN 5-295-01566-1 (кн. 2),
ISBN 5-295-01269-7

Воспоминания крупнейшего востоковеда, профессора Стамбульского университета, почетного члена многих европейских и других академий Ахмета Заки Валиди Тогана охватывают его научную и политическую деятельность, составившую целую эпоху в ориенталистике. Во второй книге описывается период жизни, когда Заки Валиди покинул Советскую Россию.

В 470222110100—98 без обьяв.—98
М 121 (03)—98

ББК 84 Баш

ISBN 5-295-01566-1 (кн. 2), © Юлдашбаев А. М., перевод, 1998
ISBN 5-295-01269-7 © Файрушин И. С., оформление, 1998
© Кучумов И. В., примечания, 1998

БОРЬБА В ТУРКЕСТАНЕ

Дорога:
Москва—Баку—
Ашхабад

29 июня 1908 года, желая продолжить учебу в далеких от нас городах, я тайком покинул отчий дом. И вот, 29 июня 1920 года я бегу вновь, но теперь от Ленина. Снова, подняв знамя борьбы против него, я вынужден отступить в горы и пустыни Туркестана. Если и на этот раз постигнет нас неудача, уеду в Европу. Вероятнее всего, я больше не увижу Москву. Четырнадцать моих друзей сегодня же отправятся из Башкортостана в заранее намеченные пункты в Казахстане и Туркестане. Распоряжения об этом я отправил двумя письмами заблаговременно (о них речь будет впереди).

Некоторое время спустя с одной группой друзей мы в Казахстане и Туркестане занялись организацией предстоящей борьбы и решили в ноябре собраться в хорезмийском городе **Кунграде**, а другая группа должна принимать организационные меры непосредственно в басмаческих отрядах Узбекистана вплоть до Кашгара и в начале 1921 года собраться в Бухаре. Позже и мы должны были прибыть в Бухару. Тогда еще было совершенно не ясно, как долго просуществует Бухарский эмират.

Я рассчитывал добраться из Москвы через Астрахань и Баку до Ашхабада, затем вновь вернуться в Баку и там принять тайное участие в работе съезда народов Востока, после чего посетить Западный Казахстан и через Устюрт прибыть в Хорезм, а потом уехать в Бухару. Все это было успешно проделано до конца года по заранее намеченному плану.

Супругу Нафису с одним солдатом я заранее отправил на пароходе из Самары в Царицын, где мы и должны были встретиться. В сопровождении группы охраны мы вместе с казахским деятелем Ахметом Байтурсуном¹ и некоторыми другими башкирскими и казахскими интеллигентами отправились в путь через город Саратов.

Ранним утром 30 июня на границе Букеевской орды, около Бутакула, нас должен ждать казах с двумя оседланными

лошадьми на поводу. Утром, заметив издали поджидающего нас всадника, мы остановили поезд. Я роптал взять с собой лишь некоторые свои труды и записи. Все это и ружье мы приторочили к седлу. Сопровождать нас должен был один солдат. Остальные же вещи, в том числе книги и архив Башкирской республики я вручил своему адъютанту Гарифу Мухамедьярову, обязав доставить их в Стерлитамак в распоряжение правительства и сдать в организуемый Центральный музей и библиотеку. Гариф был посвящен во все мои планы. Прекрасной работы охотничье ружье из царских сокровищниц я также отдал ему, наказав вернуть в Москве самому Преображенскому² и сказать ему: «Пусть этот дорогой подарок пока хранится у Вас, если суждено будет свидеться, заберу обратно».

Я, как и мои друзья, был в красноармейской форме. До самого расставания солдат охраны я в свои планы не посвящал. Попрощались. Ни я, ни Ахмет Байтурсун, ни солдаты охраны не сдержали слез. Подумалось, что вероятнее всего родину я больше никогда не увижу и если не добьемся успеха, эмиграция станет неизбежностью. Наш поезд с вещами и документами направится под охраной в Башкортостан.

Поезд не тронулся с места, пока мы не скрылись за горизонтом. Друзья смотрели нам вслед, прощаясь. Мы же держали путь в сторону Аральского моря, то есть прямо на восток. Когда достигнем Баскунчака, следы наших лошадей затеряются в песках. С восходом солнца мы свернули на запад и, обходя селения, направились по степям в сторону Царицына. По пути следования мне предстояло увидеть развалины древней столицы Золотой Орды — города Новый Сарай (Сарайчик). Остановились в крохотном полуразвалившемся домике, приготовили нехитрую пищу и, утолив голод, легли спать. Наутро мы проехали рядом с руинами города. К сожалению, было недосуг рассмотреть и записать сохранившиеся на камнях надписи. В Царицыне, оставив лошадей казахским джигитам, стали ждать парохода из Самары, до прибытия которого оставалось еще три часа. Воспользовавшись этим, я решил осмотреть город, который впоследствии под названием Сталинграда станет известен всему миру. Во времена хазаров он назывался Сарык Сын (Желтая вода), а русские переименовали в Царицын. Город находился в весьма запущенном состоянии, на улицах буйно росла трава. Мне, понятно, и в голову не могла прийти мысль о том, что это захолустье превратится в решающую точку будущей Второй мировой войны.

Но вот прибыл пароход. На палубе мы встретились с другой и сопровождающим ее солдатом и продолжили путь

до Астрахани. Чтобы не обращать на себя излишнего внимания, устроились в третьем классе и до конца дороги нигде не останавливались. Еще за две — три недели до отъезда из Москвы я послал верного человека в Астрахань к мулле Абдрахману с запиской, содержащей лишь два слова: «Бу инактыр», то есть «верный человек». Посланец на словах объяснил состояние наших дел и успел вернуться в Москву с ответом. Мулла Абдрахман советовал найти в порту дом человека по прозвищу «Слепой ногоец». Тот должен отвести нас в Бузен в дом друга мурлы, человека по имени Гузаир.

Вечером, оставив жену и сопровождающего нас солдата Хариса Сасанбая в доме «Слепого ногойца», я в сопровождении доверенного человека мурлы Абдрахмана поехал в Красный Яр, а оттуда мы поплыли на моторной лодке к Гузаиру. Мулла Абдрахман собирал в Бузене народные песни и опубликовал их в виде брошюры. Мне же он сообщал, что к моему приезду пригласит к Гузаиру некоторых исполнителей народных песен.

Ненеке Джан Бузен — один из ответвлений дельты Волги. Это название, встречающееся в письме хазарского хакана Юсуфа, упоминается вместе с названием реки Камелик и в преданиях моих предков о походе башкир на Кубань. Но сейчас меня эти места интересовали по другому поводу. Один из русских авторов, Евгений Марков, в конце прошлого века опубликовал мемуары, назвав свой труд «Очерки Крыма». В них он поведал и о том, что недалеко от городища Чуфут, рядом с крепостью, обнаружил и исследовал надпись на мраморной плите. Камень этот якобы поставлен в память о перипетиях несчастной любви девушки по имени Ненеке Джан, дочери золотоордынского хана Тохтамыш³. В книге была помещена и фотография плиты. Ненеке Джан будто бы влюбилась в некоего иудея. Обреченная на разлуку с любимым, она бросилась со скалы. По записи на мраморной плите, это событие произошло по хиджре — в 740-м, а по христианскому летоисчислению в 1340 году. Крымчанин Исмаил Лиманов говорил также, что песни о принцессе Ненеке Джан знают крымские и астраханские (кундрауские) ногойцы. Я и об этом написал мурле Абдрахману. Через солдата, ездившего к нему от меня, он передал: «Пусть сам разузнает обо всем. Из Красного Яра его доставят на моторе к Гузаиру, а я все заранее подготавливаю». Не мешкая, я поехал к Гузаиру. Дома у него были двое гостей. Один из них — из городка Балыкши, торговец, чьи предки с одной стороны — казахи, с другой — ногойцы. Второй друг мурлы

прибыл из Букейордынского городка Ноия Казанка. По распоряжению муллы к моему приезду приготовили медовуху, кумыс и такие отменные степные яства, как копченое мясо, казы, карта*, испекли беляши. Гарифулла из Новой Казанки исполнял интересные песни. Из них в памяти остались следующие строки из очень своеобразных татарских песен:

Ак келәтнең келәсен
Элэ белми эләсең,
Шэфэк батмый картлар ятмый,
Килэ белми киләсең.**

Эти стихи, хранящие в себе такие характерные особенности внутреннего строения тюркского стиха, как аллитерация, акростих, внутренняя рифма, были очень дороги мне. Народные мелодии и музыка казанских тюрков созвучны музыке алтайских татар, монгол и даже китайцев. В этом отношении музыкальная культура казанских тюрков примечательна тем, что до наших дней сохранила очень древние музыкальные традиции. Возможно, они бытуют еще с эпохи Золотой Орды от племен «Алжытатар», поселившихся вблизи Казани.

Музыканта, играющего на каком-либо инструменте, на вечере не было, пелись песни. Позже Гузаир пригласил еще одного певца, якобы знающего один-два байта, посвященных истории Ненеке Джан. Однако в исполненных им байтах не было ни единого намека, что они имели отношение к этому печальному событию, не упоминалось и ее имени. Их мелодия ничем не отличалась от других мелодий кундрауских ногайцев и несколько напоминала башкирскую песню «Тафтиляу». К сожалению, не зная нотной грамоты, я не смог их записать. Гость из Балыкши в числе ногайских песен исполнил и следующую:

Дос ейине дос тешкен,
Достларга авыр намыс иш тешкен,
Ярм акчага барсантагы бал бермес.
Ярм акчага келген балгадос тоймас.
Келтирсенез мениң шол бауда арканлы бозымны,
Биз аны балга сатып ичейик.

* Колбаса из конского мяса и жира особого приготовления, а также кушанье, приготовленное из конской толстой кишки.

** Не умеешь тихо закрывать
Белой клетки запора,
Старики еще не спят,
А ты приходишь до заката.

Дос келгенде төнде туруп ягарга
Балаузын аның чырак этсинлер,
Ол кенде бизни барлап келген көп яман
Мынауы бал ичейкен деп китсинлер*.

Ногайские народные мелодии и предания вызвали у нас большое волнение. Эти последние стихи напоминали слова знаменитого персидского поэта Ходжи Хафиза¹. «Пусть времена не для щедрот, но честь всего дороже. Продав последнюю одежду, купим и вино, и цветы».

Гость из Балыкши прочитал также прекрасные стихи о мурзе Иштиряке и его сыне мурзе Иртаргыне (мурзе Тенрикуле), до сего времени широко распространенные среди ногайцев рода Карагач. Слышать эти стихи впоследствии мне нигде ни от кого не довелось. В тот вечер мои новые друзья оживили дух ногайских мурз времен Золотой Орды. Спустя шесть лет после этого незабываемого вечера в Бузене, в Стамбуле в отделе рукописей библиотеки Археологического музея я обнаружил (№ 1619) ноты песни «Ненеке Джан», записанные в 740/1340 году в золотоордынском городе Сарай. На международном научном конгрессе ученых-иранистов в Тегеране, организованном шахом Ирана, я вручил их специалистам, исследующим историю иранской музыкальной культуры, но им до сих пор не удалось расшифровать эти ноты. То, что песни о Ненеке Джан дошли до османских турков, — одно из многих свидетельств мощи тюркской национальной культуры, получившей развитие в столице Золотой Орды Сарае. Поистине, что только не хранится в культурных сокровищницах Стамбула!

Мы не спали всю ночь. Ранним утром я выехал в Астрахань.

Морским путем
в Баку
Большие суда, курсирующие между Баку и Астраханью, из-за мелководья и узости берегов протоков в дельту Волги войти не могли. Там есть гавань, где глубина воды доходила до двенадцати

* В дом друга пришли гости в трудное время,
Дело чести принять гостей достойно.
Медовухой, купленной на полтинник,
Не удастся утолить жажду дорогих гостей.
Приведите мне моего гнедого, что на привязи,
Пропьем его, купив медовуху,
Будет у нас и свет, и угощение,
Для праздника ночь напролет.
Пусть недруги, следящие за нами с завистью,
Видят, что наши дела в полном порядке,
И мы наслаждаемся за трапезой медовухой.

футов, поэтому ее русские так и **называли** — «Двенадцать футов». Переночевав в доме слепого **ногайца** еще одну ночь, мы на маленьком парходике поплыли к этой гавани «Двенадцать футов».

5—6 июля мы прибыли в Баку, где встретились с татарскими писателями **Хади Атласи**⁵ и **Абдуллой Батталом**. **Хади Атласи** — бывший **член** Государственной Думы, писатель и историк, написавший труды «История Сибири», «История Казани», «Суямбике». Спасаясь от большевиков, он бежал в Баку, но к его прибытию большевики завоевали и этот город. Знакомые мне деятели Азербайджана эмигрировали или скрывались от новых властей. Я тайно встретился с Мумтазом Сулейманом, а жил в доме турка Мустафы **Субхи**⁶, которого знал еще по Москве. Он был коммунистом, но не соглашался с восточной политикой русских. Русские под влиянием Европы приблизили к себе некоторых турецких коммунистов, признав их «настоящими коммунистами», а Мустафу Субхи в Москве отдалили от себя. Поэтому он был зол на Сталина и его приближенных. В Баку он мне сам предложил жить в его доме, организовал встречу с азербайджанцем Амином **Эфендизаде** и крымским татаринном Вели **Ибраимом**.

Мы с Мустафой много беседовали, я посвятил его в некоторые из наших планов, касающихся Туркестана, верил, что он большевикам лишнего не скажет. Будучи уверенным, что чекисты станут искать меня в Казахстане, а не в Азербайджане, я вел себя довольно уверенно, осмотрел средневековые дворцы, дома, памятники, мечети и медресе.

Побыв здесь около недели, мы на пароходе пересекли Каспий и прибыли в туркменский город Красноводск, в конце июля направились в Ашхабад, остановились в доме сыновей Берди Хаджи из рода Теке. Одного из своих солдат-телохранителей я послал в Самарканд справиться о здоровье моей беременной супруги. Солдат привез весть, что у меня родился сын. Я нарек его **Ырысмухамметом**. Слово «**ырыс**» означает счастье. Сын правителя Сибири **Кучум-хана**⁷ Кучук-султан⁸ правил и в Башкортостане, у него был сын по имени Бушак-султан. Внук последнего — **Ырысмухаммет** — родной брат того самого Мурат-султана, который в 1709 году посетил Турцию, а затем прибыл в Дагестан, руководил битвой мусульман против русских в Тереке, попал к ним в плен и был казнен. После казни русскими предводителей башкир **Алдара**⁹ и султана **Урака**¹⁰, знатных **беев** из окружения Кучумовичей, в Башкортостане ханом был провозглашен этот Ырысмухаммет. Под его предводительством почти все Среднее Поволжье было освобождено от русских. До Казани оставалось всего

38 верст, словом, **появилась** реальная возможность завоевания Казани. В поисках имени своему первенцу я вспомнил этого мужественного воина и решил дать сыну его имя.

Один из моих солдат обеспечивал связь с нашими ташкентскими друзьями. В конце августа я скрывался среди туркмен, живущих между Ашхабадом и Мервом. В сентябре я должен был ехать на Съезд народов Востока в Баку. Жену в сопровождении одного солдата отправили в Хорезм. Осенью мы должны были встретиться там.

Дни,
проведенные
в Ашхабаде

Со старым своим другом, адвокатом Какажаном, сыном **Берди-хаджи**, мы стали издавать газету «**Туркменистан**». Статьи ее первого номера от начала до конца я написал сам.

В это время мы получили сведения, что агенты ЧК ищут меня во многих местах. В Москве предположили, что я из Букевской **Орды**¹¹ бежал в сторону Уральска. Зная, что казахи меня ни в коем случае не выдадут, красные решили схватить меня где-либо в Ташкенте, Самарканде или Ашхабаде. В Москве работнику министерства иностранных дел, некоему Островскому, было поручено вывить мое местопребывание. Этот человек посетил **Какажана** в тот момент, когда и я был у него. Они долго беседовали в саду, русский **распрашивал** и обо мне. Сказал: «Если Валидов где-то поблизости, я желал бы с ним встретиться и поговорить о Бакинском съезде. Сталин приехал в Баку, приблизил к себе Амина **Расулзаде** и меня хочет видеть в своем **окружении**».

Рядом со мной неотлучно находились два солдата-телохранителя, один из них — Харис Сасанбай — башкир **сальютского**, а другой — Ахметьян Азнабай — **бурзянского** рода. Эти два рода, **сальюты** и бурзянцы, были исключительно преданы идее национальной независимости, национального освобождения. Мой адъютант **Гариф** Мухамедьяров и уже упомянутый поэт Габделхай Иркабай также были из рода **сальют**. И из бурзянского рода к нашему движению присоединились многие джигиты. Ахметьян был тем из моих солдат, вместе с которым в феврале 1919 года я шел впереди наших войск, когда мы **были** вынуждены переходить от белых на сторону красных. Именно с ним мы наблюдали этот переход. Войска шли мимо нас, и я, прижав ему на грудь, плакал горькими слезами. В Туркестан я его не **дозвал**, но он приехал сюда по своему желанию, чтобы охранять меня от возможных бед. Сколько у нас было таких безмерно преданных делу джигитов! В наших войсках и в душе у меня они заняли место моего рано умершего друга Ибрагима **Каскынбая**. **Наша**

сила **заключалась** в том, что в войсках было очень много **воинов**, преданных мне всей душой и телом.

Берди-хаджи и его сын **Какажан** мне, жене и двум моим солдатам предоставили четырех коней. Жили мы на окраине Ашхабада в доме одинокой армянки. Иногда совершали верховые прогулки по окрестным пустыням. Решили, что если мне не удастся выехать в Баку, то вчетвером будем добираться верхом до Хивы. В ноябре мы непременно должны быть в **Кунграде**. Хотя в Хиве власть перешла в руки **младохивинцев**¹² и русских, однако в северной части области и Кунграде **сохранялась** власть туркменского хана Джунаида¹³. Достигший ныне 80-летнего возраста, Джунаид-хан в 1873 году, когда русские захватили Хиву, служил в войсках хивинского хана. Этот мужественный воин не признавал господства русских и никогда не преклонял перед ними голову.

Еще в Москве я решил для организации и сплочения **национальных сил** в Туркестане на некоторое время остаться в Ашхабаде, затем направиться в Баку для участия в съезде народов Востока, после чего через Астрахань и Западный Казахстан достичь северного Хорезма, находившегося под управлением **Джунаид-хана**, и затем поехать в Хиву.

Все, что нужно было предпринять в Башкортостане, мы определили с друзьями еще в Москве. Четырнадцать человек из числа деятелей Башкирского правительства разными путями должны одновременно направиться в Туркестан. Некоторым из них было поручено закупить лошадей для войска. О всех этих делах из Москвы мною было направлено два письма. Одно из них впоследствии попадет в руки русских и вызовет у них растерянность. Это письмо, написанное на башкирском языке, было переведено на русский с большими искажениями. Содержание письма опубликовано в мемуарах **Самойлова**¹⁴ и в книге Типеева¹⁵. В нем я писал, что советское правительство по отношению к восточно-тюркским народам ведет двуличную политику, оно не позволит им объединиться. Везде бразды правления русские сосредоточат в собственных руках, а национальные войсковые формирования будут ликвидированы. Но башкирской интеллигенции не следует вести народ к открытой вооруженной борьбе. Напротив, оставаясь на официальных постах, интеллигенты обязаны сохранить в своих руках органы печати и просвещения, рычаги экономического управления; им необходимо накапливать опыт и знания в ходе исполнения этих сложных обязанностей, а друзья, выезжающие в Казахстан и Туркестан, должны оставаться там и настойчиво работать на местах до тех пор, пока эти народы не пробудятся к активной борь-

бе. Я попытался обстоятельно разъяснить своим единомышленникам, что необходимо **принимать** самое активное участие во всех советских съездах и конференциях, добиваться создания Коммунистической партии азиатских или восточных народов и что, только следуя этим путем, мы сможем в конечном счете вынудить Москву признать наши политические права.

Второе зашифрованное письмо я вложил в новенький экземпляр «Капитала» К. Маркса с еще неразрезанными страницами. В этом письме было подробно расписано, куда должен направиться и что обязан делать каждый из 14 человек, направляемых из Башкортостана в Туркестан. Ближнему своему другу **Фатхелькадиру Сулейману (Абделькадиру Инану)**¹⁶ написал, чтобы он прибыл в Казахстан в местечко, именуемое Арка, к **ишану** Ахмеду и занялся организационными делами среди казахской интеллигенции, после чего выехал в Хорезм, **затем в Кунград** или в Самарканд и присоединился к нашим друзьям. Ибрагиму Мутину (заведовавшему финансовым отделом) было предписано вместе с киргизом Ибрагимом Джуназаковым ехать в Фергану к басмаческим предводителям Ширмамету и Амину **Пехливану**, оттуда прибыть в Самарканд и ждать нас там. Я сообщил им, что мне предстоят организационные дела в Туркестане и Хорезме.

Это письмо не попало в руки русских, и мы действовали по намеченному плану.

В Башкортостане было организовано правительство под руководством нашего единомышленника **Аллаберды Ягафорова**. Позже (25—30 июля) на I **Всебашкирском** съезде Советов делегаты, большинство из которых (54%) составляли русские, клеймили нас как «врагов народа и советской власти». Впоследствии Москва под предлогом расширения границ Башкортостана и придания ему «богатых территорий» присоединила к республике уезды, где большинство населения составляли русские, объявив центром Уфу.

Обстоятельства нашего ухода из Башкортостана Самойлов описывает в своих статьях в мрачных тонах, но тем не менее отмечает, что, уходя из республики, я не преследовал личных интересов, весь золотой запас правительства, не тронув ни грамма, оставил в казне. Он написал обо мне: «Был врагом, но человеком с чистой **совестью**». Он дал оценку и некоторым другим моим сподвижникам. К сокровищам, хранившимся в казне Башкортостана, мы не притронулись, но тем не менее чуть раньше (в начале мая), почувствовав, что меня вызовут в Москву, алмаз, хранившийся у меня, изъятые в имениях русских дворян Пашкова и Шота золотые монеты мы отправили в Ташкент, а перед этим бумажные день-

ги отослали в Казахстан для покупки лошадей. Словом, людям, оторвавшимся от Башкортостана, не грозило голодное существование вдали от родного дома.

Для успешного проведения организационных мер в Туркестане и Хорезме я создал комитет из трех туркменских интеллигентов, подобрав людей надежных, но не привлекавших особого внимания со стороны русских, и обеспечил им связь с Самаркандом, Кокандом и Ташкентом.

Бакинский съезд

Идея организации Бакинского съезда народов Востока, состоявшегося 1—5 сентября, принадлежит, собственно говоря, мне. Впервые о целесообразности подобного форума я высказался перед турецкими деятелями Джемалом-пашой и Халилом-пашой, когда они посетили представительство Башкортостана в Москве. Однако организация съезда перешла в руки сталинского комиссариата по делам национальностей и Центрального бюро коммунистов-мусульман. Все руководство подготовкой и проведением съезда находилось в руках Г. Зиновьева¹⁸ и К. Радека¹⁸. В то время я уже был в положении беглеца. Чекисты допускали вероятность моего приезда в Баку и предприняли меры для ареста. Нам удалось узнать, что ЧК дало задание тремстам агентам по поимке **Валидова** в Баку, **Астрахани**, **Дербенте**, **Красноводске** и в некоторых других местах. Большинство из этих агентов знали меня в лицо.

Узнали мы и о том, кто вошел в состав делегации Казахстана и Узбекистана и в каком поезде они едут. Поезд этот я встретил на малоизвестной станции **Бами** западнее **Ашхабада**. Сойдя с товарного состава, я сел в тот поезд и в первом же вагоне нашел **Турара Рыскулова**¹⁹ и **Ибрагима Джанузакова**. Доехав до станции **Джебель** за один перегон до **Красноводска**, мы условились, где будем встречаться в Баку, и договорились о сотруничестве в ходе работы съезда. Тогда же **Турар** показал мне любопытнейший документ. На съезде **Коминтерна**, состоявшемся уже после моего бегства, некий **Павлович**²⁰, считавшийся в советском Комиссариате по иностранным делам и в **Коминтерне** специалистом по Ближнему Востоку, размножил и распространил записку для своих товарищей, работавших на **Ближнем Востоке** и **Средней Азии** или по роду деятельности связанных с этими регионами. При этом записка не была вручена коммунистам-мусульманам. Знакомый польский коммунист тайно вручил **Турару Рыскулову** один экземпляр документа. Позже, в 1923 году, и татарский интеллигент **Усман Тукумбет** вывез экземпляр этой записки в Берлин. В ней излагались следующие мысли: на

Ближнем Востоке, в арабских странах, **Турции**, **Иране** и **Афганистане** еще не развиты характерные для капитализма **классовые** противоречия, поэтому следует провоцировать другие противоречия, в том числе религиозные, сектантские. Если даже эти противоречия исчезнут среди мусульман **Советской России**, в пограничных мусульманских странах следует их возбуждать и обострять, не пренебрегая поддержкой интриг, споров, зависти между купцами, **шейхами** и другими заметными личностями. Нужно воспользоваться тем обстоятельством, что у многих восточных народов не завершился процесс формирования литературного языка, и помешать возникновению мощных литературных языков, объединяющих несколько народов. В этой связи следует опираться на современные процессы приближения литературного языка к народному и придавать большое значение диалектному раздроблению литературных языков **восточных** народов. Ввиду того, что у этих народов крайне малочисленны деятели культуры и мыслящие люди, не составит большого труда **внести** в их среду разлад и разброд, с тем, чтобы впоследствии **совсем** их уничтожить. **Турар** предоставил мне еще целый ряд других важных документов, которыми следовало воспользоваться на съезде, и предложил их размножить и распространить.

Я был в одежде деревенского туркмена и поэтому никто из спутников **Турара** на меня внимания не обратил. На станции **Джебель** мне удалось сойти с поезда никем не замеченным.

Пароход, на который мы рассчитывали, в тот день с отплытием задержался. Завершив кое-какие дела в **Кисловодске**, я пришел в порт. Оказывается, какое-то военное судно должно отплыть в Баку. Отправившийся в качестве «представителя **Азербайджана**» в **Турцию** **Абилов** с помощниками едут из **Ташкента** в Баку, и этот пароход предназначен для них. Я спросил одного из охранявших судно часовых, не смогут ли они взять с собою и меня. Он не возразил, и я поднялся на палубу. Туркменские солдаты, указав на рогожу, лежащую на палубе, сказали: «Вот Ваше место». **Абилов**, которого я знал лишь понаслышке, с помощниками занимал верхнюю палубу. На нижней палубе, где устроился и я, находились около сорока туркменских воинов вместе со своими лошадьми. В качестве запасов провианта они везли с собой несколько голов овец. В **Анкаре** эти солдаты в экзотических туркменских национальных одеждах должны были нести службу в качестве охраны советских представителей. К вечеру пароход отчалил от берега, а ночью начался шторм. К по-

луночи ветер усилился, порою **казалось, что судно** заняло вертикальное положение. Впоследствии мне ни разу в жизни не довелось наблюдать шторм такой мощи. Лошадей завели в трюм корабля, остались лишь овцы, но часть из них вместе с тюками сена волной смыло в море. Туркменские солдаты взяли с собой большое количество арбузов. Воины **мучались** морской болезнью, арбузы срывались с места, **катались** по палубе, как мячи на футбольном поле. Разбиваясь, они налетали на солдат. Оказалось, что я не подвержен морской болезни. В полночь, когда шторм пошел на убыль, ко мне подошла стряпуха и сказала: «На верхней палубе приготовлен ужин, но все больны, им не до еды, идите **покушайте**». Поднялся. Для знатных путников были приготовлены жареные курицы, стол изобиловал различными фруктами, вином, были поданы и отменные хорезмийские или чарджоуские дыни. Утолив голод, я устроился на роже, указанной мне в качестве постели, и крепко заснул. К утру шторм утих. С доброй женщиной, щедро накормившей меня ночью, мы долго беседовали. Я написал записку товарищу **Абилову** и попросил женщину вручить ее только после моего исчезновения с корабля. В записке же я писал: «Уважаемый товарищ **Абилов!** Я был гостем на вашем судне. Из-за шторма вы пренебрегли трапезой, но я попробовал отменные яства, приготовленные для вас. Выражаю благодарность за гостеприимство и столь щедрое угощение, желаю Вам больших успехов. Председатель ревкома Башкортостана и член ВЦИК **Заки Валидов**».

Пароход пришвартовался к гавани. Отдав записку женщине, я сошел с трапа и скрылся в толпе. Записка действительно была вручена **Абилову**, он об этом позже рассказал Турару **Рыскулову** и сказал, что, даже обнаружив меня на корабле, не стал бы выдавать чекистам. Но Рыскулову его слова показались неискренними, он заподозрил **Абилова** в том, что тот попытался вызвать Турара на **откровенность**.

В Баку я напрямик направился в «Центр партии тюркских коммунистов», встретился с **Мустафой Субхи**. Он объяснил мне, что я буду здесь в качестве гостя азербайджанца, члена этой партии Амина **Эфендизаде** и Вели Ибраимова, ставшего позже главой Крымской республики. «Не бойтесь», — сказал он, уверенный в моей безопасности. Амин Эфендизаде родом из Баку, в 1917 году был направлен партией Муссават в Туркестан, там мы и познакомились. Впоследствии он прибыл в Турцию, думаю, что до сих пор он вместе со своей супругой-татаркой живет здесь.

Чекистам и в голову не могла **прийти** мысль искать меня в помещении коммунистической партии, там я чувствовал себя как в крепости. Мы ежедневно встречались с киргизом Ибрагимом **Джуназаковым** и обсуждали содержание предстоящих выступлений наших делегатов и подлежащих принятию резолюций. **Резолюции**, подготовленные мною, предлагались на **заседаниях** Джуназаковым или башкирским делегатом **М. Халиковым**. На одном из заседаний председательствующий **Карл Радек** сказал: «Товарищ Джуназаков, может **быть** в Вашем кармане найдется готовая резолюция, прочитайте!» Ибрагим испугался, посчитав, что замечен в доставке на заседания заранее подготовленных кем-то постановлений и решил быть осторожнее, больше со мной встречаться не стал. Однако **Рыскулов**, мой **бывший** адъютант Габдрашит Бикбавов, **А. Адигамов** продолжали регулярно со мной встречаться. С их помощью мне в полном смысле этого слова удалось принять активное участие в работе Бакинского съезда народов Востока. На этом съезде **были** и прибывшие в **это** время в Москву **Энвер-паша**²¹, Бакир **Сами-бей** и Юсуф Кемал-бей. С ними я, понятно, не встречался. Они бы и не желали встречи со мной. Если бы я вздумал прийти к ним сам, тут же был бы арестован. Тем не менее Энверу-паше стало известно о моем пребывании в Баку, и через третьи лица он выразил свое **отношение** к моим последним действиям. Он, как и Джемал-паша, не одобрил мой разрыв с Советами.

Бакинский съезд дал нам возможность заново и всесторонне проанализировать планы, принятые ранее в Москве, прийти к решению базироваться в Бухаре и предпринять для этого практические шаги. В Астрахани меня будут поджидать Харис **Юмагулов**, мой шурин **Талха Расулев**, и мы с ними направимся через Гурьев и Устюрт в Хорезм.

Перед самым завершением съезда я отправился в путь. Учитывая, что в порту и на железнодорожных станциях я легко могу оказаться в руках чекистов, из Баку до Сумгаита нанял фаэтон и только в Сумгаите сел на поезд, в котором ехали Муллаян **Халиков** и Габдрашит Бикбавов. Они, воспользовавшись тем, что я, как и они сами, был членом ВЦИК, сумели подготовить документы, и я в купе вместе с ними спокойно доехал до Петровска. С этими самыми близкими друзьями я попрощался в поезде. Повстречаться мне с ними в этой жизни больше не было суждено. Они вернулись в Башкортостан, до последней возможности постарались быть полезными нашему народу. О том, что никто из них не остался в живых в ходе репрессий 1937 года, я узнал лишь в

1943 году в Германии от военнопленных солдат из Башкортостана.

Письмо
в ЦК РКП,
написанное
мною
12 сентября
1920 года

С неким **Загимом-эфенди**, проживавшим в городе Петровске, я был знаком заочно, через **третьи** лица. Остановившись у него, я отправил письмо в четырех экземплярах, адресовав их Ленину, Сталину, Троцкому и **Рыкову**²². Это письмо, написанное мною 12 сентября 1920 года, впоследствии стало широко известным. Оно было распространено и моими друзьями, участниками Бакинского съезда. Экземпляр письма в 1923 году мой земляк Усман Тукумбет привез в Берлин и позже вручил мне самому. Краткое содержание письма, где были отражены целый ряд мыслей, которых в то время никто не осмелился бы высказать прямо в лицо Ленину и Сталину, мною были опубликованы в книге «История Туркестана» (стр. 403—407). В письме было написано следующее:

«Из начатой ЦК РКП(б) политики становится ясно, что и Вы, как и **Артем**²³ с товарищами, в политике по отношению к восточным нациям хотите принять за основу идеи настоящих русских шовинистов. Товарищ Троцкий, проанализировав в Уфе все эти вопросы, понял, **что** все дела этого человека* представляют собой цепь провокаций. Вне всякого сомнения, он эти вопросы в Центральном Комитете осветил правильно, тем не менее новая империалистическая политика осталась господствующей.

Возглавлявшие Туркестанскую комиссию товарищи Фрунзе и Куйбышев, как ранее и Троцкий, проводимую ЦК политику считали двуличной, нечестной и открыто говорили об этом на заседаниях, состоявшихся после отстранения от руководства Рыскулова и меня. Наши же друзья, являющиеся членами партии, должны будут способствовать господству старого, традиционного русского империализма в замаскированной форме. О том, что среди народов Туркестана будут искусственно подогреваться классовые противоречия, что такие местные националисты, как Рыскулов и **Валидов**, подвергнутся разоблачению в качестве классовых врагов местного пролетариата, среди местной интеллигенции будут подготовлены «октябристы» — люди, верные русскому империализму, и мы будем вытеснены ими, — обо всем этом открыто говорилось на заседаниях Туркестанской комиссии. Только знайте, мы не станем надуманными классовыми вра-

* Имеется в виду **Ф. А. Сергеев (Артем)**.

гами местных крестьян и не покоримся попытке сделать нас объектом всеобщего глумления. Возможно, вы найдете жертвы, которые вам так нужны, но мы ими не станем. Съезд восточных народов в Баку ясно продемонстрировал нашим землякам — его участникам, — что посягательство на права **туркестанцев** — не дело отдельных местных коммунистов, а собственная политика ЦК.

Поведение членов ЦК Зиновьева и **Радека** на съезде напоминало действия комиссаров, вышедших навстречу толпе невежественных сельчан на крестьянских съездах, созданных в **1917** году, непосредственно после революции. Выступления делегатов по подготовленным на родине текстам прерывались окриком и угрозами. С помощью охранявших съезд красных солдат заставляли их молчать и принимать заранее подготовленные и присланные из Москвы решения. Принижение проблем восточных наций до правовых вопросов местного уровня, сведения их к проблеме села неопровержимо доказывает, что ЦК ведет свою политику в ложном направлении. Искусственно подогреваемые классовые противоречия в селениях восточных районов ЦК сможет поддерживать лишь путем террора. В своих замечаниях о тезисах товарища Ленина по колониальному вопросу, которые затем были зачитаны им на съезде Коминтерна, я уже писал, что на Востоке социальная революция не осуществима на основе искусственного классового расслоения, что социальная революция здесь — дело чрезвычайно сложное. Если капиталисты и рабочие европейских наций, **объединившись**, стремятся к завоеванию колоний, то крестьяне и рабочие колониального Востока будут также вынуждены объединяться со своими богачами. Видя, что среди восточных народов нет проявлений классового **расслоения**, вы тем не менее обвиняете их интеллигенцию, превращая одну ее часть «в мелкобуржуазного националистического классового **врага**», а из другой части делаете «**левых октябристов**». Не раз и этих «**левых октябристов**» вы будете выводить в число классовых врагов. Уничтожив их, вы будете формировать все новых и новых «**левых октябристов**». Наконец, таким образом вы останетесь лицом к лицу с неграмотным местным крестьянином, не знающим ничего, кроме своего осла и быка, лопаты и мотыги. Я не верю, что вы сумеете преодолеть **ваше** недоверие к местной интеллигенции в масштабе всего Туркестана. В крайнем случае предоставили бы местной интеллигенции возможность заниматься восстановлением жизни на территории Советской Бухары, созданной после бегства **эмира**».

Здесь же членам **Политбюро** и секретарям ЦК Н. **Крестинскому**²⁴ и Е. **Преображенскому** я написал письма следующего содержания: «Наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения, о возможности осуществления социализма в условиях продолжения господства (в видоизмененной форме) великих наций над малыми, к сожалению, серьезно разошлись. Тем не менее как человек, стремящийся сохранить Свою честь, я в своих чувствах к вам обоим и некоторым другим коммунистам был предельно искренен. Встав на путь открытой борьбы против Советов и **коммунистов**, я обманул не вас. Я обманул таких двуличных государственных деятелей, как Сталин, тех, кто был вероломен по отношению ко мне. Есть товарищи, предупреждающие, что появляется коварный, лицемерный диктатор, бесчестно играющий человеческими судьбами, попирающий чужую волю. Они открыто говорят о том, что внутри партии зарождается страшный террор. Я опасюсь, что может наступить день, когда и ваши головы полетят с плеч. Я не стану ждать, когда мне отрубят голову. Если суждено погибнуть, пусть это случится в открытом **бою**».

Эти письма не остались незамеченными. Сталин предпринял несколько попыток вернуть меня в Москву, заманив некоторыми обещаниями. Одной из подобных мер стала отправка татарского интеллигента Усмана Тукумбета в места моего предположительного пребывания — в Ашхабад, Бухару и Самарканд. Но я остерегся встретиться с ним. По словам Рыскулова, высказанным в 1922 году, Ленин якобы сказал Рудзутаку²⁵, назначенному в то время руководителем Туркестанского правительства, что «если бы мы не были излишне подозрительны к **Валидову**, он не сбежал бы в горы Туркестана». В собрании сочинений Ленина, изданном в 1933 году под названием «Национальные и колониальные **вопросы**» (стр. 122), говорится следующее: «Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «**угнетатель**», «**мошенник**»».

Крестинский, с которым я познакомился еще в 1915 году в Уфе, и Е. Преображенский были казнены после того, как в 1937 году они под пытками признали свою вину по предъявленным им позорным обвинениям. С Крестинским я встречался в 1924 году, когда он был советским послом в Берлине. Он вспомнил мое письмо, отправленное из Петровска, и пошутил: «Значит, Вы веревку виселицы накинули на наши

с Преображенским шеи, а сами спаслись?» Естественно, он тогда не мог предвидеть, что через тринадцать лет эта веревка найдет их шеи. Он тогда посоветовал мне пока не менять гражданства и оставаться гражданином Советского **государства**. Но на мой вопрос: «Может быть, Вы порекомендуете мне вернуться в **Россию?**», — он ответил: «Нет, оставайтесь здесь, но гражданства не **меняйте**».

Из Дагестана в
Хорезм

Побыв в Петровске несколько **дней**, я сел на маленькое суденышко, курсирующее в дельте Волги. Будучи еще в Баку, я отправил одного солдата в Астрахань, чтобы известить **Талху** Расулева и Хариса **Юмагулова** о месте встречи на пристани «Двенадцать **футов**». По чистой случайности они прибыли на место встречи в то же самое время, что и я. Сев на рыбацкую парусную лодку, мы поплыли в Гурьев. Здесь, в рыбацкой части города, жгли огромные кучи воблы высотой с дом и эти костры распространяли отвратительное зловоние.

Когда мы доплыли до местечка Канбакты (русское название — Жилая Коса), ветер переменялся и погнал воду на юг. Из-за образовавшегося мелководья лодка не могла приблизиться к берегу и остановилась от него на расстоянии около двух верст. У нас было мало и пищи, и питьевой воды, почти на сутки мы застряли в море и лишь 17 октября смогли доплыть до Жилой Косы. Это был поселок рыбаков и пристань нефтяников Доссор. Представились как казанские торговцы, стали гостями казахов. Однако они сказали, что мы на татар не похожи, скорее истяки (так казахи называют башкир). Казах пожилого возраста, оценив наше происхождение и сказал: «У истяков есть большое войско, у них объявился предводитель Заки **Валиди**, говорят, собирается захватить и нате **Канбакты...**» Услышав эти слова, мы вздрогнули от неожиданности. Но вскоре поняли, что все эти слухи он передавал нам без задней мысли. Сказав, что желаем купить овец у рода **Адай**, в Устюрте мы нашли проводника с верблюдом и лошастью, условились, что он доставит нас до местности сам.

Чтобы питаться по дороге, мы купили у **адайцев** несколько овец, мясо засолили и поместили в кожаные мешки — **турсыки**, из бараньей крови сделали бужа (кровяную колбасу). Путь свой мы продолжили по восточному берегу реки Чим.

Не доходя устюртских кочевий, в местечке **Кандырали** мы встретили казахский род, собравшийся на матем (траурное собрание). Предводитель этого рода оказался рьяным

сторонником Советов. Мы опасались, что и он придет на «ма-тем», но, к нашему счастью, он не появился. Наступило похолодание, и мы купили у казахов шубы, а они оказались вшивыми. Сбежав от большевиков, мы подверглись нашествию вшей. Отсюда по устью реки **Жавынды** мы вышли к Устюртским возвышенностям, называемым «**Чин**». После трехдневного пути достигли Сама.

Спустя три года после тех событий, очутившись в Иране и исследуя в Мешхедской библиотеке средневековые рукописи, я обнаружил путевые заметки Ибн Фадлана, арабского путешественника, достигшего в **921** году владений волжских булгар через Хорезм. Каково же было мое изумление, когда я выяснил, что наш путь в Хорезм полностью совпал с маршрутом Ибн Фадлана, совершенным ровно тысячу лет тому назад! Река Жавынды упоминается у Ибн Фадлана как **Ягынды**, а река Чим — под тем же названием. Место под названием Шам упоминается и в «Истории **Хорезм-шахов**». Арабский географ Якут **Хамави**²⁶ (**1178—1229**) называет его «**Мангышлакский Шем**». Это название можно найти в одном арабском стихотворении, где речь идет о завоевании этих мест **хорезмшахом Атсызом**²⁷. В то время хорезмшах в этих местах, на границах своего государства, повелел воздвигнуть мощную крепость. От нее **сохранилась** лишь мечеть. Имам этой мечети накормил нас верблюжьим мясом.

Нас продолжали терзать вши, «купленные» у **казахов...** До этого дня я носил с собой бинокль и некоторые военные одежды, из книг «**Бабур-наме**»²⁸, «Капитал» Маркса и еще кое-что. Все это я оставил у **имама**, прихватил лишь **револьвер**. И очками не пользовался, пряча их в кармане. Выехав из этой мечети, мы направились к казахам **рода Адай**. Через **несколько** дней мы увидели среди песков несколько ветхих черных юрт и стали гостями их обитателей. **Старый** казах этого рода в **нашу** честь зарезал овцу и устроил угощение.

Казахи до сих пор весьма смутно представляли происходящую в России советскую революцию. Знали, что царские деньги отменены, но и советские деньги не признавали, продолжали пользоваться «**керенками**». Старик расспросил нас о политике Англии, Японии и Китая. Он достаточно здраво судил о новостях и слухах двух-трехмесячной давности. А большевизм объяснил так: мол, после свержения царя весь русский народ впал в беспробудное пьянство, в результате чего и появилась эта власть.

К каравану, к которому должны присоединиться и мы, народу **прибыло** много. Казахи собирались в хорезмийский город **Кунград** на базар. Кто будет верховодить караваном,

было неизвестно. Передвигались ночами, утром делали привал, собирали саксаул, разводили костер, грелись, сняв рубахи, стряхивая вшей в костер, испытывая удовлетворение от их гибели в огне. Через несколько дней достигли развалин города и крепости **Белеули**. Здесь между двумя большими родами **адайского** племени казахов возникла тяжба из-за скота, возвращенного той и другой стороной друг другу с целью улаживания давнего конфликта, возникшего в результате барымты.

Для разрешения спора представители обоих родов явились к своим правителям — беям. Однако решение собственных беев не удовлетворяло то одну, то другую сторону тяжущихся. Как только мы прибыли, к нам обратились с обеих сторон: «Вас послал к нам сам Аллах, будь нам беём (правителем)». Я отказывался, сказав, что **не** знаю ни сути, ни подробностей тяжбы. Они на это ответили: «Вот и хорошо, что не знаете. Наши правители слишком хорошо знают эти подробности и поэтому каждый раз одна из сторон оказывается недовольной вынесенным решением, и оно не **принимается**». «**Не** в этих ли краях исполнял обязанности бея **Едигей?**»²⁹ — спросил я. Им очень понравился этот вопрос. «Ты настоящий **бей**», — сказали они.

Едигей — видный политический и военный деятель, правивший Золотой Ордой в XV веке. При бегстве из Золотой Орды в Хорезм и Самарканд он проезжал по этим местам и по просьбе здешнего народа разрешил тяжбу о том, кому должен принадлежать спорный верблюд. Он вынес мудрое решение, и его справедливость до сих пор упоминается в казахских сказаниях — дастанах, один из которых называется «**Верблюд Едигея**». Казахи очень обрадовались **тому**, что я знаю эту легенду. За время, пока варилось мясо, я изучил дело и сказал: «Если вы согласны принять мой суд всерьез, я **готов**». Они согласились. Я попытался справедливо разрешить спор между двумя родами, враждовавшими с незапамятных времен. Отнятый в ходе набегов скот я велел отдать друг другу. Не покидало ощущение, что они на словах согласятся с моим решением, но когда мы уедем, не возвратив друг другу угнанный скот, с новой силой возобновят стычки, споры и бесконечную тяжбу. Мы продолжили свой путь. Прошло четыре месяца, из Актюбинска в Бухару прибыли казахские представители и поведали, что суд между **адайскими** родами дал положительный **результат**. Они **вернули** друг другу весь угнанный **скот**. А **Алихан** Букейхан³⁰, очень хорошо знавший род **адайцев**, прислал мне **приветственное**

письмо, где писал: «Тебе удалось залечить рану казахского народа, которая так долго кровоточила и **гноилась**».

Двенадцатого октября мы достигли склонов горы Чин со стороны Хорезма. Эти возвышенности арабские географы X века называли «Хорезмийскими **горами**». А вот и Хорезмийские равнины. Через день мы приблизились к стенам первого хорезмийского города — **Кунграду**. Здесь нас у городских ворот ждал упомянутый мною башкирский интеллигент Хурматулла Идельбаев.

Кунград — центр одного из вилайетов хивинского ханства, поселение, состоящее всего из нескольких сотен домов. Однако этот город в исторических источниках прошлых веков занимает такое же место, какое занимает Гамбург в Германии, Манчестер в Англии или Шанхай в Китае. «**Кунград**» — название одного из знатных татарских племен, прибывших вместе с потомками **Чингисхана**³¹ с Востока. На старотюркском их называли «**Кунурлар**», а на монгольском — «**Жем**». Потомки кунградов порознь расселились среди казахов и узбеков. Город был основан задолго до нашествия русских, еще во времена господства золотоордынских ханов, князьями **кунградского** племени, управлявшими областью в то далекое время.

В арабских книгах X века по географии, где имеются сведения и по истории тюрков, упоминается название «**Бакырган**». И сейчас северо-западнее города есть кишлак **Бакырган**, где находится мавзолей известного суфия XII в. шейха **Хаким-Ата Бакыргани**. Творчество **Хаким-Ата Бакыргани**, давшего тюркским народам стихотворные произведения религиозного содержания, было изучено главным образом русским востоковедом **Залеманом**³² и турецким профессором **Фуатом Кёпрюлю**. Книга **Хаким-Ата** под названием «**Бакырган**», многократно переизданная в Казани начиная с 1857 года, служила целое столетие в качестве учебника в начальных школах — мактабах. И мне в детстве на уроках по исламу доводилось учить наизусть эту книгу духовного содержания на родном **тюрки**.

Наш каравая, приблизившись к **Кунграду**, сделал остановку в ауле **Бакырган**, длившуюся около часа. Воспользовавшись этим, я посетил мавзолей суфия, за которым присматривал старик, далекий потомок самого шейха. На страницах одной из книг этого почтенного старца я записал стихи **Хакима**, сохранившиеся в моей памяти:

Султан, одарив кого-то халатом, обратно не заберет,
Отнимет ли Аллах у человека веру, однажды ею одарив?
Дервиш гордо оседлает льва, погонит его змеей

вместо плети,

Но смиренно прислонит голову к стене и станет на колени,

прося у **Бога снисхождения**.

Я слышал также, что другой потомок шейха по имени **Ибн Йамин**, человек образованный, **присоединился** к движению хивинцев за национальную самостоятельность. Но стать его дома мне не удалось.

Мой давний
друг
Хурматулла
Идельбаев

В **Кунград** мы прибыли в заранее намеченный срок — к концу октября, но сюда из Башкортостана никто кроме **Хурматуллы** еще не приехал. Мы узнали, что **некоторые** из них добрались до **Хивы**. Когда приблизился срок нашего прибытия, **Хурматулла** ежедневно выходил к городским воротам и встречал каждый караван, надеясь встретить нас. Наконец, увидев нас, он от радости не удержался от слез. Я сказал ему: «Прежде всего спаси нас от вшей». Он ответил: «Однако первым делом нужно нанести визит здешнему узбекскому бию **Баба Беку**, управляющему этим вилайетом от имени **Джунаид-хана**. Я ему заранее сообщил, что прибывают мои земляки».

Мы зашли в чайхану и попили чаю с лепешками с изюмом, испеченными на масле. Это была первая пища, которую мы взяли в рот после **Канбакты**. Затем направились к **Баба Беку**. Он восседал в управлении вилайетом на диване, обложенный подушками. Встретил благосклонно, предложил чаю, расспросил о российских делах. Мы ответили коротко, стараясь не выдать, что и сами связаны с политической деятельностью. Однако сказали, что желали бы встретиться с **Джунаид-ханом**. Он ответил: «Хана вы сможете увидеть в **Ургенче**». Я высказал просьбу дать нам рекомендательное письмо, на что он согласился.

После встречи с **беком** мы с **Хурматуллой** и с его знакомым татаринном по имени **Закир**, прибывшим сюда из **Оренбурга**, пошли в приготовленное для нас жилье. Тотчас купив на базаре белье, европейские сорочки, хиванские **сапаны** (халаты), мы направились в баню. Там мы сбрили все волосы, где бы они ни росли. Вшами была покрыта не только голова, но и подмышки. Всю одежду мы сожгли в печи бани, так как здешний бедный люд был готов любую одежду вытащить даже из огня. Они, недовольные такой расточительностью, на-

помнили нам тюркскую поговорку: «Осерчав на вшей, шубу не жгут». После бани, облачившись в свежее белье, мы почувствовали себя словно вновь родившимися и **беспробудно** проспали 20 часов.

В **Кунграде** у нас особых дел не было. Наш друг **Харис Юмагулов** откровенно признался нам, что он не сможет вынести тяготы подобных путешествий и такой жизни и попросил разрешения выехать в сторону Сырдарьи, чтобы впоследствии продолжать свою деятельность подпольно в Башкортостане или Казахстане. Действительно, мы видели, что он плохо переносит суровые условия быта и путешествия по Туркестану и заверили его, что достигнув Чимбая, он расстанется с нами и направится в сторону Сырдарьи. Мы решили также, что **Талха Расулев** не поедет в Чимбай, а останется в Кунграде и будет вести наши дела на левом берегу Амударьи. Всем троем мы купили верховых лошадей.

Кунград полностью населен тюрками, однако древняя хорезмийская культура продолжала здесь господствовать. Дома построены в виде летних жилищ, отделены друг от друга высокими и толстыми глинобитными заборами. Оросительная система, базарная жизнь сохранились в том же виде, в каком они отражены в средневековых книгах, описывающих историю Хорезма. В памяти осталась одна подробность: арабский ученый **Якут Хамави**, посетивший Хорезм в XIII веке, написал: «Улицы Хорезма полны эскрементов, так как все жители оправляются на **улице**». Хозяйка дома, где мы проживали, заметив, что мы по нужде заходим в конюшню, недовольно кричала: «Не оправляйтесь там, конюшня — что дом, там чисто, шли бы на улицу!» Действительно, скотные дворы здесь очень чистые, а вот улицы заполнены испражнениями жителей, которые оправляются здесь, особо не стесняясь, лишь скрыв голову под высоко поднятой полой длинного халата.

Хурматулла и татарин **Закир** занялись торговлей и подзаработали денег. За день до нашего отъезда они привели нас в один дом. И жена **Хурматуллы** была с нами. Там нас встретила женщина средних лет, были приготовлены самые различные угощения, предложили даже густое вино, изготовленное из сушеного винограда, по вкусу напоминающее «**Бордо**»*. Две девушки, предлагая вино в пиалах, пели тихим голосом, опасаясь, что они могут быть услышаны **на ули-**

Хурматулла, прочитавший множество книг о культуре самых разных народов мира, сказал: «В сущности, они представляют собой японских гейш на хорезмийский **лад**». То, что он на это сомнительное пиршество привел и супругу, объяснялось желанием придать нашему посещению вид некоего семейного праздника. Супруга **Хурматуллы** обладала достаточно широким взглядом на жизнь и была способна прощать человеческие слабости. Она и раньше была известна нам своей человечностью и душевной щедростью, сам **Хурматулла** также отличался терпимостью. Тем не менее, нашего «муфтия» **Сагита Мираса**, имевшего слабость к прекрасному полу, **Хурматулла** подвергал достаточно резкой критике, обвиняя его в том, что из-за таких, как он, на нашей родине появились женщины легкого поведения, которых **никогда** до сих пор не водилось у нас. В этой связи мне вспомнился давний случай, происшедший в **Темясово**. На одном из дружеских застолий, обсуждая все эти вопросы, я напомнил о событии X века. Арабский военачальник **Ибн Кайиглык**, пользовавшийся большим авторитетом в войсках, надежно защитил рубежи страны от Византии и для всех пересекающих границу ввел строгий досмотр и паспортную систему. Арабский поэт **ал-Мутаннаби**³⁸, которому порядком надоели эти строгости досмотра и проверки документов, написал следующее: «Ибн Кайиглык хорошо охраняет дороги между Римом (Византией) и миром ислама, но самая доступная дорога, вопреки наибольшей защите, проходит между ног его собственной супруги». Мой шурин **Талха Расулев** также имел слабость к вину и женщинам, возможно, после нашего отъезда он не преминул воспользоваться ласками этих гейш.

Я еще раз встретился с **Бала Бек**ом, исполнявшим обязанности правителя вилайета, **взял** у него рекомендательное письмо для вручения **Джунаид-хану**. Письмо я зашил в подкладку верхней одежды. **Хурматулла** должен был ждать здесь остальных наших сподвижников. Объяснив ему, что он должен делать в дальнейшем, мы вместе с **Харисом** выехали в Чимбай. **Хурматулла** долго провожал нас. Когда я предложил ему через два месяца прибыть в Бухару, он ответил: «Будет гораздо лучше, если я останусь здесь и стану слугой нашего движения в этой округе. Позволь мне, грешнику, умереть рядом с **ходжой Бакьрганом**».

Под воздействием русской литературы **Хурматулла** был нигилистически настроенным интеллигентом европейского типа, но со временем вновь стал мусульманином. Возможно, претерпели эволюцию и его нравственные понятия. При прощании он плакал, как малое дитя. Мне не суждено было больше с ним встретиться. Я вспомнил его отца, переводчика

* Французское вино.

Сафаргали, который, несмотря на свой преклонный **возраст**, в самом начале нашего движения оказал нам столь большую помощь. Внешне **Хурматулла** был копией своего отца. Расставшись с ним, под мерное движение наших коней я еще долго вспоминал его отца и брата Габдуллу Идельбаева, офицера, предательски убитого в Баймаке красными в самом начале национального движения, когда мы только-только начинали создавать башкирские воинские формирования.

Дорога в Чимбай, расположенный на расстоянии около 80 километров от **Кунграда**, проходит через болота в дельте Амурарьи. Во многих местах лошадей приходилось переплывать через каналы и озера на небольших лодках. Как описывается в старых исламских книгах по географии, **здесь** водилось очень много кабанов.

В Чимбае действовало джадидистское (новометодное) медресе. Мы остановились у одного **татарина-мугаллима** — учителя этого медресе. Нас предупредили, что здесь широко распространен сифилис. **Мугаллим** сказал нам, что многие дети поражены этой болезнью от рождения. В этот вечер предложенную нам пищу мы ели, преодолевая большой внутренний страх. Позже, после образования Каракалпакской Советской республики, местная интеллигенция, подготовив большое количество врачей, победила эту ужасную болезнь. Но в 1920 году положение было удручающим.

Прощание с Харисом

С Харисом Юмагуловым мы простились здесь. Его откровенное признание в том, что он не сможет вынести подобные непривычные для него тяготы борьбы за родину и веру, не охладили мои теплые чувства к нему. Впоследствии он перешел на сторону Советов, был прощен и вновь принят в партию. Спустя несколько лет до нас дошли слухи, что его снова исключили из партии. Короче, и с Харисом после этого нам не суждено было свидеться. Это был человек большой внутренней энергии. Я пытался внушить ему, что вне России нас ожидает новая судьба. Но из-за ограниченности полученного им воспитания и образования он проявил нерешительность, отступил назад. Харис был моложе меня и в нашей дальнейшей борьбе, продолженной в Турции, был бы полезен. Перед отправлением в обратный путь он многократно просил простить **его** за проявленную слабость. Я пожелал ему доброго пути, сказав: «Пусть Аллах держит твою дорогу открытой, молись за нас!»

Наши интеллигенты Харис Игликов и Саитгарей Магазов, расставшиеся с нами и вернувшиеся на родину, были

убиты **большевиками**, едва ступив на порог отчего дома. **Хариса Юмагулова**, как бывшего коммуниста, не стали расстреливать, однако и житья ему не было, будущее у него оказалось мрачным. Ответ Хариса на статьи Самойлова, **Мостовенко** и других о событиях в Башкортостане, опубликованные в советском журнале «Революционный Восток»³⁴, спустя несколько лет я прочитал с **большим** волнением. Позже я узнал, что его статьи и вовсе перестали публиковать в советских органах печати.

Я слышал, что в Чимбае среди каракалпаков есть народный поэт по имени **Нуриддин**. Мне хотелось увидеть его. С этим старцем, прекрасно знающим древние тюркские сказания, в особенности каракалпакские и казахские легенды, встречался собиратель и исследователь фольклора Востока **Беляев**³⁵ и записал из его уст отрывки дастанов и легенд. Мне удалось встретиться с поэтом. Он наизусть **знал** дастаны о Едигее, Тохтамыше, **Тимуре**³⁶, и я постарался все записать. Среди записанного мной были сведения о беседе известного деятеля Золотой Орды Едигея с другом и **валием** (губернатором) Тимура в Хорезме **Шахмаликом**. Об этом событии мне еще нигде не приходилось слышать. Но этот же дастан я услышу несколько лет спустя в 1925 году в Констанце из уст ногайца, уроженца Добруджи. По странной случайности и этого сказителя звали Нуриддин. Однако каракалпакский акын Нуриддин был самым выдающимся, самым сведущим из всех кипчакских сказителей, которых мне довелось слушать на своем веку. Он с большим волнением повествовал никому до этого не известные места из дастана о Тимуре и Едигее, где события были связаны с Хорезмом; о том, как Едигей вместе с **Шахрухом**³⁷ потерпел поражение от собственного сына **Нуриддина** и попытался найти **прибежище** у хорезмийского эмира **Шахмалика** Билгивута, изложил содержание их **беседы**. Отвечая на поэтическое обращение Едигея, **Шахмалик** описывает период правления Тимура как золотую пору в жизни двух поколений, а о себе говорит следующее: «Я тот, кто мог разжечь огонь на льду, зажарить целого оленя, не разделав тушу; в глазах моего хозяина Тимура был знатным человеком, зеницей ока; в сражениях я был храбрым сподвижником этого великого воина. Ты тоже исполнен величия, мой Едигей, но даже в небольшом городе **Вашкалы** нет тебе пристанища. Помиришь же с сыном **Нуриддином**, прижми его к **сердцу**».

Между **Кунградом** и Чимбаем и по дороге к Нукусу живут башкирские роды, поселившиеся здесь несколько веков назад. Их называют здесь башкирами или истяками, а назва-

ние их родов — Манканай, Кайипназар, Кара **Теренчи** и **Калмуртайлы**. **Каракалпаки**, как и башкиры, делятся на тубы (единицы управления) и народные собрания, как и мы, называют «**йййын**». По дороге к сказителю дастанов **Нуриддину** я посетил и этих башкир. Сами они считают, что их предки прибыли сюда в седьмом и восьмом колене. Возможно, это случилось в XVIII веке во времена Каип-хана, однако какая-то часть переселилась еще раньше. Более поздние переселенцы присоединились к ранним. В эпоху правления **кунградских** биев первый поток башкирских переселенцев принимал участие в важных политических событиях.

Туркменские
басмачи из
Куня-Ургенча*

Чимбай административно относился не к **Хи-Амударьинскому** уезду с центром в **Турткуле (Петроалександровск)** с русским начальством во главе. Распространился

слух, что сюда из **Казалинска**, расположенного на **Сырдарье**, движется отряд красных. Поэтому я решил, наняв провожатого, через два дня отправиться в путь. 2 ноября я прибыл в **Нукус**. Сегодня это крупный город, центр **Каракалпакской** республики, а тогда представлял собой небольшой поселок. **Переночевав**, на следующий день я доехал до поселка **Ходжейли**, что на западном берегу **Амударьи**. Это древний **хорезмийский** городок, который арабы называли **Ардахушмисан**. Здешние хозяйства в XIII веке принадлежали **Ибн аль-Фура-ту** — одному из богатых везиров багдадского халифа. Когда по этим местам проходил **Ибн Фадлан**³⁸, управлял ими некий христианин. Халиф разрешил доходы от этих хозяйств передать посольству волжских булгар, разрешив правителям Булгара на полученные ими средства построить пограничные укрепления, а также открыть школы. Во всяком случае доходы этих хозяйств были, видимо, настолько значительны,³⁹ что могли удовлетворить самые насущные потребности целого волжского государства. Однако сейчас я не смог обнаружить здесь никаких достойных внимания исторических памятников. В тот же вечер прибыл я в **Куня-Ургенч**, в котором сохранились развалины столицы древнего **Хорезма**.

Хорезмийцы называли **Ургенч** **Гургандж**, а по-арабски это название звучало **Джуджан**. Когда я прибыл сюда, **Джунаид-хана** здесь уже не было. На том месте, где он обычно останавливался, я встретил одного из **туркменских** биев с его войнами. Они не стали допытываться, кто я такой, предложили чай. **Туркменский** бий спросил, чем я занимаюсь.

* Старый Ургенч

Я сказал, что торговлей и прибыл из **Кунграда**, вручил ему письмо от **Бала Бека**. Письмо он дал прочитать одному человеку из своей свиты и вернул мне обратно. Мне сказали, что хан, может быть, завтра придет сюда.

Мною особо не интересовались. Я спокойно осмотрел развалины древнего города, минарет XII века, мавзолей супруги одного из **кунградских** беков XIV века **Турабек ханум**, якобы до сих пор хранящий ее сокровища, могилы шейха **Наджмедина Кубра** и некоторых других известных личностей. Я был совершенно один, переписал те надгробные тексты, которые мне удалось прочесть.

После завоевания **Хорезма** войсками **Чингисхана** шейх **Наджмеддин Кубра** действительно принимал участие в защите **Ургенча** с оружием в руках, и его убили в тот момент, когда он вступил в схватку с монгольским воином. В последнем для него бою, многократно повторяя имя **Аллаха**, он принял смерть, так и не выпустив из рук монгола, которого схватил за волосы. Освобождать монгола из его рук пришлось, отрезав ему волосы. Этот эпизод красочно описал **Джелаледдин Руми** в одном из своих стихотворений, посвященных шейху **Наджмеддину**. Один из его байтов чудесного рубай я написал на стене мавзолея шейха и подписался своим именем. Интересно, 25 лет спустя, когда русский археолог профессор **Толстов**³⁹ изучал этот мавзолей, моя запись все еще сохранилась?

Пожилой узбек, хранитель мавзолея, поинтересовался смыслом написанного, и я объяснил ему.

«Прах того, кто умер от росы любви, расцветает розой. Роза любви вызывает в мире сотни интриг и войн. Любовь — это прикосновение лезвия к кровеносному сосуду духа. И сердцем назвали каплю крови, просочившуюся от этого прикосновения».

Он старался быть гостеприимным, накормил меня принесенным откуда-то пловом. В это время прибыл посланец **туркменского** бека и передал, что **Джунаид-хан** находится в 5 верстах отсюда в доме некоего богача и при желании можно пойти туда. Оставив своего провожатого, я отправился к нему в сопровождении двух **туркменских** джигитов. Мы приблизились к полуразрушенному дому, вокруг которого было множество воинов. Через сопровождавших джигитов я передал письмо, врученное мне **Бала Бек**ом. Спустя некоторое время меня пригласили в дом. Оказалось, что **Джунаид-хан** сам не прибыл, меня принял один из его приближенных по имени **Анна-Бала**. Он спросил, чем я занимаюсь. Я сказал, что нуждаюсь в конфиденциальном разговоре. Рядом с ним

находились 4—5 человек. Он сказал, что все они надежны, и предложил говорить. Я представился, объяснил цель своего прибытия, сказав о необходимости попасть в Бухару и выразив желание встретиться с мужественным государственным деятелем, не желающим склонить голову перед российским владычеством, а также сообщил, что в будущем надеюсь с ними поддерживать связь. Анна-Бала спросил, не убьют ли меня **джадиды** (т. е. узбекские деятели, пришедшие к власти при поддержке русских), когда я прибуду в Хиву? Я ответил, что надеюсь на лучшее, так как нескольких из них знаю лично и постараюсь убедить, чтобы они не посылали против вас войско из мусульман. Он сказал на это: «Если Вы сумеете убедить их в этом, дайте знать нам. Если Вы пошлете в такой-то дом в таком-то кишлаке в Ташаузе 10 винтовок с патронами, мы поймем, что Ваши слова были **приняты**». Он поинтересовался и последними новостями в мире. Было ясно, что о делах в стране он в какой-то степени информирован. Я рассказал ему и о Бакинском съезде. Оказывается, Джунаидхан также знал об этом съезде, намеревался послать делегата, однако ему не удалось установить для этого нужных связей. Беседа длилась около двух **часов**, мы вместе пообедали. Во время трапезы другой туркменский бий Нияз Бакиши спросил: «Какую политику проводит Англия? Каково положение Турции?» Они рассказали о том, что установили связь с предводителями басмачей Ферганы и некоторых других областей и что главной их заботой является добывание винтовок и патронов к ним. Я объяснил им, что путешествую тайно, и просил о моем пребывании здесь никому не говорить.

Встретиться с **Джунаид-ханом** мне так и не удалось. В Ургенче я видел одного из его сыновей. Впоследствии он переехал в Иран и Афганистан, скончался в селении Теймене вблизи Герата. Когда я второй раз прибыл в Герат, пожелал встретиться с тем его сыном, которого видел в Ургенче. Но к этому времени скончался и он, мне удалось поговорить лишь с внуком Джунаид-хана.

Попрощавшись с Анна-Бала, в сопровождении предоставленных в мое распоряжение трех стражей прибыл в Куня-Ургенч, а на завтра в сопровождении собственного провожатого по дороге Ходжейли направился в Нукус. Переночевал в деревне вблизи Нукуса. Рассчитавшись с провожатым и наняв другого, следующую ночь я провел в Ходжакуле, третью — в Бийбазаре. Мне показалось, что в этом довольно большом поселке один человек узнал меня. Невольно охватило беспокойство, так как Бийбазар административно подчинялся русским властям и гарнизону, находившемуся в Турт-

куле. Но подозрение оказалось напрасным. Этот человек по торговым делам уезжал в Оренбург, оттуда в Нижний Новгород и Москву. В ту пору очки я надевал только при крайней необходимости, носил их в потайном кармане, наряжался как типичный хивинец и старался разговаривать на казахском языке. Но тот человек, несмотря на мою хивинскую наружность и казахское наречие, сказал при встрече: «**Вы** говорите на смешанном татаро-казахском **языке**». На что я ответил: «Я из Оренбурга, живу в Казахстане, занимаюсь торговлей».

И здесь я интересовался историческими памятниками. С провожатым, нанятым в Нукусе, расплатился и отослал его домой. Назавтра направился в поселок под названием Шейх Аббас Вали, который расположен на восточном берегу Амударьи. Здесь сохранились развалины города Кят, древней столицы Хорезма. Глинобитные стены этого города, где жили известные роды древнего Хорезма, родины великих ученых Абу Наср ибн **Ирака**⁴⁰ и **аль-Бируни**⁴¹, до сих пор поражают воображение своим величием. Ни с кем здесь я не встречался, бродил один, осмотрел множество могильных камней, надписей, но из-за отсутствия фотоаппарата не было возможности запечатлеть их для последующего изучения.

Развалины города Кят	После покорения этого города в 1017 году Махмудом Газневи ⁴² знаменитый ученый, принц Абу Наср ибн Ирак принимал войска завоевателя в своем имении в качестве гостей, устроил в их честь пир. Сегодня Шейх Аббас Вали представляет собою небольшое селение. Однако до сих пор здесь можно найти знаменитые хорезмские дыни, которые аббасидский халиф Мамун ⁴³ вывозил в свое время в цинковых сундуках. Я досыта наелся этих дынь, до сих пор называемых «дынями шейха Аббаса ».
----------------------	---

11 августа я направился на пятничный намаз. Имам небольшого роста произнес **прекрасную** проповедь — **вагаз**, цитируя стихи, приводя **хадисы** на арабском, фарси, переводя их на тюрки и подробно комментируя. Потом он посоветовал готовиться праздновать день рождения пророка, который наступит через **неделю**. Запомнились его слова: «Кто утратил **Бога** в душе, кто перестал **почитать** пророка и четырех его сподвижников — праведных **халифов**, тот будет жертвой злых сил, разъедающих его изнутри и сбивающих с пути добра и **истины**». Он произнес на тюрки стихи, смысл которых сводился к обращению к Богу с просьбой, чтобы дьявол не смог сбить мусульман с верного пути, затмить их разум **ко-**

рыстью. Другие стихи примерно такого же содержания, приписываемые великому шейху Хорезма Наджи ад-Дин Кубру, он прочитал наизусть на фарси, смысл еще одного стихотворения, написанного неким хорезмийским ученым, разъяснил на тюрки. Смысл последнего стихотворения сводится к следующему: «Мы безгранично верим и преданы пророку и его четырем сподвижникам. Если однажды мы лишимся этой веры и этой религии, то станем жертвой ужасного чудовища с железными когтями, он нас погубит в бескрайних просторах песчаных пустынь». Своей прекрасной проповедью имам привел собравшихся в большое волнение. Я с восхищением слушал, как он использовал образ дьявола, искушающего человека корыстью, уводящего обманом в пустыню и пожирающего его там. Широко распространенные в народной поэзии образы железных когтей, чудовищных драконов не могли не поражать воображение простых узбеков.

После намаза я поспешил записать запомнившиеся мне стихи в свою тетрадь и пожелал встретиться с имамом. Когда я спросил у одного купца, где можно с ним встретиться, тот ответил: «Он у нас как **Хызыр** Ильяс (странствующий пророк), никогда не пребывает на одном месте. Куда теперь направился, не **знаю**». Было понятно, что он не хочет выдавать его местопребывание, так как опасается, что я могу сообщить властям. Уже много позже мне довелось прочитать, что приводимые имамом в проповеди стихи на арабском языке принадлежали великому поэту Хорезма Али ибн аль-Имрани. Следы культуры Хорезмского государства здесь еще не исчезли бесследно. Разумеется, искусству произнесения столь проникновенной проповеди этот имам научился у своего учителя и в свою очередь тому же учит шакирдов. Однако он еще не знает, что русские коммунисты, обосновавшиеся в Турткуле, будут той силой, которая оторвет народ Хорезма от веры и нравственности.

Приехав в Хиву, я рассказал председателю правительства Ходже Ниязу об имаме и его проповеди, просил обратить внимание на еще живые традиции культуры Хорезма, попытаться сохранить их. В 1921 году молодые члены Хивинского правительства, сбежавшие от Советов в Бухару, рассказали о том, как они пытались оказать помощь ученым богословам и проповедникам не в **Хорезме**, а в Амударьинской области, находившейся под управлением русских, и как эта попытка привела к трагическим **последствиям**. Турткульские коммунисты, узнав, что ученым богословам была оказана помощь, арестовали их, некоторых расстреляли. Меня охватило чувство **раскаяния**. Ведь рассказав об этих несчастных

Ходже Ниязу, я по существу совершил **по** отношению к ним не добро, а ужасное зло.

В Шах Аббас Вали я оставался два дня. Турткульский русский гарнизон находился недалеко, но никто оттуда не приезжал. Ночь я провел в доме вышеупомянутого купца и 13 августа утром, наняв провожатого, верхом отправился в Хиву.

Через Амударью мы переправились на лодках и после обеда достигли Хивы. Мне нужно было найти свою семью, прибывшую сюда из Ашхабада. Мое предположение, что жену здесь устроили учительницей, подтвердилось. Ей подыскали место мугаллимы для детей, и мне удалось легко ее найти. Нашего офицера Усмана Терегулова назначили помощником военного министра Хивинской республики. Из членов правительства я встретил своих старых друзей — муллу Бекжана и Султана Мурата. Первый из них стал министром просвещения, второй — помощником председателя правительства. Мое прибытие для этих друзей было важным событием. Однако я желал, чтобы все это оставалось в тайне, в своем жилище никого не принимал, без крайней нужды в городе не появлялся.

Однажды члены молодого Хивинского правительства во главе с их председателем Пехливаном Нияз-хаджи устроили и хауском дворце в мою честь прием. Лица, к которым они не испытывали полного доверия, например, военный министр Хасанов (казанский татарин), считавшийся сторонником русских, не были приглашены. Состоялся очень хороший, искренний разговор. Пехливан Нияз-хаджи сказал: «Почему же Вы не остались в Москве? Если бы оставались там, насколько **вы** были бы полезны нашему делу». Я объяснил ему: «Если бы была возможность, сидя в Москве, быть полезным народу, я не отступил бы в эти степи и горы». Во время пребывания в Хиве мы подробно обсудили, в каких делах я смогу быть здесь полезен, составили конкретный план работ. Решили, что здесь я буду самое большее полмесяца. Уже в Баку было определено, что к концу декабря я должен быть в Бухаре.

Турки,
таджикцы
и башкиры
в Хиве

В Хиве пришлось много работать. Особенно благоприятным **оказалось** то обстоятельство, что помощником военного министра стал Усман Терегулов, который с 1917 года был одним из самых близких моих помощников в деле организации башкирских воинских частей. Приблизженному Джунаид-хана тотчас были отправлены десять **винтовок** с патронами в назначенное им место. Бу-

дучи в Хиве, я **установил** связь и с туркменским **бием**, с которым ранее уже встречался. В ранние утренние **часы**, когда бывал свободен, я осматривал древние памятники, здания медресе, мечетей и текке (жилища дервишей).

В Хиве находились несколько военнопленных турецких офицеров. Пехливан Нияз привел их из Ташкента и организовал с их помощью военную школу. Руководителями школы были Ридван-бей из **Ускюдара** и Хусейн-бей. Здесь они работали вместе с офицерами наших башкирских войск **Усманом Терегуловым** и **Хусаином Аликаевым**. В школе училось около 100 узбекских парней. Однако хивинских деятелей раздирали различного рода интриги, а представитель Москвы Сафонов старался отстранить от дел турецких офицеров и закрыть школу. Впоследствии эти офицеры, вернувшиеся из России на родину, оказали мне много знаков внимания. Офицеры узбек Миршарипов, ферганец Киргизов были крайне преданы идее национального освобождения. Эти люди и мулла Бекжан приложили максимум усилий для развития в Хиве современной культуры. Если бы не помешали русские, они выполнили бы много полезной работы для нее.

Поскольку Хива представляла собою область, расположенную вдали от железных дорог, я им советовал пока не включаться в басмаческое движение, широко распространившееся в других регионах Туркестана, а спокойно и основательно заниматься своими делами. Перейти к активной открытой борьбе они должны лишь в том случае, если русские, пренебрегая их лояльностью, начнут притеснять местных деятелей, а чтобы не попасть к ним в руки, уехать в Бухару.

Иногда мне удавалось заниматься в архивах и библиотеках хивинских ханов изучением средневековых рукописей. Однако мои ожидания не оправдались, я не обнаружил в этих хранилищах те **произведения**, которые надеялся найти. Наиболее ценными из хранившихся здесь материалов были архивы, относящиеся ко **времени кунградских беков** и хивинских ханов.

Работавший в министерстве просвещения мулла Бекжан учился в Стамбуле. Освободившись от **повседневных** дел министерства, он возвращался в комнатку в медресе, собственноручно готовил плов, и мы подолгу беседовали. Им написан целый ряд трудов. **Из** них посвященные музыке хорезмских узбеков и некоторые другие были опубликованы. После роспуска Хивинского правительства он прибыл к нам в Бухару, но от официальных кругов не отошел, остался **коммунистом**. Наконец в 1937 году в Ташкенте стал жертвой репрессий.

И с председателем правительства этой республики **Пехливаном Нияз-хаджи** я также встречался многократно. Однажды он спросил меня: «Русские постепенно ограничивают нашу деятельность, во всем проявляют недоверие, что Вы могли бы мне посоветовать?» Я ему ответил: «Ханский дворец, в котором вы живете, однажды может превратиться для вас в тюрьму. На случай, если останетесь в окружении, чтобы не попасть русским в руки, в том месте, где вплотную к стене дворца выстроены какой-либо дом, прикажите прорубить тайный **ход**». «И это **все**?» — недоумевал Пехливан Нияз. «Не все, однако это надо сделать немедленно. Если сумеете сберечь голову, позже поймете, что нужно делать. А пока необходимо сотрудничать с русскими и пытаться быть полезным **пароду**. С теми туркменами и узбеками, которые поднялись и открытую борьбу против русских, очень осторожно **устанавливайте** связь, вероятнее всего однажды вы в этом **почувствуете** **нужду**». Пехливан Нияз после разгона Хивинского **правительства** скрылся от русских.

Жена моя, Нафиса, после приезда с нашим ребенком из **Ашхабада** встретила тут бегавшего из Башкортостана **Усмани Терегулова**. Мулла Бекжан определил ее **мугаллимой**, хорошо обустроил. Чтобы присматривать за моим трехмесячным сыном, мы пригласили одну казашку. В ее одежде обнаружился вши, и она очень рассердилась по этому поводу. На наше предложение сменить одежду, так как вши перейдут на ребенка, отвечала: «Источник грязи не вши, а мухи. Мы, **казахи**, как только из-за накопления навоза и грязи начинают **размножаться** мухи, покидаем эти места и перекочевываем **на другое**, а вы живете все время на одном месте. Мухи **сажаются на говно**, а потом на вашу же пищу. Зачем вы **обращаете внимание** на вшей и блох?» Однако эта женщина пела нашему сыну чудесные казахские колыбельные песни. Стоило ей начать петь, ребенок тотчас засыпал. Из-за этих колыбельных мы терпели и ее вшей, но через некоторое время она и сама привыкла к чистоте, стала часто менять белье.

Во время пребывания в Хиве я получил **вести** из Хорезма от некоторых единомышленников из Ташкента, Бухары, Казахстана. Они советовали **не** опаздывать на съезд, который должен был состояться в январе 1921 года в Бухаре. Я решил отправиться в путь. Чарджоуская дорога находилась в руках русских военных и была очень опасна. А вдали от дорог ситуацию контролировали **басмачи**. Если нанять охрану, можно столкнуться с басмачами. В Хиве самым почитаемым и великим святым **провид-**

цем считается **Пахлаван-ата**. За его мавзолеем хорошо ухаживали, и он был в хорошем состоянии. Этот мудрец в свое время говорил: «Путник, следи за дорогой, а страх и беспокойство пусть остаются на **обочине**». Я решил последовать его совету и без всякой охраны отправился в путь.

С помощью военного министра в одной из красных частей Хивы мне удалось получить документы, обмундирование и винтовку на имя некоего красноармейца. Я нашел провожатого по имени Махмуд, жителя станции **Садвер**, второй по железной дороге в направлении Чарджоу. Он брался довести меня через песчаную пустыню до Чарджоу. Жена, ребенок, мои телохранители Харис Сасанбай и Ахметьян останутся до весны здесь, пока не появится возможность выехать в Бухару.

19 декабря выехали в Хиву. Одну ночь провели в городке Хазарасп, а другую — в доме моего провожатого в **Садвере**. После этого, чтобы не попасть в руки красных, мы должны свернуть в глубь Каракумской пустыни и, следуя обходным путем, за 7 дней достичь Чарджоу. Туркмен Махмуд сказал мне: «Вы оделись красноармейцем, в руках у вас винтовка, басмачи убьют тебя и меня в живых не оставят, не пойду, ищите другого **провожатого**». Я убеждал его: «Басмачей я не боюсь, русских боюсь». Увеличив еще немного плату, мне удалось уговорить его следовать со мною дальше.

Дорогу через пустыню он знал очень хорошо. Вторую ночь мы провели в заброшенном туркменском **кишлаке**. Было холодно, еле дождавшись утра и попив чаю, продолжили путь. Мы передвигались среди блуждающих барханов, никакой дороги в обычном понимании этого слова не существовало. Пройдет совсем немного времени, и наши следы исчезнут... Вдруг на макушке одного из барханов появился сайгак и встал как вкопанный, наблюдая за нами. Расстояние было порядочным. Вытащив запрятанные очки, я выстрелил, тщательно прицелившись. Среди барханов кое-где лежал снег. Сайгак метнулся в сторону, но мне показалось, что он все-таки ранен. И я бросился за ним. А провожатый умолял меня: «Не ходи, потеряешь дорогу, и сам сгинешь, и коня погубишь. То, что тебе кажется **сайгаком**, — шайтан. В облике лани он завлекает за собою в пески и там губит **человека**». Туркмен, разумеется, беспокоился больше о своем коне, нежели обо мне. Я все-таки поднялся на бархан, где стоял сайгак. Он, оставляя кровавый след, не смог далеко уйти, упал неподалеку, обессилев. Позвал туркмена, чтобы зарезать раненое животное. Туркмен легко разделал тушу, отре-

зал две задние ляжки и сунул их в **мешок**, приговаривая: «Оказывается, это не шайтан, и ты стреляешь метко. Вечером приготовим **кебаб**». Мы двинулись дальше.

**В гостях
у туркменских
басмачей**

Среди песков мы заметили юрту, характерную для туркмен. Махмуд промолвил: «Не похоже, чтобы это были пастухи или дехкане, видимо, **калтамань** (т. е. басмачи). Если хотите, обойдем их стороной». Уже вечерело. Я сказал: «Будем уповать на Бога, будь что будет, едем к юрте». Рядом с юртой стояли две оседланные лошади. Мы поздоровались, но спешиваться не торопились. Это были действительно басмачи. Они оба тотчас взяли в руки свои ружья, и пока мы разговаривали, стояли, опершись на них. Тот, кто постарше, спросил: «Зачем прибыли, куда путь держите?» Я объяснил, кто я такой, куда направляюсь, сказал, что я участвую в той же борьбе, какую ведут басмачи под предводительством Джунаид-хана, и теперь еду в Бухару: «Оделся красногвардейцем, чтобы при встрече с красными сойти за их **сторонника**». Вначале он мне не поверил. «В таком случае, мы не сможем быть вашими гостями, позвольте нам продолжить свой путь», — сказал я им в ответ, держа свою винтовку на луке седла. Провожатый Махмуд также поговорил с ними. Наконец тот, кто постарше, молвил: «Хорошо, будьте нашими гостями. Угостить нечем, но огонек **найдется**». Спешились. Молодой туркмен не отрывал своего взгляда от моей винтовки в руках и револьвера на поясе. В ходе неторопливой беседы они все больше проникались доверием. Они поверили моим рассказам о встрече с людьми **Джунаид-хана** в **Кунграде** и **Куня-Ургенче**. Сидя у костра, они начали расспрашивать о делах в России. Чувствуя, что сомнения у них рассеялись, я винтовку убрал в сторону. После чая старший из них сказал: «Иди, сынок, притащи ягненка, зарежем в честь **гостей**». Однако вокруг юрты мы никакой живности не заметили.

Через минуту молодой басмач принес тыкву, а старший прижал ее между коленями и отрезал ножом головку — и сказал: «**Это** и есть ягненок, которого мы, калтаманы, можем зарезать в честь гостя». Посмеялись. Махмуд вытащил из мешка сайгачатину и приготовил кебаб. Набрав в округе веток саксаула, молодежь **поддерживал** а **огонь**. Долго беседовали. Положив винтовки под головы, мы все заснули, ничуть не опасаясь друг друга.

Ранним утром попили чаю с очень жесткими лепешками, испеченными в горячей **золе**. Один из басмачей по имени Анна **Мурад** согласился связать нас с **Джунаид-ханом**. Действи-

тельно, впоследствии он установил между нами весьма устойчивую связь. Восемь месяцев спустя, в августе 1921 года, этот Анна Мурад проводил прибывшего из Турции ускюдарского старца Шейх Ата со спутником из Ташауза через Каракумы до Джунаид-хана.

Далее мы двигались по пустыне под покровительством Анна Мурада в сопровождении его людей. Когда до Чарджоу оставался день пути, в местечке Дейнау я расплатился со своим Махмудом, нанял другого проводящего и благополучно достиг Чарджоу. Дорога длилась десять дней. С винтовкой в руках я остался среди красных совершенно один, лошадь пришлось продать. Единственная дорога, ведущая в Бухару, пролегла по мосту через Амударью. Для проезда по нему требовался пропуск, красноармейской формы с винтовкой было недостаточно. Из-за этого я попал в весьма неприятную и опасную ситуацию.

В Хиве на документ, выданный мне военным министерством, я должного внимания не обратил. До этого и надобности в нем не было. Я запомнил лишь, что отныне имя мое — Абделхамид, а фамилия — Сулейманов. В ЧК, показав эту бумагу, я попросил пропуск. Комиссар спросил меня по-русски: «Как Вас зовут?» Ответил. «А как по отчеству?» — спросил он далее. Я сказал — «Сулейманов», на что он сказал: «Это твоя фамилия, а как зовут отца?» Я вынужден был повторить «Сулейманов», так как не запомнил своего нового отчества. У комиссара ЧК зародилось подозрение, он сказал, что документ принадлежит не мне. Одному из стоящих рядом он приказал привести переводчика. Дело принимало дурной оборот, но я всеми силами старался не выдать своего беспокойства, не менял выражения лица. Через некоторое время привели в качестве переводчика какого-то азербайджанца. Когда он входил, я, улучив удобное мгновение, бросил взгляд на свой документ, лежащий на столе, и сумел прочесть, что моего отца звали Халмурад. Переводчик допрос начал заново:

— Как зовут?
— Абделхамид.
— А как зовут твоего отца?
— Халмурад.
— А фамилия?
— Сулейманов.
— Сейчас так отвечаешь, а почему вначале имя отца не говорил?

— Не понял вопроса, думал, что вы фамилию спрашиваете.

Задали еще несколько вопросов.

— Откуда едешь?

— Из Ходжейли.

— Отец чем занимается?

— Чайханщик.

— А сейчас что делает?

— У него есть сад.

— Когда вступил в Красную Армию? Когда родился?

На все эти вопросы я отвечал не по христианскому летоисчислению, а по хиджре.

— Член партии?

— Нет, сочувствующий, — ответил я на намеренно ломаном русском языке. Комиссары посмеялись: какое может иметь отношение к партии этот неграмотный, невежественный инородец?

— По каким делам едешь в Бухару?

— Там живет старшая сестра, к ней еду.

Наконец они оформили мне пропуск. Прежде чем вручить, комиссар завернул пропуск в бумагу, сказав:

— Не прошло и двух недель, как получил бумагу, а она измята как тряпка. Если так будешь обращаться, и от пропуска ничего не останется.

Заполучив пропуск, с винтовкой в руке направился на станцию Каган. Там не стал садиться на пригородный поезд, отправился пешком, затем, наняв подводу, доехал до Бухары. В город вошел не через многолюдные Каршинские ворота, а через ворота Мазар.

Первые дни
пребывания
в Бухаре

Я направился в дом знакомого по имени Тура Мирза Абделвахид. Это было 31 декабря 1920 года, в субботу. Мирза Абделвахид — двуязычный поэт и писатель, сочинявший свои произведения как на таджикском, так и на тюркском языке. Его биографию можно найти в книге Садреддина Айни⁴⁴ об истории таджикской литературы. Сам он оказался человеком довольно трусливым. Пройдет три года, и он приедет в Германию как руководитель студентов, присланных новым правительством Бухары на учебу в Европу. Узнав, что я через Афганистан и Индию прибыл в Париж, он написал мне, что «к сожалению, не сможет со мною встретиться». Через некоторое время он вернулся в Россию. Я не понял, почему в Бухаре мне дали именно его адрес, но с самого начала было ясно, что мне нельзя будет долго оставаться в его доме.

Но все эти свои чувства я скрыл, сказал, что мое жилище должно быть вдали от многолюдных улиц, где-нибудь на окраине города. Тем временем подошли наши офицеры, устроившиеся в центральных военных учреждениях Бухары: Султанов, мой двоюродный брат Баишев, а также назначенный здесь военным министром Арифов. Чуть позже пришел и Файзулла Ходжаев⁴⁵. Они решили устроить меня в доме их верного соратника **Мухиддина** Хаким-улы, мы направились туда. Мое жилье представляло собой маленький домик в глубине сада и находилось на задворках дома хозяина. Сам Мухиддин Хаким-улы по происхождению принадлежит к биям рода Кинегеч из Шахрисябза, однако вся его семья ныне приняла язык и культуру **таджиков**.

Поскольку в военном министерстве работал Абделхамид Арифов, а офицер — башкир Султанов был назначен в ГПУ комиссаром, наше положение было надежным. Заведовал национальной библиотекой мой родственник, башкирский офицер Баишев, чем я также хорошо воспользовался. В библиотеке хранилось около 30 тысяч рукописных книг. Когда позволяло время, я штудировал их, забрав нужные книги домой.

В Бухаре правительство было уже сформировано. Но определенную дееспособность оно приобрело лишь спустя несколько месяцев. Часть членов так называемого «Революционного комитета» образовала Центральный комитет (ЦК) во главе с его председателем Мирзой **Абдулкадиром**. Другая часть составила Исполнительный комитет, председателем которого избрали Файзуллу Ходжаева. Министром просвещения стал Кари Юлдаш, финансов — Усман Ходжаев, военным министром — Абделхамид Арифов, иностранных дел — **Хашим Шаик**, внутренних дел — **Муинджан**, юстиции — Мирза Абделрахим. Через некоторое время Усман Ходжаев стал председателем Центрального исполнительного комитета. Министерство иностранных дел назначило послом в Афганистан некоего Шарифа Ходжаева. А в Бухаре послом Афганистана был Абдулрасул-хан. Усман Ходжаев, ныне живущий в Стамбуле, был сыном купца из рода Атаходжаевых из города Ош в Ферганской долине. После окончания медресе в Бухаре он в 1910 году приехал в Стамбул, там организовал для молодёжи из Бухары «Дом обучения и воспитания», возвратившись в Бухару, организовал **джадидистское** медресе, наподобие «школы **Гаспринского**»⁴⁶ в Крыму, стал издавать газету. В дни, когда я приехал в Бухару, он был полномочным представителем правительства в Восточной Бухаре.

Усман Ходжаев, так же как и Файзулла **Ходжаев**, — из тех, кто был в самой гуще революционных событий. После изгнания эмира из столицы самыми важными были финансовые вопросы и дела о сторонниках свергнутого правителя. Когда государственная казна Бухарского эмирата была конфискована Советской властью для отправки в Москву, значительную часть ценностей новое Бухарское правительство сумело переправить в распоряжение правительства Турции, испытывавшего в то время большие финансовые затруднения. Тогда же в Бухаре финансовые дела были в распоряжении Усмана Ходжаева и его помощника Насира магзума. В дни, когда я прибыл в Бухару, бежавший из своей столицы эмир находился в Байсуне. Как председатель комитета, изгнавшего эмира, Усман Ходжаев был назначен председателем комиссии по Восточной Бухаре.

Файзулла Ходжаев происходил из семьи миллионеров, принадлежал к одному из знатных родов Бухары — Касима Шейха. Он самостоятельно изучил русский язык. Из двух его жен одна была русская. В свое время по торговым делам посетил Германию, немного изучил и немецкий язык. Мирза Абделькадир **Мухиддин** вышел из семьи государственных служащих, поэтому прибавлял к своему имени титул мирза. И он был из семьи миллионеров, также владел русским языком. Возможно, среди всех этих деятелей Мирза Абделькадир был самым начитанным и интеллигентным. У Файзуллы и Усмана Ходжаевых и Абделькадира Мухиддина были торговые дела и в Москве, на этой почве они установили связь с русскими, поэтому их фамилии обрели на русский лад окончание «ов». А Абделькадир Ариф — узбек из деревни Кахистуван вблизи Бухары. Нигде в медресе не учился, но в молодости долго был среди татар, выучился русскому языку. В Оренбурге в башкирском правительстве при мне исполнял обязанности секретаря. Позже я его направил в Ташкент. Он был очень близок к татарам и **башкирам**. Из всех названных мной деятелей современными формами организации работы государственных учреждений лучше всех владел Арифов. Министр иностранных дел Хашим Шаик — из бухарских евреев, принявших ислам. Он окончил в Стамбуле школу по подготовке учителей. Любил **персидскую** поэзию, написал книгу о современных таджикских поэтах. Позже он был назначен послом в Афганистан. Очень любил Турцию, русским или какими-либо другими языками не владел. Министр просвещения Кари Юлдаш принадлежал к туркменам **рода** Кий-икчи, обосновавшимся в городе Керки.

Все министры общались на фарси. Запомнилось, что лишь **Арифов** не мог хорошо изъясняться на этом языке. Они подолгу и с наслаждением беседовали о персидской литературе.

Прибыв сюда, я застал Мунаввара Кари, **Садуллу Ходжаева**, **Абделькадира Кушбеги** из Ташкента, **Акобира Шахмансурова** из Самарканда. Многие другие узбекские интеллигенты из Ташкента, Самарканда, Ферганы, съехавшиеся в Бухаре, сотрудничали в разных государственных учреждениях. Здесь находились и некоторые татарские интеллигенты. Бухарские деятели общались с казахами, татарами, башкирами на тюрки. Как тюрки, так и таджики в своих политических устремлениях были ориентированы на Турцию, которую в основном знали по азербайджанским публикациям и школам. Мирза **Абделькадир** и **Акобир Шахмансуров**, таджики по происхождению, читали литературу, издаваемую иранскими либералами в Берлине. Однако их политические взгляды основывались на идее тюркского единства.

В один из вечеров Мирза **Абделькадир** вспомнил, как туркестанская интеллигенция пришла в большое волнение, прочитав стихи **Алишера** Навои, приведенные мною в моей статье о духовных богатствах тюрков, где в целом шла речь о **дастанах**, опубликованных в журнале «Юрт», который мы в 1917 году издавали вместе с **Ашурали** Захири в Фергане, в **Коканде**: «Когда тюрк одевает свой шлем, он подобен цветку ириса под защитой его листка, и тюльпану, раскрывающему лепестки на ветру, нежная пыльца которого взмывает к небу».

Между нами, однако, были и противоречия. Особую роль играло соперничество между **Файзуллой** и **Абделькадиром**. Сдается мне, что это соперничество было унаследовано от двух конкурировавших богатых семей, которые ворочали миллионами. Впоследствии семейные раздоры вылились в открытое противостояние, и этим не преминули воспользоваться в своих интригах русские. Все бухарские **джадиды** в своей борьбе за свержение эмира объединились с русскими. Однако они были против установления неограниченной оккупационной власти России. Их единство в этом вопросе было достойно всяческой похвалы.

Вечерами они приглашали меня в гости к себе домой. Но из-за того, что они не всегда были дружны между собой, меня не покидало беспокойство, как бы кто-нибудь из них не сказал лишнего русским. Иные были не прочь и выпить. Но в застольях, устраиваемых в мою честь, вино не употреблялось. Мои друзья знали, что в опасном деле и серьезном разговоре я предпочитаю трезвую голову и холодный ум.

организационная работа в Бухаре

Основная наша задача заключалась в том, чтобы под видом продолжения борьбы против свергнутого эмира организовать национальную армию Бухары и, вызвав наших представителей из Хивы, Туркменистана и Казахстана, создать организацию Туркестанского национального объединения. Готовясь к этому, еще в конце июня из Башкортостана во все концы Казахстана, к японцам в Кульджу, к известным представителям басмачей в Ферганской долине мною были посланы люди. Теперь они, а также казахские интеллигенты, один за другим, стали появляться в Бухаре. Среди башкирских интеллигентов, прибывших из Казахстана, был и **Сайткирей** Магазов. Они объехали весь средний Казахстан, установили связи с нашими единомышленниками. Прибыли также **Илдархан** Мутин и **Харис** Игликов, находившиеся в окружении предводителя ферганских басмачей **Ширмухамед-бека**, и **Мустафа Шахкули**, находившийся у **курбаши** **Рахманкула**. **Мустафа** вместе с председателем Ташкентского комитета Национального объединения **Садриддин-ханом** также некоторое время были у **курбаши** **Рахманкула**, затем точно прибыли в Ташкент. Там **Мустафа** и татарский интеллигент **Гариф** Карими отправились в путь, чтобы добраться до японцев в **Кульдже**, но недалеко от мавзолея **Аулия-Ата** попали в руки красных и были заключены в тюрьму. Им удалось освободиться с помощью узбекских и казахских националистов. После этого **Мустафа Шахкули** и **Гариф** Карими прибыли в Бухару. Оба они обучались в русских университетах, сотрудничали с нами в правительственных учреждениях Башкортостана.

Членов казахского **Алашордынского** комитета и туркменских интеллигентов мы также пригласили в Бухару. Ожидая их приезда, мы обосновались в одном имении в кишлаке **Харгуш**, расположенном на северной окраине Бухары. Имение это было отнято правительством у богатого сторонника эмира. Прибывшие из Башкортостана наши офицеры **Аухади** **Ишмурзин**, мой ближайший помощник **Исхаков**, еще несколько человек, близкие к полковнику **Хибатулле** **Суюндукову**, устроились на руководящих должностях в военных учреждениях Бухары. Войсковые части, расположенные в **Карши**, **Шахрисябзе**, **Гузаре**, **Кермине** (т. е. центральные воинские части), были под контролем и влиянием этих офицеров. Все они назначены **Арифовым**.

Цель наша заключалась в следующем: если русские не позволят нам законными путями создать национальные войсковые части или начнут расформировывать те из них, которые уже были на стадии формирования, мы присоединимся

к басмачам и начнем общую борьбу. Но для **достижения** этой цели было необходимо широко разъяснить среди басмачей наши общенациональные задачи. Эту работу успешно проводили наши друзья в Ташкенте и Фергане.

Пленным турецким офицерам, оказавшимся в Бухаре, Арифов поручил организовать военную школу. Некоторые из них под руководством Али Риза-бея занимались также созданием жандармерии. Однако из-за того, что все они этими делами занимались официально, агенты русских пристально наблюдали за ними и хорошо знали все их действия и связи. Поэтому общение с ними я поддерживал очень осторожно, через третьи лица. В феврале прибыли из туркмен адвокат Какажан Бердиев, из казахов представитель **Алаш-орды Хайреддин Балгынтаев**, Мухтар Ауэзов⁴⁷, Динше и еще два человека (которые, по последним сведениям, еще живы).

Вести дела с узбеками и бухарцами было нелегко, так как между ними возникло много трений и взаимной неприязни. Кроме того, среди узбеков была влиятельная группа, которая ко всем, кто выучился в русских учебных заведениях, особенно к казахам, относились с недоверием, считая их «**миссионерами**». С представителями Бухары, узбеков, туркмен и казахов мы встречались в Харгуше или в одном из укромных уголков дворца эмира и обсуждали программу начавшего формироваться «Туркестанского национального объединения». Когда в Хиве русские разогнали национальное правительство, некоторые его члены тайно прибыли в Бухару. И с ними состоялись встречи и беседы. Казахи проявляли недовольство тем, что совещания слишком затягиваются, **сетовали** на нерешительность деятелей Бухары.

Наконец, в результате конституции, мы приняли выработанную мною «Общую платформу» из 7 пунктов, которая была призвана объединить три партии: партию **джадидов**, основывающуюся на исламе, социалистическую партию «**Эрк**» в Узбекистане и казахскую партию **Алаш-Орда**.

Суть этих семи пунктов сводилась к следующему: 1) Самостоятельность. 2) Демократическая республика. 3) Национальная армия. 4) Экономическое управление, строительство железных дорог, сооружение каналов должны соответствовать интересам самостоятельности Туркестана. 5) Систему образования поднять до современного уровня и найти пути приобщения к западной культуре также помимо России. 6) Вопросы о школах, об использовании природных ресурсов Туркестана, в целом национальные вопросы решать исходя из численности тех или иных народов, населяющих страну.

7) Полная свобода совести. Не допускать смешения мирских и религиозных дел.

После возвращения казахов на родину, оставивших в качестве своего представителя Динше, мы рассмотрели программу **джадидистской** партии, а через некоторое время программу партии «**Эрк**». Эти три дела были основными, что нам удалось выполнить в Бухаре. В целом было решено создать в Туркестане две партии — одну **либеральную**, другую социалистическую — и организовать управление краем на основе общей платформы, объединяющей обе партии. Этим решением все были удовлетворены. **Сайткирей Магазов** изложил эти 7 пунктов в стихотворной форме. Получилось исключительно ценное произведение.

Моя супруга Нафиса с маленьким сыном **Ырысом**, оставшиеся в Хиве, в июне также прибыли в Бухару. В том году вокруг Бухары широко распространилась эпидемия малярии. Из-за этой эпидемии я потерял сына. Похоронили мы его в мавзолее поэта **Мушфики**⁴⁸, жившего во время правления **Абдуллы-хана**⁴⁹ и умершего в 1583 году. На **этом** древнем кладбище покойников хоронили, вскрывая старые захоронения. Бывали случаи, когда шакалы разрывали неглубокие могилы. Чтобы оградить тело сына от этой участи, мы укрепили его могилу кирпичами и галькой. На надгробном камне я велел высечь строки Мушфики следующего содержания: «Наша душа изнывает от **боли**, кажется, что ты потерялся, но вот-вот найдешься. Лица свои от невыносимого горя умываем кровавыми **слезами**».

В Туркестане невозможно было найти ни доктора, ни фельдшера. Поэтому я сам старался во всем оказывать супруге помощь. Глаза у мальчика горели, как два огонька. Мой старый бухарский друг Назар Токсаба часто навещал нас, полюбил моего сына и часто рассуждал о его будущем. Шутя говорил мне: «Женись на моей дочке и подари мне такого же сына». На мои слова: «Здесь, вдали от родины, нелегко содержать даже одну **жену**», — он ответил: «Всех прокормим мы сами, возьми мою дочку в молодые жены». А Нафиса, **воспринимая эти** шутки за чистую монету, вступала в беседу: «Возьми его дочь молодой женой, я стану старшей госпожой, будет с кем делиться заботами». Каких только лекарств **ни** добывал Назар Токсаба, но спасти **Ырыса** мы не смогли, он умер у меня на руках. Мулла Назар переживал горе не меньше моего. Я сам питаю слабость к людям с **чувствительной** душой, и после этих печальных дней мои **дружеские чувства**

к мулле стали еще более теплыми. Я понял, что очень сильно привязался к ребенку. Видя, сколь тяжело я переживаю нашу горе, Нафиса успокаивала меня: «Мы еще молоды, Бог даст, у нас еще будут дети, не нужно так **убиваться**».

Халмурад не холоп
Садовник по имени **Халмурад**, присматривавший за виноградником вокруг дома, в котором мы жили, очень хорошо помог нам во время похорон сына. С ним достаточно долго общались. Обыкновенный бухарский селянин, он принадлежал к роду **Халлихан**, то есть карлуков, в свое время очень влиятельных. Этот Халмурад считал себя не узбеком, а тюрком. Я задал ему несколько вопросов, чтобы выяснить, испытывает ли он какие-либо чувства классовой неприязни к своему бывшему хозяину:

— Ваш бек, говорят, отличался бесчеловечностью, остался верен эмиру, сбежал вместе с ним. Не думаете ли поделить его виноградники?

— Упаси Аллах! Это все его имущество, если вернется, вновь будет хозяином, а мы его слугами.

— Ни эмир, ни его приближенные отныне не смогут вернуться. А земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Кто же теперь будет ее хозяином?

— Возможно, государство, но не мы. Может быть, правительство поделит его между нами. Бек наш был беспощаден, это **верно**. Возможно, часть виноградников он отнял у других. Но наказание ему определит Аллах в судный день. Если я несправедно захвачу его земли, то **кто-то** другой и мое отнимет.

Побеседовав с ним на эту тему несколько раз, я выяснил, что его **мысли** на этот счет весьма основательны. Я решился задать ему и такой вопрос:

— Как бы вы поступили, если бы бек обесчестил Вашу **жену или дочь**?

— На то есть суд эмира, суд казия. На худой конец я сам бы его убил. Мы его слуги, нукеры, но не рабы. Если бы такое случилось, я бы ушел от **него**, уехал бы в свой кишлак.

Этот **человек не** является «**холопом**», крепостным в европейском смысле этого слова. Ему неизвестно и непонятно «право первой **ночи**» европейского князя. Себя он ощущает, так же как и его отцы и Деды, воином бека; допускает, что если у него будет двое **или** трое собственных слуг, он и сам может превратиться в маленького бека. Ну и что, если разразилась революция? Он желает продолжать жить при своем беке как истинный мусульманин. Ему безразлично, что где-то около

Ташкента и в России отняты земли у богатых и розданы бедным. Это **Халмурада** мало касается. «Возможно, эмир с беком не смогут вернуться, но я буду молиться за их возвращение **живыми-здоровыми**», — говорит он. Все это мне напомнило одно двустишие на фарси: «Утки, не ведающие о существовании чистых талых вод в горах, продолжают плескаться крыльями в соленой застоявшейся **воде**». Вместе с тем Халмурад хорошо понимал, что жизнь в достатке возможна только в том случае, если удастся сохранить самостоятельность Бухары. Он имел соответствующую этой идее ориентацию в политических делах и нас ценил как борцов за эту самостоятельность.

* Поэт Чулпан
и профессор
Самойлович

Живя в **Харгусе**, я каждый третий день посещал свой дом в Бухаре. Поэт Чулпан (Абдулхамид Сулейман)⁵⁰ многократно приходил ко мне, желая встретиться. Но понимая его поэтическую натуру, учитывая его неспособность сдерживать в себе лишнее слово, при всей своей любви к нему, я не принимал его, приказав охранявшим джигитам всегда отвечать, что меня нет дома. Разумеется, понимая мою уловку, он обиделся и оставил сердитую записку в стихотворной форме: «Ах, если бы я, поэт, не казался легкомысленным и ненадежным, имел бы счастье встретиться с **другом**». Поэтому при следующем его посещении я не мог его не принять. Он **сказал**: «Твой старый друг профессор **Самойлович**⁵¹ хочет встретиться с тобой. Мне кажется, он хотел бы выразить свое дружеское **расположение**». Я ответил: «Я избегал встречи с тобой, опасаясь, что сдержать слово будет свыше твоих сил. Самойлович мне друг, но советские органы, чтобы схватить человека, воспользуются **услугами** и твоего друга и даже твоей собственной семьи. Как я могу знать, что сегодня даже Самойлович не агент **Советов**?».

В 1925 году, после моего переезда из Германии в Анкару, прошло совсем **немного** времени и сюда же прибыл и профессор Самойлович. Разумеется, его послало сюда само правительство. Он предложил мне вернуться на родину. Я ему разъяснил суть событий, происходивших в Бухаре, и сказал: «Для меня обратного пути нет. Я теперь гражданин **Турции**. Самое изощренное мастерство Советов — **умение** превратить в осведомителя самого близкого тебе друга, даже члена **твоей** семьи. Чтобы опорочить человека и взять под арест, они **не** останавливаются ни перед чем. Я далек от мысли, что **Вы** выполняете ту же миссию. Однако одним из примеров того, **что** органами тайной полиции советского режима доноестельст-

во распространяется среди друзей и даже внутри семей, является привлечение к этому делу такой чистой души и непосредственной личности, как поэт Чулпан. Одно из моих жизненных правил — распознавать и не допускать к себе близко предателей. В Туркестане ни один советский агент не смог приблизиться ко мне. Как было бы хорошо, если бы все западные народы смогли понять природу советской системы шпионажа». Действительно, до моей эмиграции в 1923 году из Туркестана в Иран ко мне прибыли и мои преданные солдаты, и мои верные соратники, но ни один сомнительный человек не попал в мое окружение. Самойлович оставался в Бухаре несколько дней, встречи со мной добивался через многих моих друзей. Не оставалось никакого сомнения в том, что он выполнял задание спецслужб. Но несмотря на все свои старания, он не смог угодить своим красным руководителям до конца: впоследствии Советы уничтожили и его самого.

Шейх-Ата

В это же время шейх узбекских дервишей из Ускудара в Стамбуле Шейх-Ата, совершавший путешествие в Хиву, проездом остановился в Бухаре. Он установил тайную связь с **Джунаид-ханом**, встретился с Анна Махмудом, которого я в 1920 году встретил в Каракумской пустыне, а в Ургенче — с Анна **Балой**. В свое время Анна Бала мне сказал: «Если у **джадидов** по отношению к нам благие намерения, пусть пришлют 10 винтовок с патронами». Когда они получили винтовки в назначенное время в условленном месте, Анна Бала сказал Шейх-Ате обо мне следующее: «Этот человек оказался верен своему слову. Наш хан (Джунаид) сожалеет, что не встретился с ним и не принял его как **гостя**». Короче, Шейх-Ата доставил нам немало ценной информации о тех краях.

* Люди типа
Файзуллы и
Муллы Бекжана

Как историк я чувствовал себя счастливым, наблюдая самые светлые, радостные дни деятельности Хорезма и **Бухары**, когда они создавали в 1920 году свободное национальное государство. Авторитет у них перед народом был высок, на них возлагались большие надежды. Оба правительства **выпустили** деньги на шелковой материи. Ханскую казну увезли русские, казна была пуста. Однако эти шелковые деньги народом ценились больше, чем керенки или советские **деньги**. Здесь, как и в сегодняшней Турции, надежды на свободу **связывали** только с политикой левого толка. Распространилась привычка во всем подражать русским, крепло **стремление** через дружбу с ними сблизиться с Советами, найти **наиболее**

простые и короткие **пути** устранения всех инакомыслящих. Файзулла Ходжаев и его приближенные, несмотря на то что они сами были из числа богатых миллионеров, принадлежали именно к этому кругу людей. Русские всячески старались приблизить к себе Файзуллу Ходжаева, выделив его из круга других богачей. Предав несколько близких друзей, которые были уничтожены, Файзулла понял, как был вероломно обманут и, не выдержав угрызений совести, повесился.

К этому типу деятелей в Хиве относился и мулла Бекжан. Сам он из числа бедняков, идеалист, был в восторге от всех идей левого толка. Не зная русского языка, он толком не понимал, что из себя представляют русские леваки из РКП, каковы их взгляды на деле. Летом **1918 года** он приехал в Оренбург для установления контакта с нашим правительством. Искал он также возможность поехать в Москву, старался показать себя интернационалистом и питал иллюзии, что в этом качестве сможет достичь успеха в Москве. Конечная его цель заключалась в том, чтобы, свалив Хивинское ханство, образовать восточную советскую власть вместе с **младохи-винцами**. Я ознакомил муллу Бекжана с нашим фарманом № 1, где выражалась решимость моего народа не допустить в Башкортостане установления советской власти. Устроил ему встречу с башкирским националистом **Салихом** Атнагуловым, который, будучи коммунистом, сотрудничал с Советами, но летом вернулся к нам. Позже Бекжан сказал: «Что же делать, вы этому режиму не доверяете. Мы хотели попытаться в Хиве воспользоваться теми же идеями. Там условия несколько иные. Я сам учитель истории и литературы. И после установления Советской власти намерен заниматься той же **работой**». Я ему ответил: «По мнению советских руководителей, никакой тюркской национальной истории и литературы не существует. Они будут объяснять нам, что самый прекрасный период в истории наших народов наступил после того, как нас завоевали русские. Они вынудят Вас выступать на площадях перед народом с политическими речами о том, что единственный путь к счастью для нас **тот**, который предоставила Советская власть. Позже, обвинив в том, что «в душе вы остались **националистом**», уничтожат Вас и выкинут на свалку истории. Если Вам удастся свергнуть Хивинского хана Исфандияра и создать правительство без участия русских, очень **хорошо**. Но делать это с помощью Советов **нельзя**». Возможности выехать в Москву не представилось. Вероятно, наши слова тоже оказали некоторое воздействие, и он уехал обратно. В конце 1920 года за три дня до отъезда из Хивы во внутренних покоях дворца правительства республики мы

втроем вели **предельно откровенную** беседу. Ходжа Нияз понял, что русские не дадут этой республике долго существовать.

А мулла **Бекжан** пытался как можно дольше продлить жизнь республики путем проведения левой политики в той мере, в какой этого требовали русские. Я ему сказал: «Левая политика нерусских существенно отличается от левой политики русских. В проведении социальных реформ русские коммунисты — самые крайние левые деятели, не знающие страха. Их требование к нерусскому коммунисту заключается в следующем: вы будете обязаны признать их притязания стать и по численности, и экономически, и по культуре самой мощной нацией в мире за счет поглощения за короткий срок всех народов, оказавшихся в зависимости от России. Эту мысль каждый нерусский интеллигент должен принять как собственную, и его обяжут к тому же убеждать в том и своих соплеменников. В **этой** связи ими предусмотрено искоренение всякой национальной идеи. Если ты коммунист, то должен верить в конечное обрусение своего народа как в языковом, так и в культурном **отношении**».

Ходжа Нияз спросил: «Если ничего не выйдет из «левизны» Бекжана, что же тогда нам делать?» На это я ответил: «Русские будут считаться с вами лишь в том случае, когда увидят, что вы способны противостоять им с оружием в руках. Вы не препятствуйте тем из узбеков, которые присоединяются к Джунаид-хану. Пусть молодежь по дороге через песчаные пустыни выходит, как и Джунаид-хан, в Иран и знакомит мировую общественность с требованиями Хорезма. Мы встали на этот путь. Пусть наш друг мулла Бекжан также последует за **нами**. Здесь у вас достаточно других образованных людей, способных заниматься делами просвещения. В войне против тех, кто поднялся на борьбу за самостоятельность Туркестана, русские будут в широком масштабе применять авиацию и радиосвязь. Вы должны организовать движение **сопротивления** в Каракумах. Самая главная задача, которую следует **выполнить**, — организация борьбы как внутри страны, так и за ее пределами, подготовка кадров для этой **борьбы**».

Русские после разгона Хивинского правительства отнюдь не обратились к мулле Бекжану со словами: «Вы же деятель левых взглядов, идите к нам **сотрудничать**». Его посадили в тюрьму, где он пережил нечеловеческие страдания, а затем был **казнен**. Знаменитый крымско-татарский писатель и поэт Шевки Биктура после долгих скитаний по лагерям и тюрьмам Туркестана и Сибири сумел вырваться оттуда и

прибыл в Стамбул. Оказывается, в одной из тюрем он встретился с молодыми хивинскими левыми социалистами, **в том** числе и с муллой Бекжаном. Мулла вспоминал о нашей встрече в Хиве и сокрушался: «Мне не удалось быть полезным Туркестану, вовремя эмигрировав за **границу**». Об этом Биктура рассказал мне в Стамбуле.

Программы партий «Эрк» и джадидов   Прежняя программа партии «**Эрк**», включавшая 27 пунктов, в ходе совещаний в Бухаре приняла следующий вид, состоявший из 9 пунктов.

1) В сфере экономики: основой осуществления социализма будет передача в ведение государства земли, водных ресурсов и полезных ископаемых, больших каналов и коллективизация села.

2) Как и в промышленно развитых государствах, организации рабочих в плановом порядке будут использованы в местных организационных делах Туркестана. Рабочим будет разъяснено право туркестанского дехканина, обрабатывающего землю, иметь свои общественные организации.

3) Будет достигнуто освобождение Туркестана от колонизаторов и полное его самоуправление. Это создаст самые важные условия для углубления классового расслоения в Туркестане и позволит развиваться крестьянам до такого уровня, чтобы они могли бороться за свои права.

4) В свободном Туркестане будет создана демократическая система, которая должна обеспечить условия для беспрепятственной деятельности класса крестьянства и других сторонников реформ. Парламент Туркестана, губернские и городские Советы будут формироваться на основе всеобщих выборов.

5) Для организации государственного управления и установления социализма будут созданы национальные войска.

6) В Туркестане вопросы о национальных и иных меньшинствах будут решаться исходя из численности в особых отделах.

7) Дела просвещения будут сосредоточены в руках государственных органов местного самоуправления. Системы связи — железные дороги, почта и телеграф, а также предприятия переработки сельскохозяйственной продукции и промышленные предприятия будут в ведении национального правительства. В сфере культуры будут приняты меры, направленные на создание мощной национальной культуры, свободной от влияния чужеземцев (т. е. русских). Основу сферы просвещения составит деятельность по открытию

школ, в том числе профессиональных, все без исключения **дети** будут охвачены учебой.

8) Религиозный вопрос будет окончательно отделен от **светских** и государственных дел.

9) В будущем социалисты Туркестана войдут в состав какого-либо Интернационала, признав для себя основополагающим, наряду с защитой интересов эксплуатируемых классов, также и принцип отстаивания прав угнетенных народов.

Данная программа целиком была опубликована на **411**—**414** страницах моей книги «История **Туркестана**». А труд, где я разъяснял свои взгляды о целях социализма в Туркестане и путях его осуществления, был опубликован мною на русском языке в Праге после эмиграции из России.

Программа партии **джадидистских** прогрессистов состояла из **19** пунктов, краткое содержание которой заключалось в следующем:

1) Основой жизни должно стать овладение собственной национальной культурой и существование в качестве самостоятельного народа. В этом заключается идеал всех народов. Наша цель — завоевание независимости Туркестану и формирование национального правительства. Нация должна опираться на единство языка, религии, **литературы**, традиций и обычаев.

2) В свободном Туркестане форма государственного устройства и правления должна быть республиканской и основу власти составит избранный демократическим путем «Милли меджлис» (Национальное собрание), а в губерниях и городах — губернские и городские меджлисы (земства).

3) Члены Центрального правительства назначаются Главой (Президентом) Республики с согласия «Милли меджлиса», а губернаторы — Центральным правительством. Председатели губернских и городских меджлисов избираются на заседании самих меджлисов. Порядок избрания Милли меджлиса, Главы (Президента) Республики, губернских меджлисов будет определен на первом Курултае (съезде) Туркестана.

4) Нетюркские меньшинства Туркестана будут пользоваться одинаковыми правами и в сфере культуры. Тюркские народы должны принимать активное участие в возрождении мощной туркестанской **культуры**.

5) Национальное правительство Туркестана будет опираться на национальную армию, служба в армии обязательна для всех.

6) Для обеспечения внутренней безопасности губернские **власти** должны создать полицию, и она должна быть связана

с государственными органами по охране национальной **безопасности**.

7) В государстве будет обеспечена полная свобода совести. Свободное отправление религиозных обрядов и других обычаев гарантируется государством. Миссионерская деятельность других религий будет запрещена.

8) Свобода слова и печати, свобода личности будут гарантироваться Основным Законом государства.

9) Основные налоги государства будут определяться по размерам доходов. Налоги будут взиматься и с наследства. В Туркестане будут отменены налоги, сохранившиеся со времен средневековья.

10) Основа земельной политики — превращение земли, ископаемых и наземных природных богатств, лесов, водных ресурсов в достояние государства. Земля будет отдана дежкам (крестьянам) в частную собственность.

11) Купля-продажа земли и водных **ресурсов** частными лицами на основе взаимной договоренности будет исключена. Этот акт будет производиться государством. Право на владение землей в зависимости от условий махаллы (местности) будет определяться на основе законов.

12) Самостоятельность Туркестана может быть осуществлена лишь на экономической основе. Поэтому Туркестан будет стремиться к восстановлению экономических отношений с соседними государствами в их современных формах с последующим развитием.

13) В Туркестане основа земледелия — обеспечение водными ресурсами. Поэтому общие усилия нации будут направлены на то, чтобы, обеспечив народ водой, повышать жизненный уровень. Будет обращать большое внимание на упорядочение управления водными делами.

14) В Туркестане, в особенности в Казахстане, Киргизстане, Туркменистане, самая первая проблема — переход кочевых племен к оседлости. Эта проблема будет решаться путем сооружения ирригационных систем в бассейнах больших рек. В Туркестане будут приниматься лишь переселенцы тюркского происхождения и мусульманского вероисповедания.

15) Вопрос о рабочем классе связан в Туркестане с развитием национальной промышленности. Вопросы об условиях труда, рабочем времени, о труде женщин и детей, страхования и другие вопросы будут решаться и упорядочиваться по **принципам**, применяемым в передовых странах.

16) Обеспечивается полная самостоятельность в деятельности органов правосудия и равноправие всех граждан перед законом независимо от вероисповедания.

17) В сфере просвещения все будут иметь возможность получения бесплатного начального образования. Граждане государства обладают правом организации частных школ, деятельность которых не должна противоречить интересам государства.

18) В Туркестане будут создаваться преимущественно профессиональные школы, приняты меры по направлению учащихся в Европу.

19) Памятники культуры, накопившиеся за века в древнем очаге цивилизации — Туркестане, будут взяты под охрану государства и станут служить развитию национальной культуры.

Следует отметить и то, что идея создания в Туркестане двухпартийной системы, состоящей из радикальной национальной и социалистической партий, не объясняется влиянием опыта иностранных государств. В 1921 году интеллигенция и деятели самых разных племен и народов после долгих обсуждений, учитывая многообразие местных условий в разных регионах страны, пришли к выводу о необходимости создания этих двух партий, а также самостоятельной **алаш-ордынской** партии в Казахстане. В то время туркестанским деятелям была неведома двухпартийная система Англии и Америки.

Мы выработали программы партий и Общую платформу для всех этих партий, но нам никак не удавалось создать единый руководящий Комитет. Причина этого — племенные противоречия между бухарцами и ташкентцами, а также подозрительное отношение узбеков к казахам. Кого бы ни предлагали в председатели общего Комитета, кандидатура отклонялась. Бухарцы понимали, что среди них нет деятеля, который мог бы осуществлять общее руководство. С одной стороны, группа Абделькадира Мухитдинова, с другой — группа Файзуллы Ходжаева, соперничая друг с другом, не соглашались, чтобы представитель другой группы стал председателем общего Комитета. Мы, башкиры, предложили кандидатуру Мунаввара Кари. Но представители Бухары ее отклонили. Кроме того, будущий руководитель Комитета должен быть готов при необходимости перейти в нелегальное положение. Мунаввар Кари не был согласен с этим условием. Мы попытались предложить из числа таджикских деятелей **Садрид-**

дина Айни. И он соглашался лишь на том условии, что не будет необходимости переходить в нелегальное положение. Желавших избрать его было мало.

В июле из Анкары в Бухару прибыл член Великого Меджлиса Турции Субхи **Сайсаллы-оглу**. Он путешествовал в качестве турецкого депутата, сторонника Коммунистической партии. Даже съездил в Хиву. Он был полномочен Мустафой **Кемалем-пашой**⁵². В Бухаре Исмаил-бей несколько раз встретился со мной. Заручившись моим согласием, он встретался и с соперничающими группами узбеков и таджиков. Видя, какие затруднения возникли в формировании общего Комитета, он предложил собраться вместе представителям всех политических группировок. Вечером 30 июля собрались в доме Мирзы Абделькадира, Исмаил Субхи-бей на основе консультаций с самыми различными кругами деятелей предложил председателем общего Комитета избрать меня. Его предложение было принято. На собрании он произнес очень хорошую речь. Позже, на еще более представительном собрании, он повторил свою рекомендацию. И здесь его предложение было принято. Остальные члены общего Комитета также были избраны на этом же собрании.

Таким образом, 2 августа я начал свою деятельность в качестве председателя Туркестанского национального объединения (то есть вышеупомянутого Общего Комитета). В эти решающие дни на процесс формирования национального центра освободительной борьбы в Туркестане оказали решающее и серьезное влияние депутат из обновленной Турции, присланный Мустафой **Кемаль-пашой**, представители казахской партии **«Алаш-Орда»**, в особенности Динше, а также посол Афганистана Абдерасул-хан. Мирза **Абделькадир** высоко оценил это событие, поздравив меня, подарил молитвенный коврик с прекрасно выписанными сурами Корана и золотые часы также с надписями.

Усман Ходжаев прислал мне письмо из **Шерабада**, выразив удовлетворение в связи с избранием меня на пост председателя Туркестанского национального объединения, а также сообщив о своей безоговорочной поддержке вооруженной борьбы против русских. Он был полномочным представителем Восточной Бухары. 2—5 августа состоялся съезд Туркестанского национального объединения. Он был пятым по счету съездом после известного Московского съезда мусульман России. Организация получила название **«Федерация мусульманских национальных обществ Средней Азии»**. Один из членов Комитета, таджик, для Центрального комитета нашего общества заказал печать. На этой печати, до сих пор

**Организация
«Туркестанского
Национального
объединения»
и его первый
съезд**

хранящейся у меня, вместо слова Орта (средний) было вырезано ошибочно «Отар». Посмеялись, но переделывать не стали. Общие идеи устава общества также были утверждены на этом съезде.

В сентябре в Самарканде мы провели еще один съезд, где приняли решение в ближайшее время установить связи с басмаческими группами, направить к ним политических советников. К **Мустафе Шахкулову**, которого мы еще в июне направили к басмачам Восточной Бухары, послали еще двух помощников. Они оставались в окрестностях Куляба в отряде басмачей под предводительством Давлатмена, обеспечивали связь общества с этим отрядом, а также с правителями рода Лакай, сторонниками эмира.

Одной из главных наших забот в тот момент было достижение того, чтобы видные турецкие деятели **Джемал-паша** и **Халил-паша** стали серьезно заниматься туркестанскими делами. На основе их готовности обратиться серьезное внимание туркестанским делам **мы** предприняли целый ряд мер. **Джемал-паша** год тому назад через Ташкент и Бухару уехал в Кабул. **Халил-паша** и **Сами-бей** прибыли в Ташкент, намереваясь выехать в Кашгарию. Проблемы Средней Азии рассматривались ими лишь с точки зрения интересов Турции. Из туркестанских дел они хотели извлечь возможность для оказания помощи Турции, войну против союзников, прекращенную в Европе, возобновить и продолжить в Средней Азии. **Джемал-паша** серьезно занимался над планом, по которому с помощью Афганистана можно было бы начать борьбу в Индии против Англии, при содействии Советов присоединить поднявшихся на борьбу **туркестанцев** к своим исламским войскам. Одного из своих приближенных, офицера по имени **Рагиб-бей**, вместе с ферганцем **Кари Камил** он направил в Бухару, вручив им письма, адресованные предводителям басмаческих отрядов. Я встретился с этим человеком. **Рагиб-бей** рассказал мне о намерениях **Джемал-паши**.

Это были совершенно беспочвенные планы. Туркестанские вопросы мы, естественно, рассматривали как сугубо местные. Проблемы Туркестана нельзя было напрямую связывать с политическим движением в Турции или смешивать с вопросом борьбы против английского владычества в Индии. Мы были против этого. Представитель **Джемала-паши** по разрешению русских смог встретиться с некоторыми предводителями ферганских басмачей, однако русские им не доверяли. В Ташкенте они их арестовали. Правда, вскоре **освобо-**

дили и позволили выехать в Кабул, но развернуть деятельность в Бухаре им не разрешили.

Я сам воздержался от объяснения **Джемал-паше**, что его намерения лишены реальных оснований: не хотелось портить ему настроение. Через некоторое время после отъезда **Рагиб-бея** и **Кари Камил** в Кабул, в Бухару прибыл человек, обеспечивавший связь с Ферганой (если не ошибаюсь, это был **Сами Кари**). Он поведал, что после беседы с **Кари Камил** у басмачей сложилось совершенно отрицательное впечатление о **Джемал-паше**. Прибывший с волнением говорил о **том**, что предложение этого человека басмачам оставить Туркестан в руках русских и направиться в Индию для борьбы **против** англичан смахивает на подталкивание к явному предательству своей родине. В это время в Бухару прибыли несколько казахских и узбекских интеллигентов, которые были свидетелями беседы **Рагиб-бея** и **Кари Камил** в Ташкенте и **Коканде**. И они в один голос говорили: «**Джемал-паша** — авантюрист, не ведающий, что творит. **Какой** басмач уедет в Индию, чтобы воевать с англичанами?» Словом, впечатления, оставшиеся в душе наших людей об этих турках, напоминают следующие мысли, содержащиеся в трагедии Шекспира «Король **Лир**»:

Я так вам отомщу,
Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто,
Ужаснее всего, что видел свет.*

Мы были очень обеспокоены этими обстоятельствами, подрывающими авторитет паши. Нам не хотелось, чтобы возникали какие-либо ситуации, идущие во вред видным турецким деятелям. Мы пытались повернуть разговор в положительное русло: «**Паша** глубоко понимает проблемы всей Передней и Средней Азии, а мы знаем лишь свои местные заботы». Старались скрыть от самого паши, под какую критику он здесь попал. Письма предводителей басмаческих отрядов, адресованные **Джемал-паше**, в которых они с болью в душе упрекали его в том, что он хочет оставить их под пятой русских, мы в Кабул не стали отправлять. **Джемал-паше** я советовал не слишком доверять русским, не писать писем, которые будут явно не по душе басмачам, ведущим борьбу против них. Ввиду того, что туркестанскими делами ведал Туркестанское национальное объединение, рекомендовали держать

* В. Шекспир. Полн. собр. соч. в 8-ми томах. М., 1960, т. 6, стр. 489.

связь с басмачами через нас. Письмо за моей подписью, отправленное в Кабул **Джемал-паше** 25 июля 1921 года от имени общества Туркестанское национальное объединение, в 1923 году, когда я сам прибыл в Кабул, вернулось в мои собственные руки. Некоторые фрагменты этого письма были опубликованы в моей книге «История Туркестана» (стр. 430—431). Там были и **такие слова**: «Наша цель — найти пути, чтобы вынудить русских удовлетворить наши требования, а также добиться национального движения, придание этой борьбе характера современного национального политического движения. Мы хотели отдалить от басмачей сторонников эмира, пытающихся вести работу среди народа, послать вместо них людей, верных и полезных обществу Туркестанское национальное объединение, превратить басмаческие отряды в настоящие военные партизанские отряды, руководимые молодыми интеллигентами. Если русские в Туркестане, Казахстане и Башкортостане согласятся передать все военные и экономические дела в руки мусульман и признают полную самостоятельность Бухары и Хивы, то мы готовы заключить с ними мир и вновь установить деловые отношения. В противном случае мы, как серьезная военная и политическая сила, готовы в ближайшее время начать борьбу против Советов как внутри государства, так и извне. Для всех трех частей Туркестана (восток, запад и юг) центром будет оставаться Ташкент. Ныне мы придаем особое значение созданию в Западной Бухаре национального правительства и регулярных войск на основе Советской системы, установлению серьезных связей с соседями: Афганистаном, Китаем, Ираном. Наша просьба к вам заключается в следующем: не приносите в жертву судьбу столь обширного региона, как Туркестан, планам обеспечения свободы исламского мира. Всю вашу деятельность, связанную с Туркестаном, проводите при посредничестве Национального комитета. **Если** вы не будете стремиться установить связи с басмачами и другими кругами, участвующими в национально-освободительной борьбе, в обход Туркестанского национального объединения, то это будет соответствовать вашим же собственным интересам. Никто сегодня не должен вести никаких переговоров с Бухарским эмиром, находящимся в Западной Бухаре. Подобные переговоры будут расцениваться нами как враждебные действия по отношению к обществу Туркестанское национальное объединение. Еще раз хочу напомнить: если допустить, что высказанные и написанные большевиками слова об освобождении колоний от капиталистических государств Европы соответствуют истине, то Туркестан будет решать свою судьбу **и** переход от капитализма к социализму в ходе сего-

дняшней борьбы. Политика в отношении Туркестана должна строиться на основе **вышеизложенного**».

10 августа **Джемал-паша** прислал послу Афганистана в Бухаре Габдерасул-хану еще одно письмо, в котором сообщал, что его представителей освободили из-под ареста и разрешили им выехать в Кабул, но посетить Бухару не позволили. Мы отметили, что их переговоры с русскими не дали равным счетом никаких результатов и попросили туркестанские проблемы не увязывать с политикой русских в **Афганистане** и Индии. В моем письме, которое попало ко мне обратно в Кабуле, кроме всего **прочего** были и такие слова: «Вам следует еще раз поразмыслить над вашей идеей привлечь туркестанских басмачей в исламское воинство для освобождения Индии. Басмачи не примут участия ни в каких движениях вне пределов Туркестана, эти люди начали борьбу из-за местных проблем и сосредоточились в горах. Ваша попытка убедить Советы пойти на создание национальных войск в Бухаре также утопична. Созданием подобных войсковых формирований могут заниматься только те из нас, кто перешел к нелегальной политической деятельности. **Файзулла Ходжаев, Садулла, Мунаввар Кари** и другие верят, что они достигнут успеха в союзе с Советами и у них есть на то право. Будет очень хорошо, **если** в своих письмах вы не станете писать то, что могло бы огорчить этих людей или унижить их **достоинство**».

В целях установления более тесной связи с поднявшимися на борьбу басмачами, а также **Переезд жедля** подготовки **съезда**, который должен начаться свою работу в сентябре, я один 5 августа по керминской Дороге **верхом направился** в Самарканд. **Супруга** в сопровождении моего солдата-телохранителя поехала туда же поездом. Внешне я выглядел как деревенский узбек, однако старался не **попадаться** на глаза русским солдатам. Когда я проезжал местечко под названием Курган, узнал, что поблизости есть **группа русских солдат**. К вечеру я добрался до местечка **Айбад**, нашел мавзолеей **Кумуш-Ата** и в целях предосторожности провел там ночь в комнате одного бедного **шейха**. Он накормил коня **и** меня самого. Угощал он пищей бедняков — **талканом**, т. е. жареными **зернами**, размолотыми в муку. Шейх очень огорчился, **что** не может предложить мне на ночь чистое одеяло. На подоконнике лежала книга, повествовавшая о праведной жизни святых **провидцев**. Взяв ее в руки, я написал **несколько** строк на фарси, смысл которых сводился к **следующему**: «Здесь найдете лишь изможденное от невзгод лицо и рваную одежду. Базар шелковых **одеяний** и шелковых кружев ищите в другом мес-

те». Шейх спросил: «Что ты написал в книге?» Когда я ему прочитал стихи, которые и ему самому были хорошо известны, он прослезился. Мы беседовали до полуночи. Оказалось, он очень хорошо знает происходящее в ближней и дальней округе и знаком с Карагол-беком, уроженцем этих мест, у которого был свой отряд воинов. Утром мы вместе совершили намаз. Старик принес молоко, напоил меня чаем. Чай он готовил, добавляя в него молоко, масло, соль. Расстались мы друзьями. Спустя год во время боев против русских судьба вновь занесла меня вместе с Карагол-беком в жилище этого старика. Оказывается, он рассказывал Карагол-беку обо мне и предположил: «Кто знает, может, это был пророк-странник Ильяс?» Увидев Шейха, **Карагол-бек** издал крикнул ему шутливо: «Привел я твоего пророка-странника!» Я провел у него еще одну **ночь**.

Супруга моя Нафиса устроилась в садовом домике одного из членов нашего общества по имени **Кази Хайдар**, человека интеллигентного и **образованного**. Я поселился там же.

Праздник **жертвоприношения** Спустя несколько дней мы переехали в дом, расположенный вблизи мечети Хызыра, а садом **Кази Хайдара** пользовались как местом встреч. **Кази Хайдар** был очень радушным хозяином. Сад у него большой, одних яблонь насчитывалось около сорока, росли многие сорта винограда, одним словом, это был старый, ухоженный сад. Мы поселились в дальней, укромной части дома. Хозяин был знаком с некоторыми русскими людьми. И здесь повторилась ситуация, аналогичная той, которая произошла в Ашхабаде при посещении дома, в котором я жил, **Островским**. Пришел давний мой знакомый и близкий друг профессор **Вяткин**⁵³. Когда профессор разговаривал с **Кази Хайдаром**, я сидел в соседней комнате, за дощатой стеной, и слышал весь их разговор, но своего присутствия не выдал. Как бы между прочим профессор промолвил: «Говорят, **Валиди** прибыл в **Бухару**». Вскоре он ушел. Это был очень хороший историк, особенно глубоко изучивший **историю** Тимура, а также историю Самаркандского вилайета в целом. В своей библиотеке он собрал большое количество рукописных книг. Самый значительный из написанных им трудов — «Топография Самаркандской **области**». В этом труде он, опираясь на документы вакуфа, определил месторасположение **нескольких** городов, известных по историческим источникам. С профессором **Вяткиным** и упоминавшимся **Наливкиным**⁵⁴ я познакомился еще в **1913** году и постоянно с ними переписывался. Письма **Вяткина**, написанные мне по различным историческим **проблемам**, могли бы составить целую

книгу. Позже он стал профессором истории в университете. Ныне, возможно, его уже нет в живых. Потом я раскаивался, что не вышел к нему, не поговорил, а два года спустя, уже из Ирана, написал ему письмо, выразив свое сожаление по этому поводу.

После переезда в дом около мечети Хызыра я встречался с друзьями в саду **Кази Хайдара**. А место, где мы жили, не было известно никому, кроме трех лиц: самому **Кази Хайдару**, мулле **Гарифу** и **Мураду Ходже**. Мы держали трех коней. Мне удавалось подолгу прогуливаться верхом по окрестностям, посещать исторические места и сады. Нелегальное существование позволяло знакомиться с топографией Бухары и Самарканда. Живя рядом с таким средоточием исторических **памятников**, как **Афрасиаб**⁵⁵ и **Шахи-Зинда**⁵⁶, я получил возможность изучить большинство текстов, высеченных на камнях.

Харис **Сасанбай** **В** те дни заболел малярией мой преданный солдат Харис Сасанбай и, не одолев недуга, он скончался. Этот джигит, с 1918 года не разлучавшийся со мной, был из башкирского рода **сальют**. Очень умный и чистой души человек. При необходимости эмигрировать за рубеж я думал и его увести с собой, дать ему там возможность учиться. В эти планы я посвятил и его самого. В свое время Харис окончил городскую русскую школу, и все мои бумаги на русском печатал на машинке он, был предельно внимателен и прилежен. В Самарканде все пережитое нами он описывал на тюрки, засовывал в бутылки и зарывал в землю для истории.

Харис Сасанбай занял в моей душе место рано умершего друга **Ибрагима Каскынбая**. К Харису я испытывал глубокое чувство дружбы, и не было у меня в то время другого столь же близкого человека. Когда другому своему верному солдату **Ахметьяну** я разрешил вернуться домой, в Башкортостан, он расстался с нами со слезами на глазах. Харис, наблюдавший эту сцену, спросил меня с обидой в голосе: «**Однажды** ты и меня отправишь вот таким же образом обратно? В таком случае я предпочту покончить с **собой**».

Однажды, будучи свидетелем моего разговора с друзьями о том, что при необходимости придется выехать в Иран или Афганистан, он сказал: «Если уедешь за рубеж, я последую за тобой, так что начинай учить меня всем этим языкам». В Бухаре и Самарканде он начал учить фарси, в свободное время читал книги. Порой говорил: «Если станешь султаном Махмудом, я желаю стать **Аязом**». Когда мы жили в Бухаре, даже незначительную мою просьбу он выполнял как **воен-**

ный приказ, словом, ему больше нравились порядки войсковой жизни. От подобной формы взаимоотношений он стал воздерживаться только после того, как я ему сказал: «Не делай этого, иначе вызовешь подозрения окружающих насчет моего **прошлого**». Однако, когда мы оставались одни, он невольно вновь переходил к формам военного обращения. Вместе с тем, никакого подбострастия в нем не наблюдалось, он часто вступал со мной в препирательства. Иногда он себя называл именем героя романов среднеазиатских тюрков «**Кемен**», и я его порою называл «**Буз джигит**».

Похоронили мы его на кладбище вблизи мечети Хызыра. На могилу поставили надгробный камень, на котором я попросил высечь бейт из предания «**Буз джигит**», смысл которого таков: покойный был беспримерным другом, разделял со мною все мои заботы и горести. Когда я обращался к нему «**Буз джигит**», он отвечал мне, что останется верным другом навсегда. Ах, судьба, к нечестивцу ты благосклонна, но к страждущему невнимательна, отнимаешь у него **последнего** друга, отрываешь от отца и матери, и сколько бы ни подвергала несчастных новым лишениям, остаешься ненасытной.

В 1918 году в Башкортостане именно Харис убил **врага** самостоятельности Башкортостана, прислужника монархистов Мингажа и принес мне его револьвер. Этот револьвер я и в Самарканде носил с собой. Харис был человеком **небольшого** роста, однако при этом отличался исключительным мужеством и преданностью. Его смерть повергла и меня, и мою супругу в глубокую печаль.

Шестой съезд
Туркестанского
национального
объединения

После кончины Сасанбая все бытовые хлопоты оказались на наших с Нафисой **собственных плечах**. В общественных делах самую большую самоотверженность проявляли киргиз **Туракул** Джанузаков и андижанский узбек Султан. Этот узбекский юноша был близок к тогдашнему самаркандскому **валию**, интеллигенту из казахов **Сиргазиеву**. Их стараниями 5—7 сентября состоялся съезд **Туркестанского** национального объединения. Делегаты **собрались** в саду **Кази Хайдара**, войдя туда через разные ворота. В работе съезда принял участие и казах Динше. В это время он был болен малярией, порою почти терял сознание, но заседания не покидал. Иногда в ходе работы съезда обращался ко мне: «Горю, я весь в огне, принеси из **Шумбуруна** ведро **воды**». **Шумбурун** — **глубокий** колодец в пустыне **Бетпак-Дала**, раскинувшейся западнее озера Балхаш. Род Динше пьет воду из этого колодца, глубина которого, якобы, более ста метров, а вода — **ледяная**.

Динше временами бредил от высокой температуры и просил воду из родного колодца. Через несколько дней ему полегчало, однако он был убежден, что, не испив воды **Шумбуруна**, не сможет вылечиться окончательно, и уехал на родину. Он был поэт и артист, организовал небольшую труппу, с которой гастролировал по обширной территории. Исмаил Субхи Сайсаллы-оглы, путешествуя по Туркестану, встретился в Ак Мечети с труппой Динше, посетил их спектакль и привез в Стамбул большую картину с изображением артистов этой труппы.

В дни съезда из Кашгара прибыл Кудратулла. Башкиры Кудратулла, Гиниятулла, Нигматулла и Фитратулла после нашего отъезда в Туркестан также переселились со своими семьями в Кашгар, чтобы принять участие в национально-освободительном движении Туркестана. Ныне, желая дать знать о себе, выяснить, что им необходимо делать в будущем, Кудратулла прибыл на встречу со мной. У меня сохранилась семейная фотография, оставленная им в то время. Эту семью я знал с детства, и ее преданность нашему делу, как и нынешнее благополучие, меня очень обрадовали. Отец этих парней хазрет Султангарей был давним другом моего отца. Вся семья принимала деятельное участие и в движении за независимость Башкортостана. И вот теперь сыновья хазрета участвовали в нашей борьбе в Восточном Туркестане. Впоследствии два сына и дочь Кудратуллы через Тибет и Индию прибыли на учебу в Турцию. Ататюрк проявил к ним искренний интерес и участие. Внуки двух близких друзей встретились в Стамбуле (см. фото на стр. 385). Энвер Алтай — сейчас один из самых известных инженеров в Турции.

На заседаниях Самаркандского съезда нами был принят устав организации из 24 пунктов и утверждено знамя Туркестана. В работе комиссии, создававшей знамя, принимали участие Мунаввар Кари, я, Джуназаков и еще несколько человек. За основу мы взяли знамена сельджуков и караханидов, описанные в трудах Махмуда Кашгари³⁷ в XI веке. Наше национальное знамя было алого цвета, мы оформили его на основе миниатюр, содержащихся в рукописных книгах времен Тимура и тимуридов. Оригинальный прообраз сегодняшнего турецкого знамени того же цвета можно увидеть в книге, написанной в 1449 году во времена тимурида Шахруха. Эта рукопись хранится во дворце Топканы в Стамбуле за номером 781. Кстати, его можно увидеть и в «Пятерике» («Хамса») Хатуна.

Знамя имело 5 красных и 4 белых полосы, а по краям было окаймлено голубой лентой. День его принятия (6 сентяб-

ря) мы решили объявить праздничным. Вот так было поднято знамя свободы, олицетворяющее борьбу нашего народа против русского засилья, борьбу, разворачивающуюся во многих регионах Туркестана. Были сочинены стихи, посвященные национальному знамени, на чагатайском и таджикском языках. К сожалению, ни одно из этих стихотворений у меня не сохранилось. На съезде было также принято решение к каждому предводителю басмаческих отрядов послать советника по политическим вопросам. В отряд главного курбаши Самаркандского вилайета Ачил бея, узбека из рода найман, мы направили одного из самых авторитетных узбекских интеллигентов — Кари Камила.

Этот форум был самым успешным из всех наших съездов, состоявшихся в Туркестане, и проходил он в обстановке всеобщего подъема. Соперничество между Файзуллою Ходжаевым и Абделькадиром, наблюдавшееся в Бухаре, здесь не ощущалось.

В это время в Башкортостане свирепствовал голод. Поэтому сразу после окончания съезда я установил связь с Бухарским правительством и занялся организацией помощи голодающим. Мы знали, что башкиры под предводительством молодого деятеля Сулеймана Мурзабулатова организовали повстанческое движение, и дали знать Сулейману, что в данный момент подобное движение не даст положительных результатов, и посоветовали ему добиться мирного соглашения с Советами. Так он и поступил. Близкий соратник Ленина Мостовенко⁵⁸ в то время был представителем Центра в Башкортостане. В своих воспоминаниях он объясняет мирное урегулирование конфликта между Советами и повстанческим движением башкир во главе с Мурзабулатовым, как результат собственного дипломатического искусства.

В это время к нам из башкирских войск прибыли два представителя.

ЭНВЕР-ПАША В ТУРКЕСТАНЕ

В сентябре и октябре через турецкого офицера в Бухаре по имени Али Риза мы получили несколько писем и журналов от Энвер-паши, который в это время находился в Москве. В номерах журнала «Знамя ислама», издаваемого в Берлине, Энвер-паша и его соратники призывали «к единству исламского мира», вели агитацию против союзников, призывали достичь соглашения с Советами. Мы испытывали глубокое разочарование, так как понимали, что попытки Энвер-паши совместить несовместимое, то есть соединить справедливую борьбу Турции против союзников с движением Туркестана против Советов за национальную независимость изначально обречены на неудачу. Поступили сведения и о том, что он намеревается присоединиться к нашей борьбе в Туркестане. Хотя мы и вели скрытую, конспиративную работу, однако действовали в согласии с теми нашими единомышленниками, которые занимали официальные должности в советских государственных учреждениях и органах Коммунистической партии. Наша борьба будет и впредь оставаться внутренним делом России, наши единомышленники, занимающие официальные посты, должны наращивать красные национальные воинские формирования, расширять число работников из мусульманской интеллигенции как в государственных, так и партийных органах, устанавливать связи с иностранными государствами, отнюдь не афишируя эту сторону своей деятельности. Поэтому, когда из Башкортостана прибыл башкирский батальон, мы, имея возможность тотчас перевести его на сторону басмачей, не сделали этого. Турар Рыскулов и другие официальные лица из правительства просили оставить этот батальон в составе советских войсковых частей как образец национального воинского формирования. Они дали нам знать о своем намерении увеличить число подобных частей и даже некоторые басмаческие отряды приписать к официальной армии, узаконив их как часть нацио-

нальных войск. Если все эти дела пойдут успешно, многих тайно действующих ныне деятелей Бухары и Восточной Бухары они надеялись продвинуть на официальные государственные должности. И я, и Турар Рыскулов находились под неусыпным наблюдением спецорганов, и поэтому встретиться нам не удалось. Однако с некоторыми другими руководящими государственными и партийными работниками мне доводилось встречаться достаточно часто.

Информация от Турара поступала ко мне через некоторых солдат башкирских частей, дислоцированных в Ташкенте, а также через друзей Динше.

У нас в Туркестане были очень тесные связи с социал-революционерами и с украинскими национальными организациями.

Если Энвер-паша присоединится к нам и вступит в открытую борьбу против Советов, то у красных появится возможность получить помощь от союзников и усилить борьбу против басмачества. В этом случае мы, то есть туркестанские басмачи, будем вынуждены разорвать отношения с нашими единомышленниками в советских органах, более того, потеряем и свои зарубежные связи. Словесный шум вокруг нас развернется даже в мировом масштабе, но вместе с тем условия борьбы внутри страны по сравнению с нынешними условиями резко ухудшатся.

Наконец поступило сообщение о том, что Энвер-паша собирается держать путь в Туркестан. Создавшееся положение мы обсудили на заседании нашего Комитета. Отправили Энвер-паше ответ в том смысле, что он мог бы нам оказать более действенную помощь со стороны, не приезжая сюда.

В это время политика русских в Бухаре обрела благоприятное для нас направление. До сих пор на борьбу между группами Мирзы Абделькадира и Файзуллы Ходжаева они относились как бы нейтрально. Но 27 сентября русские официально заявили о своей поддержке Файзуллы Ходжаева, который действительно был связан с ними более тесно. Файзулла хорошо знал, что организованные военным комиссаром Арифовым в различных городах Бухары военные гарнизоны готовы примкнуть к басмачам; ему было известно, в каких целях эги гарнизоны созданы. Мне рассказали и о том, что Файзулла при разговоре с Арифовым выразил свое недовольство словами: «На деле руководитель наших гарнизонов — Заки Валиди». Для этих гарнизонов была открыта в Кермине военная школа, которой руководил мой бывший адъютант Ибрагим Исхаков. Обучавшиеся там курсанты самому Ибрагиму предложили во главе с военным комиссаром Арифовым

покинуть ряды Советов и перейти на сторону басмачей. Главная опора Мирзы Абделькадира — начальник полиции Мирза Мухитдин. Враждебно настроенный к Файзулле Ходжаеву, он поддерживал связь с басмачами и со всем своим полицейским отрядом собирался также уйти к ним. Таким образом, события нарастали сами по себе, и мы оказались во многом не готовыми к столь стремительному ходу дел. Мирза Мухитдин направил человека в наш Комитет с вопросом: «Я хочу присоединиться к басмачам. Где мне примкнуть к ним и что для этого следует делать?»

Прибытие
Энвера-паши
в Бухару и моя
встреча с ним

Совершенно неожиданно пришло сообщение, что в Бухару со своей свитой прибыл Энвер-паша. Уже назавтра я получил от него краткую записку со словами: «Я желал бы в ближайшее время встретиться с Вами». Он приехал 20 декабря. Оседлав лошадь, я немедленно отправился в Бухару. Пропутешествовав в одиночку, 23 декабря я добрался до посольства Афганистана, расположенного на окраине города. Послом состоял Абдерасул-хан, впоследствии ставший моим близким другом, с которым я многократно встречался и в Кабуле, и в Берлине. «Я сообщил паше о Вашем приезде», — сказал он мне. Не прошло и часа, как прибыл и паша со своим адъютантом Мухитдином.

Я впервые в жизни лицезрел знаменитого деятеля. Он был в штатской одежде, а на портретах я привык видеть его в военном мундире. Едва усевшись в кресле, он начал рассуждать о приезде Джемал-паши из Кабула, о том, что встретить его он послал на железнодорожную станцию Чарджоу доктора Назыма, однако русские не дали разрешения на эту встречу, не позволили Джемалу-паше даже остановиться в Ташкенте, тут же отправили его в Москву. Все это крайне расстроило Энвера-пашу.

После этого мы приступили к обсуждению его собственных дел. Энвер-паша отметил, что написанные мною Джемал-паше слова о двуличии и неискренности политики русских по отношению к нам соответствуют действительности. Он спросил: «Раз уж я добрался до самой Бухары, что полезное я мог бы сделать для Туркестана? Какие советы могли бы дать мне Вы?» Мне показалось, что у него нет ясного плана действий и он пребывает в некоторой растерянности. На его вопрос я ответил так: «Знакомые мне турецкие офицеры в Бухаре говорили, что тотчас после прибытия в Туркестан Вы присоединитесь к басмачам. Это один из возможных путей. Другой путь — выезд в Афганистан. На это русские разрешили

ния не дадут, но это самый удобный для Вас путь. Границу можно будет пересечь в местечке под названием Бурдалык, это мы смогли бы организовать».

Паша спросил, почему я отрицательно отношусь к его идее присоединиться к басмаческому движению. На что я ответил: «Наша борьба развернулась как внутреннее дело России. Мы действуем в согласии с самыми различными политическими кругами и партиями, враждебными к большевикам. Более того, при крайней необходимости у нас остается возможность еще раз вступить в соглашение с Советами. Если Вы присоединитесь к нам и по предложению Джемал-паша мы поддержим движение либералов Индии, все дело тотчас приобретет международный характер. Ввиду двуличия политики, которую Советы ведут по отношению к нам, наше движение будет представлено как борьба против России. Союзники будут смотреть на Вас как на второго Вильгельма⁵⁹. Мы рассчитываем на помощь из-за рубежа. После Вашего присоединения к нам возможность получения такой помощи исчезнет, все наше дело без надлежащей предварительной подготовки превратится в международную проблему. Белогвардейские политические круги тотчас отстранятся от нас. Наше общество будет вынуждено открыто присоединиться к басмачеству, а наши единомышленники, находящиеся на руководящих должностях в советских органах, окажутся перед необходимостью или уйти к басмачам, или, порвав с нами всякую связь, перейти на сторону Советов. Сотни наших друзей, которые воюют на советских фронтах, служат в партийных органах, считают, что мы занимаемся внутренними проблемами России, и оказывают нам всяческое содействие. Попытки объединиться с иностранными государствами они сочтут безнадёжной авантюрой и не захотят с нами иметь дела. Особенно тяжелое впечатление на них произвело то обстоятельство, что англичане, оккупировавшие Туркменистан в 1918 году, не привлекли на свою сторону местное население. Не забыто нашими народами и то, что в том же 1918 году французы и американцы, захватившие Сибирь, были настроены против правительств Башкортостана и Казахстана, враждебно относились к национальным войскам, на которые эти правительства опирались. Более того, они способствовали преданию наших офицеров и членов правительства военно-полевому суду белых и расстрелу. Англичане оставили на произвол судьбы туркмен, которые с ними сотрудничали.

Если мы сейчас, добиваясь свободы, вступим в связь с иностранными государствами, большинство наших соратников, работающих в центральных органах компартии, высту-

пят против нас. С другой стороны, Советы сейчас берут верх на Польском фронте. Если они там сумеют быстро решить свои проблемы, все высвободившиеся военные силы они направят против нас. В этом году в Туркестане недостает продуктов питания. Ни одна область не в состоянии прокормить войско численностью более 4—5 тысяч солдат. Поэтому было бы наиболее целесообразным для Вас выехать в Афганистан и оттуда, не вмешиваясь в дела Индии, руководить туркестанскими делами.

Самая сложная проблема — вопрос о Бухарском эмирате. Эмир ушел, не старайтесь вернуть его на трон, это нереально, к тому же он враг и джадидам, и Вам. Здесь есть повстанческие группы, сохраняющие ему верность, они будут действовать против Вас. Однако вначале Вы вынуждены будете поддерживать связь с отрядами эмира. Выехав в Афганистан, Вы смогли бы встретиться с эмиром Бухары и направить его на путь истины. Вне всякого сомнения, и Аманулла-хан⁶⁰ будет этому способствовать. Возможно, Вы при содействии Афганистана найдете пути оказания помощи нам со стороны Ирана и других иностранных государств. Установив связь с предводителями басмаческих отрядов, Вы сможете направить к ним своих инструкторов. И тогда мы сможем продолжать здесь свою политику.

Когда Вы добьётесь доверия и помощи эмира, может быть, Вам удастся достичь взаимопонимания и с англичанами. В этом случае Вы могли бы вернуться в Туркестан и действительно руководить всем движением. Все политические круги, связанные с нашим Туркестанским национальным объединением, будут в Вашем распоряжении. Иначе присоединиться к делу, тыл которого не укреплен, многие воздержатся. Советы, воспользовавшись нашей идеей создания Советского Туркестанского правительства, опирающегося на национальные красные воинские формирования, сумеют обмануть наших сторонников и перетянуть их на свою сторону. Ваше движение они заклеймят, как панисламизм и пантюркизм. Эти идеи здесь не популярны. С другой стороны, Вы в ходе Первой мировой войны стали известны как враг русского народа. Белогвардейцы не смогут этого забыть. Ваше открытое присоединение к басмаческому движению приведет к такому же открытому объединению красных и белых русских в Туркестане. Если Вы выедете в Афганистан, мы сохраним возможность вступать в связь с белогвардейцами и другими антисоветскими группировками. Джемал-паша вот уже год находится в Афганистане. Все те сведения об истинном положении вещей, которые Вы узнали в Бухаре, мы не

имели возможности довести до Джемала-паши. В Афганистане, если Вы не будете вмешиваться в дела Индии, и все другие свои проблемы сможете решать успешно».

Энвер-паша спросил: «Почему Ваши единомышленники не приемлют идею единства мусульманских наций и тюркских народов?» Я ответил: «В Туркестане простые люди знают об Османском халифате и считают, что до сих пор его возглавляет турецкий султан. Однако они не знают, что турки говорят на том же языке, что и они сами. Интеллигенция это знает, но и она не ведаёт, что у нас един не только язык, но и вся культура. С другой стороны, русские настолько преуспели в очернении панисламизма и пантюркизма, что наши деятели, сотрудничающие с русскими, будут считать за благо как можно дальше отойти от этой идеологии. Есть еще одно обстоятельство, которое никогда нельзя упускать из виду: большинство из местного населения никогда и не ведало о проблеме политического единства тюркских народов, поэтому все их мысли заняты местными заботами. Идею такого единства не приемлют даже люди, совершившие хадж. Об этих проблемах знают лишь те, кто учился в Стамбуле или регулярно читает журнал «Тюрк йурду». Другим все это неизвестно. Здесь все считают себя туркестанцами. Каждый, кто представляет, что южнее Каспийского моря находится Иран, а севернее живет русский народ, с недоверием отнесется к существованию общих политических интересов у Турции и Туркестана. Мы будем разъяснять, что связи между двумя странами следует развивать на основе ислама и общетюркской культуры, и что для этого появились благоприятные условия. Каждый туркмен, узбек, казах скажет: «Если хватит сил, пусть Турция присоединит нас к себе». Но он увидит также, что враждебная партюркизму и панисламизму русская интеллигенция будет бояться, как бы эти планы не претворились в жизнь, и тюркская интеллигенция ощутит все более нарастающее отчуждение со стороны русских деятелей. Среди нашей интеллигенции нет человека, который не признавал бы единства тюркских народов. Но они будут думать: «Мечта мечтой, но не следует зря сердить русских». Такого рода действия с нашей стороны были бы действительно неосторожностью».

Энвер-паша выслушал все сказанное мной с большим вниманием. После небольшой паузы он сказал: «Кроме двух путей, Вами указанных — руководства здешней борьбой или выезда в Афганистан, — есть еще третий путь: вернуться в Москву, а оттуда ехать к моей госпоже». Он имел в виду супругу, живущую в Берлине. «Значит, не нужно вмешивать-

ся в туркестанские дела?» — промолвил он. Я ответил: «Все это предстоит решать Вам самому. Однако не следует принимать решение лишь под влиянием моих слов. Я высказал сугубо личное мнение. Вы должны выслушать и других. Не хотелось бы, чтобы мне потом говорили, будто я обратно отправил пашу. Если Вы доехали до самой Бухары, необходимо, чтобы Вы оказали благотворное влияние на усиление борьбы за свободу Туркестана. А в Берлине кто может уберечь Вашу голову от беды, которая настигла Талаат-пашу?»⁶¹.

Посол Афганистана Абдурасул-хаи собственноручно угощал нас чаем. Его почтение к Энверу-паше было безграничным. И в нашу беседу он совсем не вмешивался, дал нам возможность свободно обменяться мнениями. Ужинали вместе. Паша покинул здание посольства, а я провел ночь там, написал записку из 14 пунктов, где попытался объяснить, каковы будут последствия присоединения паши к басмаческому движению. Мне хотелось, чтобы он принял решение, лишь разобравшись в проблемах Туркестана.

Последующие
встречи
с Энвер-пашой

Наутро я вернулся в дом врачей, где жил раньше, а вечером направился домой к министру иностранных дел Бухары Хашиму Шайку. Вместе с Мухитдином и Хаджи Сами сюда пришел и паша. Он был одет в брюки военного покроя и немецкие сапоги с толстыми подошвами. Паша сказал, что внимательно прочтет мою записку из 14 пунктов, а также тщательно изучит положение басмачей Туркестана. Я рассказал ему о численности известных мне басмаческих групп, о характере и привычках их предводителей, словом, изложил ему все, что мне удалось увидеть и узнать. Оказалось, что некоторые интеллигенты, имевшие большое влияние в Бухаре, в особенности мирза Абделькадир, его друг из Самарканда Акобиршах желали, чтобы паша непременно взял в свои руки руководство всем освободительным движением в Туркестане. Об этом я узнал в ходе разговора во вторую встречу. На это я возразил следующим образом: «В противоборстве Мирзы Абделькадира и Файзуллы Ходжаева русские теперь на стороне Файзуллы. Некоторые приближенные Мирзы присоединились к басмачам, поэтому он будет желать и Вашего присоединения к ним. Вам следует, кроме Мирзы Абделькадира, поговорить и с другими людьми». На что Хаджи Сами сказал: «Выезд паши в Афганистан подвергнет его жизнь опасности, было бы ошибкой поверить и Аманулле-хану». Он поведал о Семиреченском восстании 1916 года⁶², явно преувеличивая в нем собственную роль: «Ваш покорный слу-

га, будучи рядовым турком, сумел поднять на ноги всю Киргизию. А с Вашей славой и авторитетом мы сможем поднять весь Туркестан на любые подвиги». Мне пришлось поправить сказанное им следующим образом: «Восстание 1916 года не является результатом чьей-либо пропаганды. Оно было вызвано недовольством народа указом царя от 25 июня 1916 г., по которому местное население привлекалось на военные работы. Мы слышали, когда киргизы, до конца оставшиеся верными борьбе, переходили китайскую границу, около городка Каракул, Вы со своими соратниками присоединились к Шабдану сыну Батыра. Я хочу разъяснить паше обстоятельства откровенно, ничего не скрывая, и в будущем намерен поступать так же, стараясь предостеречь его от ложных шагов».

Таким образом, я попытался привлечь внимание пашы к тому, что в словах Хаджи Сами есть преувеличения. Разумеется, это вызвало неудовольствие у Хаджи Сами.

После ухода пашы я, опасаясь попасть в руки русских сыщиков, не вышел из дома и переночевал в нем. В дом, где мы должны были встретиться с пашой, я каждый раз приходил заранее и оставался там на ночь. С такими предосторожностями я с ним встречался четыре раза.

В тот вечер мы долго беседовали с Хашимом Шаиком. Он опасался посвящать в наши проблемы многих, в том числе и Файзуллу Ходжаева. Я ответил, что с Файзуллой я встречу, однако говорить ему всю правду не следует. В тот же день вечером Хаджи Сами еще раз пришел к Хашиму Шайку и сказал, что есть вещи, о которых ему необходимо со мной переговорить с глазу на глаз. Хаджи сказал: «Вы должны категорически возражать против возвращения пашы в Берлин к супруге, там его могут убить. Его прибытие сюда открывает для нас большие возможности. Трудно сказать, будет ли какой-либо результат от нашей борьбы, но то, что в нее включается Энвер-паша, придаст ей значение события мирового масштаба. Возможно, Туркестан не будет освобожден этим поколением борцов. Но будущие поколения, сделав имя пашы и Ваше имя знаменем, сумеют освободить свою родину. Паша придает Вашим словам большое значение, пожалуйте, постарайтесь его убедить, что ему нельзя возвращаться в Германию». Я обещал исполнить эту просьбу, вместе с тем отметил, что для успеха дел, которые паша совершит в Туркестане, буду настаивать на целесообразности его выезда в Афганистан. Хаджи Сами я посоветовал: «Вы тоже не противьтесь этому, остерегайтесь преувеличений при изложении сути тех или иных обстоятельств».

При третьей встрече я убедился в том, что паша находится под влиянием Хаджи Сами. Паша спросил меня напрямик: «Заки бей, Вы не желаете моей деятельности в Туркестане?» На что я ответил: «Боже упаси, в Туркестане достаточно простора для многих тысяч, подобных Вам, великих деятелей. Эту страну можно будет спасти только их общими стараниями. Отныне международные отношения будут развиваться на основе стремления народов к свободе, колониальной системе придет конец, и Туркестан однажды обретет самостоятельность. Но сейчас я рассуждаю, исходя из сегодняшнего положения нашей родины. Вы спросили, что я обо всем этом думаю. И я обязан сказать Вам все, что я знаю и думаю, с предельной откровенностью».

При четвертой встрече паша склонился к мысли о выезде в Афганистан. Он решил обратиться к русским; если же они откажут в содействии, намеревался с нашей помощью отправиться в путь и пересечь границу. Я подготовил ему карты. Мы вызвали туркмен, принадлежащих Чарджуускому и Бурдалыкскому отделениям нашей организации, и велели им сопровождать пашу по дороге Бурдалык — Сакаркудук — Андхой, помочь ему в выезде в Афганистан, познакомить его с туркменскими басмачами в местности Керки. Обо всем этом я сообщил паше. Съездив в Чарджуу, мы за короткий срок сумели организовать помощь туркмен во всех этих делах. Это также понравилось паше.

27 октября паша встретился в кагане с русским консулом Юрениным⁶³ и спросил его, когда Джемал-паша сможет выехать в Афганистан. На что консул ответил: «Вопрос об открытии дороги Джемалу подождет. Нам хорошо известно и то, какими делами занимаетесь здесь Вы». Паша воспринял эти слова консула как прямую угрозу. Он понимал: существует вполне реальная опасность, что русские могут убить и его самого, и Джемала-пашу. Энвер-паша ошибочно допускал возможность того, что можно вступить в связь с басмачами, а затем вернуться в Россию и далее благополучно держаться путь в Берлин. Я ему объяснил: «Будет очень хорошо, если Вы никому не будете рассказывать, что после общения с басмачами намерены выехать в Россию». Сам я начал собираться выехать из Бухары в Самарканд. Состоялась еще одна встреча с пашой. Он поведал о своем намерении ехать в Восточную Бухару, чтобы собрать там интеллигентскую часть басмачей и провести совещание, предупредив, что все эти дела обретут затяжной характер. Мне он предложил отправить письма от имени нашей организации в Хиву, Казахстан, Фергану, туркменам и обеспечить их участие в предполагаемом совещании. Я попытался объяснить, что при нынешней

ситуации собрать представителей со столь обширного региона невозможно и повторил свою мысль о том, что сейчас самое лучшее для него — выезд в Афганистан. Разумеется, мои слова не пришлось ему по душе. Мне не удалось выехать в Самарканд и на следующий день, так как паша пожелал встретиться еще раз. В доме мирзы Мухитдина Хакимбая собрались 3—4 человека. Паша объявил о своем решении присоединиться к басмачам, однако оговорился, что для принятия окончательного решения ему потребуется еще два-три дня. Обратился ко мне: «Все сказанное Вами я понимаю и верю в Вашу искренность. Подготовку к переходу границы по Бурдалыкской дороге тоже пока не прекращаю». При этом он прослезился. В таком состоянии он напоминал спортсмена, решившегося броситься в борьбу очертя голову. Он был обут в те же немецкие сапоги. Разговаривал предельно искренне, мысли выражал откровенно. Он полагал, что если решится выехать в Афганистан, то лишится возможности принять участие в национально-освободительной борьбе Туркестана. Паша был полон решимости пожертвовать своей жизнью ради освобождения этой земли от российской зависимости. Говорил и о том, что генерал Халилов на Кавказе находится под его влиянием и сказал: «Вы, туркестанцы, к борьбе не готовы, и в ближайшем будущем не сумеете подготовиться». Посоветовал делать все, что необходимо для борьбы против русских, откровенно поведал о том, какие чувства испытывает на прародине турков и как ему хочется поднять на борьбу всех тюрков.

В эти дни я понял, каким великим идеалистом был паша и как мало он считался с конкретными жизненными реалиями и внешними факторами. Я окончательно убедился в том, что он не был знаком ни с географией Туркестана, ни со статистическими данными о нем, опубликованными в Европе и России. У меня не осталось никакого сомнения в том, что свои окончательные решения, связанные с деятельностью в Туркестане, он принял здесь, после прибытия в Бухару, и подтолкнул его к этому решению отказ русских предоставить ему возможность встретиться с Джемал-пашой. Вдобавок консул Юренев позволил себе едва прикрытую угрозу по адресу самого Энвера-паши.

Вечером я должен выехать из Бухары. Решил попросить лошадей у Файзуллы Ходжаева. Он назначил мне встречу в 9 часов вечера во дворце эмира «Ситора Махи-Хасса». Это был один из новых дворцов эмира. Ждать пришлось немного, вслед за мной явился и

Встреча
с Файзуллой
во дворце
«Ситора
Махи-Хасса»

сам Файзулла Ходжаев. Две лошади, предложенные мне представителем министерства финансов Назиром Хакимом, мне не понравились. Файзулле я сказал, что поеду без провожатого, один, поэтому конь подо мной не должен бросаться в глаза своей породой, но должен быть быстрым и выносливым. Из коней, оставшихся после эмира, выбрали двух: вороного и чалого. Чалый конь, невысокого роста, но быстрый и к тому же иноходец. А вороной, хотя тоже иноходец, однако слишком породистый и мог привлечь внимание любого прохожего. Я выбрал чалого. Арифову велел отправить вороного в Самарканд поездом.

Когда вопрос о лошадях был решен, Файзулла пригласил меня во дворец. Разговор, побудивший меня принять в Туркестане самые серьезные решения, состоялся именно здесь. Файзулла Ходжаев спросил: «Что здесь делает Энвер-паша? Я слышал, что он встречался и беседовал с тобой?» «Сомневается, ехать ли в Афганистан или вернуться в Берлин», — ответил я. Файзулла продолжал: «Когда я был в Москве, Сталин несколько раз упоминал тебя. В марте он по твоему адресу метал громы и молнии. На этот раз говорил, что если ты вернешься, будешь принят, как раньше, с почетом. Как поступить, сам хорошо знаешь». «Для меня обратного пути не существует. Возможно, уеду за границу», — ответил я. Он: «Если Энвер-паша и ты присоединитесь к басмачам, между нами начнется открытая борьба. Подозрительных людей, близких к Вам, придется освободить от занимаемых должностей. Русские давно требуют от меня убрать военного комиссара Арифова. Все это тебе следует знать. Впредь мы не сможем встречаться. Несомненно, нам придется действовать жестко. Тем не менее Султанов останется на своем месте. Возможность связи между нами через него сохранится», — сказал он, при этом глаза его наполнились слезами. Разумеется, он понимал всю серьезность присоединения Энвера-паши к басмачам и знал, что я не могу ему рассказать все, что мне известно. Между нами появляется непроходимая пропасть, и это понимаем мы оба. Его охватывал ужас от перспективы, что отныне он будет вынужден вести вместе с русскими беспощадную борьбу против своих старых друзей и единомышленников. Его слезы свидетельствовали именно об этом. Видя безысходность ситуации, невольно прослезился и я.

После прощания с Файзуллой я направился в наш дом в кишлаке Харгуш, где я жил раньше. Там меня ждали три башкирских джигита, вместе с которыми во вместительной яме для казана, в которой узбеки в саду варят из винограда густой виноградный сок «бекмес», мы зарыли большое коли-

чество динамита. В домике в саду хранилось также значительное количество оружия. Обо всем этом было известно и Султанову. Я вызвал из города Арифова, он тотчас прибыл. Оружие и трех солдат я оставил в его распоряжении. Этим парней, страдавших в тот момент от малярии, он решил через некоторое время отправить в Самарканд. Это были мои самые преданные солдаты. Они по своей инициативе добрались сюда из Башкортостана, чтобы найти меня и быть рядом. Этот вечер мы провели вместе, долго говорили о том, что будущее нам ничего хорошего не предвещает, сознавали, что слишком велика была и вероятность того, что мы с ними никогда на этом свете уже не увидимся.

Арифову даже мой чалый показался слишком приметным, и он предоставил мне другого коня, менее казистого, а чалого обещал поездом доставить в Самарканд. Он привел мне гнедую низкорослую лошадь, которая оказалась быстрой и выносливой.

8 ноября я тепло попрощался со своими солдатами, которые никак не хотели отрываться от меня. Поскольку полицейские мирзы Абделькадира присоединились к басмачам, во все стороны были направлены отряды красноармейцев. Чтобы не попасть в их руки, я направился к северу от реки Зеравшан. Однако, когда я достиг местности близ Вабкента, узнал, что мост у Гиджувана через Зеравшан охраняется русскими солдатами. И дальше ехать было невозможно, так как дорога, ведущая в Карману, также контролировалась российскими войсками. Из-за прошедших дождей река вздулась. Несколько километров ниже Гиджуванского моста я направил коня в бурные потоки Зеравшана. Конь оказался действительно очень сильным. И все же, пока переплывали через реку, течение отнесло нас на полкилометра вниз. Наконец нам удалось выбраться на противоположный берег по песчаной отмели. Да, с моей стороны это был достаточно легкомысленный шаг. Войдя в сад одного узбека, я высушил одежду, седло, мне дали поесть. Хозяин дома спросил: «Какая беда стряслась, чтобы броситься в бушующую реку?» «Мне не хотелось ехать до моста, чтобы попасть в Вабкент. Я не думал, что течение столь стремительное», — ответил я. После обеда я продолжил свой путь. Эти места были родиной выдающегося бухарского интеллигента Садриддина Айни, впоследствии, в советское время, ставшего Президентом Академии наук Таджикистана. Говорили, что он здесь, но встретить его не удалось. Один из видных наставников суфийского братства Накшбанда Абделхалик также родился в этом городке, отсюда вышли еще несколько известных ученых. Вре-

мя для изучения старых памятников, к сожалению, было самое неподходящее, и я направился прямо в местечко под названием Калкан-Ата и остановился на ночлег. Затем достиг Аферинкента — одного из центров доисламской культуры Согдианы.

За два дня я сумел добраться до Самарканда. Через несколько дней подаренных мне Файзуллою Ходжаевым коней один из моих единомышленников доставил поездом в Самарканд. На этих конях из конюшни бухарского эмира я ездил лишь на близкие расстояния, в ходе военных действий их не использовал. Один из солдат, с которыми я попрощался в Харгуше, прибыл в Самарканд, ему я поручил смотреть за лошадьми. Мне казалось, что они потом понадобятся. Действительно, позже они несколько раз спасли меня от верной гибели. Многих из тех людей, с которыми я встречался в Бухаре, в том числе Энвера-пашу, Хаджи Сами, Файзуллу Ходжаева, Абделхамиду Арифова, Султанова и других, мне уже не было суждено увидеть в этой жизни. И в Бухаре я больше ни разу не был. Лишь позже я понял: 8 ноября был в моей жизни днем, который невозможно вспоминать без слез. Это был день самого крутого поворота в моей судьбе. Именно в этот день передо мной замаячила неумолимая необходимость эмигрировать с родины, оставшейся под пятой русских.

Присоединение Десять дней спустя после моего отъезда из Энвера-паши Бухары Энвер-паша прислал гонца, которому было приказано сообщить заучить наизусть и передать из уст в уста: «Я решил отправиться в Восточную Бухару. Победим — признают героями, проиграем — станем шахидами (жертвами). Бурдалыкские туркмены пусть нас больше не ждут». Адьютант Энвера-паши Мухитдин-бей, вернувшийся после всех этих событий в Стамбул, в газете «Вақыт» («Время») опубликовал свои воспоминания. В номере газеты от 25 ноября 1923 года он написал следующее: «Паша в день отъезда из Бухары сказал: «Испытывая страх перед праведной смертью, обрекаешь себя на собачье существование. Если мы не возьмемся за это дело, проклятье прошлых и грядущих поколений будет слишком тяжелым. Может, и погибнем в поисках путей спасения, но тем самым обеспечим следующим за нами поколениям дорогу к свободной и счастливой жизни». Кроме того Мухитдин-бей изложил идею Энвера-паши о создании государства Туркестан со столицей в Самарканде.

Мухитдин-бей в той же газете (27.11.1923) написал очень хорошие слова о нашей беседе с Энвером-пашой и о моей дея-

тельности. Все это я прочитал после приезда в Турцию в 1926 году. Он пишет: «Одним из тех, кто ярко олицетворял пробуждение тюрков на Востоке, был Заки Валиди. Ученость этого человека, написавшего книгу по истории тюрков и татар, опиралась на чрезвычайно широкую историческую основу, к тому же и в своей практической деятельности он был искренен и самоотвержен в полном соответствии с собственной ученостью. Заки Валиди возлагал на русскую революцию очень большие надежды, верил, что эта революция послужит источником свободы и счастья и для тюркских народов. Но его надежды не оправдались. Заки Валиди, установив связь с Энвером-пашой, хорошо понимая козни большевиков, решил некоторое время действовать втайне от них. Он так и поступил. Мы с ним впервые встретились в Москве, когда туда приехал Халил-паша. В это время он собирался перейти на нелегальное положение и продолжить борьбу против Советов. Второй раз мы встретились с ним в Бухаре, когда пробыли там в течение 23 дней. В целях пробуждения Востока, Заки Валиди изменял свою внешность и успевал побывать во многих местах, занимался делами с исключительной самоотверженностью. В Бухаре он встретился с Энвером-пашой, рассказал ему о результатах своей деятельности, о способах достижения успеха и, продолжая свой путь, вновь уехал, растворился среди туркмен».

После возвращения в Турцию Мухитдин-бей написал подробный отчет о злоключениях Энвера-паши. Экземпляр своего отчета он вручил и Мехмет Казым-бею, ранее путешествовавшему по Туркестану. И там он лестно отозвался обо мне: «Если бы паша, прислушавшись к советам Заки Валиди-бея, поехал в Афганистан, сколько хороших дел нам удалось бы совершить. Не прислушался, поверил Хаджи Самибею». А Хаджи Сами, потерпев неудачу в ходе последующих событий, прибыл в 1923 году в Афганистан и написал турецкому послу в Кабуле Фахреддину-паше следующее: «Заки Валиди изобразил политическую ситуацию в Туркестане в слишком мрачном свете». Фахреддин-паша об этом мне рассказал сам, когда мы с ним встретились в его летнем доме в Ченгелькёйе. Энвер-паша в своем письме Усману Ходжаеву от 11 ноября написал, что после встречи с басмачами собирается держать путь в Афганистан. По-видимому, он мою рекомендацию не отверг с порога.

Получив известие о присоединении Энвера-паши к басмачам, члены Туркестанского национального объединения собрались на севере Самарканда в местечке под названием Конигияль. Было решено, что все члены нашего общества, на-

ходящиеся на нелегальном положении во всех концах Туркестана, должны примкнуть к басмаческому движению, а также принять участие в работе съезда, который Энвер-паша собирается провести в Восточной Бухаре.

Руководителями делегатов, выбранными на этот съезд, были назначены я, самаркандский поэт Наджим, турецкий офицер Сабирбей. Энверу-паше мы послали гонца с сообщением о принятых нами решениях. Этот же человек по пути должен был сообщить басмаческому предводителю Джаббару о нашем прибытии. Не прошло и 10 дней, как от наших единомышленников, работавших в управлении Самаркандского вилайета, мы получили сообщение о том, что паша установил связь с басмачами восточной Бухары, но они встретили его с крайней подозрительностью.

К соединению
басмачам
и наше первое
столкновение
с красными

В этих условиях присоединение к басмачам Восточной Бухары стало неизбежным. Мне было поручено, оставаясь в отряде курбаши Джаббара в районе Шахрисябза, координировать все дела нашего общества, 20 ноября мы втроем с Наджимом и Сабиром направились в отряд Бахрам-бека, расположившегося недалеко от Самарканда в кишлаке Барын. Это было мое первое посещение лагеря басмачей. Моя жена поселилась в Самарканде. Лошадей, приведенных из Бухары, я оставил также в городе под присмотром солдата, башкирского джигита. Бахрам-бек предоставил мне упитанную яловую кобылу. Отсюда мы должны направиться в сторону Шахрисябза, а в тот вечер вместе с другими членами нашей организации, прибывшими в Самарканд, стали гостями Бахрам-бека. В Самаркандском вилайете действовали три басмаческие группы: Бахрам-бека, Ачил-бека и каттакурганский отряд Карагул-бека. Бахрам-бек по происхождению таджик. У таджиков, в отличие от узбеков, не бывает беков, однако Бахрам сам себе присвоил этот титул. В самом Самарканде и близлежащих кишлаках ассимиляция тюркского населения таджиками произошла в последний период истории. Например, кишлак Барын носит название монгольского племени. Бахрам — родом как раз из этого кишлака. Среди населения окрестностей Самарканда никаких тюрко-таджикских противоречий не было. Все таджики говорили и по-узбекски.

Бахрам-бек был из числа тех, кто понимал суть политических событий. Ачил-бек родом из кишлака восточнее Самарканда, из племени найман, человек крупного телосложения, импозантный на вид. На этот раз мы его не встретили.

Бахрам-бек направил на собрание близких себе людей. У каждого из трех курбаши в отряде насчитывалось до трехсот джигитов. Вечером 21 ноября, во вторник, во главе группы из 25 воинов, предоставленных нам в качестве охраны Бахрам-беком, мы вышли по шоссе на дороге в горы Тахта Карача, расположенные севернее Самарканда. Шел снег, дул сильный ветер. На перевале, ведущем к Шахрисябзу, моя упитанная кобыла вконец выбилась из сил. Я ехал, озабоченный мыслью, как же мне добраться до места, так как ни у кого запасного коня не было.

Совершенно неожиданно мы оказались лицом к лицу с отрядом красноармейцев. В снежной метели было не узнать, кто перед нами, и на мгновение и мы, и они застыли, в упор рассматривая друг друга. Красный командир, как и мы — младший Бахрам, Сабир-бей и я, ехал впереди своего отряда. Через секунду, вынув сабли, мы бросились друг на друга. Красный командир оказался между нами и получил ранение в голову от удара саблей, нанесенного, кажется, Сабир-беем. В свою очередь он успел сильно поранить саблей голову моей кобылы. Другого ушиба нанести нам не смог и, спасаясь, прыгнул в глубокий овраг. Началась винтовочная перестрелка. Красноармейцы, оставив своего командира на произвол судьбы, вынуждены были отступить. Командира, оказавшегося в глубоком ущелье, наши воины попытались пристрелить сверху. Отдав раненую кобылу джигитам, я пересел на лошадь красного командира. Этот низкорослый конь оказался живым, как огонь, резвым и выносливым. Из отступавших красных двое или трое погибли, а у нас потерь не было, никто даже ранения не получил. Красные бросили в панике подводы, в наши руки попало значительное количество патронов. К вечеру мы прибыли в кишлак Карасу, находящийся к востоку от Шахрисябза. К седельной луке красного командира были прикреплены сумка и сабля. В сумке обнаружилось деловые бумаги, письма самого командира, а также других командиров, адресованные семьям и друзьям. Этот отряд оказался частью русских войск, стоявших в районе Шерабада, куда как раз и направился Энвер-паша. Отряд был послан в Самарканд с отчетом о событиях в том регионе. Прочитав эти отчеты, мы получили исчерпывающую информацию о передвижении русских войск и об их вооружении. Это было поистине Богом посланной милостью, так как такой полной информации мы не имели бы даже в том случае, если бы нам удалось доехать до самого Энвер-паши.

утральская
лошадь

Месяц спустя мы узнали, что попавшую в мои руки лошадь красный командир отнял в Кулябе у одного только что женившегося джигита. Лошадь эта принадлежала знаменитой породе, известной по историческим описаниям, и воспета поэтом Фаррухи⁶⁴ и другими, в путевых записях Марко Поло⁶⁵ названа хутальской лошадью. Низкорослая, но крепкая, надежная порода. Она способна быстро передвигаться по бездорожью, даже в каменной местности, но особую ценность представляет на охоте. За время, которое нужно для лошадей иной породы для перекрытия расстояния в 40 километров, эта может без усталости пройти все 100 километров. Но управлять ею нелегко, ибо она плохо слушается поводка.

В кишлаке Карасу всю ночь, не сомкнув глаз, я читал бумаги и письма, попавшие к нам в руки. Этой нашей удаче больше всех радовался капитан Сабир.

Поэт Роджи

Пока я вникал в суть всех этих бумаг, наш единомышленник Роджи лежал в углу комнаты и со стонами пытался убедить нас, что очень болен. Наутро он взмолился разрешить ему навестить своих родственников в городе Китаб. Стычка с красными его сильно напугала, желание продолжить этот путь у него быстро иссякло. «Хотя бы один день мне нужно подлечиться, позже я прибуду в отряд курбаши Джаббара», — умолял он нас. И я сказал ему: «Ну что же, страх сковал Ваш разум, отдохните два дня». Пользы от него все равно не было никакой. Этого Роджи, по всей вероятности, уже давно нет в живых. Если даже жив, из-за того, что он покинул наши ряды, большевики не станут, надеюсь, наказывать его. Поэтому я без опаски упоминаю это имя в своих «Воспоминаниях». Фахреддин Роджи — друг молодости самаркандского поэта Васли и Махмудходжи Бехбуди⁶⁶. Таджик, влюбленный в тюркскую литературу. Возможно, даже ассимилированный тюрк. И отец его мирза Нуриддин Хади, умерший еще в год моего рождения, также был поэтом. Стихи отца, написанные на фарси, Роджи опубликовал в 1913 году в Самарканде. Кроме того, Мирза Хади перевел индийские сказки с фарси на тюрки. Сам Роджи был в своих речах очень смел и частенько пытался учить окружающих уму-разуму. Не выдержав психологического напряжения пятнадцатиминутного столкновения с красными, он впал в болезненное состояние и сбежал от нас. В отряд курбаши Джаббара Роджи так и не пришел. Из-за трусости оказался в двусмысленном положении. Факт незначительный, но поучительный. Через некоторое время он сам придет к нам или его приведут.

23 ноября в Талкишлаке Гузарского вилайета мы встретились с курбаши Джаббаром. Это был очень смелый узбек. Несколько дней спустя из Лакайского (Илаки) рода узбеков Восточной Бухары от курбаши Ибрагим-бека прибыли несколько представителей. Басмаческие отряды всех регионов они уговаривали от имени эмира объединиться вокруг Ибрагим-бека. Наше общество они не признавали. Рассказали о том, что Ибрагим-бек арестовал человека, выдававшего себя за Энвера-пашу.

Я уже писал о том, что в 1914 году побывал у лакайцев, посетил их джайляу, упоминал и о том, что один из представителей Ибрагим-бека позже узнает меня в отряде Джаббар-бека. То, что Энвер-паша оказался арестованным на нашей земле нами же самими — явление позорное. Представители лакайцев дальше должны были следовать к басмаческому отряду муллы Каххара, действовавшему в окрестностях Бухары. Я их уговаривал как можно быстрее вернуться назад и убедить Ибрагим-бека освободить Энвера-пашу, а с муллой Каххаром поговорю я сам. Они решили вернуться домой.

Главная цель моего пребывания в отряде Джаббар-бека, контролировавшего регион между городами Гузар — Шахрисябз — Карши, заключалась в том, чтобы установить связь с нашими офицерами, назначенными на должности в воинских частях с помощью военного комиссара Абдулхамида Арифова. Если Энвер-паша начнет изгонять русских из восточной Бухары, то офицеры из трех упомянутых городов также перейдут на его сторону и с помощью своих гарнизонов отрежут дорогу русским, возьмут их в плен, захватят их оружие и боеприпасы. Такovy были наши планы. Нужно было также обеспечить связь с Хивой и Нурата. С офицером башкирских войск Суюндуковым, назначенным начальником гарнизона Шахрисябза, я связался сразу. Гарнизон города Карши также был под его влиянием. Опираясь на 30 офицеров из окружения Энвера-паши, на моих людей из Шахрисябза и Карши, можно было бы эту часть Бухары освободить из-под контроля русских. В восточной Бухаре главой правительства Бухарской республики был Усман Ходжаев. Хранившимися в Бухаре динамитом мы намеревались взорвать мосты через Амударью и Зеравшан. Бухарское правительство должно было полностью перейти на нашу сторону. Однако решительные лакайцы, оставшиеся верными эмиру, арестовав Энвера-пашу, сами того не подозревая, действовали в пользу русских. Они перевернули все наши планы вверх дном. После пленения паши Сабир-бей не хотел оставаться с нами, решил вернуться к самаркандским басмачам. Организационные дела у Джаббар-бека были поставлены слабо.

Русские почувствовали, что офицеры гарнизона Шахрисябза связаны с басмачами, поэтому сами офицеры стремились быстрее перейти на сторону басмачей. Суюндуков посылал своих людей в местечко Чимкуртан, я встречался с ними и отправлял их обратно в Шахрисябз, объяснив состояние дел. Об аресте Энвера-паши они узнали и через русских. Я им сказал: «Будь что будет, потерпите, придет время, и мы вам сообщим, когда следует перейти на сторону басмачей». Иногда верхом, в одиночестве, я ездил в г. Карши, где останавливался у человека по имени Гумер Ходжа. Сам он был родом из Башкортостана, из семьи ишана Давлетшаха. Представители из Ташкента, Самарканда, Бухары, приезжая в Карши, встречались в его доме и таким образом поддерживали связь между собою.

Когда планы Усмана Ходжаева, Гали Ризы, желающих присоединиться к Энвер-паше, потерпели в Душанбе неудачу, Даниял-бей, Абдрасул из Ташкента, Абдулла Раджаби из Бухары вместе с несколькими другими лицами приехали из Байсуна и присоединились к Джаббар-беку. Даниял-бей приехал из Дагестана, служил в Азербайджанских войсках, был человеком очень деловым, знающим. В Бухару он прибыл вместе с турецкими офицерами и занимался созданием бухарских национальных воинских частей. А Абдурасул, выходец из Ташкента, приехал вместе с несколькими друзьями работать в Бухарском правительстве, однако, кроме как затевать мелкие скандалы, мало чему был способен. Абдулла Раджа, выходец из семьи муллы, специализирующейся в обряде обрезания и проживавшей севернее Бухары, был человеком высокой нравственности. Позже он стал близок к окружению Энвера-паши. Приехав в Турцию, в 1945 году он опубликовал свои воспоминания, назвав их «Туркестанское национальное движение». Человеком он был крайне боязливым. Однажды русские подвергли нас артиллерийскому обстрелу в Тал-кишлаке. Джаббар-бек, опасаясь, что они «вконец уничтожат его родной кишлак», попытался атаковать противника с гор. В это время Абдулла Раджа ни на шаг не отходил от меня. Снаряды русских были очень низкого качества, попадали в мягкую почву, они не всегда взрывались. Поэтому Абдулла Раджа постоянно подыскивал для укрытия места с мягкой почвой. Оружия в руки он не брал. По сути был учителем медресе и имамом. Вместе с нами здесь же находился один из крупных деятелей из окружения Бухарского эмира Аулиякул Токсаба. Возможно, он происходил из рода Каучын. Его поведение не внушало доверия. То и дело приходили люди, недовольные политикой Советов. Беседы

Токсаба с этими людьми оставляли весьма двойственное впечатление.

Молодежь, собравшаяся вокруг Джаббара и Данияла, не была случайным сборищем людей, это были дети известных семей, проживающих в ближней и дальней округе. Я посетил многие из этих кишлаков, особенно те, которые упоминались в жизнеописании Тимура, искал среди них потомков карлуков и записал исторические предания. Занимаясь исторической географией местности, я пользовался картой-«двухверсткой» генерального штаба русской армии; мне было любопытно обнаруживать неточности этой карты и вносить исправления.

Малярия
и шаман

Малярией очень сильно заболел и я. Болезнь началась еще в Бухаре. Член правительства Габделхамид принес хинин, но употребление

этого лекарства плохо влияло на мои уши. Однажды мне сказали: «В близлежащем ауле Акъяр живет опытный врачеватель (шаман), обратимся к нему». От безысходности я согласился. Тот оказался из карлуков. Один день он должен готовиться, на следующий день вечером мы поехали к нему. Посередине узбекской хижины был зажжен большой костер. Шаман — обыкновенный узбек внушительного телосложения, около 40 лет. После совместного чаепития и обычной непринужденной беседы, образовав круг, все расселись, в том числе и его помощники. Взяв в руки свой барабан, называемый «дунгур», он начал бить по нему, петь свои ритуальные песни и кружиться, другие повторяли его движения. Это действо длилось достаточно долго. Затем шаман подошел ко мне и сказал: «Ты нам не веришь, поэтому духи не приходят. Придется прекратить». Я ему сказал: «Продолжай, я поверю вам». Они вновь начали неистово петь, бить в барабан и вращаться. Наконец у одного из них начался экстаз, изо рта появилась белая пена, и он потерял сознание, его вынесли и положили в сторонке. То же самое произошло и с несколькими другими участниками. Наконец очередь дошла и до самого шамана. Еще в самом начале действия они сунули в огонь железную лопату, теперь ее черенок начал гореть. Шаман набрал воды в рот, брызнул на раскаленную лопату. Горячие капли воды, отскочив от раскаленной лопаты, обожгли мне лицо. «Не бойся, хорошо, хорошо!» — приговаривали мои врачеватели. И вот шаман стиснул раскаленную лопату зубами, несколько раз обошел вокруг меня, после чего вновь бросил ее в огонь. В это время со всех сторон начали задавать шаману самые разные вопросы. Он сказал, что я непременно

выздоровлю. Спросили, будет ли эмиру сопутствовать успех. Положительного ответа он не дал. Ему задали еще несколько вопросов политического характера. Наконец он пришел в себя и сказал мне: «Выздоровеете, только никакого лекарства в рот не берите». Несмотря на то, что он во рту держал раскаленную лопату, его черная борода нигде не была опалена. А то, что огонь был настоящим, я хорошо ощущал по горячим каплям воды, обжигавшим мое лицо. Так впервые в жизни мне довелось наблюдать врачевание настоящего шамана. В детстве, когда я заболел, меня лечила одна башкирская знахарка. Но она никаких таких чудес не демонстрировала. Теперь же я хинином не пользовался, малярия бесследно исчезла. Это был не шарлатан, а настоящий шаман. Никакой платы или подарка он принимать не стал.

То, что я поверил шаману и лечился у него, послужило причиной существенного улучшения отношения узбеков ко мне. Они стали обращаться ко мне с большим уважением и называть «мулла», а Джаббар вскоре пригласил до 40 знатных представителей родов, чтобы познакомить меня с ними. Это были не сторонники эмира. Состоялась очень хорошая беседа. В отряде Джаббара я оставался около месяца.

Претворение
в жизнь решений
28 декабря.
Офицеры из
Башкортостана.

Центральный комитет нашего общества должен был собраться 28 декабря в городе Гузар. Взяв у Джаббаралишь одного сопровождающего, я поехал на место встречи. Там жил человек по имени Мустафа Кавучин, с которым я познакомился еще в 1914 году.

Остановился в его доме. Прибыли сподвижники Энвера-паши, которых он еще из Бухары послал в Хиву с важными поручениями к Джунаид-хану. Все его задания были выполнены успешно. О беде, случившейся с пашой, они узнали лишь в Бухаре и были крайне угнетены. Я старался, как мог, успокоить их. Будучи уверенным в том, что пашу скоро освободят, послал их к нему. Объяснил им, что через три месяца движение наше обретет широкий размах. Вместе с ними я отправил паше и жильдикульского коня, чтобы он вернул его от своего имени тому джигиту, у которого он был отнят красными.

На заседании в Гузаре наше общество приняло очень серьезные решения. Через афганского посла в Бухаре была выражена просьба и к правительству Кабула, чтобы оно оказало содействие в освобождении Энвера-паши. Если это дело будет ускорено, то через три месяца, 23 марта, регулярные войска и отдельные члены общества в Бухаре, Кермине, Шахрисяб-

зе, Карши и их окрестностях примкнул к басмачам. К тому времени сами басмачи должны быть готовы принять всех в свои ряды.

Прошло несколько дней после гузарского совещания, и мы получили известие о том, что по распоряжению Бухарского эмира и при содействии правительства Афганистана Энвер-паша был извлечен из плена. Получили мы письмо и от самого паши. Через некоторое время он направил к нам из числа своих приближенных Халила-пашу и поставил нас в известность о том, что делами восточной Бухары желает заниматься сам, а мне предложил руководить движением в долине реки Зеравшан. Я отдал распоряжение отрядить моих солдат, расквартированных в Самарканде, к Карагул-беку, действовавшему вблизи Каттакургана, и сам направился туда же. С майором Суяндукковым связь обеспечивал майор Худояров. С Худояровым я встретился в Чимкургане, рассказал ему о принятых нами решениях и попросил обеспечить нас охраной. Через неделю мы с ним и одним узбекским джигитом (из рода Каучин), присланным Джаббар-беком, встретились в местечке Каспи. Оттуда направились к Карагул-беку, предводителю басмачей в районе Каттакургана. Таким образом, мы начали подготовку к выступлению, намеченному на 23 марта. С провожатым (джигит Карагул-бека) посетили городки Нурата, Уксум, Фариш и на севере Куйташа организовали первую группу конного отряда под командованием образованного таджика муллы Хамракула. Таким образом, в январе и феврале мы, непрерывно передвигаясь верхом между Нуратой, Джизаком, Самаркандом, Каттакурганом и Гузаром, занимались организационными делами. Оставив уставших лошадей в Самарканде во дворе дома, где поселилась моя супруга, я вновь отбыл в отряд Джаббар-бека. Это был исключительно верный человек. А вот Абдерасул и Аулиякул Токсаба из его окружения доверия не внушали. Солдаты Суяндукова были в форме Красной Армии. Учитывая, что невежественное местное население будет смотреть на них с крайним подозрением, нам пришлось позаботиться об их благополучном прибытии в отряд Карагул-бека. 23 марта и солдаты Суяндукова, и военный комиссар Бухары Абдулхамид Арифов присоединились к басмачам. Худояров, время от времени приезжавший ко мне и обеспечивавший мою безопасность, заболел малярией. Он лечился в кишлаке под названием Касан и из-за этого не смог вместе с единомышленниками примкнуть к басмачам. Не желая попасть в руки русских, наложил на себя руки. Это был мужественный, чистой души человек, бескорыстный идеалист. Его смерть была

огромной утратой и для Арифова, и для меня, и для всех наших друзей и ввергла нас в большую горе.

Абделхамид не остался с нами, направился к Энверу-паше. В это же время из Башкортостана к нам прибыл офицер башкирского запасного полка Хибатулла Янбухтин. От него мы узнали положение дел на родине.

С Суяндукковым и с его группой мы проделали значительную работу среди узбеков в пустынях Карши. В эти месяцы местные узбеки резали большое количество каракулевых ягнят, мяса было очень много. Во всех кишлаках наперебой приглашали нас в гости. Мы поехали к Карагул-беку и были очень рады тому, что собрались вместе. Скоро в Бухарской области начнется активная борьба против русских. Однажды рано утром русские предприняли атаку на штаб-квартиру Карагул-бека в горах неподалеку от его родного кишлака Сарай. Произошел ожесточенный бой, был слегка ранен мой серый конь, пуля прошла через карту в сумке, привязанной к луке седла, задела бинокль, но минула меня самого. В это суматошное время через Казахстан и Самарканд прибыли в отряд Карагул-бека мой старый друг Абделькадир Инан и некоторые другие друзья. Абделькадир (Фатхелькадир) после бегства из Башкортостана в 1920 году занимался делами нашего общества в Казахстане, преимущественно в Среднем Жүзе в местечке Арка. Его прибытие явилось для меня огромной радостью, он станет моей опорой. Рядом со мной были также Суяндуков со своим отрядом, мой бывший адъютант, а ныне руководитель военной школы в Кермине, Ибрагим Исхак. Всех учащих этой школы Ибрагим должен привести в Нурату. Все мы должны будем заниматься организационными делами в кишлаках Уксум и Фариш, расположенных между Нуратой и Джизаком. Если в делах Энвера-паши наметился успех, мы совместно с Ачилом и Карагулом сможем завоевать всю округу вдоль реки Зеравшан. Наши солдаты, принимавшие участие в отражении атак русских, своей стойкостью завоевали уважение узбеков. Оставив их здесь, я направился в партизанские отряды вблизи Самарканда, к отряду Ачил-бека.

Представители
Энвера-паши

Когда я был в Самарканде, прибыли посланцы Энвера-паши с двумя пространными письмами, адресованными мне и нашему обществу Туркестанское национальное объединение. Паша распорядился направить этих людей, обеспечив надежной охраной, в Казахстан, где они должны присоединиться к поднимавшемуся там движению. Но из уст только что прибывших оттуда Абделькадира Инана и представителей Казах-

стана мы знали, что в данный момент там нет условий для начала массового движения. Поэтому до получения приказа от паши вернуться обратно в его распоряжение эти двое его представителей пожелали остаться с нами в отряде Ачил-бека.

В то время у меня в пяти пунктах на Зеравшане были места для конспиративного проживания. Одно из них — дом в махалле Мотрид Самарканда, другие к северу от города в Джанбае и Бедона, а на западе — в Яркургане и Койташе. Я жил с семьей в одном из этих домов, то в другом. Желавших встретиться со мной приглашали к Ачил-беку или Карагул-беку. Для объединения узбеков, проживающих между Джизаком и Нуратой, мы создали партизанский отряд в Сынтабе и Мукры под предводительством таджика Хамракула. Войсковая школа, дислоцированная в Кермине и Бухаре, должна переехать в Нурату и сотрудничать с Хамракулом. Самаркандский вилайет оказался полностью в руках отрядов, верных Туркестанскому национальному объединению.

Если Энвер-паша сумеет взять под свой контроль регион Байсуна и Термиза, то мы, закрепившись в горах между Нуратой и Джизаком, смогли бы отрезать путь русским вдоль всего Зеравшана. Военный комиссар Башкортостана Аухади Ишмурзин, находившийся на службе у Бухарского правительства, также присоединился к нам. Когда я уезжал куда-нибудь по делам, вместо меня оставались Абделькадир Инан и Танатар, друг Карагул-бека. После того, как наше движение потерпело неудачу, этот Танатар выехал в Афганистан и занялся торговлей. Одного из тех, кто эмигрировал тогда вместе с ним, я встретил в этом году в Англии. Он торговал каракулевыми шкурками. Таким образом, басмаческое движение раскидало наших земляков по всему свету. Они не потерялись, со временем каждый из них сумел заняться каким-либо полезным делом. Видя это, я не перестаю радоваться их успеху.

неудачи,
пережитые нами
в окрестностях
Самарканда

В это время в окрестностях Пайшанбы, Челека и Каттакургана произошли несколько стычек с атакующими нас красными частями. В ходе этих боев я был вместе со своими близкими друзьями Абделькадиром Инаном, Аухади Ишмурзиным и представителем Энвера-паши. Намечившийся было в наших делах успех сменился неудачами в силу трех причин:

1. Прежде всего сторонники эмира, выступив против Энвера-паши, вынудили его бездействовать в течение целого месяца. За это время русские успели направить в восточную

Бухару войска. Паша не смог овладеть Байсуном и Шерабадом.

2. Вторая причина была связана со следующими событиями: фанатичные басмачи в окрестностях Бухары, оставшиеся верными эмиру, вероломно и предательски убили офицеров из Башкортостана, прибывших к ним на помощь в их борьбе. В этом деле неприглядную роль сыграл учитель из Каспи по имени Нуретдин Агалык, который, будучи человеком эмира, являлся также агентом Советов. Хибатулла Суюндуков со своим другом, выехавшие из Шехрисябза в начале марта и присоединившиеся к отряду Каракул-бея, 8 апреля были убиты сторонниками эмира по имени мулла Мостак в местечке Карнеб. Наши 40 курсантов во главе с Ибрагимом Исхаковым, выполняя распоряжение нашего общества «Туркестанское национальное объединение», ехали в Нурату для присоединения к басмаческому отряду и подверглись неожиданному нападению со стороны верных эмиру басмачей под предводительством муллы Каххара. Часть из них, в том числе 3 башкира, были убиты, остальные взяты в плен. Позже их безжалостно зарезали. Трудно было бы найти более убедительный пример, доказывающий, что самым страшным врагом нашего народа является невежество и слепой фанатизм. Пусть сам Аллах оберегает нас от повторения подобного. Этих джигитов басмачи сами пригласили в гости как друзей, под этим предлогом оружие приняли из их рук и поставили в стороне, а затем напали на безоружных и перебили. 12 спутников Хибатуллы Суюндукова происходили из кругов, которые в истории были известны как «Тюменские татары» и жили под Уфой в таких селах, как Каргалы, Исламкуль, Ташлыкуль, Буздяк. Все они окончили русские военные школы. Название «тюмен» в ханских войсках означает дивизию из 10 тысяч воинов. В XVII—XVIII века эти «тюменские татары» принимали участие в башкирских восстаниях. Имена наших убитых людей: из новых Каргалов — Хибатулла Суюндуков (полковник), Исмаил Суюндуков (капитан), Усман Суюндуков (капитан), Ильяс Ачиев (капитан), Гизетдин Еникеев (капитан), Исмагил Еникеев (капитан), из Ташлыкуля — Салахетдин Сакаев, Усман Мамлеев, Катип, из Исламкуля — Яхин, из Буздяка — Ильяс Мамлеев (майор). Все они офицеры башкирского запасного полка. Для участия в освободительном движении Туркестана присоединились к войскам Бухарской республики. Майор Ибрагим Исхаков и три башкира — жители из близлежащих Стерлитамаку сел. Это были мужественные и образованные люди. В 1917—1920 годах они постоянно были рядом со мной. Из числа при-

бывших из Башкортостана Ибрагим Суюндуков, Исламгирей Ачиев, Аюп Сакаев, майор Худояров, капитан Хибатулла Янбухтин, Ахмет Варисов, Аухади Ишмурзин всегда были рядом со мной, и их миновала страшная участь земляков. Трое из них дошли со мной до Турции. Двое все еще живы. Я воспринимал их как собственных детей. Всю свою жизнь они посвящали борьбе за интересы народа, остались бесконечно ему преданными.

Таким образом, басмачи, которых мы считали своими братьями и к которым прибыли издалека, чтобы оказать им помощь, вероломно отняли оружие из доверчивых рук наших воинов и предательски лишили их жизни. После этого многие наши офицеры охладели к освободительной борьбе в Туркестане. Впредь ни один человек, прибывший со мной вместе из Башкортостана, ни при каких обстоятельствах не выпускал из рук оружия.

3. Третье важное событие заключалось в следующем: ввиду того, что война между Польшей и Советами завершилась в пользу последних, красные получили возможность послать в Туркестан большое количество войск.

Мулла Каххар и мулла Мостак со своими отрядами находились между Кермине и Карши. Видя, что им стало невозможно там укрываться, они переместились в окрестности Нураты. Известие об этой трагедии мы получили с опозданием. Абделькадир Инан, некоторые другие наши люди и воины Хамракула из Сынташа отправились в Нурата. Муллы-убийцы Каххар и Мостак находились там же. Они пытались извиниться, ссылаясь на свою неосведомленность, из-за которой, якобы, произошла роковая ошибка. На просторной лужайке была устроена трапеза для сотен людей. Обратившись к ним, я сказал: «Самая главная причина трагического положения нашего народа — это невежество и слепой фанатизм. Люди, которых вы убили, прибыли сюда, чтобы научить вас держать в руках огнестрельное оружие, применять бомбу, ставить динамиты под железнодорожные полотна, устанавливать связь между отрядами. Они должны были пустить в ход типографию и наладить печать и радиосвязь. Что же вы теперь можете сделать сами?» Все слушали с опущенными головами. Однако после стольких прямых и тяжелых упреков следовало беспокоиться и за нашу собственную жизнь, и мы, захватив с собой оставшихся в живых Аюпа и Исламгирея, покинули басмачей. В местечке Уксум на стенах домов мы расклеили листовки о наших целях и путях освобождения Туркестана. 9 мая вернулись в Самарканд.

Азербайджанский
панисламист
Ахун Юсуф

От Энвера-паши прибыли с письмом несколько человек. Это были близкие ему люди: Усман Чавуш, исламский ученый и мыслитель из Азербайджана Ахун Юсуф Талибзаде, один из видных представителей казахов восточной Бухары Беркут Ишекагабаши. Смысл слова «Ишекага» — «главный привратник правителя». Со временем это слово, утратив свое исконное значение, стало служить фамилией для потомков привратников, занявших место в чиновничьей иерархии Бухарского государства. Род Беркута называли казахами Куляба или Жилдикуля. Этого Беркута Ишекагабаши, являвшегося весьма авторитетным представителем своего рода, Энвер-паша решил послать по адресам, полученным у меня в Бухаре, в Казахстан, вручив ему очень подробные письма. Руководителем делегации, состоявшей из трех человек, был Ахун Юсуф Талибзаде. И ему Энвер-паша вручил бумагу с собственной подписью и печатью, поручив усилить борьбу в Самарканде, Бухаре, Хиве и Казахстане.

Ахун стремился представить себя «чрезвычайным комиссаром» паши, наделенным широкими полномочиями в деле руководства движением на северных и западных вилайетах Туркестана. Однако истинным представителем великого государственного деятеля Турции Энвера-паши был Усман Чавуш, храбрый человек крупного телосложения, родом из Эрзерума или Трабзона. Ахун Талибзаде напомнил о том, что туркестанское национальное объединение, начавшее фактически управлять делами в здешней округе, должно всячески содействовать ему во всех делах. Он говорил о двух делах, не терпящих отлагательства: 1) определить его группе помощника, способного содействовать ее успешному путешествию по северным областям Туркестана; 2) выделить охрану, способную обеспечить безопасность группы в пути, а в конце этого вояжа вблизи Самарканда или Бухары собрать отряды басмачей и при участии Талибзаде устроить военный парад, перед строем войск прочитать обращение Энвера-паши. Я пытался объяснить ему, что путешествие в Казахстан будет чрезвычайно трудным, что после вручения представителям кипчакского рода Кийки-батыру и Аманджур-батыру подарков и писем Энвера-паши для организации военных сил вокруг города Арка понадобится по меньшей мере три месяца напряженной деятельности и что он, Талибзаде, все эти хлопоты должен будет взвалить на собственные плечи. Напомнил также, что если они намерены путешествовать на этих лошадях и иметь при себе предназначенные для знатных казахов подарки, то в целях безопасности вынуждены будут постоянно менять свой внешний облик, передвигаться

тайком, строго конспиративно. Когда Ахуну я сказал, что железная дорога на севере от Амударьи целиком находится под контролем советских войск, он отметил: «Вы, кажется, нашу поездку не одобряете».

Была еще одна причина, препятствующая началу этого дела. У Ахуна износились металлические зубы, и он не мог толком прожевывать пищу. Необходимо было в Самарканде у специалиста вставить ему зубы, однако из опасения попасть в руки красных он поручил нам привести из города зубного врача с инструментами. Приложив немало усилий, мы привели врача, и он, осмотрев его зубы, сказал, что избежать поездки в город не удастся. На что Ахун ответил: «Придется поехать в Казахстан без зубов». И здесь из-за постоянных стычек с красными приходилось то и дело менять наше местопребывание, потому желанного спокойствия не было. В то время я жил недалеко от станции Ростовцево, в садах вблизи кишлака Ходжа Исмаил, древнее название которого Хар-тенг. Здесь находилась могила известного исламского ученого Исмаила Бухари⁶⁷.

Талибзаде интересовался, чем я занимаюсь в свободное время. Я сказал, что сейчас у меня есть три самых важных дела: 1) тщательно изучаю деятельность Коминтерна в Москве и Петрограде. Наши военные деятели, оставшиеся в Москве, мне пересылали наиболее интересные и важные публикации, появившиеся в последнее время. Я продолжал начатое еще в Москве изучение истории и теории коммунизма, считал, что марксизм важно изучать, читая Фридриха Энгельса, с трудами которого я до этого был мало знаком; 2) изучал произведение Махмуда Кашгари, написанное в XI веке и ныне изданное в Стамбуле в 3-х томах. Этот труд мне подарил мой бухарский друг Хашим Шаик, а привез он книги из Азербайджана; 3) мой самаркандский друг Кази Хайдар подарил мне книгу «Месневи» Джалаледдина Руми⁶⁸, изданную во времена султана Маджида. Это было прекрасное миниатюрное издание, и друг мне сказал: «Когда будет грустно, возьми ее в руки». Я частенько перелистывал и эту книгу.

Ахун Юсуф Талибзаде, ученый и писатель, занимал в то время важное место в духовной жизни Азербайджана. У него были труды на тюрки, издал он также краткий тафеир (комментарий) к Корану, где изложил целый ряд своих либеральных мыслей. Русский язык он знал плохо, но его знание арабского и фарси было совершенным. Это был в полном смысле слова панисламист и пантюркист, беспредельно преданный Энверу-паше, даже казался его мюридом и крайне болезненно относился к любому проявлению критического

отношения к нему. В иных разговорах был готов насильно закрыть мне рот. Однажды он спросил: «Чтение Джалаледдина Руми похвально, но уместно ли рядом с могилой имама Бухари чтение русских книг?» На это я ответил: «Если мы столкнулись с необходимостью бороться против России, коммунизма, то все мы, и я, и те наши друзья, которые находятся в Москве, Ташкенте и Самарканде, должны серьезно изучать их политику и теории, которым они следуют. Иного пути у нас нет». Некоторым нашим молодым сторонникам, прибывшим к нам тайно из Ташкента, он заявил: «Дни большевизма сочтены. Слава Богу, нужды в изучении их книг не останется». Однажды Беркут Агабаши улучил момент встретиться со мною наедине. «Вы нашему предводителю Ахуну не говорите все откровенно. Ваши слова он может довести до Энвера-паши в желательном для себя смысле и усложнить Ваши взаимоотношения с папой». Учитывая это предостережение Ишекага-баши, в последующем я старался быть осторожным в выражении своих мыслей. Однажды мы находились в кишлаке Бедона. Прибыли некоторые видные деятели мусульманского духовенства, пользующиеся уважением здешнего курбаши Ачил-бека. Ахун, будучи шиитским богословом, получал удовлетворение от бесед на темы ислама. Он говорил собравшимся о необходимости усиления национального движения с помощью религии, требовал распространять в народе знания об исламской политике и, пригласив всех совместно совершить намаз, оглянулся по сторонам. Некоторые из окружения Ачил-бека творили намаз, однако здесь не было обыкновения напоминать другим, не совершающим намаза, о наступлении времени молитвы. Я сказал Ахуну: «У узбеков Самаркандского вилайета до сих пор живы традиции Тимура. Беки свои религиозные и военные дела никогда не обсуждают с шейхами или исламскими учеными, даже если испытывают к ним чувство глубокого почтения. Ученые и шейхи и не требуют от них этого. Беки один раз в неделю посещают пятничный намаз. Если пожелаем, и мы с башкирскими офицерами можем пойти на это торжественное богослужение. Однако, если мы не пойдём, никто не станет напоминать, что нам следовало бы помолиться. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы, находясь у Ачил-бека и других самаркандских курбаши, обратили внимание на эти традиции, существующие издавна». Ахуну Юсуфу Талибзаде, намеревавшемуся объединить политику тюркских народов и других мусульманских наций на основе ислама, мои слова отнюдь не понравились. Однажды в тот же кишлак мой друг Кари Камил привез кумыс. Кумыса было много. На этом застолье гос-

подтвоявал дух эпохи, отраженной в дастанах «Кёроглу» и «Юсуфа Ахмед». Вечером один узбекский музыкант украсил наше застолье, исполняя прекрасные узбекские мелодии на инструменте «най» (флейта). Я прочитал стихи Джалаледдина Руми о «най» и «мей» (вино), смысл которых сводится к следующему: внутри флейты — огонь любви, и в вине те же волны любви. Карим Камил, прекрасно владевший фарси, был в восторге от этих стихов и экспромтом перевел их на узбекский. Наш ахун промолвил: «Най среди нас, но пред нами нет вина». Я на это ответил: «В нашей традиции летом пить кумыс. Вы известный мусульманский богослов, неудовлетворенность кумысом и просьба подать вино в этих кругах может быть превратно истолкована. Мы не заменяем кумыс вином». Он спросил: «А вы разве не пьете вина?» «Почему же, пьем. Но наше место скромно, и если вы, будучи представителем Энвера-паши, откажетесь на этом застолье от кумыса и предпочтете вино, то найдутся люди, которые это сочтут предосудительным», — сказал я в ответ. И Кари Камил сказал ему: «Вы нам известны как ученый, знаток ислама, толкователь Корана», — и вина ахуну не стали предлагать.

Через несколько дней, определив двоих самаркандских казахов проводниками, а троих в качестве охраны, Ахуна нашего вместе с Беркут-ага и Усманом Чавушем мы проводили в сторону Сырдарьи к казахам, которые были тесно связаны с нашим обществом «Туркестанское национальное объединение».

На провокацию
магзума
Мухитдина мы
ее поддались

Еще до отъезда представителей Энвера-паши в Казахстан мы решили встретиться с руководителями басмаческих отрядов Самаркандского вилайета, собрав их в одном месте.

Однако после стычки с красными бывший вместе с нами ахун Юсуф сказал: «Эту встречу мы организуем позже; если мы поездку в Казахстан будем оттягивать, русские могут нам помешать». В эти же дни ко мне прибыли башкирские военные — Аухади Ишмурзин, Хибатулла Янбухтин, Ислам Ачиез, Ибрагим Суяндукоев, Аюп Сакай-Гирей, Ахмет Варис, которые до сих пор оставались в других басмаческих отрядах Зеравшанского вилайета. Таким образом, все мы собрались в отряде Ачил-бека. Башкиры Мингаж, Шахвали обеспечивали нашу связь с Ташкентом. После убийства нескольких наших людей нас оставалось всего десять человек. Они могли бы призвать сюда сотни других, но кто мог гарантировать их безопасность? Поэтому и тех, кто выражал желание примкнуть к нам, мы отговаривали и про-

сили повременить. Однако ни один вопрос не решался легко. Два представителя, один из Самарканда от магзума Акобира и другой из Бухары от Мирзы Абделькадира, находившиеся у нас при Туркестанском национальном объединении, не были склонны к тому, чтобы все вопросы, касающиеся басмаческого движения в окрестностях Самарканда и Бухары, решались полюбовно и с общего согласия. Оба выражали свое сомнение по поводу поведения начальника бухарской полиции магзума Мухитдина. Они предлагали немедленно открыто перевести на сторону басмачей верные мне советские башкирские воинские части, в Зеравшанском вилайете создать регулярные войска и захватить Самарканд. Они говорили, что если в Зеравшанском вилайете басмаческое движение не приобретет серьезного размаха, то магзум Мухитдин окончательно перейдет на сторону Советов. Два башкира, которые служили в советских воинских частях и поддерживали со мной постоянную связь, прибыв из Самарканда, встретились со мной и Аухади Ишмурзиным. Они сказали, что 250 человек готовы перейти на сторону басмачей в Фергане и вблизи Ура-Тюбе с тем условием, что я сам должен их встретить. Аухади им объяснил, что ввиду невежества басмачей были предательски убиты Суяндукоев с друзьями, что на советско-польском фронте война закончилась в пользу русских, и у них появилась возможность направить в Туркестан большое количество войск и поэтому следует повременить с переходом на сторону басмачей, терпеливо ждать дальнейшего хода событий. Магзум Акобир и его друзья продолжали настаивать на том, чтобы я не мешкая направился к Халбута-беку, оперативно организовал присоединение этих войск к басмачам и лично их встретил. Вышедшие на связь с нами два солдата говорили, что «их товарищи в войсковых частях буквально рвутся перейти на нашу сторону». Аухади и я убеждали их в необходимости потерпеть хотя бы еще 15—20 дней. Обещав, что если Энвер-паша двинется в сторону Гузара, мы сообщим им о нашем решении, и отправили их обратно. Кази Хайдар из Самарканда и его люди рассказали нам о ненадежности магзума Мухитдина и советовали нам сохранять предосторожность. Кази Хайдар вспомнил стих Джалаледдина Руми о мужественном, но предусмотрительном полководце, обняв и поцеловав меня, заставив замолчать Акобира и его приближенных.

Прошло пятнадцать дней после этого разговора, и наши дела приняли весьма нежелательный оборот. Магзуму Мухитдину, имевшему под рукой полицию, в которой работали люди, окончившие специальные школы, и уверявшему нас,

что он «до последней капли крови останется верен нам», верили многие, в том числе и Аухади Ишмурзин. Через некоторое время магзум Мухитдин действительно перешел на сторону Советов, и это вконец испортило настроение наших людей. Когда события начали складываться крайне неблагоприятно для нас, Аухади сказал: «Вмешательство в наши дела таджиков, ничего не смыслящих в военном деле, добром не кончится». В случае перехода башкирских войск на сторону басмачей мы могли выиграть одно-два сражения. Если бы не добились успеха, то взяв с собой и пашу с его приближенными, ушли бы в Афганистан. Так как и паша увидел, что самаркандские предводители не доверяли людям Бухары, и убедился, что в этих условиях не может быть и речи о ведении серьезных боевых операций.

Самаркандские басмачи

По течению Зеравшана действовали следующие басмаческие отряды, связанные с Туркестанским национальным объединением:

1) Отряд Ачил-бека. Сам он из узбеков найманского рода, вырос в местечке Костамгалы, человек внушительного сложения, в возрасте тридцати восьми лет, исключительно мужественный, нравственно чистый и хорошего поведения. Действовал всегда предусмотрительно, осторожно. Читал газеты и мог судить о российской и мировой политике. Рядом с ним находился его очень подвижный и деловой брат по имени Дауран Ачил.

2) Отряд Бахрам-бека. Родом из кишлака Дейнау вблизи Самарканда, из монгольского рода Барын. Мог по-русски читать и писать. Вместе с Ачил-беком некоторое время был на службе в Гузаре у дяди Бухарского эмира Саид Акрам Тура. Оба они свои отряды создали по распоряжению Туркестанского национального объединения. У Ачил-бека в отряде было 1500 человек. При нем в качестве представителя нашего общества находился один из самых образованных интеллигентов Самаркандского вилайета, член центрального комитета Туркестанского национального объединения Кари Камил. При Ачил-беке собралась авторитетная молодежь, например, из каракалпаков самаркандского вилайета Ачил Токсаба, из потомков духовенства городка Челек магзум Катта и магзум Кичик. Помощником у Бахрам-бека был человек по имени Хамракул родом из кишлака Паст вблизи Самарканда. Хамракул был человеком столь же достойным, как и Ачил-бек, мужественным, образованным, принадлежал к джадидам Самарканда, считался учеником мугаллима Шакури. Позже он прибыл в Стамбул, ныне, кажется, в Афгани-

стане. Вместе с Бахрамом, кроме Хамракула, были Абделхалим, Кари Мухаммед и азербайджанец Эсат-бей. Бахрам-бек пользовался большим авторитетом среди таджиков.

3) На западе Самаркандского вилайета в окрестностях Каттакургана среди гор, расположенных южнее Зеравшана, господствовал отряд Карагул-бека, состоявший из 500 воинов. Сам он по происхождению из карлуков рода Сарай. Большинство интеллигентов, прибывших из Бухары, присоединились к нему, в его ближайшем окружении находились около 100 человек. Был он мужественным, высоко нравственным человеком.

Из ургутских таджиков был человек по имени Хаджи Абделькадир, который знал русский язык, служил у советов. Этот человек с ясной головой и его мугаллим Шакури тайно организовали отряд в Ургуте. Они подавили тамошний гарнизон и ушли в горы. Он очень любил тюркскую и персидскую литературу прошлых веков. Но у него была привычка сомневаться при принятии решения, поэтому воины в отряде недолюбливали его.

В распоряжении отрядов Ачил-бека, дислоцированных вблизи Джизака, были два интеллигента по имени Ниязибек и Тураб-бек. Это были молодые люди, получившие в Самарканде среднее образование в русских школах и состоявшие в Коммунистической партии. Они служили руководителями в полицейских органах. Оба происходили из родов, потерпевших много бед в ходе восстания 1916 года. Мамур Ниязи — из рода Кырк Садак. После прибытия в Турцию мы с ним вместе издавали журнал «Новый Туркестан». Он служил в учреждении железнодорожного строительства, скончался в 1929 году в городе Тавшанлы в вилайете Кютахья. Тураб-бек происходил из старинного знатного узбекского рода. В его отряде было около 200 бойцов, горы между Самаркандом и Ферганой были в его руках. Он сумел выбраться в Иран, но большевики ухитрились его поймать и тайно вывезти из Мешхеда, после долгих истязаний его убили в Ташкенте. Я храню множество писем, присланных им из Хорасана, они представляют собой ценнейшие документы национально-освободительной борьбы в Туркестане.

Также в Джизакских горах действовал со стороны Нурата таджик мулла Хамракул. Центром его служил Койташ. Это также был интеллигентный человек, живо интересовавшийся поэзией. Как председателю Туркестанского национального объединения, Хамракул был определен в мое распоряжение. Связь с Хивой через Сырдарью нам обеспечивал человек Хамракула. Благодаря его расторопности наши письма

доходили до Хивы в течение пяти дней, и за это же время мы получали ответ. В подчинении Хамракула были таджик мулла Мухаммед Яшар и актюбинский мулла Каракул. Это были известные в тех местах люди. Мулла Каракул был сведущ в истории. Куйташские горы, которые находились под контролем отряда Хамракула, он называл Эргункун, то есть названием, содержащимся в древних тюркских дастанах.

Выбившихся из сил лошадей мы приводили сюда для отдыха. Я там побывал несколько раз. Здешние узбеки остались верны древним традициям степной жизни, и язык у них сохранился в чистоте. Женщины у них смелые, не прячутся от чужого взгляда. И фольклор сохранился прекрасно, однако до сих пор никто не сумел записать его и опубликовать. Впоследствии ташкентские органы просвещения нашли здешнего сказителя Эргаша Джуманбулбула⁶⁹, записали из его уст некоторые из дастанов и опубликовали их.

Таджики Асрар-хан и Хамид-бек, руководившие таджикскими отрядами, находившимися в горах Мача по реке Зеравшан, узбек из Санжара Габделмажид-бек также находился в подчинении Ачил-бека.

Горы Ура-Тюбе между Самаркандом и Ферганой находились под контролем отряда под предводительством курбаши Халбута-бека. В его отряде насчитывалось до 500 бойцов. Человек исключительного мужества, ненавидевший русскую экспансию, он был очень любим своими воинами и близким окружением. У него был умный, прозорливый, хорошо знающий житейские дела помощник по имени Мустафакул, который ведал и всеми финансовыми делами. Возможно, он был из рода «Йуз».

Русские считали всех басмачей разбойниками, грабителями. Однако большинство предводителей басмаческих отрядов Самаркандского вилайета представляли собой людей бесконечно преданных своей родине, самоотверженных и хорошо понимающих происходящие события.

Челекские бои Общей задачей этих отрядов было недопущение советских войск в Самаркандский вилайет, а также подавление прибывших и изъятие у них вооружения и боеприпасов. Кроме того было необходимо поднять на освободительную борьбу население во всех уголках вилайета, если в Восточной Бухаре обозначится успех движения, то быть готовыми к тому, чтобы парализовать железнодорожную связь вокруг Самарканда. В июне произошли большие бои в Яркургане, Яныжургане и Пайшанбе. Однажды подобное сражение разгорелось в местечке Калган-Зияит-

дине. Место это известно еще исстари, со времен арабов было известно как Дебусия. В ходе боя я со своими людьми занял линию обороны на одном старом кладбище. Рассматривая надгробные камни, на которых надписи были высечены куфическим письмом, я услышал, как мой друг Абделькадир (Фатхелькадир) закричал: «Меня ранило». Осмотрев, мы обнаружили, что его поранила игла колючки. Этот случай послужил позже поводом для сочинения целого рассказа. Абделькадир сопровождал мою супругу Нафису в город Туркестан (Ясы), расположенный недалеко от реки Сырдарья. Она должна была оставаться там до получения от нас вестей.

Однажды мы прибыли в местечко Джамбай севернее Самарканда. Советы для ведения переговоров прислали к Ачил-беку представителей Самаркандского мусульманского духовенства. Прибывшие имамы сказали: «Мы пришли по велению большевиков, однако вы сами лучше знаете, что делать дальше». Тем не менее Ачил-бек чуть не убил одного имама, слишком близко сошедшегося с Советами. Среди них были и такие видные в Самарканде имамы, как кази Иса и ишан Ходжа. После беседы с нами о некоторых религиозных проблемах они пожелали сотворить намаз вместе с басмачами, отведя себе роль имамов. Однако басмачи не пожелали вместе с ними встать на молитву. Их послал на переговоры вали Самарканда казах Ширазиев. По этому же каналу и командование русских войск прислало к нам своего офицера с предложением Ачил-беку начать переговоры. Ачил-бек сказал мне: «Если пожелаешь, попробуй начать переговоры». Члены Самаркандского комитета нашего общества считали эту затею достаточно опасной. Встреча должна была состояться между кишлаками Челек и Кумушдаг, с обеих сторон должны были прибыть по пять человек. Было решено, что басмачи, которых, как сыновей имамов, называли магзумы, окружают место переговоров со всех сторон. Если русские не нападут, они также никого не тронут. Ачил и Бахрам отдали в мое распоряжение Абделхалима, владевшего русским языком, и еще одного человека. Переговоры поведут магзумы, а я разговаривать с офицером не буду, ведя себя как человек, не понимающий русского языка. Так мы и сделали. Офицер предложил прекратить бои и достичь соглашения с Советами. Однако переговоры были безрезультатными. Это было историческое место, где велись переговоры о мире между Тимуром и приближенными эмира Хусейна. И тогда переговоры оказались бесплодными. Русские попытались прозондировать почву для достижения соглашения и убедились в том, что эти попытки будут безуспешными.

Представители Энвера-паши Ахун Юсуф, Усман Чавуш и Беркут Ага добрались в Казахстане до низовьев Сырдарьи, однако из-за того, что там находились русские войска, повернули обратно, ничего не добившись и не сумев даже вручить Кийки-батыру и другим видным казахским басмачам подарки Энвера-паши — саблю и иные вещи. Ахун Юсуф сказал мне: «Вы, несомненно, лучше знаете эту страну. Мы вернулись, почти ничего из задуманного не сделали». Ввиду того, что на Польском фронте положение изменилось в пользу русских, Энверу-паше не оставалось иного пути, кроме отступления в Афганистан. Поэтому после одного боя вблизи Пайшавба, в котором участвовали и башкирские солдаты, мы обсудили, что нам делать дальше, и пришли к выводу: башкиры под началом Аухади Ишмурзина должны идти к Мамуру и Тураб-беку в горы Мача, а дальше двинуться к Энвер-паше и присоединиться к нему. Я должен был организовать штаб-квартиру на севере Туркменистана и, если возникнет необходимость, выехать в Иран. Затем все мы должны собраться в Афганистане. Но до этого я обязан принять участие в съезде Туркестанского национального объединения в Ташкенте.

Посоветовавшись с Кари Камилом и Ачил-беком, мы решили, что Ахун Юсуф и Усман Чавуш должны в начале августа, перед дорогой к паше, отдохнуть в горных джайляу у Самаркандских басмачей, пригласив туда и Халбуту-бека из Ура-Тюбе. В конце июля часть отрядов из западных районов Самаркандского вилайета соберется в местечке Багдае, позже все мы отправимся в Ярджайляу, расположенный в верховьях Сангизора, — место, хорошо известное из истории Афшина⁷⁰, Тимура и Бабура⁷¹. Здесь у подножий гор Мача на альпийских лугах были сооружены специальные печи, называемые «тандыр долмалары». Вырыли несколько больших ям, по сторонам обложили их камнями и внутри разожгли огонь. Несколько бараньих туш и конину, вместе с рисом, перцем, луком, травами и другими специями, завернув в желудочные пленки животных, заложили в накалинные докрасна печи, закрыли листьями и закопали землей. Это мясо, обладавшее исключительно нежным вкусом, мы ели в обед на следующий день. В тот же день Ахун Юсуф, Аухади Ишмурзин и я верхом в сопровождении двух узбеков ездили осмотреть водопад, находившийся в горах со снежными вершинами, казавшимися на первый взгляд очень близкими. В лучах клонящегося к закату солнца водопад отливался всеми цветами радуги. Природа была столь чудесна, что нетрудно было понять наших предков-шаманистов, поклонявшихся горам, рекам, творивших молитвы и резавших жертвенных

животных, обращаясь к ним. От восхищения я приник головой к земле. Ахун Юсуф заметил: «Если при этом Вы произнесли слова молитвы, то вернулись к язычеству». Через некоторое время сюда прибыла и часть наших войск.

В этот вечер я пережил одно из самых незабываемых мгновений своей жизни. Присутствовали поэт из Самарканда по имени Васли и один писатель из Ташкента. Возможно, он жив до сих пор и небезопасно упоминать его имя. Здесь же собрались видные предводители басмачества Самарканда, все близкие мне люди из Башкортостана были рядом со мной. Старик по имени Хаким Тура, прибывший из Кашгара, прочитал стихи, которые сохранились в Восточной Бухаре как часть фольклора. Эти строки при виде чудных гор составляли в душе неизгладимые впечатления:

Быть рабом врагов —
Нет участи тяжелее.
Пусть за свободу будет жертвой
И имущество, и жизнь наша.
Когда сложим головы,
Пусть душа наша обретет крылья жаворонка,
И пусть пролитая нами кровь
Покроет родную землю алыми тюльпанами.

Мы испытывали глубокое душевное волнение от того, что народ наш так сильно жаждал свободы и независимости, что все мы испытывали друг к другу столь искреннее чувство близости, что войска были беззаветно нам преданы и нас окружала природа столь необычной красоты, где в прошлые века происходили славные исторические события, хорошо нам известные из средневековых книг.

На третий день пребывания в Ярджайляу мы стали гостями у одного богатого узбека по имени Умар Хаджи. Он был из тех полукочевых тюркских семей, встречавшихся у казахов, киргизов, башкир и узбеков, которые передавали свои богатства из поколения в поколение в течение многих столетий. Весь народ в округе относился к нему с глубоким почтением. Основное его богатство — многочисленные стада. Изобилие кумыса и пищи в его доме существует для всех ближних и дальних сородичей. Он был поистине слугой и отцом своего народа и находил удовлетворение в оказании помощи как своим умным словом, так и богатством каждому, кто в этом нуждался. Чтобы спасти свои стада от грабежа советской власти, он пригнал их в эти дальние гор-

Ночная беседа
о проблемах
национальной
культуры

ные пастбища. Умар Хаджи вытаскивал из сундуков одну за другой и показывал нам старинные вещи: одеяния предков, в которые они облачались лишь в торжественных случаях, дорогие женские платья, в том числе одежду и украшения прабабушки, снискавшей в свое время особое почитание народа, богато украшенное седло со всей сбруей, рукописные книги с миниатюрами, прекрасный экземпляр Корана, место которого в музее, записи «Аврад», диваны Хафиза и Навои⁷². Он сказал: «Басмачи, пытающиеся защитить наш народ, не в состоянии создать долговечное правительство. Вы уйдете, следом придут красные, меня убьют, а все эти сокровища отнимут и уничтожат. Вот что меня страшит». В его мудрых глазах застыла тоска и обреченность. Среди книг были также сборник стихов, написанный на трех (арабском, тюрки и фарси) языках знаменитым правителем узбеков Убайдулла-ханом, жившим в первой половине XVI века, его же книга завещания «Ах, сын мой!» Этот экземпляр, также достойный хранения в музее, был написан при жизни самого Убайдуллы-хана и подарен им одному из предков Умара Хаджи, имя которого упоминается в исторических трудах. В книге сохранилась дарственная надпись. Кари Камил сказал, что рукописный Коран прекрасного исполнения принадлежал не предкам Умара Хаджи, а был оставлен в их семейной сокровищнице кем-то на хранение. Эта узбекская семья, жившая в верховьях Сангизора на протяжении четырех столетий, с первой половины XVI века до наших дней хранила, не растеряв, немало культурных ценностей. Реликвии, которые моя собственная семья берегла в течение двух-трех столетий, были разграблены и рассеяны во время советского нашествия и грабежа. Та же участь ждала и эти вещи. Среди них был также пояс, украшенный золотом и серебром, а на ремне тиснением были выведены стихи на фарси. Сейчас в Европе производят различные кожаные вещи, с тиснением на них текстов и орнамента. Однако каким же способом узбеки несколько веков назад делали то же самое? Обработка кожи и тиснение свидетельствовали о необычайной искусности мастеров того времени. Если эти сокровища попадут в руки русских, прежде всего будут содраны с них золотые и серебряные украшения, а остальное будет выброшено как мусор⁷³. Умар Хаджи просил: «Найдите способ, чтобы эти ценные вещи не погибли». Ахун Юсуф Талибзаде предложил: «Самое ценное из всего этого отдайте мне, я их доставлю к Энверу-паше, оттуда, возможно, удастся вывезти в Афганистан». Умар Хаджи выразил сомнение: «Мне бы не хотелось, чтобы это семейное сокровище рассеялось, оно должно храниться в одном месте. До того, как добраться до паши, вы будете проходить

места, захваченные красными. Кто же гарантирует, что вещи не окажутся в их руках? Ваша безопасность сомнительна». И добавил: «Что касается беков (т. е. басмачей), они догадываются с луки седла снять ваши котомки, но при прощании у них не хватит времени их обратно туда же привязать». Этим он вызвал всеобщий смех самих беков, сидевших вокруг и слушавших беседу. Я же дал совет, который им с первого взгляда показался странным: «Отвезите все эти сокровища в Самарканд и сдайте в музей». Ахун Юсуф возразил: «Какой смысл в том, что мы, оберегая все это от русских, собственными руками вручим их им же?» На то я ответил: «Государственные библиотеки и музеи в больших городах переживут смену режимов и сохранятся. Если нашим целям когда-то суждено осуществиться, то и эти музеи вновь станут достоянием народа». Ачил-бек сказал: «Доставка собственными руками сокровищ родного народа русским будет означать, что мы сами не верим в успех нашей борьбы». «В таком случае Умару Хаджи следует все эти вещи держать вне своего дома, в каком-либо надежном месте», — заметил я. Умар Хаджи ответил: «Если от сдачи этих реликвий в музей может пострадать наше национальное движение, то это значит, что фундамент этого движения слаб. Разумеется, я смогу спрятать их вдали от моего дома, но эта мера не столь надежна. Возможно, самое верное — отдать в музей».

Прошел месяц после этого памятного разговора, в ходе съезда Туркестанского национального объединения в Самарканде мы получили известие о том, что после захвата красными всей территории по течению Сангизора и от дома, и от семьи Умара Хаджи ничего не осталось. Но сведений о том, попали ли в музей хотя бы отдельные ценные вещи из его коллекции, мы получить не смогли. Хранение в семье Умара Хаджи столь ценной коллекции доказывало, что в знатных узбекских семьях Туркестана, в домах династий беков хранились ценнейшие произведения искусства, сокровища культуры.

В ту ночь в доме Умара Хаджи мы не ложились спать, ночь провели, беседуя с Ахун Юсуфом Талибзаде и поэтом Васли о литературе, в особенности о «Месневи» Джалаледдина Руми. И Умар Хаджи, белобородый, с открытым лицом, сдержанный и спокойный, которому и в голову не приходила мысль, что через неделю его душа отправится на тот свет, сидел рядом с нами на ковре, поджав под себя ноги, и с интересом слушал нас, принимал участие в разговоре. Начав беседу о странных сюжетах в творчестве Джалаледдина Руми, я, кажется, задел самое больное место в душе Ахуна Юсуфа. Мау-

дана⁷⁴ высказал глубокие философские мысли, имеющие множество оттенков. Чтобы понимать их подлинный смысл, необходимо хорошо знать религиозную литературу, в том числе еврейские первоисточники, *кысса* Пророка, *кыссы* о Харуте и Маруте⁷⁵, Балам-агура, арабскую литературу. Читателю, не знающему подобно мне все это во всех тонкостях, понять Руми очень трудно. Непременно нужно быть сведущим в биографиях Баязита *Бистами*⁷⁶, Мансура *Халаджа*⁷⁷ и *Ибрахима Адхама*, многих других суфиев, разбираться в аятах Корана и хадисах, в персидском и арабском фольклоре, в особенности в рассказах о происках иблиса-шайтана. *Джалаледдин Руми* развивает свои мысли, опираясь на все эти легенды и рассказы, которые он знает во всех тонкостях. А такому читателю, как я, зачастую не известен ни упоминаемый им суфий, ни полное содержание хадиса, даже начало или конец того или иного хадиса или аята, лишь мельком упоминаемого поэтом, не понятно, почему в данном контексте приведен именно этот, а не другой хадис. К тому же Руми, назвав один хадис и намекнув на другой, переходит к третьему и понимание внутренней связи между темами, мыслями и сюжетами всецело зависит от уровня культуры и эрудиции читателя в сфере истории, религии, литературы.

В ходе этой беседы я остановился на одном из сюжетов, объясненных *Джалаледдином Руми*. Сюжет следующий: в XI—XII века в Бухаре у власти стояла династия *садр-и-джахан*⁷⁸, выходцев из духовенства. Эти правители, управлявшие теократическим государством наподобие *Далай-Ламы* в Тибете или Папы Римского, были людьми глубоко учеными. Мусульманам Средней и Передней Азии они оставили основополагающие труды по теологии и праву. Один из молодых отпрысков этого рода прославился своей красотой. Некий видный государственный муж, командующий войсками города и одновременно инженер, влюбился в юношу. Вскоре, как водится, пошли сплетни об этом. Командующий понимал, что ситуация напоминает случай, когда «заяц осмелился влюбиться в льва» и, опасаясь, что *садр* может его убить, предпочел бежать из Бухары. В течение 12 лет скитался он по городам и селам Хорасана и Ирака, но забыть предмет своего обожания не смог. Решив, «будь что будет, умру, увидав его», возвратился в Бухару. Якобы и *садр-и-джахан* уже не был плохо настроен к нему и решил, что простит его, если он вернется. Так вот, влюбленный, скитаясь по миру, до своего возвращения в Бухару претерпевает множество приключений и трудностей. Друзья всячески предостерегают его от возвращения. Руми эту любовь между двумя мужчинами

пространно и прекрасно описывает на страницах романа длиною в тысячу бейтов, приплетая к перипетиям сюжета множество других историй. Народ Бухары, по выражению самого Руми, «и стар, и мал, и женщины», знавшие все эти приключения до мельчайших подробностей, сочувствовали влюбившемуся воину, а недовольство *садра-и-джахана*, выражавшего недовольствие по данному поводу, оценивали как отвержение приязни одного человека к другому, что считалось, по их мнению, признаком невежества и грубости. Причем, автор вполне солидарен с мнением своих читателей. Последние части повествования поэт ведет в духе высокого драматизма и хвалит народ Бухары за его способность сочувствовать и сопереживать злоключениям героев.

Узнав, что в Бухаре X века продолжал жить обычай любви между мужчинами, я испытал сильное чувство омерзения. Руми в этом же произведении рассказывает и о жизненной драме некоего юноши, который целых семь лет не мог соединиться с любимой девушкой, однако при этом поэт не приходит в такое же волнение, какое он испытывает, описывая любовное влечение одного мужчины к другому.

Туркестан во все времена был ареной столкновения двух культур. Великий историк и мыслитель исламского мира *Ибн Каййим аль-Джаузи*⁷⁹ (XII век) подробно объяснял, что в первые века распространения ислама в Багдаде любовь между мужчинами стала серьезной общественной болезнью. Он написал и о том, что ставший известным в VIII веке и положивший основу одному из четырех правовых толков ислама имам *Малик ибн Анас*⁸⁰ строго запретил присутствовать среди своих учеников безусым подросткам и юношам. Если без его разрешения среди его шакирдов объявлялся такой юноша, то по существовавшему порядку его наказывали плетью. Красиво одетых, увешанных украшениями отпрысков знатных семей имам не допускал к устраиваемым им самим *меджлисам*, так как эти привлекательные юноши, став участниками его бесед с учениками, отвлекали внимание слушателей от слов великого наставника. *Ибн Каййим* упоминает и другого ученого толкователя хадисов, жившего значительно позже имама *Малика*, который говорил, что «один красивый юноша успешнее собьет людей с пути истины, чем семьдесят красавиц». Вряд ли все эти мысли возникали лишь на основе платонических чувств.

И *Алишер Навои* в своих стихах упоминает красивых юношей с искусно подведенными бровями, с длинными заплетенными косами, готовыми, если в этом есть необходимость, целовать партнера в губы и даже его ноги. Пишет по-

эт и о том, что они способны ввергнуть людей в любую смуту и в любую беду. Однако для Алишера Навои, всю жизнь оставшегося неженатым, все это являлось лишь эстетической проблемой. Другой литератор из Герата той эпохи Камал ад-Дин Хусейн⁸¹ всех видных людей и даже провидцев своего времени изобразил как людей, сбившихся с истинного пути, любивших мужеложство, и написал книгу «Маджалис аль-Ушшак» («Собрание влюбленных»). В эпоху Сефевидов юноши изображаются в женских нарядах, и их облик никоим образом не соответствует нашим современным представлениям о поведении мужчины.

Даже описаний нормальной любви того времени в таких произведениях, как «Махмуд и Аяз» и «Кёроглу Айваз», поэты XVII—XVIII веков подвергли критике как романы, возбуждающие у читателей эротические чувства. «Культ прекрасного юноши», подвергнутый в средние века уничтожающей критике, мы сейчас не сможем возродить даже в качестве темы искусствоведения. Необходимо, оставив в стороне странные, негодные нам рассказы и газели таких великих поэтов, как Руми, Навои, переводить и издавать только те из произведений, которые соответствуют современному пониманию морали и эстетических ценностей.

Из тюркских языков большое будущее имеет казахский язык. Так же как и чагатайский или язык османской литературы периода расцвета поэтических «диванов», казахский язык со временем также выйдет на передний план.

Ферганский офицер Миршариф был очень интеллигентным и начитанным человеком. Он спросил меня: «Неужели Вы таких поэтов, как Руми, Джами, Навои считаете безнравственными людьми?» — «Упаси Аллах. Дух того времени не во всем совпадает с нашим. Тогда в персидской литературе был период «поисков прекрасного». В создании миниатюр видно это же стремление. И в наше время, если в кино демонстрируют актрису-красавицу, то говорят, что она оставила у зрителя впечатление «разорвавшейся бомбы». И в то время существовало нечто подобное. Один из писателей Герата по имени Шихаб ад-Дин Даулатабади⁸², разъясняя одно событие своего времени, пишет: «В Самаркандском вилайете жил некто Мирза Хамдам, имевший красивую внешность. Султан Хусейн Байкара⁸³ был без памяти в него влюблен лишь на основе многочисленных рассказов о его красоте, а мулла Джами прибыл в Самарканд с единственной целью лицезреть его». Очевидно, так оно и было. И у нас с обретением равных прав с мужчинами женщины поднимутся на театральные подмостки, и тогда не останется нужды мужчинам

играть на сцене женские роли, средневековые традиции по-вместному начнут уходить в прошлое».

Тот же Миршариф на следующий день сказал мне: «Прочитав наизусть некоторые стихи Руми, Навои и Аллаяра⁸⁴, Вы нам охарактеризовали их как людей, живущих среди нас. Мы их представляли давно оставшимися вместе со своими могилами в далеком историческом прошлом. Так где же истина?» На это я ответил: «Суфи Аллаяр — маленькая и односторонняя личность. Сказанное тобой о нем верно, он в прошлом. Однако и в его стихах есть строки, достойные сохранить его имя в поэзии. Нужно лишь уметь отделять устаревшее от непреходящего в творчестве поэта. А вот такие великие мыслители, вышедшие из среды тюрков, как Джалаледдин Руми, аль-Бируни и Навои — люди великой культуры, личности многогранные. Они умели говорить соответственно времени и обстоятельствам. Навои нельзя представлять как обычного любителя выпить. Между тем, так же как Омар Хайям⁸⁵, чего только он не написал на эту тему. Или: в то время, когда все человечество было убеждено в том, что Земля — центр Вселенной и весь небесный купол с мириадами звезд вращается вокруг нее, аль-Бируни знал о движении Земли, но ограничивался повторением тех мыслей, которые по этому поводу были высказаны учеными древней Греции и Индии. Чтобы среди современников не распространились разные невежественные кривотолки и сплетни, он говорил: «Все это проблемы физики, а я всего лишь математик», уходя от прямого ответа на поставленный вопрос. То есть, вынужден был быть и дипломатом. И Джалаледдин Руми знал многое из того, о чем другие не подозревали. Он считал: «Духовное прозрение — орудие мирового божественного первоначала. Что такое духовное прозрение? Это мысли, которые рождаются, когда прислушиваешься к самым глубинным, потаенным чувствам». То есть, Аллах, напрямую обращаясь к самым глубоким и тонким чувствам Пророка, доводит до его сознания свои мысли, он делает это посредством Джабраила⁸⁶, который воздействует на усталого Пророка, давая ему отдохнуть под сенью своих крыльев. Гуманная, просвещенная личность будет объяснять сложные для понимания простых людей проблемы в таких формах, которые не должны смущать и отталкивать их. Он прежде всего постарается быть полезным среде, где он в данное время пребывает. Например, если Вы будете слишком резко выражать свое недовольство по поводу тех или иных устаревших людских обычаев, то оттолкнете их от себя. Поэтому Руми говорил: «Я ем костный мозг Корана, а его кости оставляю собакам». Однако Руми до-

ставляет нам удовольствие не только разъяснением сути, то есть костным мозгом Корана, но приносит пользу народу, используя в повествовании и предания, рассказы, легенды, связанные со священной книгой».

Через несколько дней по приезде в Самарканд я узнал, что Миршариф передал смысл наших бесед многим своим друзьям. Чтобы не забыть содержание этих бесед, я записал их и отправил послу Бухары в Кабуле, Мирзе Рахматулле. Через год, прибыв в Кабул, я получил эти записи из рук Хашима Шайка, заменившего Рахматуллу на его посту. Мне подумалось, что в Туркестане нам нередко удавалось поговорить об очень важных проблемах.

Опираясь на самаркандских басмачей, мы совершили ряд важных дел. В том числе мой близкий друг Аухади Ишмурзин, работавший в Хиве Усман Терегулов и находившийся там же ташкентский узбек Миршариф перевели с русского на узбекский язык военные инструкции, а один правовец из Казахстана работал над конституцией будущего Туркестана.

Письмо,
написанное
Мустафе
Чокаеву⁸⁷

Один из интеллигентов Бухары, поэт и писатель мулла Рахматулла, был направлен в качестве посла Бухары в Кабул. Там же в это время находились военный комиссар Бухарского правительства Абдулхамид Арифов и еще несколько человек. Один из людей мурлы Рахматуллы привез из Афганистана очень интересные письма. Абдулхамид написал о проблемах мировой политики и о своем путешествии по Индии и Читралу. Он сообщал также о своей переписке с бывшим главой Кокандского правительства Мустафой Чокаевым, о том, что он ныне проживает в Париже. Эти письма нам показались лучами света из мира свободы. Я написал ответ Абдулхамиду, а также письмо Мустафе Чокаеву, попросил Арифова переслать его по адресу. Все эти письма должен был доставить Ахун Юсуф, выезжающий в Афганистан. Однако он из-за гибели Энвер-паши и осложнения ситуации не смог выехать в Афганистан, но переправить письма в Кабул ему все же удалось.

Свое послание, написанное мною 27 июля 1922 года, я получил обратно из рук Мустафы Чокаева год спустя, когда мы встретились в Париже. В письме я сообщал о событиях той поры в Самарканде, а также передавал сведения, поступившие из Москвы.

Мысли, достойные упоминания в данных воспоминаниях, таковы: «Если Советы одержат победу в войне с Поль-

ши, они начнут по отношению к мусульманам новую политику в сфере культуры. Это я узнал три дня тому назад у одного своего друга (очень надежный источник), прибывшего из Москвы в Самарканд. В Москву приглашены из казахов Алихан Букейхан, Ахмед Байтурсун, Назир Туракулов, башкиры Абдулла Гисмати, Салах Азнагулов, Шариф Манатов, азербайджанцы Мухаммед-ага Шахтахтинский, Алигейдар Саитзаде, Джелал Мамедкулизаде, турецкие коммунисты Ахмед Джавад, Назым Хикмет⁸⁸, татары Мирсаит Султангалиев⁸⁹, Науширван Яушев. Каждому из них дали поручение написать масштабные труды по культуре своего народа и о путях строительства коммунизма, заняться переводом важных трудов по коммунизму на тюркские языки. В Москве организован Восточный университет, во главе которого поставлены Сванидзе⁹⁰ и Бройдо⁹¹. Бройдо сейчас — помощник Сталина. Теперь Вам станет ясно, какую Вы совершили ошибку, послав в апреле и июле 1917 года этого человека как своего друга в Хиву в качестве вали (управляющего областью). Этот Бройдо и профессор Поливанов⁹² вместе с пожилым специалистом по русскому языку из Азербайджана Шахтахтинским, турком Ахмедом Джавадом ведут политику окончательного отделения тюркских народов друг от друга, а также отрыва всех нас от наших собственных корней путем введения разных алфавитов на основе латиницы или кириллицы. Назир Туракулов и его супруга Ханифа предложили, что если будет введен латинский алфавит, то он должен быть общим для всех тюркских народов. Однако Бройдо и Поливанов ведут политику создания отдельного литературного языка для каждого народа согласно фонетическому своеобразию его наречия. Несомненно, переход к латинице станет лишь ступенькой для перехода к кириллице. В Дагестане* уже начался перевод осетинского и черкесского языков к кириллице. Ведутся разговоры о переводе на латинский алфавит алтайских татар, финнов и якутов. И эти планы исходят от Бройдо и Поливанова. «Кобланды»⁹³ и другие вещи сейчас публикуют арабским шрифтом, но через несколько лет их начнут печатать латиницей, затем, разумеется, перейдут и к кириллице. Сейчас для обучения в Восточном университете набрали молодежь в Хиве, Бухаре, Ашхабаде, Коканде, Ташкенте и привезли их в Москву. Было бы желательнее, если бы ты написал статьи об этой новой политике советской власти в сфере культуры и обратил на это внимание мировой общественности. Итак, после разгрома нас на военных фрон-

* Имеется в виду Северный Кавказ.

тах они хотят перевести войну на культурный фронт. В феврале этого года в Ташкенте под руководством Назира Туракулова и Хади Файзи начал выходить журнал под названием «Инкилоб» («Революция»), до сего дня появилось пять номеров. Это делается стараниями Г. Сафарова. Советы желают завоевать на свою сторону часть интеллигенции Туркестана и их руками дискредитировать ту ее часть, которая выступает против политики большевиков. В этом журнале публикуются Хаджи Муин из Самарканда, Абделхамид, Чулпан, Садриддин Айни, Полат Салиев, Абдрахман Сади и некоторые другие. Назир публикуется и под псевдонимом «Дервиш», ведет речь о «восстановлении культуры тюрков в Туркестане на основе советской идеологии». Выступая под псевдонимом «Дервиш», он в целях подрыва авторитета интеллигенции, присоединившейся, как мы, к басмаческому движению, приблизил к себе и Джанузакова. Твой друг, потомок Чингисхана Санджар Асфандияров также подвергает уничтожающей критике политику алашордынцев и Валидова. Абдрахман Сади пытается отстаивать идею общетюркского литературного языка, публикует об этом статьи, но профессор Поливанов тотчас вступает с ним в полемику и в том же номере журнала печатает статью, где доказывает ненаучность этого взгляда и характеризует его как пантюркистский. Упомянув договор между Советской Россией и Турцией от 16 марта 1921 года и речь Юсуфа Акчуры от 20 марта того же года в Анкаре, где он выдает себя за друга России и Польши, а также говорит о «культуре исламского мира», Назир Туракулов стремится изобразить Советы как государство, проводящее бережную по отношению к восточным народам политику. Однако такие лица, как Павлович, Бройдо и Поливанов в Москве всячески препятствуют изданию литературы на азербайджанском диалекте и в то же время изо всех сил выступают против местных интеллигентов, которые, публикуя в Ташкенте и других местах статьи на узбекском, казахском, туркменском, татарском языках, ратуют за создание общей литературы и языка для всех тюркских народов. Бройдо и его единомышленники пишут, что если будет принят латинский алфавит, все языки на основе отдельных алфавитов будут окончательно зафиксированы, и после этого надежды на объединение будут подрезаны у этих народов под корень. Действительный фундамент будущей политики Советов — именно в этом. Это следовало бы уже сейчас отметить в печати».

Дни праздника 4—5 августа, дни праздника Курбан-байрам, Курбан-байрам мы провели в кишлаке Бедона у родственников Кари Камила. Проповедь (вагаз) имама в мечети была напрямую направлена против русских. И пока все находится в руках басмачей, населению и в голову не приходила мысль, что через несколько дней сюда прибудет большое количество красных войск. Кари Камил глубоко переживает, видя, что я в угнетенном состоянии.

Мы поехали в кишлак Чимбай в окрестностях Самарканда, сюда же прибыли несколько наших знакомых из Самарканда и Ташкента. Люди, думая, что скоро вся власть перейдет в руки мусульман, встретились с нами и общались свободно. Один из предводителей отрядов из окрестностей Чимбая устроил игры, называемые «кёпкери». Воины, охотно играя в эту боевую игру, продемонстрировали нам, в чем же она заключается. В Чимбай прибыл и один арабский ученый, с которым мы познакомились в Самарканде. Обращаясь к войскам, он прочитал стихи на арабском языке. Он пересказал и бейты, которые Пророк произносил некогда своим воинам, а затем попросил их перевести на тюрки. Один бейт мне особенно запомнился: «Они (воины) сидят на своих боевых конях, как кустарник у горных скал. Это не из-за крепости ремней, держащих седло, а определяется силой воли воинов». И другие прочитали множество прекрасных стихов, торжества продолжались до позднего вечера. Среди прибывших в Бедона и Чимбай посмотреть на наши войска был и один дагестанец. Словом, военные игры на этом сборе, искренние беседы, прочитанные стихи оказали благотворное воздействие на наше душевное состояние.

Во время пребывания в кишлаке Бедона я подробно изложил свои мысли о судьбе Туркестана, тюркских народов, мусульман, когда Россия вновь встанет на ноги под началом Советов. Эти записи, составленные мною 23 июля 1922 года, я думал вручить государственным деятелям Турции, а затем, несколько видоизменив форму, — деятелям Ирана и Афганистана. Позже, после прибытия в Иран, я отправил их через турецкого консула в Мешхеде в Анкару. Речь об этих записях, названных мною «Социальная революция на Востоке или контрреволюционная реакция и задачи революционной интеллигенции», будет впереди. В мои планы не входило ознакомить с ними Энвера-пашу, поэтому я не стал показывать их Ахуну Юсуфу Талибзаде. Ныне они хранятся в архивах Министерства иностранных дел Турецкой республики.

Ахун Юсуф со спутниками и с некоторыми нашими людьми по дороге на Мача и Каратегин отправились к Энве-

ру-паше. Но к их приезду Энвер-паша уже погиб. Ахун Юсуф, как мусульманин шиит, поехал к таджикам Шугна-на, принадлежащих к этому же направлению ислама, и присоединился к Хаджи Сами, который занял место Энвера-паши. Гибель паши, усиление давления русских, расстройство дел басмачей ввергло Ахуна Юсуфа в уныние, к тому же он убил из-за некоей женщины своего ташкентского знакомого Абдурасула. Позже, пытаясь выбраться в Афганистан, он бросился вплавь через Пяндж и утонул. Пусть дух его обретет покой на том свете!

Прекрасно организованные сборы на берегу реки Сангизор (тюркское название — Ташлык) и в Чимбае завершились чрезвычайно печально. Видный узбек Абдулхамид был заповозрен в стремлении занять место Ачил-бека и задушен по его повелению. Обычно Ачил-бек и другие басмаческие предводители, действовавшие в долине Зеравшана, ни одного члена нашего общества не наказывали смертной казнью, предварительно не узнав о нем мнения Самаркандского комитета Туркестанского национального объединения. По поводу этого печального случая больше всего расстроились Кари Камил и я. Если что-то случится с Ачил-беком, то его должен был заменить именно он. Сам он — из Сангизорских узбеков. Будучи в Сангизоре, мы решили вместе с ним съездить к предводителю уратюбинских национальных отрядов Халбута-беку и определить с ним пути сотрудничества в будущем. Вместе с Мамуром и Турабом мы ночью съездили в Замин, встретились, обговорили все дела и вместе с войсками вернулись в Бедона.

Некоторые привычки Ахуна Юсуфа

Выше я уже упоминал о том, что прибывший к нам вместе Ахуном Юсуфом представитель казахов восточной Бухары Беркут Ишикагабаши говорил мне: «Ахуну слишком доверять нельзя, все откровенно говорить ему не следует, до Энвера-паши он может довести ложные сведения». Правомерность его предостережений подтвердилась после отъезда Ахуна Юсуфа 6—7 августа в Восточную Бухару. Спустя два — три дня после его прибытия мы получили письмо Энвера-паши, написанное им в конце июля и отправленное по Байсунской дороге. Пришло письмо и от моего друга Мустафы Шахкули. Настроение у меня надолго испортилось от этих писем. Причина заключалась в следующем: Ахун Юсуф и Беркут Ишикагабаши доставили нам письмо паши от 28 апреля. В нем он писал, что если наше положение ухудшится, а русские, добившись успеха на Польском фрон-

те, получат дополнительную возможность посылать в Туркестан войска, то Комитет Туркестанского национального объединения должен начать от имени басмачей подготовку к самостоятельным переговорам о мире с Советами. Паша выражал и такое желание: если речь пойдет о Бухарском ханстве, то переговоры с русскими о судьбе этой области он хотел бы повести сам.

Как видим, паша пытался предпринять меры, чтобы в условиях резкого усиления русских внутренние недостатки в рядах басмачей не казались противнику общими недостатками всего Общества и его руководства. Некоторые пожелания, не написанные в письме, паша велел Усмону Чавушу передать нам на словах. Он просил выяснить положение советских войск на Западном фронте, добыть сведения о том, сколько войск русские намереваются перебросить в Туркестан. Наши возможности по сбору информации как в Ташкенте, так и в Москве были неплохими, но получить сведения о том, когда и сколько войск будет переброшено с запада в Туркестан, было задачей чрезвычайно сложной.

11 мая в Самарканде собрался наш Комитет. В Фергане положение было весьма сложным. Некоторые басмачи сами начали переговоры с русскими. А Курширмат с братом Нурширматом, прекратив бои, собирались перейти афганскую границу. Мы приняли решение: если на Польском фронте произойдет резкое изменение и русские начнут направлять сюда большое количество войск, то от имени Самаркандского вилайета начнем мирные переговоры с Советами. Такие курбаши, как Ачил-бек и Бахрам-бек, были такого же мнения.

Еще до отъезда Ахуна Юсуфа, Беркута Ишикагабаши и Усмана Чавуша в Казахстан, видя, как наши дела становятся все хуже и хуже, на заседании Комитета, проведенного в Бедона, мы приняли ряд решений. В принципе была одобрена мысль о начале мирных переговоров с помощью некоторых наших интеллигентов, работающих в московских и ташкентских учреждениях. На этом заседании принимал участие и сам Ахун Юсуф. Однако мы не имели в виду, что переговоры должны начаться немедленно. Ахун Юсуф написал письмо Энверу-паше в том смысле, что Заки Валиди и Центральный комитет Туркестанского национального объединения собираются заключить мир с большевиками, оставив пашу в стороне. Это было ничем иным, как доносом.

Беркут Ишикагабаши, зная эту черту его характера, остерегал нас от опрометчивых слов. Паша в своем письме деликатно обошел этот неприятный вопрос, но Усман Ходжаев и Мустафа Шахкули знали, что к паше этот донос поступил.

О том, что наушничество Ахуна Юсуфа произвело на всех неприятное впечатление, Мустафа Шахкули подробно рассказал после своего прибытия в Турцию. Любопытно, понял ли паша, что знаменитый богослов сыграл роль простого доносчика? У Ахуна Юсуфа были и другие привычки, которые не соответствовали нравственным понятиям наших народов.

Наше намерение
дорогой
Ура-Тюбе —
Мача
направиться
к Энверу-паше

После отъезда Ахуна Юсуфа и его людей прошло не более двух-трех дней. Мы получили информацию от наших единомышленников, один из которых работал в Ташкенте в правительстве, а другой собирал сведения в Москве. Они известили нас о том, что Россия в результате успеха на Польском фронте отправила множество дивизий различных родов войск в Туркестан для подавления освободительного движения, а одна группа офицеров, которая будет руководить военными операциями, вместе с частью войск прибыла в Самарканд. Мы подробно сообщили Энверу-паше эти сведения, а также передали ему свои планы о том, что будем сосредоточиваться в районе Ура-Тюбе и Мача, что, если нужно, придем по Бальджуванской и Каратегинской дороге к нему, а при необходимости выедем в Афганистан, что есть признаки расстройтва всех дел среди басмачей Ферганы.

На второй день после поступления сведений о прибытии в Туркестан многочисленных красных частей мы намеревались выйти к Уратюбинской дороге. Утром мы получили известие о том, что две войсковые группы красных вышли у местечка Рават к реке Сангизор и по пути следования тянут телефонную связь. Во всяком случае, они прибыли туда, точно зная о дислокации там самаркандских басмачей. Ночь мы провели в маленьком узбекском кишлаке, который назывался, кажется, Янгикент. Оказалось, что это родина предков Афшина, который во времена Аббасидов, будучи предводителем мусульманских войск, завоевал среднюю часть Анатолии. В полночь мы получили сведения о том, что русские отправили многочисленные войска вдоль реки Сангизор.

Бои в Давуле

Русские части вышли к реке Сангизор вечером того же дня, как только мы покинули эти места. Узнав, что мы ушли в сторону Замина, они направились к Давулу. Мы заняли оборону по двум сторонам ущелья за холмами и скалами, приготовились отрезать им путь. Произошел жестокий бой. Красные, увидев, что за скалами притаились басмачи и путь их следования отрезан, решили ата-

ковать нас. Они бросились на скалы с намерением выбить нас из укрытий. Но утесы были достаточно высокими, и пули не долетали до нас. Я со своими людьми и с несколькими узбекскими воинами, оставив коней в ущелье, занял место справа, над которым двигались красные. Туда они вынуждены были направиться из-за невозможности двигаться по долине.

После обеда они стали огибать господствующие высоты и начали продвигаться в нашу сторону. Первым на холме показался офицер красных. Он был верхом на коне. Ограничившись редкими выстрелами, они прекратили огонь. Мы тоже, не производя лишнего шума, скрытно сблизилась с ними. Противник не заметил нас, и мы с близкого расстояния открыли сильный огонь, и они один за другим стали падать с лошадей. Из сопровождавших меня соратников Ислам, ныне работающий на азотной фабрике в Кютахье, и его друг Аюп, умерший недавно в том же городе, вышли из ущелья и опасно приблизились к русским, пытаясь прикрыть меня от пуль красных своими телами. Я им прошептал: «Не нужно рисковать понапрасну и лезть в открытое место под пули. Если умрем, так вместе».

В это время красный командир, сраженный нашей пулей, упал с лошади, а войска отступили, даже бросили свой пулемет. Но у нас не было времени возиться с ним. В тот момент, когда красные солдаты пытались на двух ослах вывезти с поля боя тело убитого командира, мы воспользовались их замешательством, бросились к нашим лошадям в ущелье и на глазах у красных стали подниматься на возвышенность с правой стороны.

Басмаческим отрядам, следующим за нами, я велел пресечь путь в двух местах — чуть впереди и на том месте, где мы вступили в сражение с противником. Разгоряченный в бою Аухади Ишмурзин, давая распоряжения бойцам, стремительно носился на своем взмыленном чалом коне с одной возвышенности на другую. Красные, воспользовавшись нашим перемещением, сумели выбраться на ту возвышенность, где погиб их командир, и открыли сильный пулеметный огонь. Но пули из раскаленных стволов их пулемета и винтовок уже не могли достать нас. Нашим бойцам, которые должны были пресечь путь красных в начале долины, я сказал: «Не бойтесь, пули красных до вас не долетают. Защищайте начало долины».

Словом, несмотря на малочисленность нашего отряда, благодаря тому, что басмачи, следовавшие за нами, успели занять вход в долину, красные не смогли переправить свои подводы на нашу сторону. Стремясь пробить себе дорогу, они

решили продолжить бои в окрестностях Давула. Пока что красные понесли значительные потери в живой силе и нам, басмачам, досталось большое количество боеприпасов.

Мы добились успеха в этом бою, но зная, что со стороны Замина и Ура-Тюбе идет к противнику сильное подкрепление, отказались от намерения идти в ту сторону. Судя по трофейному оружию и захваченным бумагам было ясно, что эти войска и их вооружения прибыли с Западного фронта. Следовательно, положение наше стало крайне критическим. Отдохнув два дня в кишлаке Биш Курук, расположенном у реки Сангизор, мы направились в Усмат. Принесли советские газеты, издаваемые в Ташкенте. В них было сообщение и о бое в Давуле, а красный командир, погибший в горах от наших пуль, оказался известной личностью.

Совещания
в Усмате
и Самарканде

Захватив в Давульском бою значительное количество трофеев, мы отдохнули на одном из джайляу. На совещании было решено сосредоточить все наши силы на удержание гор, начиная от Ура-Тюба, Ярджайляу и Усмата вплоть до хребтов на востоке Самарканда и Шахриябза, а также гор Мача. Предводителю басмачей в горах Мача Ахмед-хану, а через него и Энверу-паше мы не мешкая послали письмо с сообщением о переходе русских к решительному наступлению против нас и о собственных в этой связи намерениях. Нам стало известно, что письма быстро дошли и до басмачей гор Мача, и до Энвера-паши.

Наутро мы прибыли в благодатное, богатое водой урочище Усмат, и, собрав широкий круг известных басмачей Зеравшана, провели совещание. Вечером заехали в Самарканд, в саду, расположенном на берегу реки Оби-Рахмат, недалеко от обсерватории Улугбека, мы советовались с членами городского комитета нашего общества. Здесь же присутствовали наши друзья и единомышленники из Ташкента и Ферганы. На этом совещании всем, кто не руководит в данный момент боевыми отрядами, но жизнь которых подвергается смертельной опасности, мы посоветовали направиться к Энверу-паше. В то же время борьбу в Самаркандском вилайете мы решили вести до последней возможности.

Прибыли люди Халбута-бека. Сам он придерживался мнения, что при любых обстоятельствах нельзя отрываться от родины. Русские, воспользовавшись тем, что басмачи разошлись по домам в связи с праздником Курбан-байрам, во многих местах напали на них. Разошедшиеся группы басмачей 10 августа вновь собрались вместе в Усмате.

Усматские бои Жизнь наших друзей, работавших в советских учреждениях Самарканда и помогавших басмачам, подвергалась смертельной опасности, так как русские о многом догадывались. Согласно решениям, принятым нами в Самарканде, наши сторонники стали поодиночке и группами присоединяться к басмачам. Во главе этих людей стояли начальник Самаркандской полиции Абдулла Тулебаев и его помощник Абдушукур Жакимбай оглы, самаркандец Кари Махмуд и азербайджанец Эсат-эфенди. День их прибытия к нам был богат событиями. Русские напали на Усмат, где располагался наш штаб, но мы отбили их атаку. Усмат — древний культурный центр, именуемый в старинных арабских географических книгах как «Усменд». Отсюда вышли известные ученые, здесь существовали медресе. В селе и окрестностях разбито много хороших садов. Словом, край богатый, с крепким сельским хозяйством. Некоторые сады, разбитые на высоте 1500 метров, виднелись издали по Зеравшану.

11 августа русские, узнав, где мы находимся, предприняли новую атаку. Начальник полиции Тулебаев вместе со своими людьми выступил против них, но в ходе боя был тяжело ранен. С коня он не слез, друзья поддерживали его. Когда я подъехал к нему, он промолвил: «Поддержи меня». И тогда он сказал мне с горечью, что тело убитого друга осталось у русских, а Абдушукур отступил, не сумев забрать его. «Как ты смел оставить тело друга врагам, иди сейчас же за ним», — велел я находившемуся здесь же Абдушукуру, несколько раз стегнув его плетью по спине. Он с несколькими бойцами бросился к месту гибели друга и через некоторое время сумел доставить тело погибшего. Смертельно раненый Тулебаев хотел увидеть тело своего друга и близкого родственника и чуть приподнялся с постели, на которую мы его уложили. «Он не остался в руках врага, теперь можно и умереть. Мы уйдем, но пусть здравствует наш народ», — сказал он и вскоре скончался с именем Аллаха на устах. Абдушукур впоследствии вместе с Хади Сами прибыл в Турцию, занялся торговлей, построил фабрику. Иногда он шутил: «Воль от твоей плети я ощущаю до сих пор». Он постоянно скучал по тем временам и иногда говорил: «После твоего урока с плетью мы бросились на русских, было бы прекрасно, если бы я тогда пал жертвой в праведной борьбе». В 1944 году он скончался в Эскишехере, пусть дух его обретет покой под благословением Аллаха!

Усматские бои были действительно жестокими. Из-за того, что мы там потеряли немало наших людей, позже среди народа появились предания и рассказы об этом сражении.

Полк или несколько батальонов красных, стремившиеся окружить кишлак, сами оказались в западне. Во всяком случае, действовали они без четкого плана. Вместе с моими друзьями Кари Камилом, Аухади Ишмурзиным, азербайджанцем Эсатом и другими бойцами мы открыли плотный огонь, не позволяя красным поднять головы. Красноармейцы, оставив лошадей в низине, стали карабкаться в горы, разбегаться в разные стороны и пытались спрятаться среди снопов свежескошенной пшеницы. Ачил-бек, Кари Камил и Аухади решили не мешать им прятаться, что было хуже для них самих. Наши отозвали войска и сосредоточили их в саду. Русские удивились этому, но все еще прятались среди хлебов. Конные басмачи дружно атаковали их, почти всех уничтожили. Спасти сумели немногие. Впоследствии я узнал, что это событие рассказывалось в народе в виде дастана. Немка, подруга и компаньон Абдушукура по фабричным делам, на основе услышанного от него написала весьма интересный рассказ. Однако сумела ли его опубликовать где-либо, я не знаю.

Решения, принятые нами в Усмате После давульских боев нам пришлось за одну ночь доскакать верхом до Усмата, а оттуда съездить в Самарканд и вновь вернуться в Усмат. И лошади наши, и мы сами крайне устали. Ночь мы провели в Усмате. Было устроено чтение Корана на упокой душ погибших. Наутро руководители, оставив бойцов в кишлаке, вместе с Ачил-беком поехали в сады, расположенные на возвышенном месте. На устроенном там совещании мы приняли следующее решение:

1. Со своими тремя соратниками я должен, пройдя через занятые красными районы, прибыть в Ташкент для участия на съезде Туркестанского национального объединения.

2. Тураб-бек, Мамур-бек и Аухади Ишмурзин, будучи начальниками советской полиции в Джизаке и Замине, оказывали помощь национальному движению и теперь были вынуждены открыто присоединиться к басмачам, так как их тайная деятельность стала известна красным. Вместе со всеми башкирскими и татарскими офицерами они направятся по горной дороге через Мача в Восточную Бухару к Энверу-паше. Ачил-бек и подчиненные ему басмачи, освободив районы на севере Самарканда, отойдут к югу в сторону Шахриябза и Гузара. Басмаческие группы из окрестностей Бухары и Нурата также должны постепенно просачиваться туда же.

3. Последующие меры будут определены после принятия решений в Ташкенте и консультаций с Энвером-пашой.

После этого совещания в садах высокогорья наши души охватили тяжелые предчувствия. И бойцы, и мы сами, и наши верховые лошади немного отдохнули. Чтобы не пугать своих близких, я сказал лишь Аухади Ишмурзину: «Если мне не удастся вас найти у Халбуты, встретимся в Афганистане». С Ачил-беком, Кари Камилом, со своими людьми из Башкортостана мы попрощались, обнявшись, не сдерживая слез, так как понимали, что могли на этом свете больше и не встретиться.

Вид долины Зеравшана с вершин Актауских гор

Вместе со мною в Ташкент поедут два человека. Один из них — башкир пожилого возраста — тысячник (капитан) Мингаж. Он самоотверженно боролся за национальную свободу Башкортостана, отдал в нашу армию сыновей и других близких родственников, в Усерганском кантоне, на своей родине, занимал ответственные руководящие посты. В начале этого года Мингаж прибыл из Башкортостана в Самарканд, надеясь, что будет полезен и здесь. Я пытался ему объяснить, что ему необходимо работать на родине, но он не пожелал расстаться со мной. «Если суждено, умрем вместе», — говорил он. Другой мой спутник — казахский офицер, окончивший в Москве военную школу, человек, преданный своему народу. Вместо настоящего имени мы называли его Калкаман. Это был очень умный молодой человек с поэтической натурой. Чтобы присоединиться к басмаческому движению, он прибыл из Акмолинска в Ташкент вместе с несколькими молодыми людьми, все на собственных лошадях. Оставив своих спутников в моем доме с садом в кишлаке Аблык в окрестностях Ташкента под видом работников, сам приехал в Самарканд и нашел меня в кишлаке Джамбай. Здесь он заболел тифом, начал выздоравливать, однако был еще очень слаб. Ныне вместе с нами поедет в Ташкент. У него были два хороших револьвера с большим количеством патронов, один из которых отдал Мингажу. Патронташем опоясался также Мингаж. И у меня висел револьвер на поясе. При мне было два коня — вороной и чалый. Вороного я отдал Калкаману. Ачил-бек перед расставанием приказал человеку по имени Мостак отдать свою лошадь Мингажу, а самому вернуться домой пешком. Этот человек не внушал доверия, мне он казался двуличным, способным к предательству. После отъезда Ачил-бека Мостак с другим своим спутником остался с нами. Сказал, что уедет на одной лошади с тем человеком, а свою оставит нам, но исполнить свое обещание отнюдь не торопился. Заметив его странное поведение, мы ре-

шили, что у него дурное намерение, и, держа наготове револьверы и винтовку, переместились на более высокое место и издали крикнули ему, чтобы привел коня. Но они не спешили с этим. Ослабленный болезнью казахский джигит сказал мне: «Дай винтовку, подстрелю его». На что я ответил: «Негоже на столь опасное путешествие выходить, убив человека. Все эти дела я желаю исполнить, не пролив ни капли крови тюрка». А Мостаку крикнул: «Мы не намерены ждать вашей лошади, уходите с глаз долой, идите по тропинке, что напротив нас, не отклоняйтесь в сторону ни вправо, ни влево, иначе подстрелим!» Они тотчас вскочили на своих лошадях и начали спускаться по тропинке вниз. Пройдя некоторое расстояние, они попытались отклониться вправо, я тотчас выстрелил из винтовки в скалу над их головой и крикнул: «Не отклоняйтесь!» Они вновь вышли на дорогу и продолжили спуск с гор, подгоняя лошадей.

Мамур Ниязи-бей, после нашей эмиграции продолжительное время находившийся среди джизакских и сангизорских басмаческих групп и лишь позже прибывший в Стамбул через Афганистан и Иран, рассказал нам о том, что этому Мостаку было дано задание убить меня и Кари Камила. Более того, другой, более важный, чем Мостак, агент советского ЧК той же ночью преследовал нас. Заметил меня и моего чалого в тот момент, когда я, потеряв дорогу, спускался в долину. Но в темноте он не смог напасть на наш след, вернулся назад и в кишлаке, недалеко от Усмата, в доме одного жителя деревни лег спать. Ночью у него пошла кровь из горла, и он умер. А Мостак сумел предательски убить Кари Камила, когда тот сел творить намаз.

Оторвавшись от Мостака и его спутника, мы направились в сторону самой западной оконечности Актауских гор, называемой Кёктепе. Сами Актауские горы в географических книгах называются Туркестанским хребтом и одной своей стороной обращены к горам Мача. Это были удивительные места. Вечерело. Перед нашим взором бесподобно прекрасное зрелище заходящего солнца. Внизу ослепительно блестят всеми цветами радуги притоки и заливы Зеравшана. Эта река, древнее название которой «Нами», в исламскую эпоху получила название «Зеравшан», т. е. «брызжащая золотом». Возможно, это название дали реке благодаря вот этой чудокрасоте, возникающей перед заходом солнца. От восхищения я воскликнул: «Если бы не было этой освободительной войны, разве я увидел бы когда-нибудь водопады и вечные снега у истоков Сангизора в Туркестанских горах или эту удивительную красоту?» Арабский полководец Кутайба ибн Мус-

лим⁹⁴, завоевавший Туркестан, захватив эти места, особенно полюбил Самаркандский вилайет и сказал: «Покрытый зеленой растительностью Самаркандский вилайет напоминает небесный свод, текущие в долинах реки — Млечный путь, а дворцы — небесные звезды». Не одолевший еще до конца тиф Калкаман, потрясенный, тоже смотрел на это чудо. Он едва держался в седле, и у него не было сил отразить эту красоту и свои чувства импровизированными стихами.

Горными тропами по снегу мы продолжали свой путь. В полночь, часов в двенадцать, дорога, по которой мы следовали, кончилась. Направо от нас находилось глубокое ущелье, которое простиралось в сторону гор Матча. В лунном свете все вокруг хорошо обозримо. Горы Матча, Фальгарские горы, вздымавшиеся вдоль Зеравшана, кажутся настолько близкими, что крикни, и эхо твоего голоса тотчас вернется обратно. Однако сколько дней тяжелого пути нам еще предстоит! Все эти горы покрыты вечными снегами, но здесь не настолько холодно, чтобы можно было замерзнуть. Обе лошади остановились, глядя на нас и как бы говоря «дальше пути нет». В темноте ездить верхом на коне в этих местах опасно. Мы думали, что без всяких препятствий сможем достичь Сангизора, но теперь дороги перед нами не было. Лошадей оставили на сравнительно ровной площадке, и они стояли по колено в снегу. Нет ни дерева, ни скалы, за которую можно было бы их привязать. Своим спутникам я сказал: «Пусть лошади останутся здесь, а мы отдохнем, укрывшись за скалой, что левее от нас». Сняв котомки и мешки, привязанные к седельной луке, мы расположились спать. Вспомнили старинные стихи узбекских воинов:

Кто укрылся в этих горах?
Бойцы молодые лежат здесь.
Спят, прислонившись к скале,
Готовые отдать жизнь за родину.

Уснули, обняв камни. Светало, и кони подавали голос тихим ржанием. Пора было вставать. И мы сами, и лошади были голодны, но нас окружала красота, на которую невозможно было насмотреться. На востоке в предутренней заре виднелись Западный Алай и хребты Каратегина, на юго-востоке — гряда хребтов, соседних с горами Матча. Все они покрыты вечными снегами. Кажется, до них можно добраться всего за день. Но чтобы достичь их, нужно идти неделю или даже целых десять дней.

Как добраться на конспиративно созываемый съезд в Ташкенте через пески Кызылкума? На троих мужчин всего две лошади. Однако, пережив невообразимые трудности, мы сумели добраться до места. Взяв перо для описания тех событий, я вспомнил слова А. Г. Грибоедова из его произведения «Горе от ума»: «Свежо предание, да верится с трудом». О предстоящих тяготах нашего путешествия знал только я, а два моих спутника вряд ли представляли их сколь-нибудь ясно. Пожилой Мингаж вместе с Калкаманом вынуждены ехать верхом на одной лошади. Аллах не обделил меня ни совестью, ни идеалом, но тяжесть нашей ноши больше падает на плечи моих близких и друзей, чем на мои собственные. Оба больны, один из них сказал мне: «Мы не сможем выбраться из этих снежных вершин и бездонных ущелий и достичь долины. Позволь нам приставить к виску револьверы и самим оборвать нашу жизнь. А ты на сменных конях сможешь добраться до Ташкента». «Нет, мы все переживем вместе», — старался я их ободрить.

Под снегом мы ощущали дорогу, протоптанную в течение веков. Возможно, это была дорога времен господства Карлуков⁹⁵. Дорога уходит хребтами гор к Алайским горам. Однако преодолев по снегу часть пути, мы увидели, что в сторону Сангизора дороги больше нет. Я сказал своим спутникам: «Вы оба будете ехать верхом, а я пойду впереди и буду искать дорогу. Пока я не подам рукой знак двигаться за мной, вы должны быть неподвижны. Иначе вы меня оставите под каменным обвалом». И мы до восхода солнца продолжили путь. Они следовали за мной издали, из виду я их не терял. В ущелье впереди меня лежит снег, каких-либо признаков дороги нет. Вдали, однако, заметны тропинки, проложенные овцами, доходившими сюда в поисках травы. Неожиданно начался камнепад, который довольно быстро стал превращаться в лавину. Я мигом спрятался за небольшой выступ скалы у ручья. Увлекая друг друга, тысячи камней пролетали над головой сплошным потоком, и продолжалось это достаточно долго. Наконец поток ослаб и прекратился. Возможно, прошел целый час. Послышался топот копыт, подъехали мои спутники, и я вышел из своего укрытия. Смертельно перепуганные спутники заплакали от облегчения, ибо не надеялись найти меня живым. «Слава Аллаху, в ночном бою не погибли, среди обманчивых снежных троп не свалились в ущелье, не замерзли, теперь эта маленькая скала спасла меня от верной гибели», — сказал я, успокаивая их. Оказалось, моим друзьям показалось, будто я рукой подал знак приближаться

ко мне, и они тронулись в самый неподходящий момент, приведя в движение камни на крутом склоне.

Обоим спутникам следовало ехать верхом, так как Калкаман, сойдя с лошади, не может даже взобраться на нее самостоятельно. Посадить его нам с Мингажем тоже нелегко. Я иду пешком. Спускаемся по крутому склону, делая сотни зигзагов, и нам удастся благополучно достичь дна ущелья и дойти до снежного «моста» через него. Мы надеялись, что затвердевший снег послужит нам переправой, но лошади уперлись, почувяв ее ненадежность. Реку перед нами, образовавшуюся из талых вод, мы смогли бы перейти вброд, но перевести лошадей на противоположную сторону было сложно, так как на самом удобном месте для такого перехода высота берега достигает трех метров. Удастся ли побудить лошадей прыгнуть с такой высоты и не повредят ли они при этом ноги? Выше было уже сказано, что эти кони, вороной и чалый, мне были предоставлены из конюшни эмира. Они привлекали к себе не благородной статью, не породой, а верностью и смывленностью. Если чалого я оставлял где-либо, даже не привязав за поводья, он сам следовал за мною неотступно.

Все трое, спустившись с берега в овраг, увидели, как забеспокоились лошади, стремясь следовать за нами. Мы вернулись к ним, сняли с них седла, к поводкам привязали длинную веревку и вновь спустились в овраг. Выбрали удобное место и стали побуждать животных прыгнуть с высокого берега на песчаное, мягкое место, заблаговременно очищенное нами от камней. Чалый перепрыгнул благополучно, ничего не повредив, и заржал от радости и облегчения. То же самое проделали и с вороным. Он немного повредил переднюю ногу, но в целом все обошлось как нельзя лучше. Все были рады этой удаче.

Выбравшись из оврага, мы шли еще какое-то время. Было двенадцать часов дня. После семичасового трудного перехода мы набрели на больную овцу. Это единственное живое существо, встретившееся нам на нашем пути. Мы были готовы зарезать ее и жарить, но не было возможности по всей округе найти хоть немного дров. Когда мне удалось поймать овцу, мои спутники стали сосать ее как ягнята. Между скалами рядом с горным ручьем росла трава, которую могли пощипать лошади. Мы дали себе и лошадям возможность немного отдохнуть и дальше продолжили путь. Больной Калкаман и немолодой Мингаж едут на конях. Я иду пешком и продолжаю искать дорогу, плулая по овечьим тропкам. Тропинки эти то и дело упираются в скалы или подводят к снежным «мостам», через которые уверенно переходят овцы, но не держали бы тяжести лошадей. Однажды рыхлый снег не вы-

держал даже моего веса, и я провалился в овраг. Избегая новых ловушек, делая зигзаги, нам пришлось еще раз спуститься на дно ущелья. Лишь к вечеру нам встретилась чья-то корова, появились мелкие кустарники и деревья. За целый день поисков дороги среди камней каблук моих сапогов не выдержали и отвалились, пришлось обуться в сапоги Калкамана. Вот уже четырнадцать часов мы идем по лабиринтам гор. Подоив корову, попили молока. Когда стемнело, часов в десять вечера, мы подошли к небольшой хижине. Оказалось, что там живет престарелая мать одного хорошо нам известного басмача. Она была одна, угостила нас простоквашей с лепешками.

Мы узнали, что кишлак Бекназар, разместившийся по обеим сторонам долины, по которой пролегал наш дальнейший путь, заполнили только что прибывшие красноармейцы. Винтовку и три револьвера мы спрятали среди скал, показав женщине место, где они лежат. На случай, если нас арестуют красные, уничтожили из вещей все, что может вызвать у них подозрение. Вытащив из оправы, я спрятал стекла очков в войлоке седла.

В одиннадцать ночи мы вышли на дорогу. Это было тринадцатое августа. В полночь встретили узбека, он узнал нас. Оказалось, что это один из бойцов здешнего басмаческого отряда. Несколько дней назад в Ярджайляу на Сангизоре мы были вместе. Он рассказал, что красноармейцы очень устали, тотчас после прибытия легли спать, выставив мужчин кишлака охранять их, и он сам является одним из караульных. Он сказал: «Если у вас достаточно сил, мы всех их сможем взять в плен». На что я ответил: «Воевать в данный момент в наши планы не входит. Если это возможно, мы бы немного отдохнули в каком-либо кишлаке. Мы идем от Кёктепе». Он удивился: «Я не видел доселе, чтобы оттуда кто-либо приезжал сюда верхом». «Если мы попытаемся по долине рядом с кишлаком Бешкурук проехать на лошадях, красные могут проснуться, услышав топот копыт. Коней мы оставим у вас, уйдем пешком, может быть, потом сумеете нам предложить других лошадей», — сказал я ему. «После того, как минуете этот кишлак, в овраге увидите остаток пруда. Ждите нас там, возможно, нам удастся привести туда ваших лошадей. Тут у меня поблизости есть друг, думаю, он мне поможет. Если красные увидят лошадей и спросят, откуда они у нас, скажем, что они бесхозные, и мы их поймали. Тогда, скорее всего, коней отнимут», — ответил он.

У пруда мы ждали совсем недолго, и этот человек вместе со своим другом привели наших лошадей. Поблагодарили,

попросились, обнявшись. К вечеру добрались до кишлака Яваш и постучались в ворота знакомого нам человека. Выслушав нас, он сказал: «Зарежем барана, спите, пока не сварится мясо. Днем здесь оставаться нельзя, видите, в каждом кишлаке полно красных». Накормил и лошадей. Когда мясо сварилось, разбудили нас. После 11 августа это была первая пища, которую мы брали в рот. Хозяин поведал нам: «Есть сведения о том, что часть красных направляется в наш кишлак. Никто не должен знать о вашем пребывании здесь. Начнут выспрашивать да и на ваш след нападут». Он сам и его молодые братья свалили стену сарая в сторону долины, чтобы мы могли уйти незамеченными. Щедро снабдили нас мясом и всякой снедью, дали ячменя для лошадей. Сердца наши были переполнены благодарностью, и мы попросились с хозяевами как с родными людьми. Было очевидно, что здешние узбеки верны идее свободы Туркестана и что при любых условиях можно с ними вести дела, рассчитывая на помощь и поддержку.

Днём ранее в сумерках, начиная спускаться с вершины Кёктепе Актауских гор, мы не могли даже вообразить себе, что русские столь быстро дойдут и до этих мест, что мы добреем до дома матери знакомого нам человека, а два узбека, поставленные красными на охрану их покоя, окажут нам столь бескорыстную помощь. Перед расставанием в Яваше мы сказали главе семьи, принявшей нас как друзей, о том, что были вынуждены оставить в горах наше оружие. Он предложил нам собственный револьвер с патронами. Но я отказался: «Мы направляемся в Ташкент, и лучше не иметь при себе оружия». И попросились по-дружески.

По тропинке на дне оврага мы продолжали свой путь. Железную дорогу, связывающую Ташкент с Самаркандом, мы пересекли южнее станции Янкурбан. Мингаж-ага отсюда пешком пойдет на станцию, поедет в Самарканд и сообщит нашим друзьям, что мы благополучно прошли самые опасные места, и после этого приедет в Ташкент, где мы и встретимся. Когда Мингаж скрылся из глаз, мы нашли удобный овраг, утолили голод пищей, данной щедрым хозяином из Яваша, накормили ячменем коней. Вздремнув около часа, мы направились в сторону кишлака Мукры. До захода солнца оставалось совсем немного. Навстречу ехали на ослах два человека, молодой и старый. Молодой что-то шепнул на ухо старику. А старый сказал: «Доброго вам пути». Узнав от меня, что мы направляемся в кишлак Мукры или Джумабазар, он предупредил нас: «Вы должны знать, что мулла Мостак предал вас. С ним красные солдаты, которые могут арестовать вас.

Куда путь держите? Я скажу вам безопасную дорогу». Мы скрыли, что направляемся в Ташкент. Сказали, что едем к Кызылкумским казахам. В это мгновение Калкаман не сдержался, застонал. Я сказал: «Вот к нему едем». Оказалось, молодой из встретившихся был в отряде Хамракула в Койташе, а когда отряд был распущен, вернулся домой. Узнав меня, он слез с осла, приветствовал меня, поцеловав руку и стремя, обратился ко мне «эфенди», по давнему обычаю этих мест. «В сосновой роще напротив есть две могилы, до них езжайте этой дорогой», — посоветовали они. При этом не забыли предупредить ехать пока не спеша. «Дальше будет возвышенность, затем гоните лошадей, насколько у них хватит сил. Там вас никто не увидит, и вы можете считать себя в безопасности. Вскоре начнется пустыня Кызылкум. Пусть Аллах держит вашу дорогу открытой», — с этим пожеланием они попрощались. Я молил бога, чтобы до тех могил Калкаман не свалился с седла. Когда мы достигли холма, о котором говорили узбеки, спутник мой прошептал: «Аллах нам постоянно оказывает помощь из-за тебя. Несомненно, один из встретившихся — не кто иной, как пророк-путешественник Ильяс». Решили дать лошадям немного передохнуть.

Полночь, второй час 14 августа. Калкаман от бессилия свалился с седла. Я не смогу помочь ему вновь взобраться на коня. Он прошептал: «Отними у меня жизнь, принеси меня в жертву заклятием ради святого дела». Эти слова из широко распространенного казахского дастана «Сура батыр». Стреложив коней, отпустил их щипать траву. Надеялся, что Калкаман, отдохнув до утра, немного придет в себя. Преклонив голову ко мне на плечи, он задремал. Устал я до изнеможения и заснул, прислонившись к камню. Проснулся около шести утра. С севера дул мягкий, прохладный ветерок. Калкаману действительно стало чуть лучше. Вдали от холма, у подножия которого мы провели ночь, виднеется юрта. На крыше юрты что-то блестело. Настроение у Калкамана поднялось. «Сможешь ли ты взобраться на лошадь? Я поставлю ее рядом с камнем, тогда ты сумеешь лечь на седло», — сказал ему. Когда я его с превеликим трудом посадил в седло, он ответил: «Привяжи меня за ноги и за плечи к седлу». Так я и сделал. Направились к казахской юрте. У спутника моего не было сил держаться в седле. Несмотря на то, что он был привязан к седлу, а я поддерживал его с одной стороны, он начал сползать вбок. Пришлось развязать и уложить его на земле. Передохнули. Я сказал: «Я поеду к юрте, может, там есть люди, чтобы помочь вам». Калкаман остался лежать, поводок лошади я привязал к его ноге. До юрты было три-четыре

версты. Добравшись до нее, я спросил хозяев: «У меня большой спутник, свалился с лошади, не можете ли привезти его сюда?» Тотчас я и двое конных казахов отправились к Калкаману. Посадив на коня и поддерживая в седле с двух сторон, казахи привезли его к себе. А блестящий предмет на крыше юрты оказался медным тазом, благодаря которому мы и заметили юрту.

Казахи — исключительно гостеприимный народ. Несмотря на такой ранний час, пока мы ездили за Калкаманом, здесь уже успели зарезать овцу, повесили котел на треножник и начали варить мясо. Молодые казашки окружили больного вниманием. Семья отнюдь не из богатых, но есть у них и кумыс. Калкамана напоили кумысом, потом дали мясного бульона, после чего состояние больного стало заметно улучшаться. А когда поел мяса, он совсем ожил и сказал: «Я, кажется, выздоровел. Болезнь оставила меня». Мне здесь стал понятен смысл слов историка Рашидаддина⁹⁶: «Тюрки одолевают болезнь среди хлопот путешествия. Можно подумать, что эти хлопоты для них целительны». Мы находились сейчас вблизи колодца, находящегося на востоке от соленого озера «Туз-Кони» в Кызылкумах. В самое опасное время, одиннадцатого августа, мы вышли из Усмата в горы, спустились на второй день в долину, в третий день прошли через Сангизор и добрались до Кызылкумов. Это расстояние составило более двухсот километров. На этом изнурительном пути молодой казах не только не умер, но у колодца под названием Кашкыр, в местечке Тилек, он сумел выздороветь.

Мы собирались продолжать путь после обеда. Но получили весть, что волостной начальник с двенадцатью солдатами собирается сюда. Улыбаясь, хозяин нам сказал: «Вам следует ехать. Когда стемнеет, держитесь прямо на Полярную Звезду. Завтра вы доберетесь до пустыни. Часа через два или три увидите юрту одного казаха, где сможете отдохнуть». Хозяевам мы не говорили, кто мы такие. Однако они догадывались, что мы из тех интеллигентов и политиков, которые борются за интересы народа, а теперь, скрываясь от красных войск, остановились у них на отдых. Добрые хозяева тщательно осмотрели наших коней, будто просвечивая их рентгеном, даже заглянули им под хвост, но имен наших не спросили.

Калкаман проявил недюжинное упорство. Не без помощи окружающих сев на коня, он продолжал путешествие. К вечеру, перед заходом солнца, мы увидели одинокую юрту, о которой говорили казахи. Наши кони, оба иноходцы, в вечерней прохладе нашли в себе силы побежать резвее. В юрте мы

отдохнули около двух часов. Нас и здесь встретили хорошо, сварили вяленого мяса, и бульон был отменным. Далее, веря направление по звездам, мы вошли в пределы песчаной пустыни. Здесь не встретишь ни птицы, ни зверя. Попадавшиеся изредка саксаул или другие кустарники не настолько часты и высоки, чтобы мешать нашему движению. К вечеру лошади вконец устали и продолжали двигаться из последних сил. Перед рассветом 15 августа мы доехали до руин старого ханского дворца, напоили лошадей. К восходу солнца добрались до городка Мирзачуль.

Был базарный день. На окраине городка мы остановились у казахской юрты, поставленной рядом с домом, построенным из гладких кирпичей. Был у хозяев и сад. Нам предложили дыню, угостили чаем. Нашли мы здесь и табак, который давно не видели. Казахи пользуются нюхательным табаком, наш хозяин делал из него подобие сигар, завернув его в газетную бумагу. Мы тоже попробовали эту сигару, которая на Калкамана подействовала отнюдь не благотворно. Накормили коней, до разгара базара отдохнули и сами. Мы были одеты как сельские узбеки, держались свободно, купили себе табаку. Никого из знакомых не встретив, мы вернулись в дом казаха, чтобы продолжить свой путь в Ташкент. Для нас была приготовлена пища, и пообедав, мы вновь сели на коней.

Недалеко от железнодорожного моста была переправа через реку, направились туда. Путников было очень много, пришлось подождать своей очереди. Никто ни о чем нас не спрашивал. Через 4—5 часов мы прибыли в городок Чиназ и остановились в доме одного знакомого. «Разрешите дать отдых нашим лошадям, нам самим ничего кроме чая не нужно», — сказали мы ему. В саду этого человека мы беспробудно проспали 15—16 часов. Утром к нашему пробуждению был готов завтрак. Хозяева сказали: «Ехать дальше на своих лошадях вы не сможете. Бросается в глаза, что они измождены дальней дорогой», — и дали других лошадей. Обещали вороного и чалого доставить в Ташкент позже. Лошади, которых нам дали, тоже оказались выносливой породы. Расстояние в 70 километров мы покрыли на хорошей скорости и к вечернему намазу прибыли в Ташкент.

Место нашей встречи — здание казахского педагогического института, расположенного в самом центре города. В царские времена в этом здании помещалась гимназия, вокруг был разбит парк. Нас встретил Азимбек Беримжан. С ним мы встретились вновь несколько лет спустя, но уже в Берлине. А сейчас мы пришли именно к нему. Лошадей увели в какой-то сад на окраине города. В тот же вечер мы встре-

тились с председателем правительства прежней Туркестанской республики, т. е. национального правительства Коканда Мухаммедом Тынышпаевым⁹⁷. Сказали ему, что мы крайне устали, что нас особенно измучила жара в те дни, когда ехали от Чиназа до Ташкента, что всю почту просмотрим после отдыха. Легли спать в самом центре Ташкента, в окружении множества советских государственных учреждений. И на этот раз наш сон длился не менее 15—16 часов. Я ни в одной исторической книге не читал о путешественниках, которые от Усматских гор Самарканда через хребты Мача и Кызылкумские песчаные пустыни проехали бы верхом на лошадях до Ташкента. Эта трудная дорога спасла мою голову от пули советского агента и показала, насколько узбекский народ верен идее национального освобождения.

ТАШКЕНТСКИЙ СЪЕЗД

Конспиративная жизнь в Ташкенте

Утром, наняв извозчика, я поехал в Ивановский сад. Меня там уже ждали. И супруга моя Нафиса, проведенная июль и август в городе Туркестан, прибыла в Ташкент вместе с моим другом Абделькадиром. В Ташкенте и его окрестностях подготовили для нас четыре конспиративные квартиры. Одна из них вот в этом саду, вторая — дом в махалле Бешагач, третья — дом казаха Абдрахмана Бинбаши, жившего в местечке под названием Келес, четвертая — наш собственный дом в Абдыке. Договорились днем быть в Келесе, а совещания проводить в Бешагаче или в этом Ивановском саду. Тотчас после нашего приезда хотели сообщить две важные новости, но опасаясь, что я не смогу после них заснуть, не стали пока говорить.

Одна весть — гибель Энвера-паши два-три дня тому назад от рук красноармейцев в окрестностях Куляба, другая — убийство в эти же дни председателя организационного комитета по Самаркандскому вилайету Кари Камилу, голову которого убийца преподнес красным. Меня спросили: «Вы верите в гибель Энвера-паши?» «У басмачей нет крепостей. Они несколько раз на дня подвергают свою жизнь смертельной опасности», — ответил я. Человеком, погубившим Кари Камилу, оказался тот Мостак, который пять-шесть дней назад в горах Усмата после нашего расставания с покойным ныне нашим другом оставался с нами, обещая отдать нам своего коня. Кари Камил в тот день без охраны поехал домой к семье. Предатель Мостак воспользовался его неосторожностью и издала подстрелил его из винтовки, когда тот сел творить намаз. Убийца отрезал ему голову и привез в Джизак, а потом, чтобы показать участникам съезда коммунистов, доставил и в Ташкент. Джигиты были в большом гневе, они решили во что бы то ни стало прикончить этого Мостака. И, правда, долго жить предателю не было суждено. Несмотря на предосторожности большевиков, они его уничтожили. Смерть Кари Камилу была также невосполнимой утратой. Он был са-

мым самоотверженным, интеллигентным и искренним борцом из Самаркандского вилайета. Моя семья подолгу оставалась в его доме. В борьбе за культуру и просвещение Туркестана Кари Камил занимал в Самарканде такое же место, что и Муннавар Кари в Ташкенте. В Ярджайляу в течение нескольких дней он волновал молодежь чтением своих прекрасных стихов.

Около сорока казахов из родов, кочующих вокруг озера Балхаш и в пустыне Бетпақдала, стараниями поэта Динше, находившегося в то время с нами, получили распоряжение прибыть в Бухару и присоединиться к басмачам. Желая прикнуться к нам в Самарканде или к Энверу-паше в Бухаре, они приехали в Ташкент под видом торговцев лошадьми. Все они были энергичными и смелыми джигитами, настоящими детьми степей. Большинство из них в жизни не видело таких фруктов, как груши, яблоки, персики, не знало и дыни. В нашем домике с садом жили также казахские джигиты, которых привел Калкаман. Динше и сам недавно побывал здесь проездом и уехал с намерением привести сюда и других казахских джигитов, желающих присоединиться к нашему движению. Что теперь должна делать эта молодежь в столь сложной ситуации, создавшейся после гибели Энвера-паши? По всей вероятности, они будут вынуждены вернуться на родину. Но казахские и узбекские парни не поверили смерти Энвера-паши. В издаваемых на Западе исторических сочинениях, так же как и в публикациях большевиков о нашем движении, ничего не сообщается о решимости туркестанской интеллигенции в июне-августе 1922 года самоотверженно продолжить борьбу за свободу. Ни на Западе, ни в Советах не знают о том душевном подъеме и решимости, которые царили тогда в нашей среде. Если бы Энвер-паша не пал от пули красного солдата, а советская армия, победив на Западном фронте, не сумела перебазироваться в Туркестан, то в конце августа железная дорога между Ташкентом и Ашхабадом была бы взорвана в нескольких местах. Множество мусульман, служивших в Хиве, Бухаре и Фергане в советских войсках были готовы перейти на сторону басмачей. Поэтому движение, возглавляемое тогда Энвером-пашой, не из тех явлений, на которое следует смотреть свысока, уничтожительно. Встречи дошедших до гор Букан тау Южного Казахстана Беркута Ишекагабашу, Ахуна Юсуфа и Усмана Чавуша с казахами, призывы паши, а также наши обращения из Самарканды к хивинцам и Джунаид-хану не остались без последствий.

Наше общество, собравшись 5 августа в Самарканде, решило конспиративно провести съезд Туркестанского национального объединения 20 сентября в Ташкенте. Это было еще

время больших надежд. На съезде необходимо рассмотреть организационные вопросы и дальнейшие планы национального движения. Теперь мы прибыли в Ташкент, предварительно распустив по домам басмачей Самаркандского вилайета, так как возникла угроза, что прибывшие вновь многочисленные русские воинские части могут разгромить и перебить наших бойцов. Получили скорбную весть о гибели Энвера-паши, весть, в которую мы не могли и не хотели поверить. Нам предстояло обсудить вопрос о наших дальнейших действиях на тот случай, если борьба за национальное освобождение потерпит полное поражение. Съезд будет проходить три дня — 18 — 20 сентября. Однако такие известные деятели Туркестана, как Алихан Букейхан, Турар Рыскулов, Ахмет Байтурсун, Мухаметжан Тынышпаев из казахов, узбеки Мунаввар Кари, Хакимзада из Бухары, мирза Абделькадир Мухитдин, туркмен Какажан Бердиев и многие другие находились под пристальным наблюдением спецслужб большевиков и принять участие в работе съезда не смогут. Возможности проводить многолюдные собрания не было, поэтому на съезде будут присутствовать не более десяти-пятнадцати человек. Мы обеспечили участие в нем авторитетных интеллигентов, которые могли бы заменить перечисленных выше видных деятелей, привлекли самую активную молодежь и тех интеллигентов старшего поколения, которые по полученной нами достоверной информации не находились под наблюдением большевиков. Члены Туркестанского национального объединения, работавшие в правительственных учреждениях и спецорганах большевиков, приняли меры по обеспечению безопасности и спокойной работы съезда. С помощью друзей из советских органов Самарканда мне удалось распространить слухи о том, что скрываюсь вместе с близкими в окрестностях Самарканда. К ним никакой информации о моем пребывании в Ташкенте и его окрестностях не просочилось.

Смерть Чалого Чалого и вороного, оставленных в Чиназе, за то, что они спасли нам жизнь, мы решили по старинному обычаю освободить от дальнейших трудов. Такой обычай называется «адак». Отныне никто не должен использовать их в верховой езде. В Келесе обе лошади заболели. Спину чалого сильно натерло седло, рана кровоточила. Казахи, считая, что подобную рану лучше всего врачевать посыпая ее сухим собачьим пометом, приносили это «лекарство». Однажды на прогулке вместе с Нафисой я и сам собрал сухой собачий помет и завернул его в носовой платок. На это малоприятное занятие супруга отреагировала

словами: «В одном случае ты **скачешь** из конца в конец огромной страны, чтобы спасти весь Туркестан, и чуть ли не на аркане тащишь наш народ. В другом случае, в собственный карман собираешь собачий кал, чтобы вылечить спину лошади. Есть ли во всем этом смысл?» На что я ответил: «Есть. Любимый мой конь спас мне жизнь. Здесь ветеринара найти трудно, поэтому приходится прибегать к таким мерам. За любимый свой народ я готов отдать жизнь. Мною в жизни движет чувство **любви**». Через несколько дней передние копыта чалого отпали, словно кто-то сбил их. Значит, эти кони, на которых мы мчались от Актауских гор до Кызылкумов, а оттуда до Чиназа, окончательно вышли из строя. Когда отпали копыта, мой чалый лег на землю, из глаз у него текли слезы, страдание и боль животного были безмерны. Казахам я велел прекратить его мучения, прервав ему жизнь. И вороного велел отвести куда-нибудь подальше, ибо не мог спокойно смотреть на него. Если выживет — хорошо, а не выживет — следовало прекратить и его страдания. Кости чалого мы похоронили в окрестностях Келеса у реки Сенк. Эту лошадь, как я уже писал, в 1921 году перед отъездом из Бухары мне дал Файзулла Ходжаев при нашей встрече во дворце эмира Ситора Мохи Хасса. Несмотря на свою низкорослость, это было сильно, выносливое животное с горящими, как угольки, глазами. В первый же день езды он меня спас от верной гибели, когда я с ним бросился в потоки Зеравшана, чтобы не попасть в руки красных охранников Гиждуванского моста. Этот эпизод я тоже описал выше. Я попросил: если будет возможность, на месте захоронения моего любимого коня поставить камень. Габдрахману Бинбаши отдал следующие «стихи», написанные мною по этому случаю:

Мой скакун верный,
с вершин гор Матча, где не летают даже птицы,
с Актауских гор с серебряной главой,
где мы среди вечных снегов
скрывались от врагов,
ты вывел нас по непроходимым тропам
к прекрасной реке Сангизор.
Мой конь **быстрый**,
ты спас нас от верной гибели,
скача из **последних** сил
от Яваша до **Кызылкума** и Чиназа.
Судного дня не избежать.
В этот роковой день я буду ждать,

как ты, мой скакун, с веселым ржанием
подойдешь ко мне вновь.

Из садов Бешагача в Келесе я ночью в одиночестве пришел в город. Каждую ночь мы собирались на новом месте. Из Оренбурга, Семипалатинска, Акмолинска, Хивы прибыли многие наши единомышленники. Все разговоры подводили нас к факту гибели Энвера-паши. Но предводителям басмаческих отрядов все еще не удается получить об этом событии полной и достоверной информации.

Седьмой
Туркестанский
национальный
съезд

Съезд открылся 18 сентября. Осталось в памяти, что собралось 16 делегатов. В особенности казахская делегация состояла из авторитетных интеллигентов. Три ночи собирались в различных местах. Организации,

названной нами в Бухаре «Федерация национальных обществ мусульманских народов Средней Азии», здесь мы дали название Туркестанское национальное объединение. Решили также казахскую Алаш-Орду переименовать в «Сверный Туркестан». В организации системы государственного управления, в развитии национальной культуры было решено отказаться от попыток достижения превосходства отдельными родами, племенами и народами, а укреплять принципы федерации, которые призваны обеспечить условия равенства и отношения родства между всеми тюркскими народами. Отныне было решено требования Туркестана представлять не как внутреннее дело России, а как проблему международного масштаба и его национальные требования довести до сведения мировой общественности. Этот съезд поручил мне, не оставаясь в Туркестане, выехать через Иран, Афганистан, Индию в Европу и там вместе с Мустафой Чокаевым организовать центр Туркестанского национального объединения за рубежом. Об этом поручении мне был даже вручен документ за подписью председателя съезда, заверенный печатью. Но из-за того, что среди нас не было человека, владеющего западноевропейскими языками, документ этот был написан на тюркском и русском языках на куске материи.

Я намеревался выехать за границу с супругой, а пока ее проводил на поезде в Ашхабад к знакомым людям. В последний день работы съезда пришло обстоятельное письмо, объясняющее состояние дел в восточной Бухаре. Там сообщалось, что после гибели Энвера-паши к руководству пришли Хаджи Сами и дагестанец Даниял-бек. По окончании съезда еще около месяца жил в Ташкенте и его окрестностях. В это

время один молодой человек сделал мое фото, где я снят без очков, и послал его в Башкортостан. И Мингаж, взяв у меня письмо на имя главного борца за свободу среди киргизов Барпы-бека и один экземпляр фотографии, отправился в Ферганскую долину, в горы Узгена. В этом письме я посоветовал Барпы-беку уехать в Кашгар. Мингаж привез ответ от этого бека, его фото, где он изображен на коне, и после этого уехал на родину, в Башкортостан. Позже мы с этим Барпы встретились в Турции, куда он добирался через Хотан, Тибет и Индию. Его жизнь, полная приключений, могла бы составить основу для дастана о судьбе чрезвычайно умного народного героя. Еще один башкир вместе с казахом съездили к предводителям киргизских племен.

Пленение Аухади
Ишмурзина

Во время пребывания в Ташкенте через своих друзей, работавших в правительственных учреждениях, мы получили еще одно известие, ввергшее нас в большое горе. Мой ближайший друг Аухади Ишмурзин был захвачен красными в плен. Нам не удалось получить дополнительной информации, подтверждающей это печальное известие, но мы поверили случившемуся. Год спустя, будучи в Кабуле, мы узнали о казни Ишмурзина в Москве. Подробности же этого события нам рассказали его спутники лишь три года спустя, в 1925 году, в Турции.

Аухади и его товарищи после расставания с нами 11 августа в Усмате вместе с Мамур-беком и Тураб-беком в горах Замин и Ура-Тюбе целую неделю пробивались с боями сквозь заслоны красных. По рассказам его друга Хибатуллы, Аухади попал в руки красных в десяти километрах севернее Заминской железнодорожной станции в джайляу, называемой Куру Гулдураук, во время стычки с красными частями. В эти дни у Аухади было подавленное настроение. По рассказам того же Хибатуллы, за день до случившегося ненастным дождливым вечером они все сидели в летней хижине джайляу. Распивая бутылку коньяка, сохранившуюся в его полевой сумке, со спутниками, Аухади вспоминал следующие строки из стихов А. Пушкина:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.

Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Он не думал оставаться надолго в этих горах, собирался по горам Матча добраться до **Энвера-паши**, а оттуда уйти в Афганистан. Он шел в отряде Асрархана, атаковал Замин, позже отступил в Куру Гулдуревик, не раз показал примеры мужества в боях. Однажды, когда он на коне вышел прямо навстречу красным, его конь споткнулся об камень и свалился. Красные бросились к нему. Аухади начал отстреливаться из револьвера, убил нескольких красных солдат, но их было много, и они схватили его. На следующий день в бою был убит красный командир того же полка. В седельной сумке этого командира басмачи нашли среди его вещей и биннокль, который поныне хранится в Турции у Исламгирея, участника тех боев. Наши видели красноармейца, едущего на коне Аухади. Таким образом, один из самых уважаемых людей нашего Башкортостана, его военный министр, оказался в плену у большевиков. Его, жестоко избивая, доставили в Замин, затем в Ташкент и далее в Москву. Однако наши единомышленники, занимающие различные посты в советских учреждениях, более подробных сведений о его дальнейшей судьбе раздобыть не смогли.

Последняя ночь в Ташкенте 22 октября я должен был выехать из Ташкента в Туркменистан. 21-го вечером друзья предложили встретиться. Они сочли целесообразным, чтобы я до отъезда в Иран несколько месяцев занимался организационными делами местных комитетов Туркестанского национального объединения. Мы все поняли, что это последнее общее заседание нашей организации.

Разговаривали мы друг с другом с предельной искренностью. Было очевидно, что многие встречаются в этой жизни последний раз. Все испытывали чувство глубокой взаимной привязанности, желали друг другу добра, старались не терять надежды на будущее. После заседания я должен был провести ночь в доме одного известного интеллигента из киргизов и рано утром отправиться в путь. Этот человек и его супруга-татарка получили хорошее образование в Петербурге. Они живы, поэтому их имена я называть не буду. В Петербурге с этой семьей я был в близких дружественных отношениях.

Когда я пришел в их дом, его супруги еще не было дома. Поужинали. Я был в одежде казаха-кочевника. И очки, представляющие из себя два стеклышка, прятал поглубже и пользовался ими лишь при крайней необходимости. Борода и усы отпущены также на казахский манер. Хозяин усадил меня в кресло в углу комнаты и сказал: «Говорите по-казахски, жена вряд ли узнает Вас». Через некоторое время вернулась его супруга и стала упрекать мужа по-русски: «Кто бы

ни пришел из кишлака, сразу приглашаешь за обеденный стол, даже собственное кресло ему уступаешь!» Я же продолжал говорить как человек, ничего не понимающий и ничего не знающий о правилах и тонкостях городского быта. Через некоторое время хозяин, вопреки недовольству и возражению супруги, принес в зал подушку и одеяло, на диване постелил постель и дал мне знак лечь отдохнуть. Сами они расположились в соседней комнатке, однако помещения были разделены лишь дощатой перегородкой, не достигающей потолка. Супруга продолжала упрекать мужа по-русски за то, что он привел в дом «**вшивого казаха**» и положил его на диване, накрыв собственным одеялом, и не дала ему уснуть. Хозяину оставалось лишь повторять: «Молчи, молчи». Мне нужно было уходить очень рано. На куске бумаги написал записку: «Дорогая госпожа, не упрекайте, пожалуйста, Вашего супруга из-за меня. Я глубоко сожалею, что нам не удалось побеседовать с Вами, вспоминая нашу жизнь в Петербурге. Обстоятельства вынудили поступить так. Эту бумагу уничтожьте». Записку я вложил в конверт и оставил на столе.

Прошел год после этого эпизода, когда я через Индию и Францию прибыл в Германию и среди молодежи, направленной советским правительством на учебу в эту страну, встретил и брата этого моего друга. Молодой человек рассказал мне, что супруга его брата утром прочитала записку и крайне расстроилась, даже заплакала, вновь упрекая мужа словами: «Ну почему не сказал? Какой стыд! Если когда-нибудь суждено встретиться, какими глазами я должна смотреть на него?»

Прощание в Ташкенте

Наш дом в Бешагаче охранял узбекский джигит, который будет сопровождать меня до кишлака Чиназ. В таких городах, как Ташкент, Самарканд, посадка на пассажирские поезда была для меня слишком опасной, поэтому я думал одну-две станции проехать на товарном составе. Но стало известно, что между станциями Чиназ и Мирзачуль в пассажирских поездах до переезда по мосту через **Амударью** производится проверка документов. Это делается между Сырдарьей и Чарджоу. Поэтому я решил добираться до Чиназа на лошадях, а через реку переправиться на плотках и в поезд сесть лишь в Мирзачуле.

В тот день в Ногай-Кургане я навестил больного друга Фариата, на ночлег остановился в доме сына Ходжа Макбула Гумера в Кавунчи. 24 октября мы добрались до станции Хаваст, ночью сели в поезд. Кстати, в поездах я вообще передви-

гался лишь ночами, днем же предпочитал иной вид транспорта. Не доехав до Самарканда один перегон, на предыдущей станции я покинул поезд, там меня ждала подвода. В Самарканд мы въехали вдвоем с другом **Шахвали**.

Прощание
в Самарканде

В Самарканде я оставался четыре дня. В Ташкенте было принято решение, что я должен выехать за границу, поэтому я стал готовить статьи для печатных изданий, которые мы там будем издавать. Следовало накапливать информацию, не упоминая имен. Каждый вечер в домах моих друзей устраивались застолья, состоялись искренние беседы. В доме одного из них, жившего рядом с воротами Пойкабак, мы еще раз обменялись мнениями по проблемам, которые уже обсуждали в Ташкенте. О моем отъезде за границу друзья были заранее извещены.

Самаркандцы, как и прежде, и на это раз показали себя настоящими мужчинами и искренними друзьями. Несмотря на то, что главнокомандующий здешних советских войск генерал **Каменев**⁹⁸ находился в Самарканде, наши собрания проходили в условиях безопасности и взаимного доверия, так как в органах управления города работали наши надежные единомышленники.

Встреча в саду рядом с воротами Пойкабак оставила в моей душе незабываемые чувства взаимной приязни. Друзья искренне старались, чтобы эти чувства всячески укрепить. **Кази Хайдар** в подарок мне приготовил самаркандское «**ДУППЫ**» и шелковый чапан. Другой принес несколько бутылок отменного вина, изготовленного самым известным виноделом Самарканда. Их я отослал в Туркменистан с обеспечивающим нам связь башкирским джигитом **Шахвали**. Самый близкий мой друг ишан **Мурат Хаджи** и его близкие от всей души преподнесли мне букет цветов. Цветы были завернуты в бумагу, на которой было написано: «**Букет мужества, аккуратности и предусмотрительности**».

Стола нет, сидим на полу. Один из друзей прочитал приветствие. Текст позже через афганского консула в Бухаре доставили в Кабул **Хашиму Шайку**. Хочу привести здесь некоторые места этого приветствия: «**Этот маленький букет просим принять от всей души. Он завянет, даже если держать его в воде, но пусть эти цветы в Вашей памяти вечно сохранятся живыми и прекрасными, всегда напоминают о нашем безграничном к Вам уважении. Мы написали «букет мужества, аккуратности и предусмотрительности**». Это Ваши собственные слова. Во всех вилайетах Туркестана было поднято

знамя освободительной борьбы. Но почему центром деятельности организации, призывающей к тайной национально-освободительной борьбе, Вы избрали именно наш город и наш вилайет? Причину этого выбора Вы сами объяснили год назад на торжествах по случаю Курбан-байрама на вечере, состоявшемся в Оби-Рахмате, и своими лестными словами пленили наши души: «**Средневековый арабский ученый Мукаддаси**⁹⁹ сказал о самаркандцах, что они в отличие от населения других вилайетов **Мавераннахра** являются носителями «мужества, аккуратности и предусмотрительности». Посмотрим, соответствует ли это истине». Действительно, народ Самаркандского вилайета не совершил ни одного проступка, который мог бы служить причиной для Вашего разочарования и расстройств. Вы к нам приехали 9 августа 1921 года в среду, через четыре дня, в день празднества Курбан-байрама, мы приняли важные решения, через месяц собрали шестой съезд нашей организации, учредили национальное знамя Туркестана и утвердили устав нашей организации. Вы каждому из нас определили обязанности, и мы в течение 14 месяцев и 15 дней воспринимали Вас в качестве руководителя организации Туркестанское национальное объединение, отдающего распоряжения, и приложили все свои усилия, чтобы Ваши приказы выполнялись. До Вашего прихода и создания Туркестанского национального объединения в этом вилайете существовали не объединенные отряды моджахедов, а разрозненные, мелкие басмаческие группы, которые постоянно вздорили и сталкивались друг с другом, были лишены каких-либо идеалов национального возрождения, всецело оставались под влиянием фанатичных мулл. Организация внесла в их среду внутреннюю сплоченность и дисциплину, которая могла стать примером для всего Туркестана. «**Мужество, аккуратность и предусмотрительность**» присущи нам издавна, а ныне мы увидели эти качества и в Вас. В то время, когда Вы были в **Ургутских горах** у **Хаджи Абделькадира**, прибывший в Бухару **Энвер-паша** призвал Вас к себе, и Вы тотчас верхом на лошади отправились к нему, доехали туда за два дня и решили там вместе с пашой вопрос о присоединении великих деятелей Турции к освободительной борьбе Туркестана. Где находился **Джаббар** из **Гузара**, а где — **Карагул** из **Каттакургана**, **Халбута** из **Ура-Тюбе** или **Каххар** из **Бухары**? Вы объехали всех на лошади, подобно **Батталу Гази**, проходили через ряды противника и сплотили всех нас в единый центр, побудили всех признать руководящую роль Туркестанского национального объединения. Люди муллы **Каххара** предательски убили Ваших друзей, которых Вы привезли из **Башкортостана**. Несмотря на это, Вы поехали к ним в **Нура-**

ту и спасли остальных своих друзей, еще оставшихся в живых и своими умными действиями и тех басмачей сделали сторонниками Туркестанского национального объединения. Между тем возможность того, что они оторвутся от нас, станут сторонниками эмира, убьют и Вас, была весьма вероятной. После прибытия в Самарканд Вы в течение целой недели одной из комнат медресе Улугбека пользовались как местом встреч. Это было не что иное, как признак «мужества», но к гробнице Тимура не приблизились, так как знали, что там организовано тщательное и постоянное наблюдение. Это было с Вашей стороны не чем иным, как признаком «аккуратности и предусмотрительности». Для оказания помощи магзуму Мухитдину некоторые наши единомышленники потребовали, чтобы Вы устроили переход башкирских и казахских бойцов, служивших в Ташкенте и Фергане в советских частях, на сторону басмачей. Эти люди сегодня оказались в постыдном положении, так как магзум Мухитдин перешел на сторону красных. Если бы Ваши земляки перешли тогда на сторону басмачей, то теперь они оказались бы в чрезвычайно тяжелой ситуации. Вы и в этом случае не предались гневу, продолжали руководить нами. Мы это также воспринимали как признак Вашей «аккуратности и предусмотрительности». Самое высокое качество, присущее нашему пророку как вождю и предводителю войск, а также другим великим деятелям ислама — именно эта аккуратность и предусмотрительность во всех делах. Энвер-паша пал в бою. Чтобы из-за этого печального события народ наш не впал в уныние, Вы должны найти надежные пути и сумеете добиться помощи со стороны иностранных государств и свободных народов в деле борьбы за наше освобождение. Пусть высоко оцениваемые Замахшари аккуратность и предусмотрительность станут основой Вашей успешной деятельности в дальних странах». На что я ответил: «Я буду считать себя счастливым человеком, если в будущем мне удастся доказать свою верность нашему делу».

Действительно, в ходе борьбы я очень близко сошелся с людьми Самарканда и его вилайета, крепко к ним привязался. Разве можно забыть такого друга, как ишан Мурат Хаджи? Кази Хайдар сказал: «От нас вышел человек по имени Бурханиддин Сагырчы. Делами нашего народа он занимался в Багдаде, Индии, позже в Китае. Слава Аллаху, и Вы будете как он, желаем Вам успехов. Сагырчы после смерти был похоронен у нас и стал одним из любимцев нашего народа. Мы всегда будем молиться, чтобы Вы в скором времени вернулись к нам».

Сасанбай

В дни конспиративной жизни в Самарканде я посетил могилы наших единомышленников, павших в борьбе и похороненных на городском кладбище. Могила моего друга Хариса Сасанбая находилась рядом с мечетью Хызыгра. Он не погиб в бою, а умер от малярии.

Всю жизнь считаю самой великой своей обязанностью поклониться могилам таких верных своих друзей, как Ибрагим Каскынбай, Галимзян Таган¹⁰⁰, Харис Сасанбай. Во время посещения родной деревни я посетил могилу моей рано умершей, мною очень любимой сестры Гайнулхаята, зимой 1919 года во время жестоких боев на Южном Урале — покрытую снегом могилу Ибрагима Каскынбая, а зимой 1954 года в Гамбурге — могилу доктора Тагана и сотворил молитву на упокой их душ. И сейчас у могилы Хариса выполнил тот же долг. Не теряю надежды еще раз лицезреть их в судный день. Как же вспоминают своих друзей те, кто исповедуют веру, которая исключает повторное возрождение человеческого духа? Понятия обо всех этих вопросах одного моего ученика, прибывшего из Китая, меня никоим образом не смогли удовлетворить. А Харис представлял эту жизнь как некий короткий эпизод в вечном бытии человеческого духа. 6 мая 1922 года он, больной, заплакал, положив голову на мои колени, и, обращаясь ко мне и Нафисе, сказал: «Если суждено умереть, в судный день встретимся, но вы меня всегда помните, иногда радуйте мой дух аятами из Корана», и скончался у меня на руках. В Бухаре, заболев малярией, и мой сын Ырысмухаммет умер у меня на руках. Что может быть сладостнее молитвы в коленопреклонном виде, с верой в душе о сохранении божественных связей между умершим и оставшимися. Харис занимался всеми моими делами по связи, смотрел за лошадьми, всеми деньгами распоряжался также он. И тайник по хранению оружия был в распоряжении Хариса и двух моих людей, которых я привел с собой в Бухару из Харгоша. Харис съездил один раз в Башкортостан, два раза в Хиву, много раз в Бухару и на словах передавал важную секретную информацию. У него не было иного идеала и иной цели, кроме как дожить до дня освобождения своего народа или принести себя в жертву на этом святом пути борьбы. Он хорошо знал русский язык, в Бухаре и Самарканде начал изучать фарси. Если я уеду за рубеж, он желал уехать вместе со мной. Это был очень умный, честный, исключительно смелый и вместе с тем предусмотрительный человек. Я полагаю, что он будет полезен в государственных делах. В свободное время он читал историю Мирхонда. Будучи очень почтитель-

ным по отношению к моей супруге, все же имел привычку иногда вступать со мной в мелкие препирательства, но позже раскаивался в этом. Когда он прочитал исторические предания о том, что сельджукские князья вступали в спор с Чингисханом и из-за этого много раз подвергались наказанию, Харис, будучи и сам из сальютского рода башкир, рассуждал так: «Возможно, эта непокладистость и конфликтность в нашей крови». Еще раньше двум джигитам, верным телохранителям, я разрешил выехать на родину. А Харис не желал расставаться со мной и выполнять где-либо иные обязанности. Если бы он оказался вместе со мною в Турции, несомненно, сумел бы успешно работать в сфере науки. В истории он идеалом считал поэта-воина Бабура. Я ему объяснил особенности алтайского аллитеративного стихосложения. После осмотра мавзолея Тимура свои впечатления от увиденного он отразил в виде прекрасных стихов, некоторые строки которых у меня сохранились в памяти:

Создавая гул в своде,
Не пугай нас, Тамерлан.
Двигая свое черное надгробие,
Не страши нас, Тамерлан.

Харис имеет в виду гул в мавзолее Тимура, возникающий там в силу акустических свойств свода сооружения, а его черный надгробный камень вытесан из черного твердого нефрита, привезенного из вилайета Хотан. Все это он прочитал в книге В. Бартольда¹⁰¹. Он был влюблен в казахские и ногайские дастаны и, подражая им, написал много прекрасных произведений. Если бы Аллах сохранил ему жизнь, то какое это было бы благо.

Четыре дня, проведенные в Самарканде, еще крепче привязали меня к этому городу, и я почувствовал еще большую привязанность ко всем своим тамошним друзьям.

Еще одно посещение Туркменистана. Мой друг Шахвали направился в Ашхабад. Из-за опасности пользоваться поездом, от Самарканда до станции Утарчи я добирался на лошадях, оттуда в товарном составе ехал до Амударьи. На станции Фараб (Четыре колодца) я сошел с поезда и дня три отдохнул у знакомых туркмен. Два года назад мы были здесь в гостях вместе с Саитгареем Магазом.

Знакомые переправили меня на лодке в Чарджоу. Далее, опять на товарном поезде, я добирался до Мерва*. Здесь я не-

* Мерв — с 1937 г. Мары (обл. центр в Туркменистане).

сколько дней побыл у своего старого друга **Какажана** Бердиева и выехал верхом в Ашхабад. К моему прибытию туда 18 ноября Шахвали уже нашел жилище. Он был очень доволен моими беседами в Самарканде и содержание их, не называя имен, записывал. Шахвали также считал правильным, что башкирские воинские части, не поспешив примкнуть к басмачам, поступили разумно.

1 декабря и моя жена Нафиса в сопровождении одного казахского джигита также прибыла сюда из города Туркестан. Нафиса вместе с Шахвали поездом, я верхом на лошади отправился в кишлак нашего туркменского друга кази Махмуда. Кишлак расположен вблизи Ени Мерва. Время от времени меняя место проживания, будем жить в этих двух городах. 8 декабря прибыл в Ашхабад и мой друг **Фатхелкадир** (А. Инан). Впоследствии он будет вместе со мной путешествовать по Ирану, Афганистану, Индии, по странам Европы.

Вместе же прибудем в Турцию. Шахвали мы отправили в Самарканд. Через несколько дней он с двумя грамотными узбеками вернулся в Ени Мерв. Они будут обеспечивать нашу связь с Ташкентом, Самаркандом и Бухарой. Один раз они съездили и в Оренбург. До ухода в Иран мы пробыли здесь четыре месяца. Туркменское отделение нашей организации обеспечило нас верховыми конями, и мы имели возможность посетить многие места в округе. В это же время я изучал труды Махмуда Кашгари и начал писать труд о позднем периоде истории Туркестана. Через своих единомышленников, работавших в органах ЧК, мы распространили дезинформацию, что «Валидов оставался в Самарканде и, получив сведения о гибели Энвера-паши, собирается выехать в восточную Бухару». Как и в Ташкенте, жили в Ашхабаде спокойно, никакие сведения о нас до русских не доходили, а из туркмен нас знали в лицо очень немногие. Хаджи Сами и Даниял, взявшие на себя руководство после гибели паши, написали подробный рапорт в адрес Туркестанского национального объединения и доставили его со специальным нарочным. Это была первая достоверная информация о гибели Энвера-паши, полученная нами полмесяца спустя после печального события.

Группа людей, находившихся рядом с пашой в момент его гибели, собралась в густе у басмача Фузаила. Они написали мне письмо с предложением возглавить движение и послали с этим письмом человека в Ташкент. Однако в их послании не было подробных сведений о случившемся. Хаджи Сами в то время находился в Афганистане. Наконец, прибыв оттуда,

он отправил упомянутый рапорт. Это сообщение было преисполнено глубокими и искренними чувствами, читается как поэтическое творение. Вскоре пришли письма и от прежних деятелей башкирского правительства **Мустафы Шахкули** и **Хибатуллы Янбухтина**, которые также были вместе с Энвером-пашой. Самую подробную информацию дал **Мустафа Шахкули**.

Паша погиб в дни праздника Курбан-байрам 4 августа в пятницу, в кишлаке **Чекек**, находившемся в 7—8 километрах от Бальджувана, в бою с русскими. У самих русских сколько-нибудь ясных и достоверных сведений об этом событии не было. Выявились несколько человек, каждый из которых утверждал, что именно он убил Энвера-пашу. Об этом сказано и в статье, опубликованной офицером **ЧК Агабековым**. Австриец **Густав Крист**, попавший во время войны в Россию в плен, пишет о том же в своем труде «Через запретную землю» как об установленном факте, якобы услышанном им «из уст самого **Агабекова**». Позже об этом же сообщали в мартовском и декабрьском номерах журнала «Исламское обозрение» югослав **Махмут Муфтич** и **К. Говард Эллис**. Однако все это не что иное, как вымысел. Паша погиб от пули русского солдата, но кто именно его подстрелил — неизвестно. Люди, желающие принизить роль покойного Энвера-паши, писали и продолжают писать много несуразицы, пытаясь тем самым охарактеризовать в невыгодном свете всех туркестанцев. Стремятся создать мнение, будто паша представлял собою легковесную фигуру и толком не владел тактикой боевых действий, а **туркестанцы** вообще не надежны как военная сила. В действительности же борьба басмачей была партизанской войной. Как я уже писал, жизнь паши и каждого из нас находилась под постоянной угрозой. И в эпоху сельджуков война против крестоносцев носила также, кстати, партизанский характер. Позже в истории **Мунаджим Баши** я прочитал об одном эпизоде, очень схожем с гибелью Энвера-паши. Случившаяся в 1210 году в войне против крестоносцев смерть сына **Кылыч Арслана Второго**¹⁰² **Гияззетдина Кей-Хюсрева Первого**¹⁰³ во многом напоминает происшедшее с Энвером-пашой. **Гияззетдин Кей-Хюсрев**, преследуя разбитых крестоносцев, решил завладеть оружием и снаряжением поверженного врага, но в это мгновение он оказался один в окружении солдат противника. Оказавшийся рядом крестоносец убил его, снял с него одежды, оставив нагим. Энвер-паша говорил мне: «Не хочу быть убитым, как **Талаат-паша**, на улицах Берлина каким-либо армянином. Хочу пожертвовать своей жизнью в борьбе за освобождение нашего

народа. Если не станем победителями, принесем себя в жертву за свободу». Вне всякого сомнения, он был идеалистом. В своей готовности отдать жизнь за независимость Туркестана был также искренним до конца. Он достиг своей цели, и его имя навечно вплетено в историю Туркестана.

Если бы общество состояло только из умников, бросающихся в борьбу, только лишь заранее зная, что одержат победу, то не оставалось бы в жизни места дуракам, продолжающим бороться, будучи заведомо обреченным на поражение. Если неудача предопределена, то в чем смысл борьбы? Положение покойного **Джемала-паши** было несколько иным. В письмах, отправленных из Кабула, он призывал басмачей достичь взаимопонимания с Советами, пытался переманить их в Афганистан, призывал участвовать в изгнании англичан из Индии. Когда в 1921 году **Джемал-паша** приехал в Бухару, многие басмачи представляли его как авантюриста, не имеющего представления о реальности. Вне всякого сомнения, он также идеалист. Однако Энвер-паша был идеалистом с исключительно чистой душой. Его слова, сказанные мне в Бухаре: «Если не достигнем успеха, я послужу будущности турков хотя бы тем, что тело мое останется в этой земле», были искренними. Он хорошо понимал суть и последствия своих поступков. Вывод басмачей в Афганистан для борьбы против англичан считал «авантюрой» и совершенно определенно высказывался, что не встанет на этот путь. И **Афдаледдин-хану** говорил то же самое.

Несколько друзей паши, которые были вместе с ним в день его гибели, позже прибыли в Турцию. Суть рассказанного ими, в особенности **Мустафой Шахкули** и мирзой **Нафисом Туркменом**, сводится к следующему: по повелению паши руководивший в Курган-Тюбе туркмен **Абдрахман** за несколько дней до Курбан-байрама сообщил, что русские направили большое количество войск с берегов Амударьи и **Куляб** и начали перекрывать дороги в Афганистан. Правитель Афганистана **Аманулла-хан** послал для защиты паши отряд из трехсот воинов под началом офицера **Афдаледдина**. Они были вместе и в походе на Байсун. Когда паша, отступая между Бальджуваном и Кулябом, достиг местечка под названием **Гевреккли**, пришло письмо от **Амануллы-хана**, который еще раз предлагал паше прибыть в Афганистан: «Тебе открыты ворота нашего государства и распростерты объятия нашего народа».

Предводителем военной группировки в Гевреккли был **Даниял-бей**. Паша позвал к себе командира группы афганских воинов **Афдаледдин-хана** и приказал: «Здесь ваши обязанно-

сти исчерпаны, возвращайтесь на родину». Он написал Аманулле-хану письмо следующего содержания: «Я непременно останусь здесь. Если умру, у моих соплеменников найдется кусочек земли, чтобы похоронить меня. Отъезд отсюда будет большой ошибкой. Вашему отряду я разрешил вернуться». Я помню, что и во время пленения паши лакайцами Амануллахан послал из Ханабада своего родственника по имени Нурулла. И тогда он приглашал пашу прибыть в Афганистан, но тот отказался выехать.

В Чекене паша воевал против русских самоотверженно и погиб от пули отступающего в панике русского солдата. Отряд рассеялся, но Даниял и Фарук, вновь собрав все свои силы, окружили русских. Батальон противника, дошедший до Чекена, был почти полностью уничтожен. То, что русские, зная о факте смерти паши, не обладали сколь-нибудь достоверной информацией о подробностях события, объясняется именно этим. По мнению Мустафы Шахкули, русские вначале не знали ни того, чья пуля поразила пашу, ни того, кем был убитый. По рассказам живущих ныне в Турции мирзы Мухитдина и мирзы Нафиса Туркмена, таджики, не знавшие личности убитого, раздели и похоронили его, сшив погребальный кафн из чалмы самого паши. Одежда и некоторые его бумаги через некоторое время от этих таджиков, по видимому, перешли в руки агентов красных.

В письмах, доставленных в Ашхабад вместе с посланием Хаджи Сами, были подписи турецких офицеров и руководителей басмачей Исмаила Хакки, Нафиса, Халила, Хасана и некоторых других. В письме Хибатуллы приводится полный отчет о пути их продвижения после боев 11 августа в Усмате по горам Матча до Бальджувана. Сообщается и о том, как в одной из стычек с красными Аухади Ишмурзин попал в плен, оказавшись в окружении, а других потерь не было. Несчастье Аухади описано Хибатуллой достаточно подробно. Поэтому некоторое время я испытывал отчуждение по отношению к этому своему другу. Аухади был моим старым другом, который с самых первых шагов национального движения находился рядом со мной. Он женился на русской женщине, взаимоотношения у них были сложными. Я иногда говорил ему: «Это положение может свергнуть тебя в несчастье, лучше расстаньтесь».

В момент, когда пришли эти письма, мои друзья Абделькадир и Шахвали были в Ташкенте, и мы с супругой остались одни. В это время к нам приехали наши друзья хивинцы Атабай и

Курбан, туркмен кази Махмуд из Мерва. Они старались успокоить нас. Кази Махмуд пригласил нас к себе в гости. Нафиса не пожелала ехать. Кази меня одного увез к себе в кишлак. Мы с удовольствием пробовали отменные вина, изготовленные его женой. Из туркмен пригласили и музыканта, который исполнял прекрасные мелодии на тростниковом тьюдуке, напоминавшем курай. Кази Махмуд очень хорошо знал творчество Джалаледдина Руми, наизусть читал его стихи, я тут же пытался перевести их в рифму с фарси на тюркский (чагатайский) язык, что вызывало у кази особое удовлетворение. Один из его приятелей, принимавший участие в этом застолье, постоянно упоминал другого их общего отсутствующего знакомого, осуждая его за такие неприятные качества, как жадность и хитрость. В этой связи кази очень кстати вспомнил стихи поэта из Балха Бақои¹⁰⁴ следующего содержания: «Отвергай предложение бедняка отнять сокровища Гаруна и предоставить их тебе, даже если он готов это исполнить завтра же. Пустые намерения и бесплодные надежды, как ничто другое, опустошают человеческую душу». Эти стихи я тоже экспромтом перевел на тюрки, что также ему очень понравилось. Не обладая ни малейшим поэтическим дарованием, я, однако, в тот вечер ощущал себя поэтом. В полночь кази вместе с Курбаном проводили меня в наше ашхабадское жилье. Всю дорогу, едучи верхом на лошади, он пел туркменские песни. Кази Махмуд занимался и историей, был человеком с разнообразными интересами. В окрестностях Мерва у него были земли. В 1920 году, когда я скрывался в Туркменистане первый раз, он показал мне местность под названием Махмуди, где в 1362 году Тимур с эмиром Хусейном сражался с ойротскими эмирами.

По дороге нам попался кишлак. Это было место, где оставались войска Джунаид-хана, и я провел у них несколько приятных часов. Воины были одеты в униформу, что придавало им весьма импозантный вид. Позже, послав к ним фотографа из Ашхабада, сделали их снимки. Сфотографировались и мы сами.

Двенадцатого числа из Ташкента привезли письмо. Турар Рыскулов сообщил: «Валидов прощен Центральным Комитетом партии. Если желает, пусть незамедлительно встретится с Рудзутаком». Однако он предупредил, что мне следует обратить внимание на то, что Рудзутак ведет речь «о Валидове, исчезнувшем в неизвестном направлении» после своей деятельности в последние годы. Рудзутак писал мне: «Если не

хотите вернуться на родину, я мог бы взять на себя заботы по Вашему выезду за рубеж в желаемую Вами страну».

На столь многозначительное письмо с явным подтекстом человека, занимавшего в то время положение, соответствующее должности губернатора всего Туркестана, я ответил следующим образом: «На IX съезде партии во время дискуссии по вопросу о профсоюзах я Вам и товарищу Томскому¹⁰⁵ говорил: «Хотелось бы, чтобы в Советском государстве сохранилась для рабочих, записавшихся в профсоюзы, свобода волеизъявления. Было бы желательно, чтобы с ними не обращались как с солдатами в армии. Это мое самое искреннее пожелание». В ответ на мои слова Вы душевно пожали мне руку. Но что же получилось на сегодняшний день? Прошло три месяца после этого съезда. Ленин дал мне свои тезисы из 12 пунктов по «национально-колониальным вопросам», которые он готовил для второго конгресса Коминтерна, и хотел «узнать мое мнение». На этом Конгрессе он добился принятия тезиса о том, что после победы революции в мировом масштабе пролетариат метрополии должен руководить пролетариатом колоний. А то, что я высказался против этой мысли, послужило лишь «выявлению моего мнения».

Ленин выглядел единомышленником Троцкого и Бухарина¹⁰⁶, считавших, что «на деловом фронте среди деятельных людей должна господствовать свобода мысли и воли». Ныне же он сам встал на путь ограничения и отрицания свободы мысли и воли людей, действующих на основе признания подобной свободы. Теперь и Троцкий, и многие другие своими глазами увидели, что при нынешней ситуации нельзя верить не только Сталину, но и самому Ленину, что в России встали на путь приспособления социализма русским империалистическим традициям. Надеюсь на кого, я могу сейчас вернуться обратно? Если поверю Вам, нет ли у Вас сомнения в прочности собственного положения? Вы хорошо знаете, что в понимании общественных проблем между нами нет разногласий. Кому еще можно верить, кроме как таким искренним и добросовестным людям, как Вы? Вместе с тем я убедился в истинности пословицы, широко известной среди нашего народа: «Мусульманин не будет повторно совать палец в дыру, где однажды его ужалила змея». Даже не занимая никаких официальных должностей, я останусь верен своему желанию быть свободным, независимым человеком. Вам и таким товарищам, как Томский, Фрунзе, Рыков, доверявшим мне и выразившим свое дружеское расположение, я желаю здоровья и всяческих благ».

Письмо Ленину

В тот же день 20 февраля я отправил письмо Ленину:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Заранее знаю, что из-за Вашей болезни мое письмо не будет Вам ни вручено, ни прочитано. Но копии этого письма я отправлю многим своим друзьям и сподвижникам, и оно станет историческим документом. Товарищ Сталин при посредстве товарища Рудзутака прилагает усилия, чтобы вернуть меня в партию. Он делает вид, что не знает о моем письме в Центральный Комитет из Баку, написанном в 1920 году, где я открыто объявил о своей деятельности против Москвы и присоединении к басмаческому движению. Кто же вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? После опубликования этого односторонне принятого постановления я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение, принятое 20 марта 1919 года, соизволили назвать «клочком бумаги». Кстати, по этому Соглашению у Башкортостана должна была быть собственная армия, подчиненная непосредственно центральному Советскому командованию. Ныне, по Постановлению от 19 мая 1920 года, наши войска лишены этого статуса, переподчинены Заволжскому военному округу, командованию которого предоставлено также право по своему усмотрению дробить и переформировывать башкирские воинские части. Фактически эти войска перестали существовать. На основании подобного же Постановления вы «Уфимскую губернию присоединили к Башкортостану», на деле эта лукавая мера означает не что иное, как присоединение Башкортостана к Уфимской губернии. Объявленные Советским правительством 20 ноября 1917 года в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» права этих народов на самоопределение «вплоть до отделения от России» в корне перечеркиваются Постановлением от 19 мая 1920 года. После поражения в юго-восточной России башкир, казахов и туркестанцев и нашего отъезда из Советской России в истории юго-восточных мусульман России начинается новый этап: борьба мусульман за свои права и интересы внутри России переходит на международный уровень. Моя цель будет заключаться в том, чтобы требования этих народов довести до сведения мировой общественности. Далее в этом письме будут рассматриваться отдельные стороны нашего угнетенного положения.

Ныне великорусская нация свою политику, направленную против интересов наций и племен, оказавшихся в ее под-

чинении, начинает решительно претворять в жизнь не только в экономической и социальной сфере, но и в области культуры. «Восточный университет», созданный в прошлом году, приобрел качество некоего центра, осуществляющего эту политику. При Центральном Комитете появилась группа специалистов по восточным делам. Центральный Комитет, собрав некоторых представителей восточных народов, оказавшихся в зависимости от Советов, обязал их готовить необходимые материалы для этих «специалистов по Востоку». Эти представители Востока издали несколько книг и брошюр. Но мысли, опубликованные от их имени, навязаны великорусскими специалистами. Некоторые пункты «конституций», написанных ими для своих стран, были исключены, даже не удостоившись обсуждения. В данное время самое важное дело, которым занимаются Восточный университет и специалисты по Востоку — создание литературных языков для народов на основе фонетики их местных диалектов. В определении принципов этого мероприятия нерусские коммунисты играли лишь роль советников. В последнем номере журнала «Красный Восток», издаваемого специалистами Восточного университета, дагестанец Умар Алиев пишет, что если на Северном Кавказе для тюркских языков будет принят алфавит на основе кириллицы, результатом будет христианизация этих народов, поэтому они, как азербайджанцы, должны пользоваться латинским алфавитом: вопросы алфавита и литературного языка должны решаться не под руководством русских, а местными специалистами под руководством самостоятельных правительств самостоятельных областей, сформированных в условиях национально-политической свободы. Такого рода статьи, а также попытки некоторых азербайджанских специалистов посредством журнала «Красный Восток» объединить всех тюрков-мусульман вокруг одного литературного языка вызывают недовольство великорусских специалистов. Проф. Поливанов выступил против азербайджанца **Шахтахтинского** и Джалиля Гулиева, которые на одном из совещаний, где принимали участие также узбекские и казахские специалисты, защищали идею создания общего алфавита на латинской основе для всех тюркских народов. Проф. Поливанов и другие русские говорили, что если будет принят латинский алфавит, позже он будет заменен кириллицей, каждый тюркский диалект, общее число которых доходит до сорока, получит особый алфавит. Шахтахтинский считал, что каждый из тюркских народов в отдельности не в состоянии обеспечить существование литературного языка. Дальнейшее совершенно ясно: Вы вместе с Вашими великорусскими товарищами, начав с лишения простого народа

языка и письменности, не перестанете держать его за шиворот, пока не достигнете окончательного обрусения всех. Разница между Вашими словами о вручении нациям их неотъемлемых прав в их собственные руки, содержащимися в Вашем труде «Против течения», и проводимой Вами сейчас политикой настолько велика, что это удивляет.

Весной 1919 года, когда мы по организационным делам башкирских войск находились в Саранске, присланный Вами представитель Заредкий в течение месяца на многочисленных собраниях твердил, что лишь Советское правительство впервые в истории решит вопрос о самостоятельности нашего угнетенного народа, о создании национального правительства и национальной армии. И я в «Правде» опубликовал статью соответствующего содержания. После этого не прошло и четырех лет, политика Ваша реализовалась в диаметрально противоположном направлении. Возможно, РКП слова о свободе наций будет распространять в далеких от России Азии и Африке и после всех этих событий. Однако истина заключается в том, что в Туркестане великорусские коммунисты испытывают ненависть к таким искренним коммунистам, как Григорий Сафаров, публикующим статьи против продолжения здесь царской колониальной политики. Они охотно «разъясняют» коммунистам местного происхождения «теорию» о том, что мелкие народы для больших наций не что иное, как мелкая рыбешка для кита.

Товарищ Артем, будучи в Башкортостане, наряду с уверениями, что мы будем жить в самостоятельной республике, откровенно говорил некоторым местным коммунистам о том, что Советская (русская) культура, кроме Китая и Индии, будет безраздельно господствовать во всей Восточной Азии; что этому якобы не сможет противостоять ни один местный язык или культура, они будут использованы лишь для распространения идей коммунизма. Эти и подобные тому слова многократно повторялись во многих местах. Нет никакого сомнения в том, что эти утверждения не останутся в пределах России, распространятся дальше и в конечном счете дело дойдет до того, что врагом номер один каждого народа, желающего жить самостоятельно, но оставшегося под вашей рукой, окажется Советская Россия.

При обмене мнениями с Вами по поводу Ваших тезисов «Колониальный и национальный вопрос» я уже имел возможность высказать обо всем этом некоторые мысли. Впоследствии эти тезисы я прочитал в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 11). Вы утверждали, что после осуществления диктатуры пролетариата в мировом масштабе необходимым условием установления социалистического режима в странах с «отсталыми нациями» будет помощь «пере-

довых наций» (в том числе и ранее угнетавших наций). Это означало, что в Индии английские, в Туркестане русские, в Афганистане французские или бельгийские рабочие организации будут продолжать колониальную политику. Еще в 1915 году в Уфе мне доводилось беседовать с Вашими ближайшими соратниками, и тогда речь не шла о том, что планируемый вами социалистический режим будет осуществляться в качестве террористического, попирающего все человеческие права. И что же мы видим теперь? Разве цель революций заключалась во всем этом? Пятаков, в ходе дискуссии о профсоюзах поставивший перед Вами этот вопрос, был прав. Он говорил, что не следует отнимать волю рабочего класса, который кровью и потом осуществил революцию.

И Роза Люксембург¹⁰⁷ совершенно правильно предупреждала, что если идеи социализма встанут на путь приспособления к желаниям великих наций, находящихся под влиянием традиций империализма, то от этого не следует ждать добра. Если в России идеи социализма не оказались в плену империалистических традиций, то какой смысл затевать для угнетенных народов алфавиты и создавать новые литературные языки из их разговорных диалектов?

Если бы были здоровы, возможно, Вы сами сумели бы исправить допущенные ошибки.

У меня есть к Вам единственная просьба: прошу разрешить выехать в Германию моей супруге Нафисе, так как она по беременности завтра не сможет следовать со мной в Иран.

Ахмет Заки Валидов.

Письма, написанные на имя Рудзутака и Ленина, я отправил через частных лиц. Когда мы были уже в Иране, приехавший в Мешхед Садулла Ходжа Турсунходжаев сообщил информацию об этих письмах. Письмо, адресованное Ленину, мой бывший адъютант, член ВЦИК Абдрашит Бикбавов вручил руководству Советов собственноручно.

Письма, написанные мною некоторым друзьям
Когда оставалось два дня до перехода Иранской границы, я написал письмо, которое намеревался вручить двум башкирским интеллигентам, отъезжающим на родину. О том, что это письмо, зашитое в голенище сапога Шахвали, достигло родины, было прочитано и получило название «известное письмо», я с радостью узнал в 1943 году при беседе со своими земляками, попавшими в плен к немцам в ходе войны. Копии писем вместе с другими некоторыми важными бумагами мы вручили одному туркменскому торговцу, сказав, чтобы он их после выезда в Иран доставил

в Мехмедабад. Содержание письма, отправленного мною моим единомышленникам, заключается в следующем:

«За права и свободу нашего народа я боролся по мере своих сил. Движение наше в Туркестане, так же как и в Башкортостане, вдохновило на борьбу бесчисленное множество соотечественников. В этом деле принимало участие множество людей из Турции, Дагестана, Азербайджана и даже Афганистана, наконец, оно привлекло и Энвера-пашу. К сожалению, война с Польшей завершилась в пользу Москвы. Если бы эта война продлилась еще несколько месяцев, Энвер-паша, наступая из Байсуна и Гузара, а басмачи Самаркандской губернии — из Джизака и Нурата, смогли бы завоевать Самарканд и Бухару. Для подрыва железной дороги во многих местах был подготовлен динамит. В августе железная дорога со стороны Кызыларвата и Сырдарьи была бы закрыта для Красной Армии. К сожалению, Москва получила возможность направить сюда большие военные силы. Несмотря на то, что в августе наши дела приняли дурной оборот, я с целью продолжения борьбы вел в августе организационную работу по сосредоточению басмачей Шахрисябза и Самарканда, башкирских, татарских и казахских офицеров в области Байсун для соединения их с Энвером-пашой. Но неблагоприятные события нарастали. Энвер-паша пал в бою.

Именно в это время (в сентябре) тайно созванный съезд Туркестанского национального объединения поручил мне продолжать эту работу за рубежом, написать ее историю и довести до сведения мировой общественности, представить наши требования в качестве международных проблем. Этим делом я намереваюсь заниматься, поселившись в Европе или Турции. Однако на реальность необходимо смотреть трезво: нынешний уровень нашего движения, то есть борьба на уровне областей за достижение уступок со стороны Советов, не дали желаемых результатов. Сейчас нация напоминает овцу, попавшую в волчьи зубы.

Но этот вопрос в будущем встанет на более высоком уровне, поэтому необходима организация борьбы в иных формах. Вопрос о власти Советов в России, после того, как она завершилась в качестве внутренней борьбы, в дальнейшем превратится в проблему межгосударственных отношений. В конечном счете ею займутся великие державы. Более того, данный вопрос превратится в мировую проблему.

Советы, распространяя лживые слова об освобождении наций и колоний, приспособили теорию социализма, защищающую интересы и права рабочих, интересам эгоистической нации, зараженной империалистическими традициями.

Я написал два письма об этом и переправил их сегодня Рудзутаку, одному из советских руководителей в **Ташкенте**. Письма предназначены для вручения Ленину и Сталину (сообщившему мне, кстати, о моем «**прощении**»), а также другим их соратникам. Проводимая ими политическая линия — обеспечить в дальнейшем господство русского языка и культуры не только в России, но и в сопредельных областях Европы и Азии. Даже призывы ко всем нациям стремиться к социализму в мировом масштабе являются одним из способов достижения той же цели. Русификация всего мира — задача неосуществимая. Но эту истину (опасность) в других странах не смогут понять быстро. Поэтому независимым, свободным народам необходимо разъяснять империалистическую сущность «русского вопроса». Даже в Хиве всего этого не понимали за четыре месяца до уничтожения русскими их собственного правительства. Возможно, для понимания этих истин каждая нация некоторое время должна побывать под властью русских. В любом случае сейчас на нашей родине не следует допускать никаких волнений и восстаний. Движения, подобные выступлению Сулеймана Мурзабулатова, сегодня нанесут вред нашему народу. Об этом я написал ему в письме из Бухары. К счастью, больших потерь не было.

По мере своих возможностей вы должны обращать свое внимание на следующие вопросы:

1) Занимайтесь учебой молодежи, готовьте из них научных и технических специалистов.

2) Внедрите в душу способных людей желание оторваться от частных хозяйственных дел и войти в кооперативы, укрепиться в советском аппарате, взять на себя обязательства служить на этом поприще своему народу. Об этом я уже говорил на собрании в Стерлитамаке в августе 1919 года.

3) Не жалейте усилий для защиты религии и языка. Самые гнусные притеснения будут совершены в этих двух сферах, то есть на почве религии и языка. В этой связи не будет возможности иметь какую-либо организацию, так как она попадает в подчинение советских учреждений и будет служить их интересам. Борьбу за религию и язык придется вести всеми средствами как в рамках закона, так и скрытно.

4) Готовьтесь к следующему этапу борьбы, будучи уверенными в том, что она превратится в проблему международного масштаба. В этот период тюрки Поволжья и **Приуралья** должны верить, что борьбу им нужно вести в единстве с Туркестаном.

В этой связи дома нужно разъяснять детям, как с **1917** года мы вели борьбу. Если народы свободного мира не смогут объединиться и противостоять распространению большевизма и большинство народов Азии встанет на путь установления советской власти, то коммунизм как теория, наиболее сильно раздувающая пламя межнациональных раздоров, приведет к войне между самими этими народами. Мы живем в такое время, когда в мире развиваются самые различные, в том числе торговые, связи. Поэтому Россия не сможет вечно удерживать старые торговые пути между Востоком и Западом. Русские не смогут ассимилировать тюркские народы в течение одного века, так как этот процесс зависит также от успехов русификации на Кавказе, на Украине. К тому же нации, ставшие жертвами русификаторской политики, не останутся без движения. Если будет расти численность русских, будет увеличиваться численность и других народов.

В этой связи я изложу некоторые свои мысли, не считите их за пророчество: империалистические поползновения русских и стремление совершить революцию приведут к тому, что все происходящее в России предстанет как самые великие события XX века, связанные с судьбами всех народов. Однако из-за неумения сдерживать свои аппетиты, русские в ходе этих событий будут преследовать лишь свою корысть. Последующие великие события дадут нам новые возможности для возобновления борьбы. Такие регионы, как Туркестан, где мусульмане составляют большинство населения, сумеют воспользоваться этим положением. Ныне так же, как евреи в Израиле верят в возрождение своего государства, наши люди должны жить с подобной же верой и разъяснять это подрастающему поколению. Этими вопросами мы будем заниматься в зарубежных государствах. Вопреки всему я верю, что до дней освобождения наше поколение не успеет полностью исчезнуть. Мы в Башкортостане развернули национальное движение на законной основе, опираясь на решения курултаев, создали регулярные войска и боролись открыто, излагали свои мысли на страницах национальной печати и в школах. В Туркестане же это движение началось в виде недовольства и волнений еще до нашего прихода, большинство басмачей было под влиянием фанатичных мулл. Мы вдохнули в это движение национальную идею, идеал национального освобождения. Наконец, к нашему делу присоединился великий исторический деятель со своими офицерами.

Все эти дела не из тех, которые будут забыты людьми за несколько лет, даже в течение одного-двух поколений. Бла-

годаря верности тюркского народа идее независимости, у него в памяти до сих пор живы воспоминания об исторических событиях, относящихся к эпохам его самостоятельности: о Джанибек-хане¹⁰⁸, Тимуре, Кучуке и его сыновьях Каип-хане¹⁰⁹ и Аблай-хане¹¹⁰. Даже те тюркские племена, которые в древности оставались в меньшинстве среди других народов, забывали или почти теряли свой язык, при появлении возможности поднимались и вновь создавали государства. Такие племена, как туйюхуни¹¹¹, шато¹¹² и табгачи¹¹³ среди китайцев, карлуки и халачи среди индийцев, арпаты среди угро-финов, огузы¹¹⁴, агачери и аккойунлу среди иранцев, арабов и курдов, остались в меньшинстве, но сохранили свое бытие, а позже создали государства и вошли в историю. Прошлое этих племен — восхитительный пример для подражания.

Испытываю желание обнародовать все это, описав в виде романов. Миф об Эргунекуне¹¹⁵ свидетельствует о возрождении одного мужественного тюркского сообщества тогда, когда другим казалось, что оно на грани полного исчезновения. Мы переживаем в настоящее время среди русских один из самых страшных периодов своего исторического существования, но страх не сковал нас. Лично я сам, хорошо зная наше прошлое, даже в часы самых больших неудач не впал в отчаяние. Вышеупомянутые народы ради свободы покидали даже родину, а затем вновь обрели независимость. Наш народ как пырей: если в земле останется хотя бы маленький росток его корня, вскоре он распространяется на весь сад. Если бы в 1917—1922 годы мы не воспользовались возможностью подняться на борьбу и остались бы без движения, то нам трудно было бы воспользоваться такой возможностью в будущем. Эта возможность длилась очень короткое время, однако мы сумели ею воспользоваться. Совершенные нами дела, так же как и дела Кучук-султана, его сына Мурат-султана, Бишай-султана, его сына Ырые Махмут-султана, Султангирея (Карасакал), Батырши¹¹⁶, Салавата, Аблая и Кенесары¹¹⁷, оставят после себя великие воспоминания. Стихи, байты, сочиненные в ходе этой борьбы, невозможно принудить забыть. Разумеется, враг приложит много усилий, чтобы заставить вас забыть их. Но неопубликованное в России будет опубликовано за границей. Россия не сможет вечно удерживать свои границы закрытыми. Если литературу, распространяющую идеи свободы и национальной независимости, наши не смогут прочитать на родине, то прочитают за рубежом. Только пусть не впадает нация в безнадежность из-за нынешнего положения и террора, кажущейся сегодня безвыходной. Вера

и совесть наша, наша любовь к независимости будет указывать пути освобождения и звать вперед».

В письмах, написанных мной Аширале Захири из Коканда и казаху Сиркпаю Акаю, кроме всего прочего, были и следующие строки: «Русские попытаются вынудить нас забыть наш язык, религию, национальные дастаны, опубликованные нами в журнале «Йорт» и вдохновляющие молодежь. Однако мы останемся верны нашим обновленным исламским ценностям и культуре. Меня сегодня охватило глубокое ощущение трагичности происходящего, возможно, я сегодня тот, кому выпала доля отразить самое большое несчастье тюркского народа, может быть наши единомышленники, присоединившиеся к басмачам, в этот период истории сумели последний раз поднять наш народ на борьбу. Кто знает, может быть ты, Джунусджан Хаджи и я больше в этой жизни никогда не встретимся. Народ наш находится перед необходимостью ожидания новой исторической возможности подняться на борьбу, но уже в международном масштабе. Мое последнее пожелание вам: против попыток врагов стереть с памяти народа историю нашей борьбы вам следует противостоять изо всех сил. Через два дня мы выезжаем за границу. Пусть Аллах предопределит если не нашу встречу, так встречу наших детей».

Одному из своих друзей в Башкортостане я написал следующие слова: «Сегодня я радуюсь лишь одному: гарнизонные команды Суюндуковых в Шахрисябзе, Ибрагима Исхакова в Кармане и Нурате желали батальон за батальоном перейти на сторону басмачей. И батальоны, расквартированные в Троицких казармах в окрестностях Ташкента, также рвались примкнуть к нам. Я старался их успокоить, сдерживая их пыл. Если сейчас мы были бы вынуждены эмигрировать не только вдвоем с Фаткелкадиром, а встала бы необходимость выводить через границу полки, то для нас самым горестным было бы вести их в Иран и Афганистан. Сейчас многие участники борьбы из числа узбеков и туркмен выезжают за границу. Я советую многим из них, чьи имена не получили широкой известности, скрытно остаться на родине. Письма с подобного рода пожеланиями я разослал из Ашхабада. Самое лучшее для вас, приспособившись к новым условиям, остаться на родине и тайно бороться за нашу религию и язык, за выживание народа. Бегство с родины сейчас необходимо ради спасения жизни или для ведения дипломатической деятельности. Те, кто не остается в Башкортостане, пусть едут в Туркестан и обоснуются здесь. Если будет возможность, посылайте молодежь учиться в Турцию и Европу».

СЕМЬ НЕДЕЛЬ В ИРАНСКОМ ХОРАСАНЕ

Супруга моя Нафиса вынуждена остаться в Туркестане, так как была беременна и не смогла бы вынести тяготы предстоящего трудного пути. 21 февраля в сопровождении туркмена по имени Анна Мухаммед мы вышли на дорогу, которая напрямую вела в г. Мешхед. Двумя днями раньше с приятелем Анна Мухаммеда некоторые свои бумаги мы отправили в Сенги Солак. Выйдя из Ашхабада вместе с Абделькадиром, чтобы не привлекать к себе внимания посторонних, километров пять пути нам пришлось пройти пешком. Подвода с нашими вещами будет ждать нас впереди. Ночь была ясная, мы бодро шагали при лунном свете и дошли до развалин Анау¹¹⁸. Стихи и аяты из Корана, написанные на стенах мечети, можно было свободно прочитать при этом свете. Анау хранит остатки культуры, существовавшей за несколько веков до Рождества Христова. Я осмотрел эти руины со всех сторон. Не покидала мысль, что Туркестан я вижу последний раз. Ночь мы провели в кишлаке Кавданлы. Утром, пройдя через селение Генди Чашма, вступили в Сенги Солак, или Тешикташ (Деликташ), находящийся на территории Ирана. Окрестности Сенги Солака целиком населены тюрками. Мы были гостями у одного из них — человека по имени Курбан Мухаммед. До получения распоряжения военных властей из Мухаммедабада пограничники задержали нас на три дня. Бумаги, отправленные нами из Ашхабада, мы получили также здесь. Курбан Мухаммед и иранские пограничники проявили исключительное гостеприимство.

И после получения разрешения на въезд в Иран мы еще два дня оставались здесь, слушали предания о Надир-шахе¹¹⁹ и его сыне Ризе Кулу. Кишлак Шилген, где родился Надир-шах, оказывается, расположен неподалеку. Это название пишется иногда и как «Шигылан», поэтому можно предположить, что «чогул» — не что иное, как видоизмененная форма названия племени «Чигил». Это племя пришло сюда во вре-

мена султана Санджара¹²⁰ и Караханидов¹²¹. Рассказали нам еще одно предание. Когда туркмены завоевывали Кушан, Божнурд и Мешхед, они не нанесли никакого урона тюркам, живущим в Тешикташе и Шилгене, считая их потомками знатных тюркских родов. Иранцы (таты) и курды в панике бежали прочь. Продираясь через кустарники, они цеплялись за колючки и от страха якобы плакали в голос: «Ой, проклятый, не держи!» Им казалось, что их наступают туркмены и хватают за одежду.

Надир-шаху везиры принесли ложную весть, будто в глаза его сына попали колючки, и он ослеп. Местные жители прочитали стихи на тюрки, которые шах сочинил по этому случаю. Этот эпизод был рассказан нам в виде дастана. Узнав о ложности полученного сообщения, Надир подверг везиров и других виновных жестокой казни, и их тела повелел свалить в кучу. Когда же он, взойдя на эту кучу, увидел оттуда мавзолеей имама Ризы в Мешхеде, то приказал: «Хватит, больше никого не убивать». Однако близкие казненных, увидев удобный момент, убили самого шаха. Надир произошел от знатного рода Афшар, проживающего и теперь недалеко отсюда в кишлаке Шилген. Люди этого рода — мусульмане-сунниты. По их рассказам, в тех местах каждый холм, каждый овраг имеет свою историю и свою легенду. В руках одного из жителей мы увидели старый номер одной стамбульской газеты. Несмотря на то, что напечатанные в ней сообщения устарели, они выслушали их с большим вниманием. Расспросили нас и о нашей борьбе в Туркестане против русских. Особенно тяжелое впечатление оставила у них весть о гибели Энвера-паши. Они считали, что правлению туркмен, т. е. Надир-шаха в Иране положили конец Каджары¹²² тюрки, ассимилированные персами. Тегеранцев, говорящих на фарси, также называют каджарами.

Первым правителем из династии Каджаров Ага Мохаммед¹²³ они были недовольны, и его называли «Агдашы шах». То есть его знали как шахского стремянного. С глубоким уважением относились здешние тюрки к своим беям, в особенности к Забардаст хану. Они продолжали верить, что туркменское правительство в Иране станет в будущем образцом самого справедливого государственного устройства в мире. Более того, это туркменское государство будет создано с центром в кишлаке Надир-шаха Шилгене. Они убеждены, что Надир-шах был не шиитом, а истинным суннитом и не скрывал этого.

Мы были **гостями** Аббаса **Кулихана** 28 февраля мы прибыли в Мухаммедабад. Население здесь тюркское, фарси знают только торговцы. Военную власть представлял азербайджанец по имени Аббас Кулихан. К Мухаммедабаду относятся сто шесть кишлаков, население во всех тюркское. Пока из Мешхеда ждали разрешения на наш въезд в страну, мы оставались здесь в течение девяти дней. Аббас Кулихан подарил нам некоторые книги по истории, в том числе полное собрание Мирзы Малькома¹²⁴, большое сочинение Таги Хана Сепехра¹²⁵ под названием «Насих ат-тауарих». Хозяин и сам был хорошо знаком с этими трудами и с удовольствием беседовал о них со мной.

Мы получили две телеграммы со словами «добро пожаловать» из Тегерана: одну от командующего войсками восточного Ирана Мир-Пенча, другую — от военного министра Риза-хана¹²⁶, ставшего через два года шахом Ирана. Туркмен Курбан Мухаммед, сопровождавший нас от Сенги-Солака, сказал нам: «Аббас Кулихан проявил к вам большое уважение, придется что-то ему преподнести». На это я ответил: «Если мы ему дадим денег, создастся впечатление, что все эти почести оказаны им ради взятки. Нам же верилось, что уважение с его стороны было искренним и выражено от чистой души». Курбан Мухаммед предложил: «В таком случае, ваши приятные слова я передам ему». Аббас Кулихан ответил: «Боже мой, зачем ты сделал гостям такое бестактное предложение?» 8 марта мы выехали из Мухаммедабада и на следующий день прибыли в Кушан.

На родине Имама Газали¹²⁷ Когда мы проезжали по горному перевалу Аллахи Акбар, нам пришлось испытать силу ветра, о котором говорится в старых книгах по истории. Мы спешились, схватились за скалы. 11 марта наш путь пролегал мимо развалин знаменитого города Тус. Здесь мы посетили могилы Газали и Фирдоуси¹²⁸. Полуразрушенные сооружения трудно было бы назвать мавзолеями, они очень маленькие. Тому, кто читал труды и хвалебные отзывы о творчестве этих великих людей, достаточно взглянуть на их могилы, чтобы понять, насколько они мало ценимы в собственном отечестве.

Мешхед 12 марта мы прибыли в Мешхед и осмотрели дворец Лагали, многие старинные памятники культуры: мавзолеи имама Ризы и Харун-ар-Рашида¹²⁹, а также мечеть Гаухар-Шад, построенную Алишером Навои. Позже ее купол был достроен и покрыт золотом при Надир-шахе, и мечеть эта стала носить его

имя. Удалось выписать некоторые надписи, высеченные на памятниках. Вечером встретились с командующим восточных войск Мир-Пенч Хусейн-ханом и тогдашним губернатором Хорасана (к сожалению, имя его не запомнилось), присутствовал и представитель министерства иностранных дел. Происшедший из кадждарских принцев Хусейн-хан и губернатор области проявили к нам большое внимание и распорядились, чтобы их помощники оказывали всяческое содействие в нашем знакомстве с местными памятниками культуры и библиотеками. 14 числа Курбан Мухаммед, распрощавшись с нами, захватив наши письма друзьям и семьям, отбыл на родину.

В тот день у продавцов книг Мешхеда я купил большое количество книг, чтобы доставить их в Кабул, пришлось купить еще одну лошадь.

В тот же день мы познакомились с консулом Афганистана Сардаром Габдельгазиз-ханом. Когда мы сообщили ему, что собираемся выехать в Кабул, он обещал предоставить в наше распоряжение около десяти человек охраны, сказал, что в обеспечении нашей безопасности мы должны довериться правительству Афганистана. Консул и губернатор несколько раз приглашали нас на обед. Супруга губернатора была русская, он и сам хорошо владел русским языком. Госпоже губернаторше импонировало то, что мы свои беседы вели на русском языке. Она посоветовала нам поменять одежду. Мы заказали одежду иранского покроя и в этом новом обличье сфотографировались.

Хакимов

Консулом Советов в Мешхеде был татарин Хакимов. Самого Хакимова и его супругу Натижу я хорошо знал по нашей борьбе в России, и ничего, кроме зла, от них для себя не ждал. Тотчас после моего прибытия в Мешхед Хакимов прислал своего человека с предложением встретиться. Встретились. Он выразил готовность оказать помощь в моей работе в библиотеках Мешхеда. Сагдулла Ходжа из Ташкента сообщил мне о том, что дня через два прибудет сюда узбекский интеллигент Турсунходжаев.

**Туркмен
Джаббарберды**

17 марта мы устроились в отеле «Шахзада Хусейн-хан». Ко мне пришел туркмен по имени Джаббарберды. Из его рассказа я узнал, что в 1918 году во время своего пребывания в Туркменистане англичане достигли договоренности с представителями местного народа о совместной борьбе за самостоятельность края. Русские убили некоторых единомышленников Джаббарберды, имели намерение уничтожить и его самого,

поэтому он и выехал в Иран. Этот человек передал мне предложение английского консула встретиться со мной. На это я ответил: «Намереваемся через Индию направиться в Европу, в этой связи очень хотел бы встретиться с господином консулом. Но в Кабуле я должен переговорить с представителем Советов о судьбе моей семьи. Поэтому до начала своего путешествия через Индию в Европу я не смогу встретиться с официальными лицами Англии». Джаббарберды стал ежедневно навещать нас. Понимая, что каждое наше слово он сообщит своим хозяевам, мы воздерживались от малейшего намека на критику политики англичан.

Переписка с Риза-ханом

С помощью командующего хорасанскими войсками Ирана, а также поставив в известность служащего министерства иностранных дел, я послал 19 марта два письма военному министру Риза-хану, который был тогда фактическим правителем государства. В одном из писем сообщил, кто мы такие, какие у нас планы на будущее. Второе письмо я написал в виде рапорта и постарался доказать, что Афганистан, Иран и Турция находятся под реальной угрозой оккупации коммунистической России и поэтому им необходимо достичь тесного сотрудничества между собой. В первом письме я описал нашу деятельность после революции 1917 года в Башкортостане и Туркестане, охарактеризовал нашу борьбу против коммунистов, которые разграбили нерусские народы, оставили их в меньшинстве в общих органах правления и партийных организациях, вероломно лишили их самостоятельности, разъяснил причины того, почему после 1920 года наши организации, руководившие национально-освободительной борьбой, перешли к подпольной деятельности и присоединились к басмачам. Я сообщал также о том, что мы намерены из Мешхеда направиться в Кабул, а оттуда — в Восточную Бухару, к басмачам, борющимся против Советов под предводительством Хаджи Саами. Затем мы намеревались вновь приехать в Кабул и оттуда уехать в Европу. Вернуться мы думали в Среднюю Азию через год. Сказано в письме и о том, что я являюсь историком, опубликовал на тюрки и на русском языках труды по истории Туркестана, а мой друг Абделькадир Йылкыбай (в эмиграции — Инан) — писатель и редактор, что наряду с политической деятельностью мы продолжаем и свои научные изыскания, поэтому просим разрешить нам заниматься в Мешхедской библиотеке имама Ризы.

Второе письмо, сочиненное мною в виде рапорта, я озаглавил «К вниманию правительства исламского государства

Иран». В этой записке на основе статистических материалов была дана характеристика национально-освободительной борьбы мусульман Туркестана и Урало-Поволжья в 1917—1922 годах. В частности, было сказано, что если в царской России в пяти губерниях Туркестана проживало 8 миллионов 84700 человек, то в 1922 году там их осталось лишь 5 миллионов 29512; резко сократилось поголовье скота. Напомнил также, что «отношение русских к подчиненным им мусульманам — образец политики, которую они позже будут вести и во вновь завоеванных мусульманских регионах». Разъясняя намерения большевиков по отношению к Ирану, я привел следующие слова профессора Кржижановского: «Всю систему рек, берущих начало на территории Ирана и текущих в Россию, рано или поздно наша страна должна взять в свои руки». Упомянул и о том, что в Ташкенте на партийных собраниях Суриц высказывалось мнение о необходимости расширить границы Советского государства до Кабула и Персидского залива, так как без этого нельзя будет окончательно решить вопрос с российскими мусульманами. Я попытался убедить в том, что Иран, Турция и Афганистан делами российских мусульман должны заниматься как собственными, только в этом случае западные государства обратят внимание на наши проблемы. Отметил также, что национальные демократические организации мусульманских народов в России в августе 1921 года объединились в единый «Национальный народный общественный центр мусульман Средней Азии» (вкратце — «Туркестанское национальное объединение»), что на тайном конгрессе этой организации в 1921 году председателем единогласно был избран я, что мы оба (с Инаном. — *Ред.*) ныне ведем свою деятельность от ее имени и что было бы целесообразно, если бы она имела своих представителей в Тегеране и Мешхеде, что перед правительством Ирана стоит необходимость открытия в Ташкенте, как и в Баку, консульства. Сообщил также, что Туркестанское национальное объединение будет присылать в Иран, Афганистан и Турцию материалы, содержащие сведения о положении мусульман России, что мы, в ходе нашей вооруженной борьбы, отнюдь не надеясь на материальную помощь со стороны этих трех государств, рассчитываем, однако, на их солидарность, сочувственную заинтересованность и моральную поддержку; что отныне в России не будет никакой возможности для существования национальных школ, поэтому было бы целесообразно открыть в Мешхеде одну начальную и одну сельскохозяйственную школы на фарси и тюркском языках. Просил учесть, что Советы будут стремиться обост-

ритель отношения между суннитским и шиитским толками ислама, и такие туркестанские шииты, как Мирбаба из Бухары, издатель газеты «Шу'ле-и инкилаб» в Самарканде Саидали Риза, Абдельджаббаров из Джизака, сотрудничающие с Советами, относятся к Ирану с глубоким уважением, и посоветовал на этой основе призвать их к лояльному отношению к тем, кто защищает веру наших народов. В рапорте содержался также настоятельный совет установить между Турцией, Ираном и Афганистаном радиосвязь, а эмигрировавшим из Туркестана моджахедам, пожелавшим заняться торговлей на северных окраинах Ирана и Афганистана, предоставить такую возможность, что от этого они и сами будут иметь немалую выгоду.

Прибытие турецкого консула в Мешхед

Вечером 17 марта мы узнали о прибытии из Анкары членов консульства Сами-бея, Тахзин-бея и Феридун-бея, присланных вновь организованным правительством Мустафы Кемал-паши. Сами-бей, известный также по имени Сахраи-Кабир (исследователь Сахары), был одним из «младотурков», приближенным Энвера-паши. Узнав о моем прибытии в Мешхед, он прислал записку, предложив встретиться в доме азербайджанца Хаджи Кязима Ризаева.

С Сами-беем и с его близкими друзьями мы беседовали с шести вечера до двух часов ночи. По совету Сами-бея на следующий день я написал короткие письма Юсуфу Акчуре, Зие Гёкалпу¹³⁰, Ага-Оглы Ахмеду и Фуату Кёпрюлю¹³¹, разъясняя положение в Туркестане, прося довести мое глубокое почтение и до Мустафы Кемал-паши. Надо было спешить, так как назавтра должен был отправиться курьер в Тегеран. Консульство помещалось в доме упомянутого Ризаева. Вместе с Сами-беем в качестве членов консульства присутствовали также Фаридун-бей и Тахзин-бей. Позже Фаридун-бей в Стамбуле редактировал несколько газет. Мы с ним многократно встречались по поводу подготовки к публикации его воспоминаний о событиях в Туркестане и о Энвере-паше. Фаридун-бей Кантимер привез в Мешхед полный комплект газеты «Барлык», которую он издавал в то время вместе со своими единомышленниками в Сарыкамыше. Эти газеты и еще несколько трудов и журналов в тот момент послужили для меня исключительно ценным источником для изучения истории Турецкой революции и положения в Передней Азии. Мы с Абделькадиром прилежно прочитали эти материалы от первой до последней страницы.

Оказалось, Тахзин-бей до приезда в Мешхед служил в Турецком посольстве в Москве секретарем и поэтому был на-

слышан обо мне достаточно хорошо. Он впоследствии женился на приемной дочери Ататюрка — Сабихе и вошел в круг его приближенных.

16 июня во вторник состоялись торжества по случаю поднятия государственного флага Турции на здании консульства. Вместе с Тахзин-беем мы вдвоем водрузили знамя на крыше дома. Для меня это явилось большим и радостным событием. Сами-бей сказал что, по договоренности с афганским правительством, консульства будут открыты также в Герате и Балхе.

С Садулла Ходжа Турсун Ходжаевым, о прибытии которого из Ташкента упоминал Садулла Ходжа

Хакимов, мы встретились 20 мая. Хакимов предложил провести эту встречу в собственном консульстве, но я предпочел встретиться с ним в консульстве Турции, в доме Ризаева. И Ризаев с этим согласился. Садулла Ходжа — один из тех богачей, который приписал своему роду принадлежность к потомкам пророка, держал торговые дома и в Москве. По политическим соображениям он вошел в Коммунистическую партию и стал одним из редких членов этой атеистической партии, который соблюдал ежедневный пятикратный намаз. Зная русский язык, Садулла Ходжа обеспечивал связь между местными и русскими деятелями, был авторитетным членом Туркестанского советского правительства. Прошел слух, что его послало советское руководство для переговоров с иранскими властями об упорядочении пользования реками, текущими из Ирана в Туркестан. Однако, если верить словам самого Садуллы Ходжи, как только от Хакимова поступила телеграмма о моем прибытии в Мешхед, его послали сюда для переговоров со мной. При этом вместе с Садуллой не было ни одного специалиста, способного вести переговоры по сложным вопросам водопользования, а ему самому никаких полномочий по ведению подобных переговоров никто также не предоставил. Он привез мне письма руководителей Туркестана Рудзутака и Турара Рыскулова, предлагавших «после непродолжительного путешествия вернуться на родину». Я ответил, что останусь в мире демократии, не вернусь в советскую Россию, что об этом откровенно написал Ленину и Рудзутаку 19 февраля в своих письмах, отправленных из Ашхабада. Садулла оставался в Мешхед около двух недель. Последний раз встретились с ним по его просьбе 7 июня в том же Турецком консульстве. Садулла Ходжа сказал мне: «Басмаческое движение все еще продолжается. Хаджи Сами и другие не прекратили свою деятельность. Советские правители думают, что Вы, находясь в Аф-

ганистане, попытаетесь упорядочить басмаческое движение. С другой стороны, они знают также об открытии консульства Турции в Мешхеде. И вот теперь то, что Вы прибыли в Мешхед именно в день открытия консульства, вызвало у советских руководителей опасение. Они полагают, что Вы установили связь с Турцией еще будучи в Туркестане и ныне повлияли на них в деле открытия ими консульств в Мешхеде и Мазари-Шарифе. Они знают и о Вашем предложении установить радиосвязь между Анкарой, Мешхедом и Мазари-Шарифом. Мы, члены организации (Садулла поддерживал связь с нашим «Туркестанским национальным объединением»), хотели бы выразить Вам некоторые свои пожелания. Желаем здоровья, чтобы за рубежом Вам удалось совершить полезные дела. Не прерывайте связи с Советами, так как опасаемся, что может быть совершено покушение на Вашу **жизнь**». Он посоветовал также встретиться с Хакимовым. Копию письма, отправленного мною Ленину из Ашхабада, я вручил и ему.

Меры, принятые для того, чтобы попасть в руки Теймуридов

Туркмен Джаббарберды предупредил нас о том, что бей хазаров Теймуридов Самсамуддаула продан русским, а его отец Шуджал-Мулюк является сторонником англичан, что Советы попытаются не выпустить меня в Афганистан, и если представится случай, постараются задержать и переправить в Россию. Он сказал, что в Кабул более безопасной будет дорога Дуздаб — Индия. Я и сам подумывал о том, что представитель Советов в Джиdde Карим Хакимов мог бы организовать какой-нибудь подвох по отношению ко мне. Назавтра я встретился с ним в турецком консульстве, где он мне сказал: «Если Вы намерены выехать в Афганистан, я мог бы оказать содействие». То есть, он готов взять на себя заботу о моей безопасности по пути в Афганистан и оградить от возможного нападения. Выразив благодарность за участие, я сказал: «Месяца два намереваюсь оставаться здесь. Нашел очень ценные исторические источники, нужно их изучить. Когда приблизятся дни отъезда, я Вам сообщу». Об этом разговоре рассказал и Сами-бею, выразив просьбу усилить меры по обеспечению нашей безопасности, о чем сообщить и военному губернатору. Он исполнил мою просьбу, попросил также посла Афганистана Абделгазизхана выделить нам охрану при выезде в Афганистан. Представитель ведомства иностранных дел пригласил нас к себе и сказал о целесообразности покинуть отель, предложил перебраться в дом человека по имени Сами **Хашим-хаджи**. А посол Афганистана велел никому не сообщать день нашего отъезда, ло-

гдаей держать при отеле, находящемся в их ведении и расположенного на окраине города; а самим туда не являться, а для присмотра за лошадьми нанять кого-либо другого. Он сказал также, что при выезде из Мешхеда обеспечит нас десятью охранниками. Басмача казах по имени Габдельхалик Кунысбай мы взяли в качестве конюха. До дня отъезда за лошадьми смотрел он.

Находка важных произведений

Таким образом, в Мешхеде мы пробыли с 13 марта по 20 апреля в течение пяти недель. Это было очень хорошее время в нашей жизни. Надежным путеводителем в изучении произведений, относящихся ко временам Тимуридов и Надир-шаха, послужил мне двухтомный труд Саниуд-Давлета, описавшего исторические реликвии Мешхеда и его окрестностей. Самое важное дело, которое я сделал там, — это тщательное изучение от начала до конца главной сокровищницы Мешхеда — библиотеки Равза. Большую помощь в этом оказал Сами-бей. Год спустя о произведенных здесь важных находках я сделал сообщение в Париже во французском «Азиатском обществе». Самые ценные из моих находок — труд знаменитого арабского географа Ибн аль-Факиха¹³², жившего в IX веке, путевые заметки путешественников X века Ибн Фадлана и Абу-Дулафа¹³³, пришитые к книге Ибн аль-Факиха.

Труды этих двух путешественников, приводимые частично в большом труде арабского географа Якута Хамави, отчасти уже были известны европейским ученым. Однако в некоторых других средневековых источниках приводятся из книг этих путешественников сведения, которые отсутствуют в книге Якута Хамави. Поэтому европейские ученые предполагают, что в утраченной книге Ибн Фадлана содержались факты, которые остаются досель неизвестными науке. И вот теперь найденные мною мешхедские рукописи оказались весьма полными списками книг двух путешественников и Ибн аль-Факиха, — сочинений, считавшихся безвозвратно утерянными. На следующий день я пригласил в библиотеку Сами-бея и с его помощью получил разрешение у смотрителя взять книги в дом Сайда Хашима, чтобы изучить их со всей тщательностью. Фотоаппарата у меня не было, поэтому я денно и ночью переписывал их от руки. Предела моей радости не было. В детстве я видел удивительный сон. Будто царь Николай, окруженный своими приближенными, обращаясь ко мне, говорит: «Эти золотые рисунки дарю тебе». Это было якобы произведение о булгарах и башкирах. Отец тогда сказал мне: «Возможно, ты обнаружишь важный труд о **булга-**

рах и **башкирах**». Сейчас я вспомнил эти слова отца. Позже свою книгу о путевых заметках Ибн Фадлана я подготовил как докторскую диссертацию в Венском университете. Когда она была опубликована германским Восточным обществом, я был принят в качестве члена данного и еще нескольких Европейских научных обществ. Путевые записи Абу-Дулафа были опубликованы профессором Минорским¹³⁴. По случаю этих находок я записал в свой дневник следующие слова: «Возможно, Ибн-аль Факих и Ибн Фадлан дадут новое направление моей судьбе». Так оно и случилось в действительности. Незадолго до написания этих строк вышло второе издание моей книги об Ибн Фадлане.

В Мешхеде значительную часть времени я проводил за приведением в порядок материалов, собранных для объяснения в Турции положения мусульман в России. Одновременно размножил свой рапорт под названием «Социальная революция на Востоке и задачи революционной интеллигенции Востока перед угрозой реакции», написанный мной 23 июля 1922 года в кишлаке Бидене Самаркандского вилайета. Этот труд, ранее в сокращенном виде посланный в Париж Мустафе Чокаеву и через Кабул в Анкару, наконец мною был окончательно завершен 15 апреля. В то же время мы получили из Тегерана ответ, которого ждали с таким нетерпением. Риза-хан в целях обмена мнениями по вопросам, изложенным в рапорте, приглашал нас прибыть в Тегеран. В газете «XX век», близкой к правительственным кругам, было опубликовано сообщение о нашем с Абделькадиром прибытии из Туркестана в Иран и установлении связей с правительством. Мы этому очень обрадовались. Получив еще в Мухаммедабаде телеграмму из Тегерана в смысле «Добро пожаловать!», мы почувствовали, что в окружении Ризы-хана есть человек, хорошо нас знающий и понимающий смысл нашей борьбы. Оказывается, Саид Хасан Такизаде (выходец из Тебриза) в 1921 году исполнявший в Мешхеде обязанности губернатора иранского Хорасана, в 1922 году в качестве представителя Ирана побывал в Москве. Именно Такизаде и его друзьями была послана нам телеграмма, опубликовано сообщение в газете «XX век», проявлен интерес к моему рапорту. С этим почтенным человеком мы познакомились год спустя в Берлине; позже он был членом иранского правительства, полномочным послом Ирана в Лондоне, руководителем сената Ирана. Ныне он стал «Садри ашрафи Иран» — глава знатных родов Ирана, жив-здоров, пусть Аллах дарует ему долгую жизнь и

не различает его с нами. В Тегеран я написал благодарственные письма, сообщил, что сейчас необходимо выехать в Кабул, после путешествия в Европу намереваюсь вернуться на Восток и тогда желаю посетить и Тегеран.

Рапорты, отправленные в Турцию

Рапорт, который мною был написан 15 апреля по совету консула Самибея, оказался достаточно пространном. Его копии я отправил также Юсуфу Акчуре, Рауфу (Орбай), Агаоглы Ахмету и Исмаилу Суфи. К этому длинному сочинению были приложены также копии рапорта о деятельности Энвер-паши в Туркестане и упомянутая выше записка под названием «Социальная революция на Востоке». В них, как и в документах, отправленных правительству Ирана, я попытался обосновать, что в борьбе мусульман России в одинаковой мере заинтересованы все три государства: Турция, Иран и Афганистан. Отметив, что политика трех государств против коммунистов должна быть единой и согласованной, о чем я написал также и правительству Ирана и Афганистана, я сообщал, что Энвер-паша отдал свою жизнь за освобождение народов Средней Азии и что это — важнейшее событие в истории и турецкого, и всех тюркских народов. Попытался разъяснить, что все написанное такими, как Шериф-бей, о Сарыкамышских событиях, их мысли, направленные против Энвер-паши, составляют удручающее впечатление, что попытки Мухтар-бея действовать в Москве старыми дипломатическими приемами ведут к ошибкам, а это вызывает у предельно прагматичных советских политиков лишь насмешки, и в сегодняшней России такой путь никого не удовлетворит.

Этот документ я попытался написать на языке, близком к османскому, однако широко используя и слова среднеазиатских наречий. Гази Мустафа Кемаль-паша внимательно прочитал мои записки, о чем я услышал из его собственных уст в 1930 году (они хранятся в архивах Министерства иностранных дел Турции). Когда в 1927 году я, преподаватель истории Стамбульского университета, преподнес экземпляр текстов своих лекций, опубликованных литографическим способом, Ахмету Хикмету Муфтиоглу, он сказал следующее: «Язык этих Ваших записок — вполне современный литературный турецкий язык и читается легко и приятно. А вот Ваш рапорт из Мешхеда, написанный на среднеазиатском наречии, я прочитал, хотя с большим вниманием, но с небольшим трудом. Вы там с предельной откровенностью, увлеченно описываете происходящие там события и проблемы Туркестана, которые будут иметь важное значение и для будущности самой Турции. Если бы Вы за всю свою жизнь не напи-

сали и не оставили ничего, кроме этих рапортов из Мешхеда, то и их было бы достаточно, чтобы увековечить Ваше имя в истории нашего государства. Эти записки отражают лишь позднейший этап истории тюркских народов. Теперь же в опубликованных Вами материалах нашли отражение самые древние периоды истории тюрков и для этого Вы использовали книги, хранящиеся в библиотеках Турции. Пусть Бог даст Вам **возможность**, оставаясь в нашей стране долгие годы, описать историю наших народов с древнейших времен до современности и заполнить пустоту длительностью в 2 тысячи лет».

В рапорте, озаглавленном «Социальная революция на Востоке и задачи революционной интеллигенции Востока перед угрозой **реакции**», я писал, что в эпоху борьбы между капитализмом и коммунизмом и на Востоке возрастет в будущем число сторонников социализма и всеобщей социальной справедливости, и о том, каковы будут в связи с этим задачи интеллигенции Востока. Постарался определить ее задачи в условиях, когда коммунизм как теория, созданная Марксом, а в наше время представленная такими личностями, как Троцкий, теряет свою чистоту, и в руках нации с империалистическими традициями превращается в идеологию завоевания колоний. Основная моя мысль заключалась в положениях, изложенных ниже. «Социалистическая идея не исчерпает себя в ближайшем будущем. Но потерпев катастрофу в ходе Первой мировой войны и последующей гражданской войны, народы России и Германии встали на путь осуществления ложных направлений социалистических идей. Угнетенные, утратившие самостоятельность народы, оказавшиеся под захватчиками — коммунистами-социалистами — переживут крайний упадок. В то же время азиатские страны, оставшиеся в полуколониальном положении, должны будут стремиться освободиться от этой зависимости. Русская интеллигенция потеряла веру в то, что русский народ, вышедший из мировой и гражданской войн крайне изможденным, сможет в ходе соревнования с передовыми капиталистическими странами преодолеть свою отсталость. Поэтому русские, добившись лидерства среди бедных народов всего мира, попытаются не только уравниваться с передовыми нациями, но будут стремиться превратиться в самую передовую державу. Ради этого будет укрепляться желание всю мощь, все богатства, всю волю России сосредоточить в руках диктаторского режима.

Грабеж Германии углубит вызванный войной кризис, этим воспользуются большевики. Ввиду того, что Второй и Третий Интернационал отходят на второй план, желание **гос-**

подствовать над Европой превратится в Германии в национальную мечту. А теория социализма и коммунизма, оказавшись в распоряжении империалистической нации, будет служить политике подчинения угнетенных, отсталых народов Азии и Африки, превратится в основу ложных обещаний этим народам. В действительности же положение будет оставаться таким: Европа — город, Азия — деревня; Европа — заводы и фабрики, Азия и Африка — источник сырья. И после осуществления социализма в мировом масштабе сырье из колониальных областей будет доставляться в промышленно развитые страны в принудительном порядке. Пролетариат угнетенной Азии и Африки, оставаясь разобщенным и отсталым, объединится с собственной мелкой и средней буржуазией против европейского пролетариата, стремящегося и в этих странах претворить в действительность идеи социализма. Местные социалисты и коммунисты восточных колоний России, сами организовавшиеся или организованные русскими, никогда не смогут снискать полного доверия западного пролетариата. Местным социалистам никогда не дадут возможности самим создать в своих странах социализм, все они будут привлечены к делу как временные попутчики и на различных этапах политической борьбы будут выдвигаться все новые и новые «революционеры». На Востоке новые социалистические организации время от времени будут менять старых, а старые непременно будут уничтожаться. Даже после осуществления западным пролетариатом мировой социалистической революции хозяевами источников сырья останутся западные страны, а восточные народы все также будут в зависимом положении. Поэтому в современной Советской России центром мировой истории считается (как в политической, так и экономической и социальной сферах) Европа, а история Востока оценивается как периферийная. Фундаментом этой политики будут служить «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», написанные самим Лениным и принятые конгрессом III Интернационала, проходившим в Москве в 1920 году. Для создания собственных государств революционная интеллигенция Востока должна объединиться в тех неблагоприятных условиях с собственной национальной буржуазией и воспользоваться помощью западных народов, не воспринимающих коммунизм, ибо другого пути нет. В этих условиях от революционных социалистов Востока потребуется, наряду с продолжением решительной борьбы против реакционных кругов западных империалистов, все силы направить на усиление среднего класса. То есть революционные социалисты Востока, ведя борьбу

против империалистического коммунизма русских, должны защищать революцию, происходящую в их собственной стране. Только в том случае, когда революционеры Востока предпримут специальные меры, они смогут избежать зависимости от западного пролетариата. И на Востоке рабочий класс будет иметь большую будущность. Подлинное лицо капиталистов, действующих под видом распространения достижений техники, ныне вполне раскрылось. Молодежь для обучения техническим наукам следует направлять в Европу. Экономические, политические науки большевиков нам необходимо изучать исключительно лишь для того, чтобы успешно вести против них борьбу. Кроме того, у них нужно учиться умению воспользоваться любой политической ситуацией в свою пользу, а также делу накопления нужной информации».

В июле 1922 года, в дни, когда Советы, достигнув успеха на Польском фронте, значительную часть своих войск под командованием Каменева и Буденного послали в Туркестан и поставили басмачей в чрезвычайно тяжелое положение, мой рапорт с помощью коммунистов-мусульман был размножен на шапирографе и разослан по всему Туркестану. В то время этот документ сыграл большую положительную роль в преодолении существовавшего тогда разброда в мыслях наших единомышленников и в прояснении сложных проблем. Надеюсь опубликовать, один экземпляр документа мы послали в то время и представителю Бухары в Кабуле Хашиму Шайку.

После отъезда из России, будучи в Мешхеде и Кабуле, мы от руки переписали несколько экземпляров рапорта, и, несмотря на то, что он был написан на среднеазиатском тюрки, разослали правительствам Ирана, Афганистана, Турции и некоторым деятелям хотя и не социалистического, но либерального толка. Документ был направлен в Стамбул азербайджанцу Амину Расулзаде, представителю младобухарцев мирзе Габдельвахиту, казаху Газимбеку, из татар Фуату Туктарову, в Париж Ислам-бею Худоярову, **Али-Мардану** Топчибашеву¹³⁵, Мустафе Чокаеву, поэту из Лахора Мухамеду Икбалу¹³⁶, Сайду Хасану **Такизаде** в Тегеран. Амин Расулзаде этот документ опубликовал в сокращенном виде в журнале «Новый Кавказ», который он начал издавать после своего прибытия в Стамбул. Однако, документ не был переведен на английский или русский язык и поэтому не снискал широкой известности, но в Турции он оказал заметное влияние.

Еще одно дело, которое мне удалось сделать в Мешхеде, — это изучение в той мере, в какой я тогда был способен,

памятников архитектуры — Равду, мечеть **Гаухар-Шад**, а также мечеть, построенную по инициативе **Алишера** Навои, но позже носившую имя **Надир-шаха**. Переписал я также сохранившиеся на их стенах надписи. Позже, прибыв в Турцию, я опубликовал собранные материалы в виде статей в «Энциклопедии ислама» и других изданиях.

Азербайджанцы
в Мешхеде

В Мешхеде жили несколько азербайджанцев. Из них с **Гаджи Кязимом Ризаевым**, мирзой **Ибрагимом Тагиевым**, поэтом **Асатуллой Заварзаде** и **Маджидом Эфендиевым**, аптекарем **Гуламом Колсузом**, **Гуламом Риза** мы часто встречались. Они способствовали мне в изучении рукописных книг, хранящихся в частных библиотеках. Влюбленный в тюркскую историю аптекарь **Гулам** однажды принес перевод книги «**Калила и Димна**» с фарси на тюркский, выполненный во времена узбекского правителя **Убайдуллы-хана** для его везира эмира **Канбера Али бин Кёпек Кушчи** (произошел из рода **Каучин** племени **Карачин**). В предисловии к книге отмечается, что во времена **Убайдуллы-хана**¹³⁷ при дворе отдавалось предпочтение тюркскому языку перед фарси. Кроме этой книги мне предоставили возможность пользоваться некоторыми чрезвычайно редко встречающимися сборниками стихов на фарси и тюрки. Названные мною азербайджанцы были людьми очень интеллигентными и преданными националистами. Большинство из них принадлежали к кавказским азербайджанцам. Еще будучи в Самарканде, я слышал, что **Мухаммед Хасан Бахарлы** был в первых рядах борцов за самостоятельность российских тюрков и еще в 1921 году опубликовал в Баку свой труд под названием «**Азербайджан**», в котором сосредоточены географические, исторические и этнографические сведения об этой республике. Эту книгу мне преподнес **Колсуз Гулам**. Я же подготовил труд, посвященный географии и статистике независимого Башкортостана и Туркестана. Части этого труда, в которых описаны некоторые кантоны Башкортостана, и большую карту республики мы опубликовали в 1920 году.

Один из азербайджанцев, произошедший из рода **Каракойун**, работал над книгой по истории тюрков и азербайджанцев. С этим человеком я еще раз встретился в 1956 году в Тегеране. У него выросли и получили высшее образование сыновья. 5 апреля мы гостили у человека из рода **Байат**, он показал нам сочинения, в которых нашла отражение история иракских тюрков. Среди них были опубликованные труды доктора **Фахретдина Шафката** и некоторые рукописные книги. В этих книгах говорится, что когда пришел **Тимур, байаты**, стоявшие во главе шиитских племен **Кызылбаш**,

жили в Диярбакыре, и называли их «байавутами». Позже значительную часть байатов Тимур поселил в окрестностях Багдада в качестве своих войск. В XVII веке при сефевидях они были расселены в окрестностях Мазендерана, Рея и Хорасана также войсковыми группами. Они считают, что пришли сюда якобы вместе с Хулагу¹³⁸ и причисляют себя к роду байавут, считающимся монгольским.

На одном из застолий этот человек прочитал стихи Асадуллы Заварзаде. Это были прекрасные стихи. Он и его друзья задали мне ряд вопросов по истории. Свои ответы я помню до сих пор. Они спросили: «Каково происхождение Чингисхана?»; «Почему русские нас, азербайджанцев, называют татарами?». Я ответил следующим образом: «По мнению профессора Бартольда, Чингисхан произошел от карататар. В китайских источниках сообщается, что предки Чингисхана жили на западе от Китайской стены, себя называли карататарами и шато. Другое их название — чумук, они переселились туда из западного Туркестана. Предки Чингиза считали себя происшедшими из одного племени с голубыми тюрками¹³⁹, выходцами из Эргунекун. Позже из-за внутренних междоусобных войн они переселились от Китайских стен на восток, стали по течению рек Керулен и Онон и господствовали над монгольскими племенами, со временем приняли монгольский язык. (Точно так же мадьярские короли, будучи тюрками по происхождению, позже перешли на венгерский язык). В то время, когда на исторической арене появился Чингисхан, те из карататар, которые жили в Кансу, говорили на тюркском языке. В эпоху чингизидов переселившиеся на запад и жившие по Дунаю и в Анатолии карататары полностью разговаривали на тюркском языке. Азербайджанцы, по-видимому, произошли из племен внутренней Азии. Арпаты, правившие в Шекки, Нуха, также были татарским племенем. К волжским булгарам присоединилось племя, называемое «Алчи татар», позже их назвали «казанские татары», а тюркские племена в Крыму получили название «крымские татары».

Из Мешхеда
в Герат

Наконец, 20 апреля в полночь из Мешхеда мы добрались до места, где находились наши лошади, и, чтобы русские не напали на

наш след, очень быстро проехали километров семьдесят. В Асадабаде стали гостем уездного начальника (каймака). Афганцы сопровождали нас. К вечеру в местечке Турук нас догнал некий хорошо вооруженный туркмен на резвом туркменском скакуне. Это был, несомненно, человек предводите-

ля Теймури Шуджала Мулюка, агента как русских, так и англичан. Туркмен, стремительно обогнав нас, устремился вперед и, несомненно, он сообщит о нашем приезде Теймури. В ту ночь мы провели очень тревожную ночь в Хайдарабаде. Назавтра, прибыв в Турбати-Джам, встретились с его каймаком по имени Шавкатул-даула. Оказывается, губернатор Мешхеда сообщил ему о том, что мы должны проехать по этим местам. Вечером каймакам выделил от себя двух человек для охраны. Он сказал, что мы, почувствовав возможность нападения людей Теймури, должны постараться немедленно вернуться назад. Действительно, не успели мы отъехать и пять верст от Турбати-Джама, как вооруженные всадники Теймури уже догнали нас. Доехав до маленького кишлака в десять домов, сказали, что некоторые свои вещи забыли у каймакама, и нам необходимо возвращаться. Повернули обратно и со всеми нашими афганскими и иранскими телохранителями провели еще одну ночь в Турбати-Джаме. Наутро каймакам проводил нас, добавив еще несколько бойцов для охраны. Под их защитой мы 24 апреля прибыли в крепость Кафир-кала, являющуюся укрепленным пограничным пунктом Афганистана.

У человека, командовавшего группой афганских пограничников, мы встретили турецкого офицера по имени Кел Фехми, который находился какое-то время среди басмачей восточной Бухары. У этого офицера, возвращающегося в Турцию, мы получили свежую информацию о деятельности Хаджи Сами. Оказывается, Хаджи Сами знал о моей поездке в Кабул. 26 апреля мы проехали туркменский кишлак Йомуд, находившийся вблизи Сарай Черхе, и в тот же день добрались до Герата.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В АФГАНИСТАНЕ

Памятники В Герате в здании Чарбаг нас в качестве в Герате, оставшиеся гостей принял работник Министерства со времен Тимуридов иностранных дел Кабула. Он сказал:

«Если желаете, то можете продолжать свой путь в Кабул». Однако это был город, служивший столицей тюркского государства в один из великих периодов его истории, и в нем сохранилось множество исторических памятников. Чтобы исследовать их, мы оставались здесь пять недель. Иногда губернатор, а иногда местный ученый, потомок сельджуков, Салахетдин Сельджуки оказывали нам серьезную помощь в изучении как самого города, так и его окрестностей. Я внимательно изучил все исторические памятники древнего Герата времен Тимуридов. Пользуясь найденным мной планом города той поры, я осмотрел все, что находилось внутри стен, которыми тогда был окружен город.

Чтобы объяснить, как небрежно относились здесь к историческим памятникам, достаточно отметить следующее: не удалось найти человека, который мог бы указать могилу великого тюркского поэта Алишера Навои, который во второй половине XV века стоял во главе духовной жизни государства, сыграл выдающуюся роль в становлении благотворительных обществ, помогавших бедным и сирым. Между тем, сам Алишер Навои в своей книге «Вакфия» четко описал, на каком расстоянии от медресе и мечетей находится здание благотворительного общества, местонахождение которых и сегодня хорошо известно. А в других письменных источниках говорится о том, что сам Алишер Навои был похоронен недалеко от здания благотворительного общества. Поэтому мне не составило большого труда найти его могилу. Когда с метром в руке я провел разносторонние измерения, определенная мною этим способом искомая точка совпала с надмогильным камнем. По словам человека, ухаживающего за задешними садами, камень был установлен в более позднее время, а население Герата до сих пор называет это место «Шах-и-гари-

бан», т. е. «Шах увечных». В старину существовал обычай зажигать здесь восковые свечи, но потом камни, на которые они ставились, исчезли. Таким образом, прибыв на Гератское кладбище, мне удалось узнать, что поэта называли «шахом увечных», и найти его могилу.

Здесь находился престол Тимуридов. Я несколько раз осмотрел полностью сохранившийся мавзолей под названием «Газаргох» — он находится в пяти километрах севернее Герата, — и здание мечети в кишлаке Абу ль-Валид, построенной Алишером Навои, переписал многие сохранившиеся на его стенах надписи. Результаты своих пятидневных археграфических изысканий и план древнего города я опубликовал позже в Стамбуле в «Энциклопедии ислама» в виде статьи «Герат».

Рукописные книги в Герате В Герате во времена Тимуридов существовало немало библиотек. Такие авторы, как Абдуррахман Джами¹⁴⁰, Мирхонд, Хондемир¹⁴¹, Муин ад-Дин Исфизари¹⁴², писали о богатстве этих библиотек, упоминая множество книг, послуживших источником для их собственных трудов. Однако на сегодняшний день в городе не было ни одной общей публичной библиотеки, хотя бы такой, как в Мешхеде. Благодаря содействию издателя местной газеты, упомянутого выше Салахетдина Сельджуки и государственного советника Башира Ахмедхана, я изучил некоторые произведения, хранившиеся в мечети Кабир, в различных углах Газаргоха, в частных руках. Других источников, кроме книг «Василатус-сефаат», тогда еще о мавзолеях в Герате не было известно. Среди книг, посвященных исламскому праву, я нашел несколько сочинений на оригинальном восточно-иранском хорезмийском языке, вытесненном в XIII веке тюркским после завоевания здешних мест Чингисханом. Это было столь важное открытие, как обнаружение рукописи Ибн Фадлана в Мешхеде, так как ни одного труда, написанного на том языке, не сохранилось. Еще более полный экземпляр этой книги, написанной в Хорезме на хорезмийском¹⁴³ языке, я позже обнаружил в Стамбуле и в 1927 году в Германии опубликовал в журнале «Исламика». Статью о словаре на том языке я опубликовал в научном сборнике Стамбульского университета и затем об этом выступил на XXII Международном конгрессе востоковедов¹⁴⁴. В настоящее время образцы хорезмийского языка, обнаруженные в других источниках, мы исследуем совместно с профессором Калифорнийского университета, немецким ученым-иранистом В. Хеннингом. Позже этим языком заинтересовались также несколько русских ученых.

Русские курьеры Во время нашего пребывания в Герате в том же дворце Чарбак остановились два русских курьера. Они искали удобного случая, чтобы вступить с нами в беседу, в разговоре с глазу на глаз с Габдельхаликом, смотревшим за нашими лошадьми, пытались узнать, когда мы собираемся выехать в Кабул. Пришлось попросить губернатора Герата сменить наше местожительство. Так и сделали. Русские ехали в качестве курьеров в Кабул, но, найдя какой-то предлог, остались в Герате. Ситуацию поняли и здешние представители Министерства иностранных дел. Сделав вид, что мы продали своих лошадей, перевели их на другое место. Губернатор и работники Министерства иностранных дел сообщили нам, что выделили несколько солдат для обеспечения нашей безопасности по пути в Кабул.

Хазараджат

Наконец, 28 мая мы вышли в путь в Кабул по дороге Хазараджат. 30 мая прибыли в кишлак Карух. Я знал, что последний правитель Ферганы Худояр-хан скончался здесь, и решил найти его могилу, но охранники не пожелали остановиться. Это меня очень расстроило. Позже, во время своего второго посещения Афганистана, я нашел возможность специально изучить эту округу. Мавзолеи хана, главного везира и шайхульислама были построены чудесно, украшены прекрасными надписями. Все эти надписи я переписал. Будучи в 1913 году в научной экспедиции в Фергане, мне удалось накопить материалы о хане, расспрашивая его дворцовых слуг, остававшихся еще в живых. Все эти сведения я опубликовал в 1914 году в виде статьи под названием «Последние дни Кокандского хана Худояра». Мне не пришлось быть свидетелем посещения величественного мавзолея Худояр-хана его сыновьями и внуками.

4 июня мы проезжали земли государства Гур, которое в свое время сыграло значительную роль в истории Афганистана и Индии. Мы попытались вступить в контакт с этим народом, но тогда это не удалось. В последнее время благодаря исследованиям японского ученого Энэки и моим изысканиям удалось выяснить, что гуры были по происхождению тюрками и вышли из эфталитов¹⁴⁶. Узбекский правитель Шейбанихан¹⁴⁶ после завоевания вилайета Гур оставил надпись на каменной плите, позже ее видел и один английский офицер. Но расспрашивая местных жителей, мы ничего не смогли узнать о ней. 5 июня здесь слышали несколько тюркских географических названий; миновав место под названием Ташбулак, мы достигли местности под названием Ахангарай-Фе-

роzkоx, где находился престол правителей древнего Гура. Там неподалеку сохранились несколько разрушенных зданий, но афганские солдаты охраны сказали: «Если мы отклонимся от дороги, чтобы осмотреть эти здания, можем подвергнуться нападению гуров, для посещения этого места требуется особое разрешение Кабула». В Каве встретились с местными гурами, я поговорил с одним из них, хорошо знакомым с книгой Мирхонда. По его объяснению, Ахангаран — название внутренней крепости города Ферозкоха. Он рассказал также легенду о том, что кузница упоминаемого в «Шахнаме»¹⁴⁷ кузнеца Кава также находилась в этой крепости. Из 12 тысяч домов жителей Гурского вилайета 7,5 тысяч составляют собственно гуры. Направляясь сюда из Герата, мы не встретили по дороге ни одного каравана или путника. Прибыв из Ахангарана в местечко под названием Бедгах, мы встретили старого друга Али Риза-бея. Попавший в плен к русским в ходе Первой мировой войны Али Риза стал руководителем военной школы, организованной младобухарцами. Вместе с ним были его супруга, татарка Марьям-ханум (дочь известного мусульманского религиозного деятеля из казанских тюрков Губайдуллы Буби), тюменский татарин по имени Ахмет Джанибек из Западной Сибири, несколько охранников. Они под уздцы вели и вороного коня Энвера-паши по кличке «Султан».

Остановившись среди гор, мы некоторое время беседовали. Он рассказал о последних событиях в Туркестане, описал обстановку в Кабуле. Они по Иранской дороге держали путь в Турцию. Позже, в Турции, мы с ним встречались многократно. Они жили в Анкаре в доме, предоставленном им Фавзи-пашой, до самой своей кончины. Али Риза-бей после присоединения к паше был участником и очевидцем всех его приключений.

В этих местах среди гор живут ассимилированные иранцами бисуутские монголы, осколки тюркских племен байат и катаган. Некоторых из них мы и встретили. Эти хазарийцы-шииты находились в состоянии войны с афганцами, называемыми Сулейман-хил, пришедшими сюда с границ Индии в поисках пастбищ. Из хазарийцев один хаджи и два его сына шли в качестве охраны вместе с Али Риза. Теперь они стали нашими спутниками, это были люди, преданные тюркам.

14 июня, выйдя из станции Ак Зиярат и достигнув местечка Лерсек, мы встретились с турецким офицером Халилбеем, который был вместе с Энвером-пашой в Восточной Бухаре, с ферганцем мирзой Мухитдином из свиты паши и с некоторыми сторонниками мирзы. Иранской дорогой они так-

же направлялись в Турцию. Вместе с ними мы пробыли несколько часов среди **хазарийцев** из бисуутских монголов. **Бисууты** себя считали тюрками. Они говорили: «Мы тюрки, нас сюда привел **Чагатай**»¹⁴⁸. **Выходит**, прибыли сюда с сыном Чингисхана Чагатаем. Они жаловались на плохое отношение к ним со стороны афганцев. Несколько поколений назад они разговаривали на тюркском языке. Старик по имени **Дербишли** сказал нам несколько тюркских слов, сохранившихся в его памяти. Это были чагатайские слова, например, «газган» вместо «газан». Они делились на роды **Исентимер**, **Давлетбай**, **Дербишли**, **Каптасу** и составляли двенадцать тысяч дворов. Как и казахстанские тюрки, они себя считали родом, происшедшим от сахаба пророка **Мухаммеда Садивакаса**.

Соревнование с русскими курьерами

Мы отправились из Герата 17 июня, и в местечке **Джавкул** нас догнали русские курьеры. Один из них был русский, а другой армянин по имени **Карапет**. Вместе с ними были еще два русских солдата. Все они были вооружены винтовками, узнали мы и то, что у них были карты. Они стали с нами без обиняков разговаривать по-русски. Вечером остановились в одной и той же гостинице. Армянин **Карапет** разговаривал как человек, сведущий о гибели **Энвера** и **Ямала-паши**. Они пытались изобразить из себя людей, не ведающих, кто мы такие. Но тем не менее чувствовалось, что им наши личности были хорошо известны. Наутро с **Абделькадиром** и **Абдельхаликом** мы посоветовались, как нам оторваться от этих русских. Спутникам своим я сказал: «Постараюсь найти путь спасения, вы всегда наблюдайте за мной. Как только дам знак, тотчас делайте как велено». И афганским солдатам, охраняющим нас, я сказал о необходимости уйти от русских. Выйдя из **Джавкула** и перейдя брод, мы продолжили путь вдоль реки, текущей в сторону **Газни**. В одном месте, где река была глубокой, идущая вдоль нее дорога оказалась очень узкой. Навстречу с горы спускалось стадо овец. «Сейчас будем соревноваться с русскими», — сказал я своим. Лошади **Абделькадира** и **Абдельхалика** не были столь быстрыми, как моя. Поэтому я велел им ускакать вперед раньше меня. За мной ехали два афганских солдата, а за ними — русские. Крикнув им: «**Давай соревноваться!**» — мы погнали лошадей. В это время стадо овец и целый караван ослов вышли нам навстречу. Выждав, когда **Абделькадир** и **Абдельхалик** пройдут сквозь караван, я выбрался на каменистый берег реки и погнал свою лошадь как можно быстрее по бездорожью. Русские курьеры, стараясь не отстать от нас, также торопили лошадей. Но они не успели сообразить, что им, как и нам,

следовало бы свернуть с дороги и обойти караван, смешались со стадом овец и ослов и, наконец, вместе с несколькими овцами и ослами свалились в овраг. Высыпались на землю пшеница и ячмень, притороченные мешками к спине осла. Разумеется, курьеры не погибли, но ноги их были придавлены свалившимися лошадьми. Крикнув им: «Вы больше не поймаете **Валидова**, зря потащились сюда из Герата», — я стегнул коня плетью. Вместе с афганцами мы постарались быстро ускакать как можно дальше. Вечером, немного передохнув в придорожной гостинице под названием **Хештру**, мы продолжили путешествие и 18 июня прибыли в **Кабул**.

Нас поместили в бывшем здании министерства финансов. Через три дня один узбек, служивший в советском посольстве, сообщил мне о русских курьерах, которые сказали ему: «**Валидов** завлек нас в западню, предложил скачки, рассказав, что мы угодим в яму, а сам ускакал». У несчастных одежда была порвана, явились они в посольство с ушибами и кровоподтеками. Как стало нам известно в **Кабуле**, армянин **Карапет** был одним из участников убийства **Джемала-паши** в **Тифлисе**.

Кабул

Тотчас после прибытия мы нашли посла **Бухары** в **Кабуле** **Хашима Шайка**, бывшего главу **Бухарского** правительства **Усмана Ходжаева** и его друзей, в тот же день посетили Министерство иностранных дел **Афганистана** и **Турецкое** посольство. Посол **Турции** **Фахри-паша** встретил нас с объятиями, назвал моджахедами. 22 июня встретились с министром иностранных дел **Вали Мухаммед-ханом** и министром просвещения **Фаизом Мухаммед-ханом**. С этими людьми встречался еще в 1919 году в **Москве**, для них был устроен прием в нашем представительстве, велись обстоятельные беседы с ними о судьбе исламских наук. Нас пригласили на обед в Министерство иностранных дел, предложили оставаться в **Кабуле**, сколько мы захотим, при желании можем обосноваться здесь навсегда. **Вали Мухаммед-хан** просил меня помочь в оживлении в **Афганистане** научно-исследовательских работ, а также принять участие в составлении проектов по делам школ и просвещения.

Фахретдин-паша

23 июня **Фахри-паша** устроил в посольстве обед. Кроме всего прочего на этом обеде **Фахри-паша** сказал: «Будучи в **Медине** военным руководителем, я страдал от сознания, что исламские народы не способны достичь между собою взаимопонимания.

Прибыв в Кабул, об этом же я говорил здешним газетчикам. Я им сказал, что в их страну прибыл для того, чтобы осушить слезы и залечить пострадавшую душу. Но что же поделаешь, эти глаза все еще в слезах. Ты, историк, в своей тетради можешь записать, что Фахри-паша не верит единению исламских народов, осуществлению исламского союза». На что я ответил: «Идея исламского союза, которую Вы желали превратить в жизнь в Медине, желаете осуществить и в Кабуле, не имеет под собою почвы. Единство исламских народов может быть достигнуто не на основе общности религиозных чувств, а на фундаменте единства экономических интересов. Средство объединения более важное, чем религия, — развитие национальной идеи, которой нам следует учиться у европейцев. Однако и эту идею нельзя доводить до фанатизма, так как это вызовет подозрения у шовинистически настроенных иранцев. Им национальные чувства внедрил Фирдоуси, однако их национальная гордость приобрела уродливые формы. Шовинизм они попытаются распространить и среди афганцев. Самое главное для нас — тщательное изучение движений за социальную революцию и контрреволюционную реакцию, находящихся в состоянии войны во всем мире, и точное определение собственного места в этой борьбе. Уважение к неотъемлемым правам каждого народа, недопущение нападения друг на друга должно быть фундаментом будущей политики и тюркского народа. Обо всем этом год тому назад, будучи в Самарканде, я подробно написал и послал записку сюда послу Бухары Хашиму Шайку. Просил бы Вас прочитать этот документ». Сказал я также о том, что после завершения некоторых дел в Европе намереваемся приехать в Турцию, если будет возможность, желаем еще раз посетить Кабул.

24 июня Фахри-паша вместе со своими помощниками, секретарем, врачом и советником Васфи-беем нанесли нам ответный визит. Этот шаг видного деятеля Турецкого государства представлял собою знак уважения к нам, как борцам-моджахедам. Через два дня я вновь встретился с Фахретдином-пашой. Однако встреча происходила в необычных условиях: в полночь недалеко от нас в доме, находящемся на берегу реки, случился пожар. Абдельхалик разбудил нас, и мы втроем, прихватив ведра, побежали тушить огонь. Когда мы с наполненными водой ведрами поднялись на крышу, на противоположной стороне увидели и пашу, также занимающегося тушением пожара. Я сказал ему в шутку: «Двое тюрков, один из Передней, а другой — из Средней Азии, совместно га-

сят пожар в Афганистане, не взглянуть бы это, дорогой паша». На что паша ответил: «Тюрки всегда там, где какая-либо заваруха». Посмеялись. Позже прибыла и команда пожарников, пожар был потушен.

Отъезд Хаджи Сами из Туркестана Утром Усман Ходжаев сообщил мне, что Хаджи Сами покинул восточную Бухару и прибыл в город Ханабад Афганистана.

Мы, посоветовавшись с Фахри-пашой, предложили Хаккибею, который служил офицером связи у Энвера-паши, съездить в Ханабад к Хаджи Сами и вернуться к нам с более полной информацией. Оказалось, что Хаджи Сами был ранен в колено. 25 июня мы получили от него письмо, в котором он сообщил, что ему тяжело взбираться на лошадь. Намеревался он выехать в Турцию для лечения. 30 июня вместе с Усманом Ходжаевым написали ответное письмо. Посоветовали ему пока не покидать Афганистан (Ханабад), эту мысль мы ему передали и через Исмаила Хакки, сообщив также о том, что по этому поводу ведем переговоры с Афганским правительством. Написали ему: «Вы борец, верим, в трудные моменты не будете впадать в уныние. Мы и в дальнейшем на нашем святом пути к освобождению будем делать все, что в наших силах. Оставаясь верными своей вере, продолжим путь борьбы».

Через два дня мы получили письма людей, покинувших родину вместе с Хаджи Сами, — от Турабека, Мамурбека, Садретдин-хана, Мустафы Шахкули, Гарифа Карими и от башкирских солдат, находившихся вместе с Турабеком, — Аюпа, Ислама, Вариса, Хибатуллы, Ибрагима и турецкого интеллигента Ахмеда Нафиса, а также от турецких офицеров Сабри, Нафи, Юсуфа Зия-беев и некоторых других. Они не знали, как им быть дальше, спрашивали, что им делать, куда идти, как жить.

Это были дни, когда в нашей истории происходили самые большие трагические события, так как никогда еще в прошлом не приходилось среднеазиатским тюркам вручать свою судьбу в руки врага без всяких предварительных условий, как сейчас. Отныне народ наш уподобляется стаду овец. Русские станут осуществлять к нему любую политику, никто не сможет возразить, никому нельзя будет пожаловаться. В ближайшие годы не будет условий и для поднятия сколь-нибудь серьезной освободительной борьбы.

И наши с Абделькадиром планы должны круто измениться. Мы не предполагали, что движение Хаджи Сами так быстро потерпит поражение. По плану, намеченному в Ашхабаде, мы намеревались через Иран добраться до Кабула, оттуда

в восточную Бухару к Хаджи Сами, а позже, если представится возможность, вернуться в Кабул, забрав семью. Теперь же, когда нынешний предводитель басмачей покинул Туркестан, положение резко изменилось.

Афганское правительство не желало, чтобы все руководители басмачества дружно прибыли в Кабул. В то же время, если бы все они столь же дружно направились в Иран, а оттуда в Турцию, то это привело бы к быстрому и окончательному затуханию освободительной борьбы в Туркестане. Этого мы, конечно, не хотели.

Решения, принятые нами о нашей будущей деятельности.

В качестве председателя «Туркестанского национального объединения» я пригласил к себе Усмана Ходжаева, Хашима Шайка, мирзу Хисаметдина и других и 26—28 июня провел обсуждение наших

дальнейших планов. В результате трехдневного разговора мы приняли целый ряд решений, которые определили нашу судьбу вплоть до сегодняшних дней. Согласно принятым тогда решениям мы должны были сделать следующее:

1) В виду ухода Хаджи Сами и его сподвижников из Туркестана необходимо реформировать и усилить заграничные комитеты «Туркестанского национального объединения», скоординировать действия, предпринимаемые в Кабуле, Турции и Франции;

2) Поручить Заки Валидову издание журнала, в котором должны публиковаться основные документы, определяющие идеологию Туркестанского национального объединения. Оставив Заки Валидова общим председателем внутренних и зарубежных организаций Туркестанского национального объединения, назначить Габдельхамита Арифова председателем Кабульского отдела, Усмана Ходжаева представителем в Турции, Мустафу Чокаева — в Европе, Хашима Шайка, если разрешит афганское правительство, направить в Японию. Поручить Заки Валидову, посоветовавшись в Париже с Мустафой Чокаевым, обосновать центр Туркестанского национального объединения в Берлине или, если город будет освобожден, в Стамбуле. Заки Валидову поручить также написание и опубликование истории национально-освободительной борьбы в Туркестане, разъяснение мировой общественности на страницах зарубежной печати прав и требований мусульман тюрков России. Также было принято решение о том, что Абделькадир должен быть вместе со мною. Официально или, конспиративно он посетит Россию, позже прибудет в Берлин или Стамбул, а я должен через год побывать в Кабуле, затем вместе с Усманом Ходжаевым и Абделькадиром мы будем из-

давать в Турции журнал о Туркестане. Садретдин-хан и Туррабек должны остаться в Мешхеде и представить себя Иранскому правительству в качестве представителей Туркестанского национального объединения. Было решено также, что Мустафа Шахкули и Гариф Карими, если на то согласятся афганские власти, приедут в Кабул и будут работать вместе с Арифовым, а соратники Хаджи Сами должны быть вместе с ним там, где он пожелает обосноваться в Иране или Турции. После отъезда из Кабула мы должны сделать в первую очередь следующее: Усман Ходжаев, Абделькадир и я с разрешения английских колониальных властей отправимся в Индию, прибыв в Пешавар, вызовем туда Садретдин-хана, Туррабека и Габдельхамита Арифова, который к тому времени будет в Читрале, и разработаем подробный план их дальнейшей деятельности. Это были самые важные из принятых нами тогда решений. Через Исмаила Хакки мы сообщили о них и Хаджи Сами. Часть этих решений, в виду отсутствия денег и из-за чинимых в Индии английскими колониальными властями препятствий, не была выполнена, но в целом они претворены в жизнь. У Усмана Ходжаева и мирзы Хисаметдина было немного денег, оставшихся от Бухарского правительства, и 10 августа они выехали в Индию. Сообщив о том, что мы с Абделькадиром намереваемся отправиться в Европу, я попросил у Афганского правительства материальной помощи. Министр иностранных дел Мухаммед Вали-хан твердо обещал нам поддержку. Позже я с помощью Усмана Ходжаева через знакомого ему английского представителя попросил разрешения выехать в Европу через Индию, сообщил ему и о своем намерении встретиться с нашими единомышленниками в г. Пешаваре. Представитель Англии встретил нас очень хорошо и сказал, что о нас сообщит представителям английских властей в городе Симла. До отъезда мы не знали, что турецкое правительство обосновалось в Стамбуле, поэтому не стали брать у Фахри-паши визу для посещения этого города. Это было с нашей стороны досадной ошибкой.

1 июля Усман Ходжаев, Хашим Шаик, мирза Хисам и я поехали в Багдад и встретились с министром Мухаммедом Вали-ханом и посвятили его в планы нашей дальнейшей деятельности.

Документы, направленные в правительство Афганистана

Мухаммед Вали-хан, обращаясь ко мне, предложил мои мысли о судьбе Туркестана и предложения о развитии системы просвещения в Афганистане изложить в виде рапорта на имя Амануллы-хана. Он также сказал, что было бы очень хорошо, если бы

мы все четверо остались в Кабуле и сотрудничали с афганским правительством по делам просвещения и науки.

Свои рапорты я подготовил за несколько дней, с помощью Усмана Ходжаева и Хашима Шайка перевел на фарси. 17 июля вместе с Абделькадиром мы посетили Баглан и вручили рапорты помощнику министра иностранных дел, нашему другу Фаизу Мухаммед-хану. Эти документы вызвали одобрение. Мой рапорт Аманулле-хану о взаимоотношениях между Туркестаном и Афганистаном составил пять страниц, его содержание сводилось к следующему:

«Для всех очевидно, что будущее Афганистана тесно связано с судьбой мусульман Туркестана, находящихся сегодня в зависимости от русских. Поэтому новые направления исторического развития под воздействием событий русских революций 1917 года достойны пристального внимания, тщательного изучения и объяснения. Самостоятельность Афганистана зависела до сегодняшнего дня от противостояния англичан и русских. Однако возникает вопрос: если однажды этому противостоянию придет конец и Афганистан останется в одиночестве, то как сложатся его взаимоотношения с империалистической Россией? При такой ситуации привычная для России мера — захват. Чтобы быть готовым к этому, необходимо уже сейчас принять следующие меры:

1) Русские прежде всего постараются вызвать в Афганистане межнациональную рознь. Они будут поддерживать крайние радикальных националистов Афганистана. Одним из признаков этой политики являются слова одного русского дипломата, прибывшего к вам: «Мы, русские, как нация, расширили и укрепили свое государство, опираясь на национализм нашего народа. И вам следует опираться на афганский народ, ассимилируя другие народы, и тогда вы сможете укрепить свое государство». Однако среди хазарийцев они говорят совершенно другое. Им удалось достичь большого влияния над предводителями хазарийцев Теймури, управляющими Бехризом. На пути из Мешхеда в Кабул их люди пытались схватить нас и выдать русским. Нам удалось избежать этой участи только благодаря тому, что Ваш консул Абдельгазиз-хан и правительство Ирана приняли ряд мер, поставив к нам афганских и иранских телохранителей. Чтобы захватить населенные тюркскими народами северные области Хорасана и Афганистана, русские говорят узбекским и туркменским коммунистам: «Половина ваших народов осталась в Афганистане и Иране, воссоединение этих областей с вашими — решение национального вопроса». В 3-ем и 4-ом

номерах журнала «Военная мысль» от 1919 года опубликованы примечательные статьи, представляющие интерес для Министерства иностранных дел.

2) Захват северной части Афганистана ставится на повестку дня как часть экономической политики Советов. Об этом ясно свидетельствуют откровенные слова таких руководителей, как Эпштейн, Михайлов и Суриц, выступивших в Ташкенте в комитете Коммунистической партии перед местными коммунистами: «Афганцы не желают увеличения численности тюркского населения (узбеков и туркмен) на севере своей страны. Они боятся тюрков так же, как и русских. Нужно захватить эти области до Кабула и во главе правительства поставить марионетку наподобие бухарского эмира. Это окажет благотворное воздействие на экономическое развитие Туркестана». Таким образом, с одной стороны, тюрков, живущих в Афганистане, они настраивают против афганцев, с другой стороны, исходя из интересов экономической политики России, свои поползновения к захвату северного Афганистана пытаются выдать за заботу о безопасности и дальнейшем развитии Туркестана. Оценка руководителя Вашего государства в некоторых русских газетах как «афганского Петра Великого»¹⁴⁹ представляет собою льстивую ложь. Однажды русские придут к вам с предложением заключить «Водное соглашение» с тем, чтобы бассейн всех левых притоков Амударьи взять под свой контроль. Вам следует обратить внимание на все статьи по этим вопросам, публикуемые в журнале «Народное хозяйство Туркестана», который выходит в Ташкенте, и в других подобных изданиях. Также достойна внимания идея Советов о рытье каналов по вашей границе от Амударьи, проведение его через Мерв до Каспия, план орошения Каракумов, взятие под контроль России рек, текущих с севера Хорасана и северного Афганистана. Одним из вопросов, достойных тщательного изучения ради определения будущности вашей страны, является план, составленный профессорами Ризенкампом и Кржижановским¹⁵⁰ о расширении южных границ России за счет распространения ее влияния в бассейнах рек, текущих из Афганистана и Ирана.

Какие же можно было бы принять меры против подобных планов, тесно связанных и с судьбой Туркестана? В этой связи хочу высказать некоторые соображения.

1) Индия в конечном итоге достигнет самостоятельности. Если в Средней Азии исчезнет противостояние между Россией и Англией, вам, чтобы не остаться в одиночестве лицом к лицу с Россией, придется искать опору в третьей силе и основной вашей задачей будет поиск и привлечение к вашим

делам этой третьей силы. Потеря Афганистаном и Средней Азией своего ключевого места в экономической жизни мира объясняется тем, что в XVI веке торговый путь между Европой и Азией переместился в южные моря. Сегодня необходимо предпринять меры, направленные на восстановление этих древних торговых путей через Среднюю Азию. Например, было бы очень своевременно вести сейчас речь с американцами и японцами о строительстве шоссейных и железных дорог из Китая в Иран через территорию Афганистана. То есть эти богатые нации следует привлечь к делам Средней Азии, объяснить и им самим, и народам Передней Азии выгоды подобного предприятия, с этой целью послать представителей в Японию, Америку и Китай, присоединив к ним и представителей Туркестана.

Очень возможно, что ни Америка, ни Япония не пожелают по проблемам Средней Азии столкнуться с Англией и Россией. К сожалению, в данное время между ними возникли разногласия по вопросу о Маньчжурии. Но я думаю о далеком будущем, хотя Америка и Япония сегодня и столкнулись из-за Маньчжурии, но есть вероятность того, что однажды они увидят, насколько может быть прибыльным великое дело восстановления экономических связей по «Шелковому пути» между Дальним Востоком и Передней Азией через Среднюю Азию, и встанут на путь преодоления препятствия Китая и России осуществлению этой идеи.

2) Если даже не удастся привлечь к делам региона третью силу, а противостояние между Россией и Англией будет продолжаться, то и тогда Афганистан не может вечно оставаться аренной борьбы. В этом случае придется выбрать одну из сторон, союз с англичанами станет неизбежностью, так как, если будет прорыт канал из Амударьи до Каспия, то русские на всем его протяжении и по притокам Амударьи за короткий срок постараются поселить миллионы своих переселенцев. Еще в царские времена Россия начала расселять переселенцев в области Ирана Джурджан и Астрабад. Этот процесс приостановился в связи с революциями 1917 года, сейчас она решила возобновить это движение. Если оно усилится, Афганистан будет вынужден достичь сотрудничества с Англией или с независимой Индией. У нас никаких контактов с англичанами не было, так как они были решительными противниками образования еще одного мусульманского государства по соседству с Афганистаном. Однако усилие национального движения в Индии приведет к уничтожению там владычества англичан. Свое пребывание в Индии Англия считает временным, поэтому не побуждает своих подданных оседать в

Индии (в отличие от Америки, Австралии и Новой Зеландии) вплоть до окончательного ухода из этой страны будет вести оппозиционную политику. Если не удастся привлечь в Среднюю Азию некую третью силу через Китай, то будет вполне целесообразно сотрудничать с Англией или освободившейся Индией. Положительный результат даст соглашение с Англией о строительстве железной дороги, соединяющей Кветту с Кушкой через Герат. Это послужит залогом быстрого экономического развития Афганистана и Хорасана вместе с Ираном. В целом в Афганистане необходимо развивать производство техники по перевозке грузов. Иначе по самым мелким вопросам, связанным с техникой, вы подпадаете в зависимость от городов Пешавар и Кветта.

3) Единства среднеазиатских мусульман невозможно достичь на почве панисламизма, сплотив их лишь на религиозной основе, так как единство, не скрепленное экономическими интересами и опирающееся только на религиозные догмы, останется пустым словом. По моему мнению, соглашение об экономическом сотрудничестве Афганистана и Ирана следует осуществлять в северных, граничащих с Россией, областях. Строительство железной дороги из Турции в Иран, далее по территории Ирана до российской станции Кызыл Арват вблизи Каспия — вот достойное воплощение единства трех государств. В этом случае такие древние центры исламской цивилизации, как Тебриз, Рей, Тус, Герат и Балх, Газни, сумеют вернуть свое былое значение. Мысли обо всем этом я подробно изложил в своих записках всем трем правительствам. Намерения мои предельно искренни и бескорыстны, у меня нет мыслей, которые, излагая одним, я попытался бы скрыть от других. Необходимо твердо оберегать себя от последовательно проводимой шовинистической политики русских. В этой связи и ислам превратится в помощника, полезного всем трем государствам. Желательно, чтобы в них были признаны права всех народов. В Афганистане необходимо открыть школы на узбекском, туркменском и таджикском языках, при выдвижении на военные должности не должно быть никаких различий между афганцами и представителями других народов. В этом отношении заслуживают внимания мысли сельджукского везира Низам аль-Мулька¹⁵¹, содержащиеся в 24, 25, 26 разделах его «Книги об управлении».

4) В политике, проводимой Россией на Востоке, ошибочно искать какую-либо революционность. Унаследованную от царя политику советская власть будет осуществлять в этом же направлении и укреплять ее на основе марксизма. В про-

шлом (1922) году, будучи в Самарканде, я написал об этом статью под названием «Социальная революция на Востоке» и послал ее Хашиму Шайку. Сейчас копию вручил Мухаммеду Вали-хану. Мы действовали на родине, опираясь на своих националистов, ставших коммунистами. Поэтому эта статья была адресована им, оказала на них положительное воздействие. В статье содержатся некоторые идеи, которые заслуживают внимания таких революционных и передовых руководителей, как вы. Наши главные враги — русские коммунисты-империалисты и собственные реакционные круги — очаги нашего гниения изнутри.

5) Настало время установить между тремя исламскими государствами радиосвязь и организовать постоянный обмен информацией. У русских и англичан имеются мощные системы сбора информации».

В дополнение к написанному 5 июля 1923 года я отправил министру иностранных дел Мухаммеду Вали-хану следующее письмо: «После прибытия в Вашу страну, по Вашему совету, я изложил на бумаге для почтенного Амануллы-хана все, что я имел честь говорить устно при встрече с Вами. Составляя настоящую записку, я еще неделю размышлял о затронутых здесь проблемах и вот теперь предлагаю итоги этих раздумий вашему вниманию. Есть некоторые соображения, которые мне нужно высказать Вам отдельно, так как боюсь, что они могут показаться Аманулле-хану неуместными поучениями. Сам я лично действительно придаю очень большое значение привлечению Америки и Японии к делам Средней Азии. Еще в 1918 году, когда в результате падения царского режима в Сибирь, переживающую состояние разброда, пришли войска Японии и Америки, к их руководителям мы направили нашего сподвижника Талху Расулева. Позже от Туркестанского национального объединения были посланы наши люди и в японское представительство, открытое в **Жульдже**. Это Мустафа Шахкули, Гариб Карими и Садретдин-хан. И сейчас, если ваше уважаемое правительство сочтет целесообразным, мы могли бы послать Хашима Шайку в Японию и продолжить дело в том же направлении. Пребывая в Кабуле в течение месяца, я интересовался тем, что делается в вашем государстве по анализу политики России, просмотрел все газеты и журналы, вышедшие после кончины эмира Хабибуллы¹⁵². В Министерстве иностранных дел я побеседовал с людьми, которых Вы мне рекомендовали, но в душе осталось тягостное впечатление. Ваш посол в Москве и консул в Ташкенте прислали кое-какие вырезки из газет, содержащие нужную информацию. Было бы целесообразно, ес-

ли бы газеты и журналы, публикующие подобные материалы, были собраны и хранились в Министерстве иностранных дел в виде подшивок. Журнал «Заря Востока», издаваемый в Тифлисе, представляет также большой интерес. Вот уже пять лет русские эмигранты в Европе имеют свою печать, а европейские ученые издали в виде книг и журналов свои исследования по России. Я бы посоветовал все это собрать и привезти сюда. Ныне Хаджи Сами, покинув восточную Бухару, прибыл сюда. Среди приехавших вместе с ним есть уже упомянутые Мустафа Шахкули, Гариб Карими и Садретдин-хан. Мустафа Шахкули и Гариб Карими — татарские националисты, окончившие в России университет. Мустафа знает французский. Если Вы их привлечете к делу, они смогут быть полезными в изучении периодической печати русских. А Садретдин-хан — авторитетный ученый из Ташкента. Он и выходец из Бухары Абдельхамид Арифов могли бы помочь вам в изучении всего, что публикуется в Туркестане. За проявленное к нашим персонам внимание и уважение в вашем государстве выражаем глубокочтимому Аманулле-хану и Вашему Превосходительству свои искренние благодарности. Не теряю надежды, что дружеские взаимоотношения, сложившиеся еще в России между нами и Фаизом Мухаммедом, Сардар Габдерасул-ханом и Вашим Превосходительством, продолжатся и в будущем.

Завершая свое письмо, я еще раз хочу повторить: борьба за судьбу Туркестана и Афганистана не из тех проблем, которые могут быть решены в результате слабых, половинчатых мер. Необходимо серьезно отнестись к переговорам с Японией и Америкой. Если они не обратят на это должного внимания вначале, вопрос нужно ставить вновь и вновь. Таково мое мнение. С чувством уважения и родственной близости.

Ахмет Заки Валиди
15. 08.1923».

У ивительн я Пребывая в горах Улудаг вместе с моим дорогим сыном Субидаем и занимаясь лыжным спортом, вечерами мы вместе писали именно эти страницы моих воспоминаний. 4 февраля 1966 года в стамбульских газетах мы прочитали следующее сообщение: «В Стамбул прибывает группа японских ученых в целях проведения научных исследований по всему протяжению древнего «Шелкового пути» от Передней Азии до Дальнего Востока через Среднюю Азию. Свои исследования они начнут 9 февраля в Стамбуле. Проехав через Анкару, Кайсери, Халеб, Бейрут, Шам, Хамадан, Тегеран, изучив истори-

чѣские памятники, обычаи населения, условия торговли в Афганистане, вернутся в Японию. В эту группу, руководимую известным японским писателем К. Фукаду, входят также профессор Токийского университета К. Нагасава, С. Судзуки из университета Айчи, К. Фуджи из компании Хагасуи-са П., М. Такаги — журналист «Асахи Симбун», газеты, получившей широкое распространение как в Японии, так и во всем мире, телевизионный журналист той же газеты М. Йошикава».

В марте прошлого 1965 года на конгрессе РСД¹⁵³, собравшемся в Тегеране, я также выступил с сообщением и доказывал, что на сегодняшний день экономический подъем Турции, Ирана и Афганистана связан с восстановлением этого древнего шелкового пути. Текст этого выступления был опубликован в майском номере журнала «Турок юрду» (т. 4, № 5) за 1965 год. На английском языке это сообщение напечатано в первом номере «Бюллетеня» РСД в Тегеране, но Афганистан не принимает участия в РСД.

Мои предложения
в сфере просвещения и ответ
Амануллы-хана

Содержание моих предложений в рапорте по вопросам просвещения и организации научных исследований, врученном 15 июля, сводилось к следующему:

1) В это же время в Кабуле пребывала французская археологическая экспедиция, которая рекомендовала организовать в Афганистане научное археологическое общество, а также национальную библиотеку. Такое же предложение сделал и я. Чтобы быть полезным в этом деле, я привез труды по исторической географии Ирана и Афганистана, изданные в России на русском языке, а труды арабских ученых об исторической географии исламского мира и европейские издания не взял с собой, будучи уверенным в том, что они уже имеются в Кабульской библиотеке. Однако, прибыв в Кабул, к своему глубокому огорчению увидел, что здесь не только не собраны труды европейских востоковедов, но даже и центральной библиотеки как таковой не существует, а рукописные и некоторые печатные книги, собранные в ханском дворце, лежат кучей в комнате с худым потолком, не защищенные даже от дождя, в центральном военном учреждении. Я предложил в ближайшее время организовать курсы по подготовке афганских специалистов для работы как в создаваемом научном обществе, так и в библиотеке.

2) В моем рапорте содержалось предложение пригласить ученых из-за границы, в том числе из Турции, в целях создания университета из пяти факультетов и организовать в Ка-

буле высшие курсы для подготовки университетских преподавателей. Рекомендовал вести подготовку по формированию пяти факультетов: 1) права и политики; 2) экономики и торговли; 3) естествознания и математики; 4) истории и языка; 5) медицины и анатомии. Независимо от того, удастся ли мне вновь побывать в Кабуле или нет, я обещал быть постоянным помощником в организации научных исследований, библиотеки, университета.

Эти рекомендации оказались хозяевам уместными, и министр просвещения Фаиз Мухаммед-хан провел 19 июля во дворце Амануллы-хана заседание коллегии просвещения. На заседание были приглашены из афганцев Мавляна Абдельваси, работники министерства просвещения, преподаватели училища охраны государственной безопасности военной школы, председатель общества пушту Абдрахман, посол Афганистана в Лондоне Абдельхадид-хан, руководитель французской археологической экспедиции мсье Фуше и четыре французских ученых, немецкий профессор, Васфи Ментеш-бей из Турецкого посольства, посол Бухары Хашим Шаик и я. Председательствовавший на заседании Фаиз Мухаммед-хан после прочтения рапорта, написанного им самим, высказал мнение, что все дела следовало бы начать с организации четырехклассной школы. После того рассматривалась программа для этой школы, составленная работниками министерства просвещения и преподавателями двух упомянутых военных школ. Фаиз Мухаммед-хан с большой озабоченностью говорил об отсутствии для открытия подобной школы учебников и преподавателей, о необходимости ведения занятий с таджикскими детьми на языке пушту. На что я сказал, что в средних школах было бы очень хорошо вести занятия для афганских детей на афганском, для таджиков на таджикском, для узбеков и туркмен на тюркском языках. Все-таки большинство из деятелей Афганистана не желали вводить в школу таджикские и тюркские языки.

21 июля мы еще раз встретились с Фаиз Мухаммед-ханом, прибывшим в Пагман. Состоялась очень откровенная беседа. Он говорил об отсталости государства, о широких планах, намеченных к осуществлению, предложил мне быть помощником в его деятельности по управлению министерством просвещения. В этот день вместе с Вали Мухаммед-ханом в министерстве иностранных дел в Кешкунде мы ели булгур, блюдо особого приготовления из пшеницы. Они вспоминали о своем путешествии по России и о наших встречах в Москве. Фаиз Мухаммед-хан вспомнил о своей беседе с одним генералом генерального штаба армии в Ташкенте. Гене-

рал этот оставил в записной книжке Фаиз Мухаммед-хана автограф по-русски: «Со своим близким другом Фаизом Мухаммед-ханом желал бы встретиться в Кабуле». В действительности же в ходе переговоров между афганской делегацией и генеральным штабом русской армии не было ни слова о возможном прибытии русских военных в Афганистан. Эту запись генерала афганцы восприняли как бестактность, в том смысле, что русские предполагают «встретиться с афганцами после завоевания их страны».

23 июля 1923 года в посольстве Бухары я получил себе и Абделькадиру паспорта для поездки в Европу через Индию. Фотографии, приклеенные к нашим паспортам, были очень плохого качества, и мы беспокоились, как их будем предъявлять в иностранных государствах. Таким образом, мы превратились в «граждан Бухарской республики», которая на словах была независимой, но теперь существовала лишь на бумаге.

25 июля был праздник Курбан-байрам. После намаза, в котором роль имама выполнял сам правитель Аманулла-хан, мы слушали его хутбу. Взобравшись на минбар мечети, он произносил эту проповедь на фарси; смысл приведенных им стихов сводился к тому, что у ислама нет недостатков, но недостатки есть у самих мусульман. Эти стихи часто вспоминал и его дед Абдрахман-хан. Потом он перешел на тюркский язык и, коснувшись политических проблем, сказал: «Я радую не только об одном афганском народе. Молюсь перед лицом Аллаха о благополучии Турции, Ирана и всех туркестанцев, живущих среди нас». Это был прекрасный ответ на написанный мною пространный рапорт — без упоминания моего имени.

29 июля мы получили письма от наших друзей из Ханабада, в том числе и от Хаджи Сами. Письма доставил Исмаил Хакки. В виду того, что афганское правительство им не разрешало прибыть в Кабул, они (их было 35 человек), желая выехать в Турцию, решили по Гератской дороге направиться в Мешхед. Особую озабоченность в своих письмах выражали Садретдин-хан и Мустафа Шахкули. Крайне мрачное настроение было и у поэта Хашима Шайка. Сам он происходил из бухарских мусульман-евреев, стал близок к тюркам, был одним из близких наших друзей. Написал книгу о бухарских поэтах последнего времени, издал также сборник собственных стихов. В свое время он вместе с молодыми бухарцами поехал в Стамбул, окончил там учебное заведение по подготовке учителей. В 1918 году в очень противоречивое

и смутное время Хашим Шаик через Баку вернулся в Бухару, имея на руках такие великие ценности для каждого туркестанского интеллигента, как книгу Махмуда Кашгари «Диван-у-Лугат ат Тюрк», «Деде Коркут»¹⁵⁴ и номера журналов «Национальные исследования». Учítывая, что в учебном заведении по подготовке учителей он изучал и французский язык, его назначили министром иностранных дел образованного в 1920 году Бухарского правительства. Однако из-за крайней боязливости и нерешительности он потерял всякий душевный покой в связи с тем, что, занимаясь иностранными делами, был посвящен во многие сложные и опасные дела. Наконец, видя, что дела стали принимать весьма плохой оборот, Хашим избавился от своей сложной должности, попросив направить его послом в Кабул. А теперь, когда и Хаджи Сами с приближенными покинул Туркестан и все они прибыли сюда, он вовсе растерялся и не знал, что делать, как жить дальше.

В тот день мы вместе с ним нанесли визит Вали Мухаммед-хану. Свое недовольство по поводу запрета Садретдин-хану прибыть в Кабул Хашим Шаик высказал министру иностранных дел Афганистана со слезами на глазах. На улице он ощущал себя как человек, преследуемый тайным убийцей. Дома жаловался на навязчивые страшные сновидения, как будто приснился ему и Файзулла Ходжаев. В своей комнате он с плачем бросился на кровать. Я тщетно пытался его успокоить. Пистолет у него оказался заряженным, и я хотел отнять у него оружие. Тут же присутствовали Усман Ходжаев и Хаджи Хисаметдин. Когда мы пытались отнять у него оружие, раздался выстрел. Мой мизинец оказался на конце дула пистолета, и меня ранило. Этот же злополучный палец был поранен и в ходе боев в Башкортостане, Исмаил Хакки тут же быстро привел турецкого врача Мунир-бея, который перевязал мою рану.

В тот же день из Ханабада в Кабул прибыл предводитель ферганских моджахедов Шермухаммед-бей. Узнав о моем ранении, сказал: «Мое прибытие в Кабул ознаменовалось не добром».

Меня отвезли в больницу, усыпив, очистили палец от мелких раздробленных костей и зашили рану. Этот палец доминимал меня второй раз. С 1918 года я принимал участие в вооруженной борьбе, в течение пяти лет многократно оставался под огнем противника, но ни разу не получил сколько-нибудь серьезного ранения. Однажды в Уральских горах мы попали под плотный пулеметный огонь. Пули, пробив сумку, притороченную к седлу, и находившуюся в ней карту, смертельно

ранили лошадь, а сам я отделался легким ранением в ногу. Сев на другого коня, я продолжал оставаться в строю. В другой раз в бою в местечке Кана пуля попала именно в этот палец. Таким образом, в столь длительной войне я был ранен всего два раза.

Мой друг Хашим Шаик чувствовал себя крайне неловко, но одновременно испытывал удовлетворение от того, что остался жив, не смог осуществить свое намерение покончить жизнь самоубийством. Через три дня я еще раз встретился с ним. По словам Хаджи Хисаметдина, он непрестанно пил и мучился от навязчивой мысли разом покончить со всеми своими страданиями, наложив руки на себя. Мы были близкими друзьями, и я всегда был с ним предельно откровенен, а он не сердился за мою прямоту. И на этот раз я сказал ему: «Ты потомок Моисея и Харуна¹⁵⁵. Если уж решил покончить с собой, то совершенно напрасно лишил меня пальца. Если бы это вино ты стал пить десятью днями раньше, палец остался бы цел». Все же в глубине души он был доволен тем, что друзья помешали свершиться худшему. После нашего отъезда из Афганистана он оставался в Кабуле, стал советником в министерстве просвещения, профессором университета. Оставив после себя богатую библиотеку по Туркестану, он скончался в Кабуле в 1961 году.

Этот человек родился в Фергане, в 1915 го-

Шермухаммед-бек

ду вместе с туркестанцами, мобилизованными царским правительством на фронт в качестве рабочих, попал на польский фронт, в 1917 году, возвращаясь на родину, видел злодеяния большевиков и, не выдержав увиденного, со своими единомышленниками поднялся на борьбу против них и несколько лет продолжал эту борьбу. Судьба его была очень сложной, перипетии своей жизни он изложил в виде пространных воспоминаний и прислал их мне.

Когда в Фергане не осталось никакой возможности продолжать борьбу, Шермухаммед расстался с родиной с намерением присоединиться к Энверу-паше и выехать в Афганистан. Афганские власти поселили его брата Нурмухаммеда и других близких в том же доме, что и нас. Еще в 1920 году я послал в Фергану одного из представительства Башкортостана, башкирского интеллигента Ильдархана Мутина, чтобы он был в окружении Шермухаммеда. Ильдархан хорошо выполнял свою миссию, владея русским языком, помогал ему в качестве секретаря, вел также преподавательскую работу по военной подготовке басмачей. При первой же встрече Шермухаммед сказал мне: «Прислав ко мне Ильдархана, Вы в

свое время очень помогли мне. Вот теперь довелось встретиться в Кабуле». Сам он не умел ни писать, ни читать, но действовал осторожно, предусмотрительно. При решении тех или иных военных вопросов порою пользовался методом гадания при помощи бросания круглых камней, называемых «румалак».

Афганские власти предложили ему посетить русское посольство, попросить разрешения возвратиться на родину, и он был вынужден два раза сходить туда. Но потом плакал от чувства унижения и говорил: «Афганцы покрыли мою голову позором, отправив просить о пощаде». Когда мы уезжали из Афганистана, он со своими близкими оставался еще в Кабуле. Позже во время Второй мировой войны его брат Нурмухаммед несколько лет отсидел в тюрьме. Ныне оба в Турции. В Кабуле я его направил к Фахри-паше. Паша назавтра пришел с визитом в дом, где мы жили. Шермухаммед после ухода паши сказал: «В конечном счете, существует большая разница не только между людьми, но и между народами. Визит к нам паши, выдающегося деятеля Турции,— самая большая награда, полученная в конце нашей борьбы. Иначе из-за того, что афганцы вынудили меня быть просителем в русском посольстве, я чувствовал себя грешником, брошенным на самое дно ада. Ведь я бежал от русских. Какой смысл склонять голову перед теми же русскими в Кабуле? Паша залечил мою рану».

**Другие дела,
сделанные
в Кабуле**

Еще одно важное дело, которое удалось сделать в Кабуле,— это прочтение собранной сотрудниками посольства периодической печати, в том числе комплектов «Нового журнала», трудов Зии Гёкалпа, Фуата Кёпрюлю, знакомство с мыслями турецких мыслителей об османской, общетюркской и исламской идеологии, а также с текущей периодикой. Кроме того, начиная с 3 июля я приступил к изучению рукописных книг, в беспорядке хранившихся в центральном военном ведомстве, осмотрел в окрестностях города развалины исторических памятников, оставшихся в основном со времен Бабур-мирзы и его сыновей, руины Баграма, тщательно переписал тексты и стихи, высеченные на камнях. Из рукописных книг самой ценной находкой была прекрасно сохранившаяся книга историка Рашидаддина «Джамиг ат-Тауарих» с миниатюрами, переписанная еще при жизни автора. Кроме того, нашел экземпляры книг, излагающие различные предания, содержащиеся в «Тузукате» Тимура¹⁵⁶, а также большую рукописную книгу «Джами аль-Ватхайк», где разъяснялись ценнейшие источники по эконо-

мической истории Туркестана XIV—XVI вв. К сожалению, эта книга позже была утеряна. Здесь хранились труды по истории Кашгара и Кашмира, бумаги афганских правителей за последнее столетие. Однажды при посещении английского посольства я встретил представителей индостанских ахмадие¹⁵⁷. Они предоставили мне все печатные труды, относящиеся к их истории. Один из них — доктор Фазил Керим — попросил нас изучить в Индии город Кадиян, служивший в прошлом столетии столицей ахмадие. Более того, предложил возместить дорожные расходы на эту поездку. Он сказал, что они являются потомками принцев Бабуридов. В Афганистане, кроме Фаиза Мухаммед-хана, были еще два близких мне человека. Один из них — Абдерасул-хан, второй — Абдельхади. Первый был послом Афганистана в Бухаре, а второй — в Лондоне. Я всегда советовался с этими людьми. С Сердаром Абдерасул-ханом мы и потом, в 1924—1925 годы, встречались в Берлине. Этот истинный мусульманин, открыто и реалистически мыслящий человек с поэтической душой посвятил мне хвалебные стихи, которые он, устроив у себя званый ужин, прочитал при гостях. На этом же ужине я рассказал о том, что доктор Фазил Керим просил меня посетить Кадиян, о его предложении возместить дорожные расходы и спросил: «Может мне следовало взять эти деньги?» «Разумеется, надо было взять, и от паршивой овцы клочок шерсти», — сказал Абдерасул-хан, развеселив гостей. В Кабуле в то время состоялось много хороших бесед. Тогда я говорил о необходимости строительства железных дорог и автомобильных шоссе, доставки в Афганистан техники по перевозке грузов, развития промышленности.

20 сентября 1923 года в четверг я последний раз встретился с министром иностранных дел Вали Мухаммед-ханом. На этот раз нам оказали материальную помощь на дорожные расходы для поездки в Париж.

Последняя встреча с министром иностранных дел

По своему происхождению Вали Мухаммед-хан был не афганцем, а из Дарвазского княжества на Памире. Язык у них — особый диалект фарси. Они долгое время считали себя народом, происшедшим от людей великого Александра Македонского, однако на самом деле эти таджикские беи — потомки знатного рода карлуков. В арабских источниках есть сведения, ясно об этом свидетельствующие. Вали Мухаммед-хан попросил меня исследовать происхождение и историю его рода и написать об этом труд. Я ответил: «Если будет суждено еще раз приехать в Кабул, даст бог, займусь историей вашего рода». На что он сказал: «Я очень же-

лал бы, чтобы Вы после завершения дел в Европе вернулись сюда, и тогда мы совсем смогли бы претворить в жизнь все Ваши предложения и советы по организации просвещения и научных изысканий в нашей стране. Ж глава нашего государства желает того же самого». Несколько дней тому назад Вали Мухаммед-хан выделил нам на дорожные расходы три тысячи рупий, а теперь от имени Амануллы-хана предложили еще столько же. В марте, направляясь из Ашхабада в Иран, мы забрали из кассы «Туркестанского национального объединения» бухарские деньги в сумме 950 рублей, остальные наши расходы приняло на себя также афганское правительство. И вот теперь Вали Мухаммед-хан предложил, что если мы будем испытывать нужду в Европе, обратиться к послу Афганистана в Париже Махмуду Тарзи. Выходит, что афганское правительство будет считать нас в этом путешествии своими подданными. Этому мы, разумеется, были очень рады.

«Вас считаем полностью афганскими подданными. Пусть путешествие ваше не будет слишком долгим. Перед возвращением сообщите. Уже сейчас ставлю в известность, что Аманулла-хан введет вас в число своих сотрудников самого высокого ранга. Искренность и глубина представленной Вами записки ему пришлись по душе», — сказал Мухаммед-хан. На что я ответил: «Выражаю Вам свою глубокую благодарность и удовлетворение тем, что приняли нас в свою семью, оказали внимание на уровне главы государства. Я счел бы для себя самой почетной миссией заняться здесь созданием университета, научной библиотеки и научного общества. Но я не смогу Вам твердо обещать, что непременно вернусь. Перед нашим взором — Турция. Мне хочется повторить всем трем странам следующие слова Хаджи Хафиза:

«Мы пришли сюда не за славой и должностями. Пришли к вам, спасаясь от бед, обрушившихся на наши головы на родине».

Прощаясь, я попытался поцеловать его руку, но он сам меня обнял. Хорошо попрощались.

В тот же день, 20 сентября, после обеда в министерстве просвещения мы приняли участие в работе комиссии по делам просвещения, на заседании которой обсуждалась программа создаваемого в Кабуле учебного заведения по подготовке учителей. По намеченной программе это учебное заведение должно выполнять роль лицея и даже частично университета. По моему предложению было принято решение, что в данном учебном заведении необходимо сделать два дела:

1) увеличить число предметов, преподаваемых в начальных классах;

2) методом обучения в начальных классах должна служить современная педагогическая наука.

Фаиз Мухаммед-хан сказал: «Хорошо получилось. Благодаря Вашим рекомендациям и этот вопрос мы смогли поставить на практическую основу». После заседания мы попрощались со своими афганскими друзьями, так как через два дня должны отправиться в путь.

Мое письмо
Хаджи Сами

По письму Хаджи Сами, написанному им перед выездом из Ханабада в Мешхед, было видно, что его охватило чувство глубокой безнадежности, и он впал в уныние. Он ранен, продолжать борьбу не в состоянии, но понимал, что и прекращать ее недопустимо. В своем письме, отправленном 22 сентября, я написал ему следующее:

«В последних своих письмах Фахретдин-паше и мне Вы жалуетесь на бухарцев и в особенности на лакайцев за их действия против нас. Зимой 1921 года в Бухаре, когда Вы, будучи очень оптимистически настроенным, желали скорейшего присоединения к движению Энвера-паши, я говорил Вам, что в этих делах не следует предаваться излишней эмоциональности, а оставаться реалистом. Чувствуя по сегодняшнему Вашему письму, что Вас охватило мрачное настроение, я вынужден повторить те же свои слова. Басмаческое движение продолжалось в течение шести лет. Его успехи объяснялись занятостью России на других фронтах, а нынешнее поражение предопределено тем, что русские, избавившись от других сильных врагов, всю свою мощь смогли направить против нас. Об этом обстоятельстве я вел речь и в своем письме, отправленном в феврале из Ашхабада через горные дороги Матча. Я тогда писал, что самой естественной политикой для русских будет попытка склонить на свою сторону тех басмачей, которые к Вам не присоединились, и, наоборот, ведение враждебных действий по отношению к лакайцам и карлукам, присоединившимся к Вам. Большевики будут стремиться отчуждать Вас от народа, пытаясь убедить его в том, что врагами Советов являются не басмачи, а те из них, которые примкнули к Хаджи Сами. Будет хорошо, если Вы до выздоровления останетесь в Афганистане или Иране, а в дальнейшем продолжите начатое дело. Если моджахеды, эмигрировавшие за границу, перестанут оказывать помощь оставшимся, движение наше долго не продержится. Вы с Энвер-пашой верили, что наше движение достаточно быстро достигнет успеха. Я же говорил паше, что, возможно, наше по-

коление не сможет добиться цели, тем не менее борьбу следует продолжать, так как однажды вопрос о Средней Азии станет одной из мировых проблем. Когда настанет этот день, история нашей борьбы станет одним из краеугольных камней тех будущих событий». Жертвенная гибель Энвера-паши за самостоятельность Туркестана оживили там дух свободы и приумножила мощь Вашего движения.

В Индии положение аналогичное. Восстание сипаев¹⁵⁸ и движение Типу-султана составят основу освобождения Индии. Однако, когда он потерпел неудачу, его же приближенные попытались убить Типу-султана.

По словам Гали Шавкат-бея, в ходе борьбы за самостоятельность Турции возникли противоречия между Ашраф-беем и Мустафой Кемалем, поэтому Ваше возвращение в Турцию ныне затруднительно. Самое лучшее — оставаться в Средней Азии. Если и Вы уедете, то народ Туркестана скажет: «И люди из Турции попытались бороться за нашу самостоятельность, но ушли, ничего не добившись». По словам Шахбендера Сами-бея в Мешхеде, некто Шериф-бей напечатал в Турции нелестную статью против Вас и Энвера-паши. В Турции вряд ли найдутся люди, которые выступили бы в Вашу защиту, а совсем оставить борьбу в Туркестане — большой грех. Афганское правительство Вам не позволит слишком долго оставаться в Ханабаде. Я не могу сказать, смогут ли Вас определить на какую-либо должность в Мешхедском консульстве. И Гали Риза-бею я советовал обосноваться в тех же местах, но думаю, что русские Вам не дадут возможности остаться в Хорасане. Мне кажется, что было бы очень хорошо, если Вы и Риза-бей, не отрываясь от Ирана и избрав центром Тегеран, организовали торговое дело в Хорасане и Афганском Туркестане. Абдельхамид, Тураб-бек, Мамур-бей и наши башкиры, занимаясь этими делами совместно с Вами, нашли бы возможность обеспечить себе пропитание. Тем самым Вы смогли бы спасти туркестанских беженцев в Иране и Афганистане от нищеты и не дали бы в них угаснуть духу свободы.

Фаткелькадир, я и Усман Ходжаев будем заниматься научным описанием нашей борьбы. Я буду писать историю нашего движения, материала накоплено много. Желая где-то обосноваться и издать написанное сначала на турецком, а затем и на английском языке. Спешно переправляя всех участников туркестанской борьбы в Турцию, можно наткнуться на плохой прием. Люди окажутся в весьма тяжелом положении, а здесь все наши организационные структуры бесследно исчезнут. Будем вести дела, твердо веря, что туркестанский

вопрос имеет обнадеживающее будущее. Усман **Ходжаев** и мирза Хисаметдин десятого числа прошлого месяца выехали в Стамбул через Индию. Возможно, Хашим Шаик отправится в Японию. Мы с **Фаткелькадиром** через два дня выведем в Пешавер, далее, если на то будет воля Аллаха, направимся в Париж или Берлин.

Выражаю Вам чувства глубокого уважения, желаю благополучия.

22 сентября 1923 года, суббота».

**Абдельхалик
Кунысбай**

Самый мучительный вопрос при отъезде из Кабула заключался в том, как оставить Абдельхалика. Он ощущал себя путником, которого в одиночестве покидают среди песчаной пустыни, и часто не мог удержать слезы. Он оберегал нас от нападения и бед с самого Мешхеда, за его искренность и преданность мы настолько сблизились с ним душевно, что расставание превратилось в большую горе. Взяли бы его с собой, но денег для этого у нас не было. Понимая, что он не сможет привыкнуть к обычаям и нравам афганцев, мы ему советовали искать возможность переправиться в Турцию, обратившись в консульство, попросили помощи у паши и имама консульства Али Шафката. Они обещали помочь. Абдельхалик — по происхождению казах **Табынского** рода, живущего по реке **Сырдарья** вблизи железнодорожной станции **Терен Узек** (Глубокий овраг). Когда Советы проводили в тех местах мобилизацию, Абдельхалик попал в красную армию. Поскольку в начальной школе изучал русский язык, он исполнял различные должности, даже стал членом коммунистической партии. Позже, не выдержав издевательств своего красного командира, сбежал в Иран. В Мешхеде работал в одном медресе, стал шиитом, позже некий иранец взял его в дом на услужение. Но этот человек через некоторое время стал намекать правоверному мусульманину Абдельхалику о своей любви к нему, даже сочинил стихи любовного содержания. Однако Абдельхалик отвечал этим непонятным ему «поэтическим» излияниям грубостью. Однажды вечером влюбленный иранец, войдя в комнату Абдельхалика босиком, стал выражать свои любовные чувства в более откровенной форме. Казах наш хорошо поволотил хозяина, забрал вещи и ушел от греха подальше. Когда он, решившись оставить Иран, но боясь вернуться в Россию, пребывал в растерянности, мы подоспели к нему на помощь.

В день отъезда из Кабула мы встретились с Али Шафкатом и попросили его взять к себе на услужение Абдельхалика. Он согласился.

С господином Али Шафкатом я был хорошо знаком. Кроме французского и фарси он хорошо знал и урду. Имел несколько трудов по философии, ему особенно близка была индийская философия. Мы подолгу беседовали с ним о будущем исламских наук. Однако мой афганский друг Сардар Абдерасул-хан как-то сказал мне: «Я достаточно долго наблюдал за ним и убедился, что этот Али Шафкат находится в тесной связи с баехидами». Али Шафкат себя считал реформатором ислама. По его мнению, ислам в будущем не будет противоречить европейской культуре, избавится от пережитков и сохранит удобные для развития науки качества. Отказавшись от таких понятий, как черт, дьявол и ангелы, в будущем мусульмане начнут мыслить категориями, соответствующими объективным законам природы. Вместе с тем и тогда, когда жизнь и быт на Востоке станут вполне европейскими, ислам будет продолжать существовать как религия. Возможно, в мечетях будет звучать музыка. Мы с Али Шафкатом беседовали многократно, в них принимали участие и другие афганские друзья. В результате этих обсуждений я написал брошюру в двадцать страниц под названием «Ислам и его будущее», но она до сих пор не опубликована. Мои беседы с Али Шафкатом не раз слушал и Абдельхалик. После продажи наших лошадей он проводил свое время в праздных словопрениях с безработными людьми. Когда я общался с афганцами и представителями ахмадие, он, зная фарси, к месту и не к месту вступал в разговор. В день отъезда из Кабула с вещами, которые мы не могли брать с собой в дорогу, Абдельхалика отправили к Али Шафкат-бею. В апреле 1925 года, когда мы, пробыв в Европе два года, прибыли в Стамбул, Абдельхалик тут же нашел нас. Оказывается, Али Шафкат взял его с собой в Турцию. Здесь он давал ему уроки по религиозным и философским наукам и, наконец, открывшись, что он принадлежит к секте баехидов, принял и Абдельхалика в эту секту. Абдельхалик, прочитав их публикации, достаточно подробно ознакомился с ее деятельностью, а со временем хорошо разобрался в двуличии и нечестности Али Шафката и понял, что баехидская секта напоминает масонское общество. В конечном счете он напрямик сказал Али Шафкату: «Следовательно, ты один из идеологов баехидов. Почему же тогда в посольстве своей родины изображал себя представителем ислама и даже имамом? У тебя поведение шпиона. Чей же ты шпион? У баехидов нет государства. Следовательно, ты не можешь быть их шпионом. Твое баехидство оставляю тебе самому. Возвращаюсь к вере собственных казахов. Я принадлежу к суннитам и ханифитам», — и покинул его.

В Шишхане мы арендовали дом, Абдельхалик стал моим помощником. Когда он был со мной, у меня не было никаких бытовых забот. Абдельхалик готовил пищу, приводил в порядок одежду, занимался моей почтой, делал полки для книг, все держал в полном порядке. Оказывая мне всестороннюю помощь, он иногда с волнением говорил: «Если нужно, я готов умереть за тебя. Началась бы какая-либо война, давно бы успокоил душу». Он желал вернуться в Туркестан и бороться за свободу родины, но пока такая возможность не предвиделась. Частенько напевал песни по-казахски. Не любил прислуживать. Песен на эту тему у него было также немало.

Однажды ко мне пришли крымчанин Джафер Саидахмет и Юсуф Акчура. В ходе беседы им пришлось по душе мои слова: «Араб Табари¹⁵⁹ говорит об отсутствии рабства у тюрков. Совершившие путешествие в Монголию представитель Папы Римского Плато Карпини¹⁶⁰ и представитель французского короля Рубрук¹⁶¹ писали то же самое. Аналогичная мысль содержится и у путешественника XVIII века Палласа¹⁶², когда он описывает жизнь казахов и башкир. Отрицательное отношение Абдельхалика к обязанностям прислуживающего мне напомнило обо всем этом». Короче, он ощущал себя среди нас очень свободно. Воспринимая ислам так же, как его родные казахи, Абдельхалик очень хотел совершить хадж в Мекку. К сожалению, он заболел раковой болезнью.

Абдельхалик был очень своеобразной личностью. Примкнул ко многим толкам религии, и даже был коммунистом, но до конца дней оставался верным обычаям и нравам своих родных казахов. Как видим, религия, культура, дух казахов сильнее и коммунизма, и шиизма, и баехизма.

Какая бы сильная русификаторская политика ни велась по отношению к среднеазиатским тюркам, я думаю, что они останутся верны своим национальным традициям и обычаям предков. Абдельхалик как человек, обнаруживший присущую среднеазиатским народам стойкость, пережил сложную и трудную судьбу, достойную быть описанной в романе.

Праздничные
торжества
и эмир Бухары

5 августа в летней резиденции главы государства и правительства Пагмане состоялись торжества, посвященные независимости Афганистана. День выдался прекрасный. В центре внимания собравшихся

на торжество оказался слон, который много лет раньше принимал участие в войнах Абдурахман-хана¹⁶³ и помог ему одолеть врагов, заставить их преклонить перед ним колени, что принесло ему почетное имя Победителя.

Слон, выйдя на площадь и проходя рядом с Амануллой-ханом, как бы проявляя почтение к правителю, повернул свой хобот в сторону главы государства, коснулся им земли, остановился, преклонив колено, и у него из глаз потекли слезы. Собравшиеся были потрясены этой сценой. «Неужто слон способен на такие чувства? Вспомнил деда Амануллы-хана, великого эмира Абдурахман-хана», — говорили гости. Сцена была очень волнующей и трогательной. Эмир Бухары Алимхан вместе со свитой также занял место на одной из сторон площади, все они были в традиционных платьях людей, правивших Бухарой. Мой спутник Абделькадир сказал мне: «Это последний эмир Туркестана, следовало бы и тебе приветствовать его». На что я ответил: «Я не желаю приветствовать и жать руку человеку, который нашему послу Абдулле Ильясю, отправленному нами к нему в 1918 году, сказал: «По подписанному договору мы будем признавать то правительство, которое находится в Москве у власти. Если даже они сами нарушат Договор, я не стану его нарушать». Эмир, помняв царя на Советы, нас считая мятежниками, лакайцев натравил на Энвера-пашу. В целом из этой династии Мангытов¹⁶⁴, кроме принца Абдельмалика, не вышло ни одного деятеля, который был бы достоин уважения. Если бы они были умнее, послушались бы Хакима Кушбеги. Будь Садретдин Айни на этих торжествах, разве он стал бы пожимать руку эмира?»

Я уже говорил о том, что в связи с поведением эмира вспомнил стихи на фарси. Упомянутый там образ хозяина осла олицетворял царя, а осел — эмира. Я вспомнил также стихи Садретдина Айни следующего содержания: «В огне нашей революции мир реакционеров и фанатиков сгорел как куча мусора. Не говорите, что сгорел мир, он не пострадал, лишь очистился». Этот эмир был не более как болячка на теле государства, однако, пришедшие вместо него к власти большевики — это раковая опухоль. На деле, эмир сам способствовал приходу этой болезни в Бухару. О таком правителе в Коране сказано: «Если Аллах пожелает погубить страну, посылает ей беспощадного правителя, который и ведет страну до полного бедствия. Самый яркий пример такого правителя — этот эмир. Он против нас и Энвера-паши. Как можно протянуть ему руку?»

Обед у Абдерасул-хана

В день отъезда утром я получил от Абдерасул-хана письмо следующего содержания: «До Вашего отъезда нам следует встретиться». К обеду направился к нему. Других приглашенных не было, приготовлено много различных блюд. Уже после

обеда пришли еще двое приближенных Абдерасул-хана. Он говорил о том, что, прибыв в Туркестан в качестве посла Афганистана в дни революции в момент прибытия сюда Энвера-паши, испытывал большое удовлетворение. Однако ему грустно видеть, как я, не добившись положительного результата нашего движения, был вынужден покинуть родную страну. Он говорил, что желал бы, чтобы я оставался более длительное время в Афганистане, записал в мою тетрадь стихи Мавляна Руми, где поэт пишет: «Если на путях служения своему народу будешь настойчив в исполнении долга и сотворишь добро, то в глазах народа возвысишься до уровня пророка». Абдерасул-хан сказал: «Все, что мы говорили в Кабуле о политике и просвещении, в особенности об учительском учебном заведении, очень понравилось нашим государственным деятелям. Так же, как и Вали Мухаммед-хан, я желал бы Вашего возвращения к нам в Афганистан». Хан рассказал далее обо мне своим друзьям: «Когда я прибыл в Бухару в качестве посла, среди бухарцев то и дело возникали трения и споры. Этим воспользовались русские, чему я очень расстраивался. Но к этому времени прибыли Заки Валиди и казахские интеллигенты. Войдя в среду бухарцев, они организовали общество Туркестанского национального объединения: по рекомендации представителей Турции Заки Валиди стал его председателем. Поднялся весь Самаркандский вилайет, появилось согласие и единство. Заки-бей побывал во всех кишлаках Самарканда и Бухары, посетил все басмаческие отряды и группы, совершил много хороших дел».

Один из гостей хозяина заметил, что он уже слышал обо мне. Сам он оказался одним из приверженцев установления демократических порядков в Афганистане и спросил меня: «Вы один из тех, кто изнутри наблюдал режимы царя, Керенского, а затем и Советов. Почему в России демократия не добилась успеха? Если Советы будут уничтожены, возможно ли в Туркестане установление демократии? Можно ли установить демократические порядки в Афганистане? Если да, то в какой форме?» Я отвечал ему так: «У демократии нет единственного рецепта. Цель демократии — дать народам и обществам возможность жить в формах, соответствующих их собственным потребностям и воле. Демократия различна у разных народов, но у нее есть основное условие: умение внутри общества или народа разделять и нести общую ответственность и в соответствии с этим подчиняться установленным законам. В Англии, Америке, Швейцарии, Норвегии дело поставлено именно на такую основу. Если какая-либо партия приходит к власти, другие оказывают ей помощь. А в России

этого нет. Как писал Ибн Руста¹⁶⁵, еще в X веке у них не было общественной жизни, личной безопасности. Даже в нужник они были вынуждены идти с обнаженной саблей, чтобы быть готовыми отразить неожиданное нападение. Убийство ближнего для них ничего не составляло. В 1917 году в России возникли хорошие демократические партии, но на передний план выдвинулись большевики и, объявив, что они не согласны с решениями большинства, уничтожили все другие партии, создали диктаторский режим, которому нет примера в истории. Путешественник X века Ибн Фадлан писал: «У огузов, живущих на западе Хорезма, есть обычай устраивать совет об общих делах, но среди них часто находится один непутевый, который сводит на нет решение, принятое большинством. А у болгар придерживаются решения, вынесенного их правителем и поэтому среди них можно спокойно жить». Чувство коллективной ответственности в государственных делах зависит не только от культурного уровня народа, а еще и от обычаев и воспитания. Мои родные башкиры по своему культурному уровню ниже по сравнению с русскими, но когда речь идет о государственных делах, у них чувство коллективной ответственности сильнее. У башкир можно было бы установить полноценные демократические порядки. Среди казахов и туркмен положение аналогичное. Культурный уровень бухарцев выше. В то же время они привыкли преклоняться перед волей деспота. Единство, коллективная воля, господствовавшие в повстанческих отрядах башкир, бухарцам чужды. При условии достижения самостоятельности для казахского, башкирского, узбекского народов устройство социализма окажет положительное влияние в развитии у них сельского хозяйства, ирригационной системы, горнодобывающей промышленности. Но социализм не имеет себе равных в ослаблении воли народов к самостоятельности и в уничтожении у людей частной инициативы. Что касается Афганистана, то местные условия вы сами знаете лучше, чем кто-либо. Если у вас сформируются партии и появится пресса, критикующая правительство, соседствующая с вами Советская Россия сумеет эту прессу подкупить. Невозможно будет и существование независимого радиовещания. А удастся ли вам организовать свое движение на национальной почве? Можно ли будет создать рабочие профсоюзные организации наподобие тех, которые были сформированы в Азербайджане в 1918—1919 годы? Слова поэта Амъяка¹⁶⁶, сказанные им во времена Караханидов о бунте карлуков и огузов, и сегодня остаются истинными: «Беда, творимая за два дня народного бунта, страшнее, чем зло, творимое деспотом в течение десяти

ти лет». Для Афганистана, возможно, самое лучшее — это конституционная монархия. Но все это вы сами знаете несравненно лучше, чем я».

Большинство из сказанного мною гость постарался записать в книжке. Подошло время молитвы, Абдерасул-хан предложил совместно сотворить намаз, отведя мне роль имама. На что я ответил: «Мне никогда не приходилось исполнять такую роль, да и знания мои аятов намаза не блестящи». После молитвы, посвятив мне, он прочитал один из прекрасных аятов. Сказал, что на дальней дороге не будет лишним, и вручил мне несколько золотых монет.

Словом, из Афганистана нас проводили очень тепло. Абдерасул-хан был другом Германии. Зимой 1924 года он приехал в Берлин устраивать сына на учебу. Мы встретились и провели время за очень хорошей беседой. В целом афганцы люди с открытой, чистой душой. Хорошо понимают опасность, нависшую над ними со стороны России и высоко ценят тех, кто поднялся на борьбу против ее экспансии.

ИНДИЯ — ТУРЦИЯ

Пешавар

24 сентября 1923 года в понедельник мы выехали из Кабула на автомобиле на дорогу, ведущую в Индию. Со слезами на глазах нас провожал казах **Абдельхалик** Кунысбай, до этого ухаживавший за нашими лошадьми и ставший очень близким нам человеком.

Через **Джелалабад** мы доехали до знаменитого перевала Хайбер, который так же, как и Джунгарский перевал в Средней Азии, в период массового переселения тюрков за пределы своей прародины служил одним из ворот, широко раскрывшихся перед ними для их дальнейшего движения. В прошлые века тюрки несколько раз воспользовались этим перевалом в процессе своего переселения.

По дороге мы думали о том, не будут ли английские пограничники и таможенники подвергать наши вещи такой же тщательной проверке, как и большевики. Бумаги, которые мне самому казались секретными, я оставил у **Фахри-паши**, попросив его привезти их позже в Турцию. Двадцать лет спустя, в ходе Второй мировой войны, находясь в Берлине, в отеле «**Адлон**», я почувствовал, что в мое отсутствие нацистские агенты порылись в моих чемоданах. И тогда я решил все свои бумаги вручить нашему послу в Германии **Саффету Арыкану**, попросив переправить их в Стамбул по дипломатическим каналам. Оба раза наши почтенные послы доставили в Турцию мои бумаги в целости и сохранности. По существу, эти «Воспоминания» я пишу сейчас, основываясь на записях и документах, доставленных тогда из Афганистана **Фахри-пашой**.

С 25 сентября до 1 ноября в течение пяти недель мы с **Абделькадиром** оставались в Индии. После разделения Индии на два независимых государства в Пакистане я побывал три, а в Индии один раз — в 1964 году. В течение целого месяца в качестве гостя Джавахарлала **Неру**¹⁶⁷ и индийского правительства я знакомился с культурными центрами этой стра-

ны, состоялись очень искренние беседы с видными научными и политическими деятелями обоих государств. Воспользовавшись ценнейшими историческими рукописями и трудами, хранящимися в их библиотеках, я изучил важнейшие источники по истории культуры тюркских народов. Но когда мы в 1923 году путешествовали по Индии, страна была еще совершенно иной. Английские колониальные власти, бывшие тогда хозяевами положения, держали нас под жестким контролем. Например, нам не дали возможности общаться с теми людьми, адресами которых снабдили нас афганские и индийские друзья в Кабуле.

Когда мы доехали до Хайберского перевала, служащий таможи кивнул на наши вещи и спросил: «Что у вас тут?» «Одежда, книги, бумаги», — ответили мы. «А другие вещи, о наличии которых вы нам должны сообщить, там имеются?» «Есть револьвер, показать Вам?» «Нет, если бы вы взяли револьверов на двух грузовиках, мы бы взглянули. Добро пожаловать, продолжайте свой путь», — сказал он, завершая разговор. Как видим, положение Индии, даже когда она была колониальной, существенно отличалось от положения Туркестана в составе России.

В Пешеваре мы устроились в какой-то большой гостинице. Мне никогда и в голову не приходило, что когда-нибудь будет суждено побывать в Индии. Довелось увидеть и эту страну. Назавтра нас вызвал к себе губернатор. Он сказал: «Об условиях вашего путешествия по Индии мы ждем инструкции из Сямлы. Несколькими днями будет оставаться здесь». Когда я сказал: «Не сможете ли Вы сказать, где находятся прибывшие полгода тому назад из Кабула Усман Ходжа, из Читрала — Абдельхамид Арифов, из Мешхеда — Седретдинхан, Турабек и Мустафа Шахкули? Где их можно найти? Мы должны, собравшись вместе, обсудить проблемы своей страны. Мы об этом сообщали вам через Кабульское посольство». Он ответил: «Я их адреса не знаю. Да и не разрешим вам устраивать здесь совещание. Кстати, мы и у себя на родине хотим привести к власти социалистов. Премьер-министр лейбористской партии мистер Макдональд¹⁶⁸ ныне стремится установить с Советами дружеские отношения. Мы не позволим превращать Индию в логово антисоветских движений и групп. Вам следует это знать». Столь откровенно высокомерная манера разговора англичанина вызвала во мне гнев. А он, заглядывая на лежащие перед ним бумаги, начал задавать вопросы. «Я известный представитель великого народа. Вы разговариваете со мной, положив ноги на стол, чуть ли не повернувшись ко мне спиной. Отвечать на Ваши вопросы не

намерен. Если хотите, вышлите нас обратно в Афганистан», — сказал я ему. «Как знаете», — ответил он. Разговаривал он на фарси. Мы вышли и направились в гостиницу, настроение было вконец испорчено, к тому же за нами установили слежку. Решили где-нибудь перекусить, однако к нашему столику подошел полицейский в штатском и сказал, что нам следует обедать в гостинице. На что я ответил: «Мы не станем есть пищу, которую нам навязывают. Свой хлеб насущный мы купим на базаре. И в гостинице не останемся». Словом, положение наше было незавидно. В это время мы встретились с одним бухарцем, поговорили с ним. Он познакомил нас с одним татарским имамом по имени Хабибрахман Булгари, который пригласил нас к себе домой. Что уроженец Бухары был осведомителем англичан, догадаться было не трудно. Были и у него в доме. Бухарец представлял себя как человека, служившего эмиру Бухары. Дома у него хранились подшивки русских газет, которые он позволил нам просмотреть. Потом он повел нас к некоему Мирбадалову, который также служил эмиру. В качестве переводчика эмира я знал его еще с 1914 года. И он, несомненно, больше, чем эмиру, служил англичанам. Этот человек рассказал мне, что юрист из башкир Шагиахметов, который в 1917 году после революции вел борьбу против нашего движения за самостоятельность, с установлением в Туркестане советской власти по сибирской дороге уехал в Манчжурию. Бухарец поддерживал связь с этим Шагиахметовым, сообщил ему о моем прибытии в Кабул и даже получил ответ. Шагиахметов написал письмо и мне. Это было для меня совершенно неожиданным сюрпризом, так как в 1917 году на съездах в Туркестане он был одним из самых непримиримых противников идеи самостоятельности наших народов. Ныне он осознал ошибочность тогдашних своих взглядов и написал это письмо, прося прощения за прошлое. Я подумал, что с помощью этого Шагиахметова удастся установить связь с башкирскими солдатами и офицерами, которые в 1919 году вместе с колчаковской армией ушли на Дальний Восток, в особенности с командиром полка Галимзяном Таганом. Учтивая, что в 1918—1919 годы англичане, будучи в Сибири, не вступали ни в какие связи с национальными организациями Башкортостана и Туркестана, не давали нам установить контакты также и с другими зарубежными государствами, я свои письма, адресованные Шагиахметову, не стал посылать в Пешавар через английскую почту, а после прибытия в Бомбей отправил с итальянским пароходом, следовавшим на Дальний Восток. То, что англичане предпочитали сохранение владычества рус-

ских над мусульманами бывшей Российской империи независимо от того, белые или красные находятся у власти, хорошо понимали и Мирбадалов, и люди эмира Бухары — такие, как Гарей Токсаба.

Этот Хайдар-ходжа Мирбадалов не имел никаких родственных отношений с живущим в Самарканде узбекским генералом Мирбадаловым. Приставку «ходжа» к своему имени приписывают те, кто имеет родственные отношения к пророку Мухаммеду. Но этот Хайдар приписал своему имени «ходжа», не имея к тому никаких оснований, ради пушей важности и авторитета. На деле же он сын казанского купца. В 1913 году в Бухаре он сам мне вручил историю своей семьи.

В то время он издавал газету «Выдающиеся бухарцы», которая выходила в основном на таджикском языке, лишь некоторые номера были изданы на узбекском языке. Сейчас он меня встретил очень радушно, как старого друга. Хайдар служил у эмира министром по финансовым делам, жаловался на несправедливость своего правителя.

Мирбадалов предоставил мне для ознакомления некоторые труды, написанные в либеральном духе, в том числе, изданное незадолго до этого «Послание с Востока» местного мусульманского философа и поэта Мухамеда Йкбала. С некоторыми стихами этого видного поэта и мыслителя я ознакомился еще в Бухаре, благодаря своим друзьям мирзе Абделькадиру и Акобиршаху, в то время они еще не были опубликованы, тогда я их читал в рукописи.

Хашим Шаик, получивший образование в Стамбуле, как в Бухаре, так и в Афганистане тяготел ко всему новому и передовому, ноличностью был слабой. Встретившись с тюрком, он говорил как тюрк, а с иранцем — как перс. Собирался выехать на дальний Восток. Но за день до нашего отъезда из Кабула он пришел в министерство иностранных дел и говорил в том смысле, что если ему удастся выжить, то отойдет от борьбы за самостоятельность Туркестана. Это мне рассказал Фаиз Мухаммед-хан. Я этому крайне рассердился и, не встретив Хашима дома, в его тетради записал стихи на фарси поэта Абу-л-Фазла Аллами¹⁶⁹, входившего в окружение шаха Акбара¹⁷⁰:

Не понимающий мировые события и сам себя не знает,
Он вместо добра и света распространяет зло.
Когда нужно набираться ума,
Отравляют людское сознание, напуская тумана.

Когда нужно зажигать факел,
Служит ветром, сдувающим пламя света.

В Пешаваре один из людей эмира — бухарец Гарей Токсаба принес мне письмо от Хашима Шайка, который писал, что очень расстроился и тяжело воспринял мои упреки. Об этом он напомнил мне и в своем письме, написанном в 1926 году в Анкару.

Казнь Аухади Я высказал Мирбадалову свое желание встретиться с некоторыми учеными и деятелями культуры, адреса которых нам дали в Кабуле. Он сказал, что для этого следует получить разрешение в полиции. Придя в гостиницу, мы выразили свое желание полиции, но стало ясно, что мы разрешения не получим.

Мирбадалов дал нам несколько французских газет и журналов. Вечер мы провели в гостинице, читая их, а также русские газеты, полученные нами у Хабиба Рахмана. Две новости, газетпнутые из этих газет, были чрезвычайно важны для меня: в газете Миллюкова¹⁷¹ «Последние новости», которую он начал издавать в Париже, сообщалось о том, что бывший военный комиссар Башкортостана, командир полка Аухади Ишмурзин был осужден и казнен в Москве. В сообщении говорилось, что Аухади был привлечен к суду за то, что принимал участие в басмаческом движении в Туркестане в качестве одного из военных руководителей в окружении «известного Валидова». Это было для меня особенно горестным известием. Аухади был моим другом с детских лет, отец у него работал учителем русского языка. Как и его брат Сулейман, Аухади окончил царскую военную школу и стал офицером. Подобно отцу, сыновья были патриотами своего народа. В наших войсках Аухади занимал руководящие посты, а когда я был назначен председателем ревкома (правительства), он стал военным комиссаром. Во всех боях вблизи Самарканда и Бухары мы участвовали вместе. В июле 1922 года, уезжая в Ташкент на тайно созываемый седьмой Туркестанский съезд, Аухади и всем своим землякам я велел выехать в восточную Бухару и присоединиться к Энверу-паше. Расстались мы тогда в небольшом кишлаке в устье Сангизора.

Заполнившие в то время все пути красные воинские части окружили и басмаческий отряд, в котором находился Аухади. Русские сумели взять его в плен, когда его конь упал, споткнувшись об камень. Его привезли в Ташкент, оттуда спешно отправили в Москву, осудили на смерть и расстреляли.

Второе сообщение — о возможности достижения соглашения между кабинетом, сформированным партией англий-

ских рабочих, и советским правительством. Это было для меня совершенно неожиданной новостью. Я Англию знал как государство консерваторов и либералов, как буржуазно-капиталистическую страну. Это известие о приходе к власти английской рабочей партии, которую я представлял слишком левореволюционной для английского общества, перевернуло вверх дном все мои годами сложившиеся в России политические представления. Следовательно, вместо открытой борьбы с большевизмом европейские демократические государства позже вступят в сложные взаимоотношения споров, дискуссий, мирового противостояния. Много лет спустя все это будет названо «холодной войной». В своих записках «Социальная революция на Востоке», которую в Кабуле мы с другом Хашимом Шаиком переводили на фарси, я убежденно писал о том, что Англия и западные страны представляют собою такие буржуазно-капиталистические государства, которые ни в какой форме не смогут прийти в согласие с большевиками. В этот вечер в своей записной книжке я отметил: «Значит, мы едем в Европу, которая сильно отличается от наших старых представлений о ней. Следовательно, процессы мировой социальной революции и реакции не будут идти лишь путем вооруженной борьбы, а обретут формы сложных дискуссий, надолго затянутся и будут идти запутанными путями».

Утром 27 сентября к нам пришли двое служащих и сказали: «Вы вчера не пожелали поговорить с губернатором. Может быть, вы согласитесь побеседовать с другим служащим?» Я ответил: «Если соизволит разговаривать с нами, не повернувшись к нам спиной, мы согласны». Через некоторое время мы пришли в управление, где нас привели в комнату, в которой нас ждал элегантно одетый английский офицер, прекрасно владеющий фарси. «Добро пожаловать. Губернатор просит прощения. У нас, у англичан, только с теми, к кому имеют дружеское расположение, ведут себя свободно, могут беседовать, положив ноги на стол. А вот с тем, кого не жалуют, ведут себя подчеркнуто вежливо и ограничиваются коротким разговором. Губернатор кое о чем с Вами побеседовал. Если желаете, мы могли бы продолжить разговор», — сказал он. Я ответил: «Охотно. Мы не из тех, кто собирается остаться в этой стране. Мы проездом». Офицер ответил на это: «Я очень сожалею, но разрешить вам встретиться с вашими соотечественниками, находящимися в Индии, мы не сможем и прошу вас простить за это. Губернатор Вам объяснял причину. В Англии происходят большие перемены. Мы послали заместителю королевы в

Индии лорду Редингу¹⁷² письмо с сообщением о вас. Вам придется на несколько дней задержаться здесь до получения ответа заместителя». Взяв в руки свои бумаги, он начал задавать вопросы по моей биографии и деятельности, сверяясь с той информацией, которая у них уже была до этого накоплена в их досье, то и дело спрашивал: «Так ли это?» Расспрашивал о нашей борьбе в Сибири на стороне адмирала Колчака и генерала Дутова. Спросил также о моем заявлении по общеполитическим вопросам, опубликованном в 1919 году в газете «Правда», о тайном участии на Бакинском съезде народов Востока в 1920 году, о моем отношении к противоречиям внутри различных политических группировок в Бухаре. Меня крайне удивило, что английские власти оказывали столь пристальное внимание моей персоне и длительное время собирали сведения. Мне стало также ясно, что многие люди, с которыми мы общались в Баку и Бухаре, служили английской разведке. В 1954 году, когда я в течение шести месяцев по решению литературного факультета Стамбульского университета находился в Англии, заинтересовался у сэра Олафа Кэроу, кто же в 1923 году в Пешаваре мог вести со мною эту запомнившуюся мне беседу. Оказалось, что сам Олаф Кэроу в то время в Индии в кабинете лорда Рединга исполнял весьма важные обязанности и тщательно изучил наши туркестанские проблемы. И те сведения, которые он использовал при написании своей очень интересной книги «Советская империя и тюрки Средней Азии», опубликованной в 1953 году, собрал именно в период своего пребывания в Индии. Вполне вероятно, что он сам и допрашивал меня тогда, так как в этот момент служил при Пешаварском губернаторе. Действительно, фарси того офицера было безупречным.

В Пешаваре открыто встречаться с учеными возможностями не было, но посетить библиотеки и ознакомиться с интересующими меня книгами все же удалось. Получив через 10 дней ответ лорда Рединга, я удивился тому, что наше путешествие по Индии вызывало беспокойство английских колониальных властей. Инструкции о нашем пребывании в Индии, посланные из Симлы самолетом, состояли из 14 пунктов. Нам приказано направиться прямо в Бомбей. Мы желали встретиться с некоторыми людьми, в том числе хотели увидеть поэта Мухаммеда Икбала, жившего в Лахоре, историка из Бомбея Сулеймана Надви и попросили на то разрешения у пешаварского губернатора. Но нам в этом отказали.

По пути в Бомбей, остановившись в Адджмире, мы будем проезжать места, где живет население, относящееся к толку «Чишти» ислама.

Свадьба чагатайцев По пути следования наш поезд полдня стоял в Лахоре. Показав станционному полицейскому адрес Икбала, я попросил разрешения встретиться с ним. Однако он не разрешил, более того, запретил выходить в город. Отъезжая из Лахора, мы оказались в одном вагоне с группой чагатайцев, проводивших свадебное празднество. Чагатайцы этими областями правили в течение нескольких веков.

Среди наших спутников не было ни одного, кто бы знал тюрки, все разговаривали на урду, лишь некоторые говорили на фарси. Мы долго беседовали с ними и получили сведения о местах их расселения. По переписи 1881 года в окрестностях Дели и Равалпинди их оставалось 23593 человека, а барласов в том же году насчитывалось 12147 человек. Мы оказались спутниками свадьбы между чагатайцами и аргунами. Веселились они от всей души. Когда мы достигли Аджмер, их вагон был отцеплен от нашего состава и прицеплен к другому поезду.

В Аджмере, находящемся между Лахором и Бомбеем, наш поезд простоял также полдня. Это было место жительства шейхов Чишти, они сюда переселились из местечка Чуст в Фергане. Из их среды известен Лутфулла Чишти, живший в XVI веке. Мы пожелали посмотреть мавзолей их шейхов, но нас предупредили, что поезд может скоро тронуться. Удальтаться от вокзала мы не решились, но несколько мавзолеев, находящихся поблизости, все-таки осмотрели.

Бомбей В Бомбее мы остановились в гостинице «Шахджихан», посетили музеи, библиотеки, Королевское Азиатское общество, книжный базар. Ознакомились с книгами по ориенталистике, изданными с начала XIX века в Бомбее и Равалкишуре, многие из книг приобрели. Пользу пребывания в Бомбее я хорошо ощутил позже, в ходе своей преподавательской деятельности в Стамбуле, когда пользовался приобретенными здесь книгами.

Куда бы мы ни направлялись, за нами следовали сыщики. На базаре около больших городских ворот, уловив момент, мне удалось улизнуть от моих наблюдателей. Показав адрес шоферу такси, я добрался до центра движения индийских мусульман, нашел там доктора Ансари, с которым мне посоветовал встретиться в Афганистане Абдерасул-хан, и вручил ему письмо. Долго беседовали. Оказалось, что Сулейман Надви, с которым я имел желание встретиться, живет в другом городе. Мне вручили некоторые его книги. У меня не было ни малейшего намерения делать в Индии что-либо, неудобное английским властям. Тем не менее было заметно, что

местные английские чиновники прилагали серьезные усилия, чтобы я не смог встретиться с индийскими либералами и оппозиционными кругами и не смог установить связь с представителями мусульманских народов южной Азии. Доктор Ансари, хорошо ориентирующийся в местной обстановке, опасаясь, что я могу оказаться в неприятной ситуации, из собственного дома провел меня в другое здание по внутренним дворам и проводил, вызвав такси. По дороге еще раз поменяв такси, я вернулся в гостиницу. Абделькадир ждал меня в большой тревоге, так как английская полиция, разыскивая меня по всему городу, успела надоесть ему своими расспросами и довела его до слез.

В эти дни в Бомбее предводители индийских революционеров Шафкат и Мухаммед Али были выпущены из тюрьмы, по этому случаю на улицах происходили демонстрации. Эти два брата революционера, проезжая мимо отеля «Шахджихан» на автомобиле, приветствовали некоторых известных им людей из числа собравшихся по пути их следования. Владелец гостиницы предложил представить ему и нас. Но мы сказали, что не желаем доставлять лишних беспокойств английским властям.

Фундамент для моей будущей библиотеки

В Бомбее я приобрел очень много книг, в том числе философский труд великого ученого и мыслителя времен Бабуридов Нигматуллы Вали Дихлеви «Худжагулла аль-Балига», книгу аль-Бируни, изданную в Лейпциге, произведения Мингажа Джузджани, Бейхаки, Шарафетдина Езди, часть сборников исламских историков Индии «Суфии и поэты», труды, изданные в серии «Bibliotheca Indica», сочинения таких историков, как Вассафа, Хондемир, произведения Абдельхака Дихлави, Хосрова Дихлеви, принца Дара Шукоха. В то время я еще не владел английским языком, но, имея твердое намерение изучить его, приобрел переводы книг аль-Бируни и Джузеджани на английский язык, а также труды Элиота, считая, что будет грешно не воспользоваться предоставившейся возможностью.

Таким образом, я подобрал почти все, что лежало, покрытое пылью, в магазине престарелого мирзы Мухаммеда Ширази. В свое время Бартольд с сожалением говорил о том, что ему не предоставляется такая возможность. Одним словом, оставив борьбу с оружием в руках, в Мешхеде, Кабуле и Бомбее я заложил основу своей будущей библиотеки, которая позволит мне вновь перейти к историческим исследованиям. Деньги у нас еще были, книги позднее мы повезем в ящиках

вместе с собой на пароходе в Стамбул. В рождении этой библиотеки принял участие и предводитель ферганских басмачей Курширмет-бек, подарив мне экземпляр книги Мирхонда «Раудат-ас-Сафа». Возможно, не было необходимости в данных воспоминаниях заниматься перечислением названий когда-то давно приобретенных книг. Это я сделал для того, чтобы моему читателю стало ясно, как я тогда, подбирая книги в Иране, Афганистане и Индии, представлял себе будущее направление своей научной деятельности. Прошу прощения у читателя за эти излишние подробности в своем повествовании.

Мухаммед Икбал

В Бомбее все свое время я проводил в чтении произведений Мухаммеда Икбала. Как только я появился в офисе организационного комитета индийских мусульман, мне вручили труды этого поэта. В Пешаваре Мирбадалов подарил мне одну из книг Икбала, которую он написал в форме ответа на стихотворный сборник Гете «Западно-восточный диван». Немецкий поэт-философ в своей книге интерпретирует идеи восточных мыслителей. И Икбал в своем труде с большим мастерством и на высоком уровне разъясняет восточному читателю идеи таких европейских мыслителей, как Гете, Ницше, Гегель, Толстой, Карл Маркс. Икбал весь исламский мир представляет как единое целое и посвящает читателя в горестные события, происходящие в самых различных частях этого мира. Он испытывает особую теплоту по отношению к таким городам, как Бухара, Тебриз и Конья, так как толк ислама, распространившийся в Индии, основывается на учениях, выросших в этих городах. В одном из своих произведений, где Икбал восхваляет большую победу, одержанную Турцией под руководством Мустафы Кемалю над европейцами, он написал: «Мы, мусульмане всего мира, под предводительством Пророка повернули весь мир к лику Аллаха, не имея оружия в руках, сумели завоевать столько стран и народов. А ныне, имея в руках столько оружия, сами оказались в зависимости от этих народов». После этого, обращаясь к Мустафе Кемалю, пишет: «Скачи до тех пределов, пока несется твой конь! До сего времени мы обманывались мыслью, что нам следует быть осторожными, и все потеряли. Теперь вперед, настало время вернуть утраченное!»

Имея в виду, что Мустафа является именем и пророка, Икбал и к Мустафе Кемалю обращается в этом смысле и ставит его имя в один ряд с именем Джалаледдина Руми, которого считает своим самым великим наставником. Возрождения ислама ждет от Турции:

«Под ударами молний Европы мы страдали достаточно долго, но дети турков сумели пустить корни, появились и плоды. Пророк Мухаммед Мустафа, как бы ему ни мешал двуличный Абулахаб, остался совершенной, безупречной личностью. И Мустафа турков (т. е. Мустафа Кемаль) вырос совершенной личностью в борьбе против европейцев. Не измеряйте эти мои стихи индийской или персидской меркой, так как они производны от слез, пролитых мною ночами. Приходи, я предложу тебе словесное вино из сосуда шейха Руми и оно окажется чище виноградного вина».

В Бомбее я зашел в одну мечеть. К стене была прибита дощечка с надписью «Да здравствует Мустафа Кемаль!» На столиках налево от михраба лежали Коран Карим и поэма Руми «Маснави-иманави». Мусульмане Индии Мустафу Кемалю воспринимали как своего национального героя. Среди произведений Икбала были волнующие стихотворения, посвященные Туркестану. Например: «Саз¹⁷³ Тимура сломан, но мелодия его жива. И эта мелодия вновь зазвучит со сцены в Самарканде, когда будет создан другой достойный инструмент».

Икбал — индиец, но духом и культурой своей он близок к тюркам и говорит: «Я сын Индии, но свет моих очей происходит от святой земли Бухары, Кабула и Тебриза». Испытывая глубокое чувство почтения к выдающимся деятелям Бухары, правившим в Кабуле Бабуру, Хумаюну¹⁷⁴, Джahanгир-ру¹⁷⁵, шейху Файзулле Кабули, тебризским поэтам, в особенности к Шамсу Тебризи¹⁷⁶, землю этих трех городов Икбал считает «чистой землей, придавшей свет моим очам». Во главе тюрков, совершивших великий переворот и подъем в развитии культуры и философской мысли в Индии, стоял Махмуд Газневи¹⁷⁷.

Икбал считал возможным, что в Туркестане может возникнуть новая буря, но не желал, чтобы она была направлена против Джалаледдина Руми и Шамса Тебризи: «Я боюсь, что земля Самарканда может породить еще одну бурю Чингисхана, еще один потоп Хулагу. Принеси газели и бейты, равные творениям Мутриби¹⁷⁸, Шамса Тебризи, учителя самого Руми, и сожги мою жизнь на огне их поэзии». Икбал в своих стихах, представляющих тюрков как источник вечного спокойствия, как место возникновения социального пожара, наслаждается применением классических форм «написания на тюркский манер» и «тюркской красоты, сбивающей с пути святых суфи». Стихи Икбала, написанные в этой манере, без всяких усилий, невольно оставались в памяти. Поэтому

дни, проведенные в Бомбее, в моей памяти остались как «дни Икбала».

Мы в России организацию «Лига наций» представляли как авторитетную, сильную организацию для защиты прав угнетенных народов. А Икбал в своих стихах эту организацию называет местом, где «воры делят добычу погибших воинов на поле брани». Если бы удалось встретиться с ним в Лахоре, я говорил бы с ним и о проблемах Туркестана. Верю, что борьба в Туркестане не оставила бы его равнодушным. Кто знает, тогда он оживил бы в своих стихах и нашу борьбу. Но англичане не дали мне этой возможности.

Будущее взаимоотношений между Туркестаном и Индией.

Путешествие по Индии в течение пяти недель дало мне возможность взглянуть на все наши дела с иной точки зрения. Пережитое здесь послужило мне основой для выражения моих мыслей об общих задачах Туркестана и Индии в будущем. Эти

свои идеи я опубликовал в книге «Современный Туркестан и его недавнее прошлое» (668—675 стр.), изданной в 1940 году в Каире.

Обсуждая в Кабуле проблемы наших народов, мы приходили к выводу, что если сооружение новых больших каналов между реками Амударья, Сырдарья, Чу и Или позволит оросить обширные пространства в пустынях Каракум, Кызылкум и Моюнкум, и это создаст условия для поселения там миллионов людей, то Восточный Иран, Афганистан и Индия получат возможность усилить здесь свое влияние, и перед народами Средней и Южной Азии возникнет необходимость объединения их усилий, чтобы не допустить сюда миллионы славянских переселенцев. И в своей упомянутой книге по истории Туркестана я затронул эти вопросы. Сэр Олаф Кэрроу, который во время нашего пребывания в Индии был помощником наместника английского короля лорда Рединга и занимался там иностранными делами, в своей книге «Советская империя и тюрки Средней Азии» широко воспользовался моей книгой, упомянул и мои мысли о будущих взаимоотношениях между Туркестаном и Индией. Участвуя в начале 1964 года в Дели на конференции востоковедов, я узнал у приближенных Джавахарлала Неру следующее: мои мысли, отраженные в книге сэра Олафа Кэрроу, вызвали интерес у некоторых видных деятелей Индии и в том числе у самого Неру. Более того, он велел все эти мысли полностью перевести с турецкого оригинала моей книги и ознакомился с ними. Все это и послужило причиной того, что на большую речь, кото-

рую Дж. Неру произнес на этом конгрессе востоковедов, с ответным словом было поручено выступить мне. После моего ответного выступления Дж. Неру, поднявшись на сцену со своего места совместно с приближенными, пожал мне руку и сказал: «Вас мы здесь давно знаем через Ваши труды и Ваших друзей».

Мои мысли о взаимоотношениях между Индией и Туркестаном оказали воздействие и на мусульман Пакистана. Об этом я узнал в 1956 году во время торжеств вручения дипломов выпускникам Лахорского университета от профессора Мухаммеда Шафи и от главы Пакистанской республики Мирзы Искандера¹⁷⁹. В Индии стараются прочитывать всю литературу о Востоке и исламском мире, выходящую на английском языке. В 1964 году в городе Патна при встрече с интеллигентными мусульманками я обнаружил, что они также знакомы с моими мыслями по книге Олафа Кэрроу. Они предлагали мои воспоминания издать и на языке урду.

В Бомбее человек, с которым я встретился в «комитете оппозиции» мусульман, сказал мне: «Если бы Эзвер-папа добился успеха, дело обстояло бы совершенно иначе. Однако то, что он принял личное участие в освободительной борьбе Туркестана, пал там жертвой, прибавило этому движению международную значимость и стало важным событием, оказавшим глубокое воздействие на мусульман Индии». Первый и один из самых известных членов этого комитета Мавлави Баракатулла¹⁸⁰ был в Башкортостане гостем нашего правительства. Позже, после прибытия в Париж, он в своих письмах в Индию упомянул и о том, что мы положительно относимся к их освободительной борьбе. И об этом мне рассказали в Бомбее. Словом, путешествие по Индии, несмотря на свою краткосрочность и опеку англичан, в нашей душе оставило очень хорошие впечатления.

В Индии в свою записную книжку я записал значительное количество стихов местных поэтов, сочиненных на фарси. К сожалению, я записал имена не всех авторов. Здесь же мне с помощью книготорговца мирзы Мухаммеда удалось найти и приобрести книгу великого аль-Бируни об Индии, изданную на арабском языке в Европе. Не все в этой книге было тогда мне доступно, но читал я ее с удовольствием. У того же Ширази был рукописный экземпляр книги аль-Бируни «Канун Масуди», первую половину которой я успел прочитать. Великий ученый Туркестана в этом своем труде ведет речь о вращении Земли вокруг Солнца.

1 ноября в четверг в 11 часов, намереваясь из Бомбея через Аден и Суэцкий канал поехать в Бейрут, мы вышли в плавание на пароходе «Триestino» компании «Ллойд».

Команда парохода предлагала нам много итальянского вина, в изобилии была и пища. Настроение моего друга Фатхелькадира (Абделькадира Инана) приподнятое, он с большим удовольствием пил вино из круглых бутылок, заключенных в плетеные корзинки. Если бы я не попросил членов команды, чтобы они несколько умилили свое гостеприимство, пожалуй, мой друг проспал бы и Аден, и Порт-Саид, и Измир, раскрыв глаза лишь в Стамбуле.

В ходе нашего плавания, длившегося целых 27 дней, мы занимались определением планов нашей будущей научной деятельности. Меня интересовала история, а Фатхелькадира — язык и этнография. Как это было определено на совещании единомышленников в Кабуле 26—28 июня, я должен заниматься наукой. После отъезда из Бомбея я начал строить планы на будущее. Поскольку вся моя последующая 43-летняя деятельность до сегодняшнего дня посвящена претворению этого плана, мне хочется рассказать о них в своих воспоминаниях.

Мои научные интересы будут связаны с историей Средней Азии и Ближнего Востока, с политической и культурной жизнью российских мусульман как в прошлом, так и в настоящем. Однако пока совершенно неясно, где я смогу обосноваться. Поэтому мне необходимо создать библиотеку, порядок которой не должен нарушаться при частых переездах; Эта библиотека должна быть пригодна для изучения самых важных на сегодняшний день проблем. Нужно будет изготовить ящики длиной в один метр, ширина которых должна позволять помещать в них одну или две книги. Из более чем ста подобных ящиков, находящихся сейчас у меня дома, я тогда спланировал восемнадцать. Каждый ящик и каждая книга имели свое определенное место. Тогда в этом морском путешествии были у меня в руках накопившиеся 86 томов книг и множество брошюр. Для хранения научной переписки, материалов исследования понадобятся специальные ящики. В одном из них — сосредоточены письма, полученные от ученых, в других — мелкие бумаги. Библиотека и бумаги будут храниться в Стамбуле, для чего еще нужно будет найти комнату в каком-либо доме. Например, материалы, собранные в Иране и Афганистане по чагатайской литературе вместе с Абделькадиром, мы поместим в девятом отделе десятого ящика в качестве одиннадцатого тома. Получились материалы в 1206 страниц, из них 78 страниц составили систе-

матический каталог собранных материалов. Это морское путешествие из Бомбея в Стамбул позволило мне составить план своей научной деятельности, которую вот уже 43 года непрерывно претворяю в жизнь.

Культура узлов
и сундуков

Ввиду того, что я буду вынужден часто переезжать с места на место, библиотека моя также будет находиться в ящиках, готовых в любой момент следовать за мной. Этот план проистекал от впитавшейся в мой мозг кочевнической культуры. Все имущество кочевого народа готово в любое мгновение тронуться с места. Вся одежда хранится в сундуках и узлах. Книги тоже в сундуках. Узлы, сундуки погружаются в арбу, а ковры, кошмы, деревянный остов юрты приторачиваются к спине верблюда. Несмотря на то, что мои предки кочевой образ жизни оставили около ста лет тому назад, дома все наши вещи, завернутые в узлы, хранились в сундуках. И я лишь в 70-летнем возрасте начал помещать свои книги у себя дома на книжных полках. Моя 86-летняя теща, румынская ногайка из Добруджи, все свои вещи хранила в узелках и сундуках, как будто она собиралась назавтра куда-то переехать. Мои отнюдь не молодые друзья, профессор Пауль Кале¹⁸¹ из Европы и профессор Мухаммед Сафи из Пакистана, будучи в гостях у нас дома, увидев мои книги в ящиках, сами стали применять тот же способ хранения книг. Следовательно, обычаи кочевого образа жизни не стираются из памяти людей даже через многие поколения и их могут оценить и воспринять высококультурные представители других народов с иной культурой. Большие библиотеки философа Фараби¹⁸² и тюркского ученого XIV века Хисаметдина, выросшего в Сыгнаке, расположенном на берегу Сырдарьи, также хранились в узлах и сундуках.

Зебунниса¹⁸

Меня радовали книги, которые я приобрел в Мешхеде, Герате, Кабуле, Пешаваре, Бомбее, я думал про себя: «Какое счастье, какие ценные книги мне удалось приобрести». Одну книгу за другой я брал в руки и, раскрывая наугад, читал те или иные страницы. Среди них было одно печатное издание под названием «Дивани Махфи». Это было не что иное, как сборник стихов принцессы Зебуннисы, чьи творения прежний посол Афганистана в Бухаре мой незабвенный друг Абдерасул-хан неоднократно с большим волнением читал мне наизусть.

Зебунниса — известная принцесса из рода Тимуридов, правивших в Индии. Ее сложная судьба, история ее любви,

участие в исторических событиях, глубокие мысли о литературных, религиозных, мировоззренческих проблемах могли бы лечь в основу больших романов, увлекательных кинофильмов. Она — дочь **Аурангзеба**¹⁸⁴ (1618—1707), последнего великого императора из династии Бабуридов. В семь лет сумела выучить Коран наизусть. Отец определил ей в 1640 г. в качестве наставницы ученую узбечку по имени Мийабай, которая обучала принцессу фарси, арабскому языку, преподавала ей математику, астрономию. Уже в четырнадцатилетнем возрасте **Зебунниса** стала писать тафсир (толкование) Корана, как она сама понимала эту великую книгу. Как и **Гульбадан**¹⁸⁵, дочь ее предка Бабура, **Зебунниса** была поэтессой. Под влиянием **Акбар-мирзы** она стремилась сглаживать противоречия между различными религиями, старалась сблизить ислам с индуизмом. Верила, что этим путем можно будет достаточно быстро добиться принятия индийцами ислама. В этих своих мыслях она была единомышленником своего дяди (брата отца) принца Дара **Шукоха**. **Зебунниса** кроме Корана с увлечением изучала «кутубу мукаддису», индийского философа Брамнатру, Мухиддина ибн **Араби**¹⁸⁶, **Джалалетдина** Руми. В напечатанном «диване», приобретенном мною, были опубликованы стихи принцессы, написанные ею на фарси. Между тем она сочиняла и на тюрки, и на арабском. Она соревновалась с поэтом по имени **Насир Али** в поэтической импровизации. Об этих стихах-импровизациях упоминал **Абдерасул-хан**. Некоторые из них вошли в сборник стихов ее дяди Дара **Шукоха**. **Зебунниса**, как и принц Дара **Шукох**, мастерски рисовала. Говорили, что в частных коллекциях хранятся и ее рисунки. Известен один из них, где принцесса себя изобразила читающей Коран. Отец построил для нее в Дели летний дворец, назвав его «**Арши тавус**», украсив стены прекрасными рисунками дочери. Но принцессе не удовлетворяли лишь светские блага и успехи. Она каждый год на свои средства отправляла в хадж двух бедняков. Увлекалась она разведением садов и спортом. Говорят, что некий **Имами**, признанный как лучший мастер по владению саблей, неотлучно находился при ней.

Ее дед, император **Джиханшах**, хотел выдать замуж **Зебуннису** за сына Дара **Шукоха** — принца **Сулеймана Шукоха**. Но крайне фанатичный отец принцессы **Аурангзеб** не любил ни Дара **Шукоха**, ни его сына, выступил против этого брака и тем самым предопределил для своей дочери трагическую судьбу. Разумеется, желающих стать женихом **Зебуннисы** было много, но принцесса стремилась сама поговорить с претендентами на ее руку. В этом отношении она напомина-

ет дочь одного из **чингизидов** **Кайду-хана Кутулун**. Возможно, **Зебунниса** по истории знала об этой **Кутулун**, получила о ней сведения из каких-либо исторических источников. Сын правителя-сефевида **Аббас-шаха** Второго, **мирза Фарук**, прочитав стихи **Зебуннисы** и увидев ее рисунки, полюбил её, прибыл в Дели, чтобы жениться на ней. Но **Зебунниса**, при поэтическом соревновании и беседах выяснив, что ее культура превосходит уровень **мирзы Фарука**, не согласилась стать его невестой. **Мирза Фарук** вернулся в **Иран** ни с чем.

Позже из-за того, что **Зебунниса** поддерживала связь с **Дара Шукохом**, принявшим участие в политическом движении против правящего дома, отец заключил ее в крепость **Салимджар**. По существу, она снискала славу благодаря стихам, написанным во время этого заточения. После подавления восстания политических противников отец освобождает дочь из заточения. После этого принцесса живет в **Лахоре** и занимается лишь науками и искусством. Она, заболев, скончалась в 1689 году в пятидесятилетнем возрасте.

Стихи **Зебуннисы** часто читаются в религиозных обществах, в собраниях суфиев, которые приходили от ее поэзии в сильное волнение. Ее следующие стихи, напечатанные в приобретенной мною книге, мне очень понравились: «По внешнему облику я — **Лейла**, а по внутреннему духу — **Меджнун**. Но цепи приличий опутали мои ноги, и они погружены в песок **обычаев**». «Ты носишь корону в мире прекрасного, самые красивые мира сего желали бы поцеловать твои ноги. Но ты предотврати пролития крови невинных рядом с собой, не подливай масла в огонь **ада**».

Зебунниса любила и танцы и написала на эту тему следующее: «Танцуй перед близкими и незнакомыми, но помни, чтобы в огне вдохновенного танца сама не оказалась в плену любви к мужчинам. Пусть сосуд, наполненный твоей любовью, не окажется неполным, но и среди опьяневших от любви к тебе трезво продолжай свой танец».

Зебунниса хорошо знала, что во дворцах тюркских правителей в комнатах, где проводились различные торжественные встречи и приемы, супруги правителей могли появиться с открытым лицом, но этот обычай имел свои тонкости, и писала: «Свой прекрасный лик раскрывай согласно царственным обычаям. Подданных своих, пришедших к тебе за справедливостью, обрадуй хотя бы своей приветливостью».

Зебунниса очень любила и **Пророка**, и самой большой ее мечтой было паломничество в **Кабу**. Но участь принцессы в том, что она не может делать многое из того, что ей хочется. Речь, сочиненная ею с обращением к **Пророку**, прекрасна...

Мой друг Абделькадир спит, я же долго вчитываюсь в прекрасные тексты принцессы Зебуннисы и засыпаю в тумане исторических грез.

Родина Пророка
Хиджаз¹⁸⁷

7 ноября в четверг утром мы должны доплыть до берега Хадрамаута. Я рано встал, в нижней палубе арабские рабочие, возвращающиеся из Бомбея на родину, играли в карты. Я проснулся, услышав, как один из них прекрасным голосом выразительно читал аяты Корана. Это была знакомая мне с детства касида аль-Бусири¹⁸⁸: «Эй, исламское сообщество! К нашей радости, благодаря милости Аллаха, мы опираемся на религию, подобную несокрушимой мраморной колонне. Каждый из нас, благодаря благословию Пророка, который был заботливым отцом и верным супругом, не оставит ни детей сиротами, ни жен вдовами». Эти слова еще несколько арабов повторили звучными голосами. Их верность исламу и вера в Пророка была искренней и безграничной. Значительная часть тюрков, с XVI в. оказавшихся в зависимости от русских, основываясь на исламе, сохраняют свое национальное существование. Что же с ними будет дальше? И Зебунниса в своих стихах о династии бабуридов написала: «Мы должны благодарить Пророка за то, что, не затерявшись среди язычников Индии, продолжаем существовать как правящая династия». Теперь мы приближаемся к родине нашего Пророка. В XVII веке паломники, прибывающие через Индию в Хиджаз, с появлением на горизонте Хадрамаутских гор начинали произносить такбир. И я поступил также. Суровые события, пережитые нами за последние годы, протекали перед моим мысленным взором. Душа переполнялась чувством тоски и неизвестности, я встал на намаз. Мы привыкли всю жизнь творить намаз, обращаясь лицом к югу, а теперь для нас кибла на севере. Это мне показалось весьма непривычным и удивительным.

После намаза, сотворенного на палубе вместе с арабами, я записал в своей книжке «стихи» следующего содержания: «Много мы молились Аллаху, отбивая поклоны на юг. Теперь мы молимся, глядя на север. О, Аллах, безмерны страдания, выпавшие на долю моей Родины. Кончатся ли они без твоей помощи?»

Абделькадир все еще спит. Когда пароход приблизился к Адену, я разбудил и его. Мы приближаемся к родине Вейсуля Карани — к Йемену. Этот поэт был современником Мухаммеда и глубоко верил, что он — истинный Пророк. Он испытывал горе от того, что не имел возможности встретиться с

ним. Стихи Вейсуля Карани об этом я в детстве часто слышал от дервишей на базарных площадях. Некоторые из них сохранились в памяти. Оказывается, Абделькадир их запомнил еще лучше.

Когда пароход достиг причала порта, я пожелал ступить на родную землю Вейсуля Карани. Это — международный порт, тем не менее английский полицейский не позволил мне ступить на причал. У одного араба, служащего на том же полицейском участке, я спросил: «На какой стороне Йемена находится родное селение Вейсуля Карани?» Но араб не знал этого.

Величие Пророка, не умевшего ни читать, ни писать, не основывалось на чудесах. Он, будучи самым обычным человеком, стал мудрым искателем наиболее правильного нравственного пути для человечества. Он верил своей победе в предпринимаемых войнах, но не занимался при этом бессмысленными гаданиями. Когда проповедуемая им религия в Медине стала государственной, он приказал: «Если идолопоклонники будут убивать вас, убивайте и вы их» (11, 491, 9.5, IX, 88.90, IX). В то же время он ведет речь о том, что общество, до конца верное исламу, должно всегда стремиться к добру, и говорит: «В религии нет принуждения» (256 11). Учит также: «Вам — ваша вера, а у меня — моя собственная» (6 СІХ). То, что эти мысли истинно гениального Пророка не противоречат друг другу, наиболее глубоко понимали потомок чингизидов Олджайту¹⁸⁹ и султан Селим Явуз¹⁹⁰. По мнению Олджайту, повеление Пророка «убейте всех идолопоклонников», «режьте их везде, где встретите» может быть дано во время войны государственным мужем, стоящим во главе войск, а вот слова того же Пророка «живите мирно с иноверцем, религия не может быть дурной» относится к мирному времени. И казахи, и киргизы о своем батыре Исете говорят:

Если война, гарцует на коне славный Исет,
Если мир, у очага готовит впрок курут твой Исет.

Ислам — религия, очень близкая и дорогая тюркам. Величие Пророка Мухаммеда мы ясно видим в мусульманской морали и политике. Положительные свойства, которым он учил: вера в единого Аллаха, верность данному слову, смелость, преданность, любовь к порядку и чувство меры во всем, человечность. И наоборот, Пророк на многих конкретных примерах старается объяснить, к каким плачевным результатам приводят многобожие и язычество, лживость, пре-

дательство, неискренность, трусость, незнание меры, неуместная ярость, двуличие. В Туркестане во времена караханидов, чагатаидов, чингизидов, **тимуридов** и узбекских ханов «**Касида**» Бусири и рассказы о хазрете Али многократно переводились, издавались и заучивались наизусть. Это свидетельствует о том, что религия ислама глубоко созвучна духу тюрков. Они хорошо понимали, что после преодоления собственных внутренних противоречий смогут осуществить идею создания мирового государства, что после победы над династией Сасанидов наступит черед Византии. Сумели выдвинуть из своей среды такие выдающиеся личности, как четыре **халифа**¹⁹¹, а также Муавию¹⁹², Абдаррахмана бин **Ауфа**¹⁹³, Абузара Гифари¹⁹⁴, **Халида** ибн **Валида**¹⁹⁵.

Тюркам, известным в истории своей активностью, ислам всегда был самой лучшей опорой. После попыток следовать некоторым другим вероисповеданиям большинство тюрков укрепились в своей приверженности исламу. Я верю, что и в будущем тюркские народы свое существование смогут сохранить, опираясь на мусульманскую веру. Пока наш пароход плыл от берегов Йемена до Суэцкого канала, я вспоминал все то, что мною было прочитано о нашем Пророке. Мы достигли Джидды, в моей душе крепло желание однажды **вернуться** сюда, совершить паломничество в священную Каабу и посетить могилу Пророка.

В Порт-Саиде мы три дня сидели в гостинице. Хотелось посетить Египет, но денег у нас уже не было. Кроме того, начал создавать проблему и наш бухарский паспорт.

Берега Средиземноморья

Прибыв в Бейрут, мы вышли в город. Увидев, что система образования и науки в основном находится под влиянием христианского миссионерства, я был рад тому, что мои попытки в **1908—1909** годы приехать сюда учиться в колледже окончились неудачей. Тем не менее я поинтересовался этими **американскими колледжами**, куда стремился пятнадцать лет тому назад, просмотрел их учебные программы, а затем направился в книжные магазины. Приобрел книги по истории на арабском языке, в том числе труды таких арабских ученых, как Шакиб Арслан аль-Амир, Мухаммед Али **Курд**¹⁹⁶ и исследования о современном состоянии исламских наук. Некоторые из этих книг я видел еще в Индии. 24 ноября, прибыв в Измир, мы встретились с зятем Энвер-паши Халил-пашой и с командиром нашего второго башкирского кавалерийского полка Исмагилом Шариповым. Он был одним из наших лучших офицеров, я его особенно высоко ценил. Некоторые из этих офицеров после нашего перехода на сторону

красных, не поверив большевикам, пожелали остаться на стороне белых русских. Вместе с другими нашими офицерами — Шагибеком **Узбековым** и Рашидом Хусаиновым — Исмагил после расставания с нами был в составе войск Деникина. Шагибек, тяжело раненый, умер в госпитале в Крыму. Рашид поселился в Стамбуле.

По желанию одного из приближенных Мустафы Кемалю — Режеп Пекера — Исмагил написал подробный рапорт о национальном движении в Башкортостане и о башкирских национальных войсках. Один экземпляр своего рапорта он вручил и мне. В этих своих воспоминаниях я широко пользовался его рапортом.

Рашид Хусаинов, оказывается, проявляет по отношению ко мне крайнюю враждебность. Исмагил рассказал мне, что он при каждом удобном случае ругает меня социалистом и врагом ислама. Рашид — один из сыновей татарского миллионера Гани-бая Хусаинова из Оренбурга. Сыновья миллионера стали офицерами в царской армии, Исмагил вместе с братом Абдрахманом примкнул к башкирским войскам, оба питали надежду, что с помощью башкирских войск **смогут** вновь обрести свои миллионы, конфискованные **большевиками**. Действительно, какую-то часть имущества они смогли вернуть, но видя, что мы становимся на путь социализма, Рашид превратился в нашего ярого врага, остался на стороне белых. А Абдрахман, когда мы в марте 1919 года достигли мира с Советами, оторвался от наших войск и сам явился в командование Первой красной армии, но его тут же арестовали. Об отдельных наших людях, попавших в руки красных, их командование не давало нам никаких сведений. И о дальнейшей судьбе Абдрахмана Хусаинова мы ничего не смогли узнать.

Одним из членов этой богатой семьи Хусаиновых был также имам — миллионер Вали. Он был монархистом и лютым врагом любых новшеств, многие годы в Оренбурге издавал журнал крайне реакционного направления «**Дин ва магишат**» («**Религия и жизнь**»). Словом, эти Хусаиновы были одними из татарских миллионеров, живших в Башкортостане. Однако отец упомянутых офицеров Гани-бай придерживался передовых идей своего времени.

Через три дня мы прибыли в Стамбул, но портовая полиция из-за отсутствия виз на паспортах нас на берег непустила. В августе, когда мы были в Кабуле, Стамбул еще не был освобожден. Полагая, что по визе, выданной послом Анкарского правительства в Кабуле, оккупационные власти Ан-

танты нам не позволят посетить Стамбул, мы не стали оформлять турецкую визу.

В Стамбульском порту Халил-паша из Измира сообщил Мухитдин-бею, помощнику Энвер-паши, вернувшемуся в Турцию через Кабул, о нашем прибытии в Стамбул. Мухитдин-бей нас встретил на пристани и, узнав, что у нас нет виз, сказал о необходимости лично обратиться с просьбой в Анкару за разрешением посетить Стамбул. Он принес с собой собственные статьи об освободительной борьбе в Туркестане, опубликованные на днях в Стамбуле в газете «Вақыт» («Время»). Мы направили в Анкару в Министерство иностранных дел Турции заявление с просьбой разрешить нам несколько дней побыть в Стамбуле, а Юсуфу Акчуре, Ахмету Агаоглы, Зие Гёкалпу написали письма, сообщив о том, что направляемся во Францию, но на несколько дней хотели бы задержаться в Стамбуле. Нам изрядно надоело грубое обращение портового полицейского, и я, не испросив у него разрешения, вышел в город, пришел в управление вилайета и встретился со служащим по иностранным делам доктором Аднаном Адываром, попросил у него разрешения несколько дней оставаться в Стамбуле. Аднан-бей сказал: «Это дело в компетенции Анкары, видимо, у пограничных служб возникли вопросы в связи с тем, что у вас нет виз нашего посла в Кабуле. Вам следует вернуться на пароход», — и сам вместе с нами пошел к руководителю органа безопасности.

Нас на пароходе посетили министр финансов правительства Бухары Назир магзум Хакимов и казах Аит Мухаммед, прибывшие в Стамбул раньше нас. Свои сундуки с книгами я вручил Назир магзуму и попросил его заказать ящики задуманной мною формы, а Аита Мухаммеда попросили приклеить к каждой книге этикетку и составить каталог собранных книг. Все книги, которые у меня накапливались в Европе в течение полугодового нашего пребывания, я отсылал в Стамбул к Назиру магзуму, Аит Мухаммед хранил их в полном порядке в специально изготовленных ящиках. Прибыв летом 1925 года в Стамбул и обнаружив, что обладаю библиотекой, собранной в одиннадцати ящиках, я испытал большую радость.

В Стамбульском порту мы томились целых четыре дня. Крайне огорчившись, что из Анкары ответа на нашу просьбу не поступает, решили направиться во Францию и сели на пароход, плывущий в Измир.

В Измире мы несколько дней были гостями Халил-паши. Вместе с ним были близкие Энвер-паше люди — Шукру-бей

Енибахчели, доктор Али Хайдар-бей (ныне живущий в Бурсе доктор Хайдар Онер) и некоторые другие. Паша устроил для нас богатое застолье, вспоминал о наших встречах в Москве и о нашей совместной борьбе в Туркестане. В эти дни из Анкары поступило нам разрешение побывать в Стамбуле, но мы успели уже получить визу в консульстве Франции, сев на пароход, направились в Марсель и 20 декабря вступили на французскую землю. У нас был один очень дорогой бухарский ковер. Французская таможня потребовала за него непосильную для нашего кармана пошлину и мы вынуждены были его продать за бесценок капитану корабля. Он очень интересовался восточной культурой и искусством. Я с собой носил и башкирскую флейту (курай), иногда играл на ней в каюте. Капитан, несмотря на то, что я в этом деле отнюдь не был мастером, слушал с удовольствием. Когда он увидел, что у меня этих кураев две штуки, один из них попросил продать ему. Подарок очень обрадовал его.

ВОСЕМНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В ЕВРОПЕ

Париж и
Махмуд Тарзи

Еще будучи в Измире, мы записали адрес гостиницы одного еврея из Туркестана, расположенной на одной из улиц **Сен-Жермена**. Там и устроились. В Марселе я приобрел план-карту Парижа. Несмотря на сильную простуду я вместе с **Абделькадиром** на трамваях, автобусах объездил самые знаменитые места города. До этого мне приходилось много читать о Париже в книгах и видеть в кино. Но тем не менее Елисейский дворец своей красотой и величием оказал на меня неизгладимое впечатление.

Вечером я лег, выпив лекарство. Ночью сильно вспотел, а наутро встал, совершенно выздоровев. Когда я брился, жена еврея спросила у мужа по русски: «Не пойму, пролил ли этот человек воду в постель или описался?» Муж ответил: «Сей азиат намочил постель, сильно вспотев, но от ночной болезни у него не осталось и следа, **браво!**»

22 декабря мы отправились в посольство Афганистана. Видный писатель и мыслитель, посол Афганистана во Франции Махмуд-бек Тарзи¹⁹⁷ встретил нас с распростертыми объятиями, так как через посла Афганистана в Бухаре Абдера-сул-хана мы переписывались с ним и заочно были знакомы. Он сказал нам: «Перемените платья, ходите хорошо одетыми,— и велел принести мне другой костюм.— Этот костюм приказал сшить для меня Инаятулла-хан (т. е. предшественник **Амануллы-хана**) в связи со свадьбой, но костюм оказался коротковат, и я его не одевал». Я рассказал послу, что из-за моего неглаженного и немодного одеяния жена хозяина гостиницы назвала меня «азиатом». Посмеялись. Когда Махмуд-бек Тарзи в 1928 году приехал в Стамбул, мы вместе с ним перед гостиницей «Тарабья» совершили прогулку по морю на пароходе. Тогда он вспомнил нашу встречу в Париже и пошутил: «В Вашем нынешнем костюме никто не станет Вас обзывать **азиатом**».

Действительно, когда мы прибыли в Париж, наша одежда иранского покроя была весьма неприглядной.

Газету «Сираж уль Ахбар», издаваемую Махмуд-беком Тарзи в Кабуле, я читал еще в 1913—1914 годы. Ввиду того,

что он был в родственных отношениях с Инаятулла и Аманулла ханами, его влияние в Афганистане было очень значительным. Он пригласил меня отобедать, проявил недовольство тем, что в Индии в Лахоре английские власти не разрешили нам встретиться с Мухаммедом Икбалом, а в Бомбее — с Мухаммедом и Шевкатом Али. Он нас порадовал тем, что обещал взять на себя наши расходы по пребыванию в Париже, покупке книг и сказал, что поможет нам отправиться в Германию.

Внук последнего
правителя
Ферганы

Исламбек Худоярханов, внук последнего правителя Ферганы **Худояр-хана**, в афганском посольстве служил в качестве секретаря. Он знал, что я был хорошо знаком с его отцом Мухаммедом Амином и гостил у них дома в 1913 году в Ташкенте, поэтому при встрече сказал: «Увидев Вас, я ощутил себя так, как будто встретился с отцом»,— и старался оказать мне всяческое внимание. Он оказал нам содействие в получении «паспорта без подданства», обратившись в «Лигу наций», помог в получении визы на въезд в Германию и в некоторых других делах. Когда посол сказал: «Разве Афганистан не может быть вашей родиной? Зачем вы берете паспорт без подданства? Мы вам дадим наш паспорт»,— Исламбек Худоярханов ответил ему: «Им «паспорт без подданства» более удобен для ведения политической деятельности в интересах Туркестана». Он и сам желал бы принять активное участие в политической борьбе за самостоятельность Туркестана, но то, что он в посольстве Афганистана занимал официальную должность, не позволяло ему открыто вести работу в интересах своей родины.

Мустафа
Чокаев

Из посольства вместе с **Абделькадиром** мы пошли к Мустафе Чокаеву. Между Исламбеком и Чокаевым особой близости не было, тем не менее он вызвался помочь нам найти дом Мустафы Чокаева, поселившегося где-то на окраине города, называемого Ножане **сюр** Марн. Я вспомнил, что читал о Ножане. Башкирские полки, вошедшие в Париж в 1812 году, были дислоцированы именно здесь. Еще на родине я прочитал письмо войскового имама, написавшего в то далекое время в Башкортостане о Париже и Ножане.

С **Мустафой** я познакомился в 1913 году во время своего путешествия в Фергану. В то время он учился в Ташкенте в гимназии. Встречались мы с ним и в Петербурге, когда он уже учился в университете. Его отец — казах кипчакского рода из Сырдарьи, на службе у **Кокандского** правителя до-

стиг звания «**дадхон**», а после вторжения русских войск он стал служить у генерала **Перовского**¹⁹⁸, выучил русский язык, стал переводчиком. Это была семья, во времена самостоятельного Коканда близкая к знатым узбекам, а после сблизившаяся с русскими дворянами. Сами они оставались верными идеям самостоятельного Коканда, в их исторической памяти период независимого существования еще не стерся.

В 1916 году в работе думской фракции Мустафа принимал участие в качестве представителя Сырдарьи, а я — Уфимской губернии. Несмотря на его принадлежность к кадетской партии, мы были вместе. После революции 1917 года он присоединился к движению за самостоятельность Коканда. Когда в начале 1918 года Коканд был захвачен Советами, Мустафа бежал в Ташкент и там скрывался в доме одного офицера, также состоявшего в кадетской партии, позже вместе с женой по **Тургайской** дороге приехал в Юрматы, в наш дом, а затем прибыл в Оренбург.

Теперь мы сами оказались у него в гостях. Мы были хорошо знакомы и с его женой Марией Яковлевной, которая некоторое время оставалась в Темясово. Они в один голос говорили: «Сначала надо было прибыть к нам, лишь затем отправляться к **афганцам**». С Мустафой мы целых три дня вели беседы о наших будущих делах. Он находился в очень стесненном материальном положении, жил только за счет гонораров от статей, публикуемых в газетах, издаваемых Милюковым и Керенским. Перед отъездом в Германию мы часть одежды оставили у него. Он был вынужден и ее продать какому-то музею.

С И **Садри** Максуди бей жил в этом же **Но-**
Максуди-бей¹⁹⁹ **жан** недалеко от Мустафы. 24-го числа мы
с **Абделькадиром** направились к нему. Его
супруга **Камила-ханым**, дочери **Адила** и **Наиля**, занимаю-
щие ныне высокое положение в высших кругах турецкого об-
щества, а в то время учащиеся школы, были дома. **Камила-**
ханым здравствует и ныне и вместе с детьми и близкими жи-
вет в Турции. Чтобы угостить нас, она принялась готовить
наши национальные блюда. Мы оживленно вспоминали на-
шу жизнь и дела в России. Они сюда прибыли через Петро-
град и Гельсинфорс. Ввиду того, что **Садри-бей** состоял в ка-
детской партии, они получали некоторую материальную по-
мощь. **Камила-ханым** отнюдь не забыла, как мы в **России**
дискутировали с **Садри-беем** и встретила нас словами: «**Вози-**
лись, возились. Но от одной возни толку мало. Русские вам
не игрушки, Садри старше вас и лучше это понимает и поэто-

му не встал на ваш путь. И вот теперь вы сами к нему при-
шли». Через некоторое время вернулся и сам **Садри-бей**. Он
не стал вспоминать старые споры и разногласия, а начал рас-
спрашивать о состоянии дел в **России** и **Туркестане**, мы его
интересовали как свежий источник информации. За ужином
Садри-бей сказал, что с **Топчибашевым** следует посоветовать-
ся о том, что всем нам предстоит делать в Европе. Мы и сами
желали того же.

Алимардан
Топчибаши

26 декабря, предварительно позвонив по телефону **Алимардан-бею**, жившему на окраине города в **Сен-Клу**, мы направились к нему домой. В больших городах Европы, если на руках имеешь хороший план или карту, искомый дом по адресу найти достаточно легко, нет надобности терять массу времени на расспросы, как это приходится делать в восточных городах.

Близкий нашему сердцу **Алимардан-бей** встретил нас у ворот дома, где он жил. Обнялись, приветствуя друг друга. Мы испытывали близость друг к другу, так как в Москве на Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 года и на Государственном Совещании, созванном чуть позже также в Москве, защищали с ним одни и те же идеи. **Алимардан-бей** я почитал как родного отца, а его уважаемую супругу — как собственную мать. Две его дочери, сын **Алиакбер**, которого я знал еще по Петербургу, где он в то время учился, были также дома. Жизнь самого **Алимардан-бея**, сыгравшего столь значительную роль в освободительной борьбе российских мусульман, судьбу его отца, профессора фарси Петербургского университета **мирзы Джафара Топчибаши**²⁰⁰, всю историю их рода **Борчалы** я знал очень хорошо. Поэтому их прошлое мне было известно доподлинно, и наши беседы были приятны и душевны как общение людей, принадлежащих к одной дружной семье. Дом, в котором они поселились, находился рядом с полотном железной дороги, и стены его сотрясал каждый проходивший поезд. Но беседа наша была столь искренней и серьезной, что мы не обращали ни малейшего внимания на эту помеху.

Алимардан-бей сказал: «Я уже стар, боюсь, что родину мне уже не суждено увидеть. Дела российских мусульман я вынужден буду оставить **Амину Расулзаде** и тебе», — и его глаза наполнились слезами. Мы рассказали **Алимардан-бею** о **планируемых** нами делах в Европе. Когда я сказал, что хочу воспользоваться пребыванием здесь больше всего для занятий науками, он сказал: «Вы еще очень молоды, наука от вас не уйдет, прибыли из самого мощного центра **тюрк-**

ского и исламского мира **после** трудной борьбы, вначале позаботьтесь об этих делах. Посоветуйтесь с грузинами и украинцами. А с Максудовым я поговорю **сам**».

28 декабря в доме **Мустафы-бея** я встретился с лезгином-мусульманином по имени Исрафил, юристом, окончившим также факультет восточных языков Петербургского университета. Он приехал из Стамбула, и у него жена оказалась русской, безмерно преданной кадетской партии. Этот круг кадетов оставил у меня очень тягостное впечатление. Оказывается, Милюков устраивал конференцию, вечером мы пошли туда. Милюков как будто бы знает обо мне понаслышке. Зал был переполнен, все места заняты. Мустафе и мне Милюков предложил встать по обе стороны трибуны, за которой сам будет держать речь. То есть мы должны торчать как две свечи по бокам «алтаря» в церкви рядом со священником. Я проходить к трибуне не стал, Мустафа встал рядом с докладчиком. Милюков, произнося свою речь, то и дело указывал жестом на него, рассуждал, применяя выражение «наши инородцы». После окончания конференции я сказал Мустафе в дружеском тоне, полусерьезно-полушутливо: «Как ты можешь позволять Милюкову называть себя «инородцем»? Ты — сын знатного рода Туркестана и хозяин своей страны. Русские даже в Туркестане называют нас «инородцами». Здесь как представитель Туркестана ты не должен позволять русским командовать над собой».

С **Садри-беём** мы вновь встретились 20—22 января у него дома. 24-го января у него же собрались **Алимардан-бей**, его сын **Алиакбер**, Мустафа Чокаев, **Абделькадир** и я, долго беседовали. Алимардан-бей предложил начать издавать политический журнал. На что **Садри-бей** посоветовал: «Напишите обращение в Лигу наций. В этом обращении разъясните требования Средней Азии к исламскому миру, русским эмигрантам, **Европе**». В тот же день в доме Мустафы мы весь вечер проговорили с сыном офицера царской армии, **туркмена** по происхождению **Хан-Йомудского** — Николаем Николаевичем Хан-Йомудским. И он оказался членом кадетской партии. **Хан-Йомудский**, несмотря на то, что стал христианином, оставался туркменским националистом. Его отца, осиротевшего в младенчестве, увез один из русских генералов и воспитал христианином. Но мальчик не забыл своего происхождения, он сам мне рассказал о том, что каждый раз, **видя** свое отражение в зеркале, вспоминал, кто он в **действительности**. Я был знаком с ним еще в 1913 году, несколько раз встречались потом в Ташкенте и Петербурге.

Связи
с политическими
организациями
русских
эмигрантов

В первой половине января мы несколько раз встречались с одним из лидеров украинцев **Шульгиным**²⁰¹ и грузинским лидером **Рамишвили**²⁰². Однажды Рамишвили пригласил меня на ужин, где присутствовали лишь грузины и другие его кавказские единомышленники. Очень долго беседовали о многих наших эмигрантских проблемах. Возможно, в Париже это был самый искренний, открытый и полезный разговор. Всех их интересовал вопрос о том, как долго продержится в Средней Азии басмаческое движение, существует ли там возможность еще раз поднять крупномасштабное восстание. Я со всей откровенностью объяснил им положение дел и сказал, что если **туркестанцы** будут продолжать борьбу в виде разрозненных басмаческих групп, они вскоре будут разгромлены. Туркестанское национальное объединение было того же мнения. На эту беседу, состоявшуюся 12 января, **Алимардан** Топчибаши почему-то не был приглашен, чему он очень рассердился. Мы вместе с грузинскими друзьями посетили его и еще раз обсудили все наши проблемы.

Французские
ученые

Одновременно я вступил в связь с Парижскими учеными-востоковедами. Несколько раз встречался с **Полем Пеллио**²⁰³, который когда-то вел археологические раскопки в Восточном Туркестане. Однажды он пригласил меня на обед. Супруга у него была русская, он и сам хорошо владел русским языком. Подарил мне свои книги и познакомил с английским археологом сэром **Аурелом** Стейном²⁰⁴, который в это время находился в Париже. С обоими учеными я сохранил дружеские отношения до самой их кончины. Позже, когда я учился в Венском университете, сэр **Аурел** Стейн специально приехал в Вену, чтобы встретиться со мной, другой раз останавливался в Вене проездом в Индию, постоянно интересовался моим материальным положением и оказывал помощь. Будучи по происхождению венгерским евреем, он принял христианство. Из всех встреченных мною в жизни людей он был, пожалуй, одним из самых добрых и деликатных. В своей библиотеке я бережно храню большое количество полученных от него писем. В Сринагаре у него был дом и богатая библиотека. Он предложил мне поселиться и работать в этом доме, считал, что у меня будет возможность заниматься там и политическими проблемами Средней Азии. Мне показалось, что его предложения были искренними и серьезными. Аурел Стейн повторил эти свои предложения и позже, когда я учился в Венском университете. В 1932 году на историческом научном конгрессе в Анкаре между мною и приближенными **Ататюрка** возник спор о причинах широкого расселения тюрков по

миру и мне пришлось переехать из Турции в Европу. Тогда Аурел Стейн сказал мне: «Если бы переехали в Сринагар, Вам не пришлось бы пережить всего **этого**».

Познакомился я и с Габриэлем Ферраном²⁰⁵. Этот человек был губернатором во Французской Индии, знал арабский и фарси, занимался переводом арабских книг по географии на французский язык. Он пригласил меня к себе домой в гости, предложил одну за другой опубликовать книги Ибн Фадлана, Ибн Факиха и Абу-Дулафа, найденные мною в Мешхеде.

С иранистом профессором Готью²⁰⁶ мы говорили о текстах на старом хорезмийском языке, обнаруженных мною в Герате. Он попросил меня предоставить ему экземпляр этого источника, но я все свои записи, сделанные в Герате, оставил в Стамбуле. Профессор И. Дени пожелал сотрудничать со мною в изучении наследия Махмуда Кашгари. Словом, если бы я принял предложение Пеллио, Феррана, Готью и Дени, передо мной открылась бы возможность войти в круг французских ориенталистов. Но я, поблагодарив их, объяснил, что пока вынужден больше заниматься политическими делами, но в будущем хотел бы продолжить обсуждение этих предложений.

Здесь мне предоставилась также возможность общаться с ученым Э. Блоше²⁰⁷, ведавшим Восточным отделением Парижской Национальной библиотеки. Монсеньор Дени пригласил меня в свой дом, расположенный неподалеку от Пантеона, где похоронен и Наполеон. «Попробуйте французские вина», — сказал он и открыл разные бутылки. Показал Пантеон. Говорили мы с ним в основном о Махмуде Кашгари. Он родился и учился в России, и потому русским языком владел в совершенстве. Наша дружба длилась до самой его смерти. Скончался он в 1961 году.

И француз Жозеф Кастанье, живший в России, также оказался в Париже. С ним я познакомился еще в Ташкенте. Он преподавал в гимназиях в Оренбурге и Ташкенте, опубликовал труды по археологии Казахстана. Одну из его книг по степной археологии, изданную в России, и я в свое время прочитывал многократно. Она была издана как на русском, так и на французском языке, поэтому было очень полезно ее читать с целью изучения языка. Он интересовался историей башкир и казахов, ныне во Франции писал статьи о Туркестане для изданий, освещающих события в исламском мире, в Европе успел опубликовать даже одну книгу о басмаческом движении. Во мне он видел живой источник сведений о Туркестане и при каждой встрече стремился воспользоваться этим и подробно расспрашивая меня.

Здесь я встретил также азербайджанского социал-демократа Шейхулислама Акбера и эсера Аббаскули Атамалибе-

кова, инженера по профессии. Они, как социалисты, были в стороне от Алимардан-бея и мне предложили присоединиться к социалистическому направлению в эмигрантском движении. Я сказал, что еще не успел ознакомиться с эмигрантскими движениями и группами и поэтому не желаю пока к кому-либо присоединяться, а что касается нашей родины, то там после освобождения от русского гнета самостоятельные партии будут ставить своей целью достижение социализма.

Русские ученые Минорский и Бруцкус также находились здесь. Минорского я знал еще по России. Супруга у него была дочерью профессора-тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова²⁰⁸, хорошо знакомого мне по Петербургу. Поэтому они ко мне относились как к хорошо известному им человеку. Впоследствии Минорский занимался широкой научной деятельностью в Лондоне и Кембридже. Большой ученый и вместе с тем непреклонный русский националист. А Бруцкус — специалист из числа евреев, занимался историей хазар.

Однако в Париже я больше всего встречался и пользовался помощью иранского ученого мирзы Мухаммедхана Казвини. Он исследовал преимущественно источники по истории Чингисхана и его потомков. В доме Казвини я многократно встречался с будущим главой правительства Ирана Мухаммедом Фуруги и с руководителем Лондонского учебного заведения по преподаванию восточных языков сэром Денисом Россом. Общались на фарси, так как я еще не знал английского языка. Они познакомили меня со многими европейскими учеными-ориенталистами. Все трое до конца жизни оставались моими самыми близкими друзьями и всегда, когда я испытывал острую материальную нужду, они спешили мне на помощь. Сэр Денисон Росс пригласил меня в Лондон для опубликования книги Ибн аль-Факиха по географии, обнаруженной мною в Мешхеде. Они по этому поводу поговорили и с преподавателем фарси Кембриджского университета профессором Э. Брауном²⁰⁹, который также прислал приглашение работать в Англии. Профессор Браун написал мне также письмо с предложением поработать в Англии над книгами на фарси и тюркском языках, привезенными сэром Аурелом Стейном из Восточного Туркестана. Короче, и в Париже, и в Лондоне путь для дальнейшей научной деятельности был открыт. Все эти знакомства и контакты образовались с головокружительной быстротой за семь недель.

22 января 1924 года один из лидеров русской эсеровской партии Майер пригласил меня в ресторан. Приглашение было сделано раньше, но именно в день встречи скончался Ленин. Собравшиеся в ресторане спросили меня, что же про-

изойдет дальше, кто **окажется** во главе правительства? Я, ничуть не сомневаясь, сказал: «Во главе правительства окажется Рыков, но верховенство позже возьмет Сталин, сосредоточивший в руках партии государственные дела, и он будет соперничать с **Троцким**». Здесь же присутствовали два человека, занимавшиеся изданием журнала социал-демократов. Они оба мое мнение о Рыкове сочли **ошибочным**. После нескольких дней, когда стало известно о назначении Рыкова главой правительства, они спросили: «Откуда Вы узнали, что во главе правительства окажется Рыков? Ведь у Ленина есть более близкие **товарищи!**» «**Это** всего лишь результат предположений и интуиции. Я оторвался от России всего **десять** месяцев тому назад, мои воспоминания еще свежи. Не удивительно, что эмигрировавшие два-три года назад могут и ошибиться. Через некоторое время и меня ожидает то же **самое**», — ответил я.

Французского языка я не знал, но тем не менее старался принимать участие в заседаниях — Азиатского и Географического обществ Франции. В конце января наш соотечественник **Садри Максуди** сделал доклад на заседании Азиатского общества об огузах и уйгурах. Очень уважаемый мною Садри-бей на эту конференцию пришел как на бал, в смокинге. Из левого нагрудного кармана высовывался кончик белоснежного носового платка, таким же белым платком он непрерывно вытирал лицо, заметно волновался и потел. Он ощущал себя как человек, оказавшийся перед экзаменационной комиссией. А все остальные пришли в своих повседневных костюмах. После доклада **Садри-бея** из числа собравшихся выступил монсеньер Дени и сказал, что исследование изменений звуков **Р—В** в тюркских языках было произведено еще сто лет тому назад, то есть выразил мысль о том, что данная конференция не внесла в науку чего-либо нового. Тем не менее я был горд, что наш соотечественник сделал доклад в столь авторитетном Азиатском научном обществе. После конференции **Садри-бей** пригласил меня в ресторан, где я имел возможность от души его поздравить. Известие о том, что Садри-бей стал профессором Сорбонны, было воспринято татарами как радостное событие. 22 января я направился в университет слушать его лекцию. Слушателей вместе со мною было семь человек. Его занятия были внесены не в основную программу Сорбонны, а включены в программу курса славистики русских эмигрантов. 8 февраля в том же Азиатском обществе состоялось и мое выступление на тему «**Новые рукописные произведения, обнаруженные в Мешхеде и Кабуле**», которое я подготовил на русском языке. Профессор Дени прочитал его, переводя на французский язык. В своем

выступлении я рассказал о путевых заметках **Ибн Фадлана**, тысячу лет тому назад совершившего путешествие к булгарам через Бухару и Хорезм; о **труде**, где повествуется история города Герата, о поселении Тимуром переселенцев вдоль каналов, выведенных из Зеравшана, об обнаруженных в Кабуле миниатюрах, о рукописях Шуара на фарси, которые до сих пор оставались не известными исследователям. После окончания выступления монсеньер Ферран, Пеллио, Карра де **Во**²¹⁰, Блоше, Бенвенист²¹¹, **Бове** и другие ученые один за другим задали мне много вопросов. Дени выполнял роль переводчика. Разговор в общей сложности длился полтора часа. Мистер Ферран сказал: «Мы утомили коллегу вопросами, в дальнейшем каждый из вас будет иметь возможность беседовать с ним по **отдельности**». Собравшиеся дружно заплотировали. После опубликования в журнале «Азиатик» краткого содержания этого моего выступления состоялось мое фактическое вхождение в круг ученых востоковедов.

Со своим другом **Абделькадиром** мы переписывали те рукописные книги на фарси и арабском, экземпляры которых хранились лишь в парижских библиотеках. Я давно интересовался теми частями трудов арабского географа Шарифа **Идриси**²¹², где речь шла о Средней, **Южной** и Восточной Азии. А эти рукописи имелись лишь в Париже. Все нужные места этого труда я тщательно переписал от начала до конца. Этими записями я пользуюсь до сих пор. Словом, из-за заботливого отношения ко мне мистера Пеллио, Дени, Феррана, сэра Денисона Росса, Блоше, мирзы Мухаммеда Казвини мое бегство из России в Европу превратилось в научную экспедицию.

Пока мы были в Париже, сэр Росс дважды приезжал из Лондона. Во второй раз во время ужина в доме мирзы Мухаммед-хана Казвини сэр Росс спросил меня: «Какие из наиболее глубоких мыслей в истории исламской культуры на Вас произвели неизгладимое впечатление и **запомнились?**» Это было своего рода экзаменом. Я записал изречения, принадлежавшие Пророку, **аль-Бируни**, **Ибн Мискавейху**²¹³, **Джалалетдину Руми**, **Джами** и **Навои**. Возможно, это было ему необходимо при подготовке какого-либо его сочинения. Я записал также следующую мысль, принадлежащую Пророку: «**Успех** дел зависит от твердости воли. Направлена ли воля к достижению высокой цели, ведущей человека по праведному пути, угодной богу, или она преследует мелкую цель, наподобие завоевания благосклонности **женщины**, — успех зависит от ее **твердости**». Сэр Росс спросил: «В чем смысл столь высокой оценки воли?» «Цель этого заключается в повышении ценности человеческой личности. В России мусульмане не

приняли попытки большевиков растоптать свободу воли личности и поднялись на борьбу», — ответил я, что ему очень понравилось.

Все это он позже опубликовал в виде статьи в журнале «Азия», выходявшем в Лондоне. В годы Второй мировой войны он прибыл в Стамбул в качестве атташе по культуре Английского посольства, и мы очень часто встречались.

10 февраля министр сельского хозяйства в правительстве Керенского и лидер эсеровской партии Виктор Чернов²¹⁴ пригласил меня в кафе, там присутствовали и другие эсеры. Оказывается, он слышал о моем выступлении в Азиатском обществе, состоявшемся два дня тому назад. Попросил кратко рассказать об этом и сказал: «Мне кажется, французские ориенталисты оторвут вас от ваших политических кругов». Разговор получился очень откровенным. В результате беседы с подобными ему деятелями мы поняли, что среди эмигрантских кругов из России, так же как и во всей Европе, какой-либо зрелой, оформившейся политической мысли, которую можно было бы направить против Советов, не существует. Десять месяцев назад, находясь на Родине, мы думали, что в свободном мире по отношению к Советской России существует четко определенная политика, но наши надежды не оправдались. Решили выехать в Берлин, нужно было познакомиться с осевшими там политическими кругами.

Другие дела,
предпринятые
в Париже

13 февраля получили немецкую визу. В тот день Алимардан-бей по случаю нашего пребывания в Париже пригласил на обед в свой дом в Сен-Клу Садри Максуди, Мустафу Чокая, нас и еще двух азербайджанцев. Мы должны посоветоваться о наших дальнейших делах в Европе. Абделькадир и я пришли пораньше, после нас прибыли Чокаев и Садри Максуди бей. После обеда они, как сговорившись, сказали, что «не смогут сжигать мосты позади себя» и объявили, что не примкнут к движению за независимость Туркестана. Они, как и в бытность в России, будут бороться за демократическую Россию и на этой основе будут добиваться признания политических прав мусульман. На что Алимардан-бей сказал: «Итак, основы для совместной деятельности не остаются. Это тоже позиция, ведь ее вы со своими единомышленниками защищали и на Московском съезде. Во всяком случае, время для создания единого Комитета для всех мусульман России еще не наступило». Чокаев попытался несколько смягчить высказанные Алимарданом выводы. Но между Садри-беем и Алимарданом состоялся обмен достаточно резкими и прямыми репликами. Встреча этим завершилась. После расставания с хозяином мы все вместе по-

шли в метро, где ни с Садри-беем, ни с Чокаевым ни одним словом не обмолвились. Когда мы приблизились к станции, где должны были расстаться, я, обращаясь к Садри-бею, сказал: «Какие бы ни были между нами идейные расхождения, все мы четверо и Алимардан-бей являемся детьми одной семьи. Вас обоих я глубоко уважаю. Садри-бей, когда Вы в 1906 году организовывали съезды, развернули деятельность в Российской Государственной Думе, я был школьником в возрасте шестнадцати лет, узнал о Вас из газет. Вы наш выдающийся деятель, и я отношусь к Вам с почтением, прошу верить искренности моих слов». Садри-бей не сказал ни слова, оставался неподвижным, уткнувшись взором в пол вагона. Моя приверженность идее «территориальной автономии» в России и нынешнее упорство в этих же своих планах в эмиграции представлялись ему непростительным грехом. Таким образом, и план издания общего журнала остался неосуществленным.

Я в этот вечер до поздней ночи писал письма своим единомышленникам в Кабул, Мешхед и Стамбул, сообщая им о своих беседах с политическими деятелями белых русских партий, с европейцами и российскими мусульманами.

Наша жизнь
в Берлине

15 февраля. По пути из Парижа в Берлин в Брюсселе нам нужно было пересесть из одного поезда в другой. В Париже мы приобрели большое количество книг, немало своих трудов подарили востоковедам. Бельгийских денег для уплаты носильщику у нас не было, вместе с Абделькадиром мы сами перетаскивали их из одного вагона в другой. В это время кто-то нас окликнул по-русски. Оказалось, что это русский офицер Демидов, служивший в нашем третьем полку. Обнялись как старые друзья, он нам помог перетащить наши книги. Он прибыл в Бельгию из России. Мы здесь еще раз почувствовали, как совместная борьба против большевизма породила между нами, людьми разных национальностей, столь искреннее чувство дружбы. Поручик Демидов расстался с нами со слезами на глазах, позже мы долго переписывались.

Вечером мы прибыли в Берлин. Обнаружилось, что мои знания немецкого языка, приобретенные в России, начисто улетучились. Не могу забыть наши с Абделькадиром мучения в поисках туалета. С трудом, расспрашивая дорогу при помощи моего куцега знания немецкого языка, мы добрались до остановки трамвая и поехали до остановки Райникендерферштрассе, 102. Наш друг Азимбек должен ждать там. Он место встречи назначил удачно, мы успели прибыть к назначенному часу и вместе направились в снятую для нас комнату и поселились в квартире одной бедной немецкой се-

мый. Денег не было ни у них, ни у нас. У этой семьи по фамилии **Шликайзен** все были безработными, получали совершенно ничтожное пособие по безработице. Тем не менее они смогли найти несколько кусков брикета для обогрева нашей комнаты. Взрослые замужние дочери хозяев, навещая родителей, пишу для себя приносили с собой, так как у хозяев не было даже лишнего куска хлеба, чтобы их угостить. Дома у них имелась большая библиотека, где были представлены произведения всех немецких поэтов. Однако здесь нельзя было наблюдать того, что можно было видеть в трудный 1919 год в Москве, когда люди свои печки-буржуйки топили книгами и распродавали вещи, оставшиеся в наследство от родителей. Читали газету «**Vorwärts**», то есть прессу рабочей партии, несмотря на бедность, регулярно посещали театр, который находился достаточно далеко от этого пролетарского предместья.

В первую очередь мы посетили дом, арендованный Туркестанским правительством для студентов, направленных сюда на учебу, этнографический музей, руководимый фон **Лекоком**²¹⁵ и Мюллером, особенно его Восточный отдел, Прусскую государственную библиотеку, встретились с руководителями эсеровских партий. Открытый здесь «Восточный клуб» превратился в место нашей встречи с людьми, прибывшими из Турции и Азербайджана. Азимбек уже хорошо знал город и показал нам его достопримечательности. Мы испытывали безмерную радость от того, что встретились в свободном мире, непрестанно вспоминали чудесное время нашего сотрудничества в Башкортостане и Казахстане в ходе борьбы за свободу наших народов.

В один из тех дней, обдумывая свой замысел написать эти воспоминания, я перебирал и приводил в систему накопленные в Берлине бумаги, просматривал русскую эмигрантскую прессу, а также советскую периодику, вышедшую уже после нашего выезда из Туркестана (март 1923 года). Приводя в порядок свои записи, я заметил, что начинаю забывать некоторые имена. Поэтому, не откладывая, я занялся составлением списка сотен людей из числа башкир, татар, узбеков, казахов, киргизов, туркмен, бухарцев и хивинцев с кратким изложением сведений о том, из какого рода они произошли и в каком селе или кишлаке проживали, где учились, какие обязанности выполняли в ходе освободительной борьбы. Краткие биографии этих националистов и офицеров, ныне до единого уничтоженных большевиками, составлены мною путем расспроса студентов и журналистов, находившихся тогда в Берлине. В итоге были накоплены чрезвычайно ценные сведения, и если бы я располагал временем, то опубликовал бы их в виде отдельной книги.

Еще до отъезда с родины я записывал отдельные события и факты, не упоминая имен и местностей, так как следовало учитывать то, что эти записи могли оказаться в руках красных и нанести непоправимый вред упоминаемым в них людям. Ныне я во всех записях восстановил имена действующих лиц и места событий. В данный момент лишь благодаря этим берлинским записям я могу писать свои воспоминания.

С помощью среднеазиатских студентов удалось раздобыть и туркестанскую периодику, из которой нам стало известно, что 12—18 июня 1924 года в Оренбурге состоялся первый съезд казахской и киргизской интеллигенции. Об этом съезде мы узнали не только из газетных сообщений, но и из письма Ахмета Байтурсуна Азимбеку. В своем коротком письме Ахмет Байтурсун написал слова: «**Всем** вам привет от всех нас». А в газетной вырезке со списком участников съезда были перечислены имена Алихана Букейхана, Назира Туракула, Халила Достмухаммеда, Мухтара Ауэзова, Ахмета Байтурсуна, Сейфуллы Садибакаса (Сакен), киргиза Ишанлы Арабаева, а в конце списка — Мирякупа Дулата²¹⁷. Это был первый привет с родины, который дошел до нас на чужбине. Впоследствии ни один из этих людей, кроме Мухтара Ауэзова, не выжил.

Летом 1924 года я встретился и поговорил с большинством русских и мусульманских журналистов, оказавшихся в Берлине. Здесь же находились татарские интеллигенты Гаяз Исхаки, Фуат Туктаров, Гумер Терегулов, игравшие ведущую роль среди татарских журналистов и писателей. Гумер после бегства из Уфы уехал на Дальний Восток, жил в Японии, прибыл в Париж, а оттуда перебрался в Берлин.

Кинжекейский
«боярин»

Одним из тех, с кем я здесь познакомился, был русский аристократ немецкого происхождения Эммануил Эммануилович Борель. Они с супругой жили в Венсдорфе. У нас с ним было несколько встреч, последний раз — в августе. В нашей округе эта дворянская семья была известна как «**Кинжекейские бояре**», которые в течение многих десятилетий эксплуатировали и угнетали жителей моей и нескольких соседних с нами деревень. В своих руках эта семья сосредоточила несколько тысяч гектаров земли, большая часть которой была отнята у жителей нашей деревни. Мой прадед Валит вел нескончаемую судебную тяжбу с дедом этого Бореля, пытаюсь вернуть отнятые у него когда-то земли. Значительную часть своих земель Борели получили в качестве наследства от главы русской дворянской семьи Киндякова. Теперь от Бореля я узнал, что эти Киндяковы произошли от мурз по имени Кин-

жек, принявших когда-то христианство. Издавна эту семью наши башкиры называли «**Кинжекейские бояре**». **Кинжек** — древний тюркский род, известный в истории Бухары и Кашгара. Усадьба Борелей находилась в пяти километрах от нашей деревни в русском селе Петровское, которое башкиры до сих пор продолжают называть «Кинжекей». Видимо, кинжеки в XI веке жили и на Урале.

Расспрашивая Бореля, я узнал, что им принадлежали угодья в 25500 гектаров, большую часть которых составляли лесные массивы на восточном берегу реки Зиган. Старший сын Борелей поселился в самой восточной части этих владений, называвшейся **Калгая**, — в местности, которая мне была хорошо знакома с детства. Эти земли Борели получили от своего зятя дворянина Тимашева, который по матери доводился родственником **Киндяковым**. Тимашевы, как и **Киндяковы**, произошли от татарских мурз. Один из них во времена императора Александра Второго²¹⁸ стал миллионером, основное его хозяйство занимало пятьсот гектаров земли в местечке Ташла неподалеку от Оренбурга. Одна из дочерей Тимашева стала невесткой предводителя Оренбургского дворянства графа Мусина-Пушкина. Земли **Киндяковых** попали в руки графов Мусиных-Пушкиных как приданое этой невестки. Сами Борели из тех **немцев**, которые по распоряжению **Екатерины** Второй были переселены из Германии в Россию, и главная их усадьба находилась в Саратовской губернии. Сам **Эммануил Эммануилович** держал в своих руках все богатство губернии в качестве председателя биржевого комитета Саратова. В кинжекейскую усадьбу, находившуюся по соседству с нашей деревней, они приезжали в летнюю пору отдохнуть и пить кумыс.

Говорили, будто на горе Максим между соседними нам деревнями Бужа и Макар они нашли прекрасное сырье для производства цемента. Объединившись с потомками графа Игнатьева, в свое время состоявшего в Стамбуле послом России в **Турции**, а затем служившего губернатором **Оренбургской** губернии, Борель задумал построить недалеко от нашей деревни цементный завод на несколько тысяч рабочих мест. Для этого он выделил средства в пять миллионов российских рублей. Якобы цемент для сооружения ирригационных каналов в Туркестане должен был отправляться отсюда. По соседству с именем Бореля находилось поместье другого русского дворянина Мельникова, которого наши называли «**боярин из Зиганбаши**». У него было шесть тысяч гектаров земли, которые целиком принадлежали нашим **предкам**, жителям деревни **Кузново**. И с ними мой дед Валит вел **затяжные** судебные тяжбы. И Борель приезжал к нам для выяснения существа возникшего спора. Основными вотчинными владениями наших предков были летние кочевья и места

зимовок, расположенные в восточном Башкортостане у отрогов гор **Ирендик**. Они сохранили свои вотчинные права, однако потеряли сами вотчины, и все их земельные тяжбы основывались на этом факте. Суть всего того, что я узнал о делах своей семьи у старого Бореля, заключалась именно в этом.

С течением времени земельные тяжбы между Борелями и моими предками прекратились, так как все судебные решения в конечном итоге завершались в их пользу. В пору моего детства Борели иногда приезжали к нам в гости, величали моего отца муллою. Если случалось, что скот жителей нашей деревни оказывался на их земле, они его запирали и брали штраф с их хозяев. Исключение делалось только для нашего скота, на нас они штраф не накладывали. Я спросил у Бореля причину этого благоволения к нам. Он ответил: «Восемь тысяч гектаров земли, находившейся к северу от нашей деревни, были отняты у Вашего деда и отданы моему деду, когда он стал зятем генерал-губернатора графа Дашкова. Эти земли были узаконены лишь в 1892 году». Все эти дела давно минувших времен Борель стремился объяснять во всех подробностях и самым тщательным образом.

Я помню, как в детстве этот Борель приехал к нам на лошадях вместе с какими-то иностранцами, которые не знали ни одного слова по-русски. Мне запомнились их лошади, отличавшиеся от наших необыкновенной упитанностью. Оказывается Борели были связаны с семьей, имевшей родственные связи с прусским королевским домом. Некто по имени Ахмет из соседней нам деревни каждый год выезжал в Германию, погрузив в товарные вагоны своих кобылиц, и делал там для тамошних господ кумыс. Он занимался этим где-то в южной Германии в хозяйстве семьи, близкой к королевскому двору. И иностранные гости, приведенные тогда Борелем в гости к нам, были их близкие немецкие друзья из дворянского рода. И вот теперь эти Борели, изрядно нас грабившие, были вынуждены бежать из России. А их состоятельные друзья в Германии также потеряли свое состояние в ходе Германской революции и все они оказались в состоянии нищеты.

В это время и наше с **Абделькадиром** материальное положение стало весьма плачевным. Махмут Тарзи из Парижа не спешил оказать нам обещанную помощь. **Абделькадир** был другом исключительно преданным. Однажды утром, завтрак чем бог послал, я заметил, что масло на моем хлебе было белого, а на его хлебе — желтоватого цвета. Оказалось, он меня кормил сливочным маслом, а сам старался незаметно есть какой-то дешевый топленый жир. Я ему сказал: «Не делай больше этого. Все переживем **вместе**». То есть и наше положение было ничуть не лучше состояния «**боярина**» Бореля. Когда мы приходили к нему домой, он кипятил для нас чай в

простом медном чайнике и нескончаемо долго с нами беседовал, погружаясь в воспоминания о своей прошлой жизни.

Такизаде
В Берлине мы познакомились также с интеллигентами Саидом Хасаном Такизаде из Ирана и Кязимзаде из Азербайджана. Такизаде — выходец из семьи духовного лица в Тебризе, старше меня на десять-двенадцать лет, супруга у него — немка. И он, и его глубокоуважаемая жена поныне в добром здравии, живут в Тегеране. В Берлине, в их доме на улице Лейбница была богатейшая библиотека, которой я свободно пользовался. Эта ценная библиотека впоследствии была включена в библиотеку сената Ирана, где сам Такизаде также состоял членом. Мирза Мухаммед Казвини в Париже и Такизаде в Берлине — это те люди, которые меня познакомили со многими интеллигентами сегодняшнего Ирана. Сейчас, бывая в Тегеране, я каждый раз навещаю почтенного Сайда Хасана Такизаде и его супругу в их доме, а также непременно посещаю кладбище в городе Рей, где покоится Мирза Мухаммед-хан, чтобы вознести молитву над его могилой. Наша дружба с Такизаде, длящаяся 43 года, началась именно в Берлине. А в 1957—1958 учебном году мы оба в Нью-Йорке, в Колумбийском университете работали в качестве приглашенных профессоров. Проезжая из Тегерана в Европу через Стамбул, супруги Такизаде всегда бывают и в нашем доме. Хусейн-ага Кязимзаде получил образование в Германии, стал там журналистом и писателем, издавал журнал «Ираншехр». Он был истым патриотом Ирана. Между нами порою возникали споры из-за того, что он, будучи приверженцем легендарных иранских правителей, допускал некоторые несуразные утверждения о тюркских правящих династиях, которые якобы насильно заставляли азербайджанцев разговаривать на тюркском языке. Но эти разногласия не мешали нам оставаться друзьями. Он до конца своих дней не лишал меня радости переписываться с ним и дарил свои опубликованные труды.

Востоковеды,
с которыми мы
познакомились
в Берлине
В Берлине мы смогли познакомиться и с некоторыми востоковедами. Из них в первую очередь вспоминаются профессор Эдуард Захау²¹⁹, Теодор Нельдеке²²⁰, Иоганнес Мордтман²²¹, Ф. В. К. Мюллер²²², фон Леккок и Йозеф Маркварт²²³. Заведующий восточным отделом Прусской государственной библиотеки проф. Вайл поручил мне составить каталог рукописных книг, привезенных в свое время из Восточного Туркестана Мартином Хартманом и другими. Содержание некоторых из этих книг до сих пор не

было известно читателю. В качестве вознаграждения каждый месяц он вручал мне небольшую сумму денег. Сам он был еврей, после образования государства Израиль переехал туда. На XXII Конгрессе востоковедов, состоявшемся в 1951 году в Стамбуле, я пригласил его, оплатив все его дорожные и иные расходы, попытавшись тем самым выразить ему свою благодарность за то добро, которое он оказал мне в Берлине. По существу, со всеми перечисленными выше учеными-востоковедами познакомил меня он.

Проф. Захау — великий ученый, познакомивший мир с творчеством аль-Бируни. Даже в летнее время он появлялся в государственной библиотеке в лисьей шубе. С ним мы общались по-арабски. По предварительной договоренности однажды я направился к нему домой. В то время он занимался фикхом шиитского толка ислама, готовил к изданию один из своих трудов. Я ему рассказал о том, что мой отец по пути в хадж в Стамбульской библиотеке Фатих видел авторский оригинал рукописной книги аль-Бируни, посвященной географии Средней Азии и Индии, и привез мне ее копию, переписанную здесь же, в библиотеке Фатих. Я ему пересказал некоторые запомнившиеся мне любопытные мысли аль-Бируни из этой книги. «Если бы была возможность, я бы тотчас отправился в Стамбул», — сказал проф. Захау. Он действительно был ученым, всецело отдавшимся изучению наследия аль-Бируни.

Ф. В. К. Мюллер к тому времени достиг уже преклонного возраста, занимался источниками на турецком, уйгурском, согдском и других языках, провел в свое время археологические исследования в Туркестане. Я рассказал ему о том, как, будучи в 1923 году в Герате, видел книгу фикха, сочиненную в Хорезме, в которой содержались целые предложения на хорезмийском языке и показал ему образцы, записанные в моей тетради. Он сказал: «После прибытия в Стамбул Вы непременно продолжайте поиски подобных текстов». Это соответствовало и моим собственным намерениям. Спустя два года после той встречи свою первую работу о хорезмийском языке я опубликовал в Лейпциге в журнале «Исламика» с помощью моего друга профессора Виттека. После приезда в Турцию я долго переписывался по этому вопросу. Он в основном интересовался географическими названиями, встречающимися в рукописных источниках, собранных им самим в ходе научной экспедиции, дарил мне все свои труды по мере их выхода в свет. Альберт фон Леккок служил директором этнографического музея Германии. По происхождению он потомок французских политических эмигрантов, бежавших в Германию после революции конца XVIII века. Это был уче-

ный, который провел археологические изыскания в Восточном Туркестане и вывез большое количество произведений искусства, реставрировал, склеил их и создал музей, воссоздавший облик культуры уйгуров. Он привез оттуда также несколько рукописных трудов, написанных уйгурским и арабским шрифтом. Ученый знал турецкий язык, но разговаривать на нем не мог, немного знал русский. Он желал, чтобы я остался в Берлине и оказал ему помощь в изучении рукописей. Однажды он пригласил меня к себе домой и показал некоторые вещи и книги, не выставленные в музее. Среди них была книжка об истории Чингизхана, написанная смешанными уйгурскими и арабскими буквами. Иоганнес Мордтман жил в Стамбуле, в годы первой мировой войны был профессором в Стамбульском университете, хорошо читал, писал и говорил по-турецки. И он так же, как проф. Вейль, предлагал мне остаться в Германии и заниматься в Прусской библиотеке. Со мной он разговаривал на османском языке с некоторой примесью чагатайского, подарил мне многие свои труды, в особенности отдельные оттиски его статей на немецком языке, подготовленные для Исламской энциклопедии.

В отличие от высокого Мордтмана, Нёльдеке был человеком небольшого роста. Он опубликовал тексты по истории османских турков, большое историческое исследование об иранских Сасанидах²²⁴. Литовский ученый доктор Якоб Шинкевич оценивал Нёльдеке как великого немецкого ученого. Позже я понял, что он был глубоко прав. Я спросил у Нёльдеке: «О Вашем произведении, посвященном Пророку Мухаммеду, я узнал, прочитав рецензию проф. Медникова²²⁵. Вы не сомневаетесь в том, что Мухаммед был Пророком и признаете его в этом качестве. Правильно ли я Вас понял?» На это он ответил: «Да, можно и так сказать, так как пятидесятилетнюю жизнь Мухаммеда мы можем изучать на основе исторических источников. Вне сомнения, это был человек, верный своему слову. О жизни других пророков достоверных сведений нет. Например, до сих пор не прекращается дискуссия о том, был ли Христос исторической личностью. Но Мухаммед вырос в среде с низким культурным уровнем». Дом Нёльдеке находился в приличном расстоянии от Берлина, при одном из посещений он мне подарил экземпляры своих трудов по истории османской Турции и о жизни Пророка.

Профессор Маркварт, как мне рассказывал Ф. В. К. Мюллер, был католическим священником. Он специалист по классическим языкам, древнеиранскому языку пехлеви, изучал также сирийский диалект арабского. Когда в 1892 году в Монголии были обнаружены петроглифы голубых тюр-

ков, начал заниматься и тюркскими языками, опубликовал большой труд по истории **кипчаков**²²⁶. Профессор Вейль и ему рассказал о том, что я в Мешхеде обнаружил путевые заметки **Ибн Фадлана**. Ученый в это время готовил к печати труд, посвященный сведениям о северных странах, содержащихся в арабских источниках, в особенности в сообщениях **Ибн Фадлана**. Поэтому он сказал проф. Вейлю, что желал бы непременно со мной встретиться. И с Марквартом мы встретились у него дома. Выяснилось, что он не разговаривает ни на одном из языков, которые знал я, поэтому к нему мы Поехали вместе с Азимбеком, который должен был исполнить роль **переводчика**. «О том, что Вам удалось обнаружить в Иране рукописи **Ибн Фадлана** и **Ибн Факиха**, мне из Парижа сообщил в своем письме мсье Ферран, потом мне об этом сказал и профессор Вейль, это меня очень **интересует**», — сказал профессор Маркварт. Когда при беседе я попросил его разрешения закурить, он ответил: «Не разрешаю. Если бы предложили выпить вино или шнапс, я бы **присоединился**», — пошутил он. Беседовали очень долго, около трех часов. Когда я ему сказал, что первые сообщения о двух этих рукописях намереваюсь опубликовать во **Франции** и в **Российской Академии Наук**, он сказал: «Ради бога, сами рукописи не представляйте русским, опубликуют, извратив. В прошлом веке попавшие к ним через Гёттвольда рукописи из-за наличия в них нелестных для русских сведений уничтожили. Нужно избавить **Ибн Фадлана** и **Ибн Факиха** от этой **участи**». Я посетил его несколько раз. Он сказал: «В переводе Вашего друга особой необходимости нет, насколько сможете, старайтесь изъясняться по-немецки **сами**». После этого я с грехом пополам начал общаться с ним без переводчика. Он подарил мне два своих труда — «Исследования о Восточной Европе и Восточной **Азии**» и книгу по истории команов.

В своем труде «**Мусульманские источники о северных странах**», которая должна была выйти в свет именно в эти дни, ученый упомянул и меня словами «некий башкир открыл очень важные **источники**». Маркварт, в то время еще не старый человек, оставил у меня очень хорошее впечатление, это был историк, который со временем несомненно будет признан великим немецким ученым. Он предложил мне остаться в Германии и вместе с ним заниматься изучением восточных рукописей. Сотрудничая с голландским ученым, переводившим китайские источники (позже я узнал, что это был Де Гроот), Маркварт сделал целый ряд открытий и верил, что и с моей помощью ему удастся внести ясность в некоторые проблемы. Он мне сказал, что приносит большое значение обнаружению мною образцов хорезмийского языка, рукописей **Ибн Фадлана** и **Ибн аль-Факиха**, был очень дово-

лен тем, что я хорошо понимаю тексты Фирдоуси и Асади Туси²²⁷. Пожаловался он на то, что «Германия обеднела, деньги ее обесценились, не дают покоя социал-демократы». Было ясно, что он не терпит их. После приезда в Стамбул я долго переписывался с Марквартом. Почерк у него был неразборчивым, но в каждом письме он вносил ясность в какую-либо серьезную научную проблему.

Предложения английских ученых

О том, что я мог бы работать с рукописями на арабском, фарси и тюркском языках, в Париже Мирза Мухаммед Казвини говорил и профессору Кембриджа Эдварду

Брауну. В Париже сэр Денисон Росс и Браун пригласили меня в Кембридж. Одним словом, мои знания восточных языков и источников давали мне возможность **обосноваться** в Европе и работать. Также и мой друг **Жозеф Кастанье**, занимавшийся изучением современной жизни Туркестана, желал привлечь меня к работе в исламоведческом «Журнале восточных мусульман» и писал мне, что он уже переговорил с проф. Массиньоном²²⁸ и никаких препятствий к осуществлению этого плана нет. Исходя из принятого еще в Кабуле решения о том, что больше всего нашим целям будет соответствовать жительство в Турции, и в то же время учитывая, что наши связи с востоковедами Европы стали приобретать **серьезные** формы, я начал более тщательно изучать условия будущей жизни и работы в Турции. Кроме того существовала возможность принятия предложения посла Афганистана в Париже Махмуд-бека Тарзи вернуться в Кабул. Один из его приближенных Исламбек **Худоярханов**, посоветовавшись с самим Махмуд-беком, начал серьезно заниматься вопросом нашего возвращения в Афганистан.

Мои переговоры с одним поляком

В это же время корреспондент польского телеграфного агентства мсье Стемповский, с которым я также познакомился в Берлине, составил для меня другой план на будущее:

1) «Между Балтийскими государствами, Кавказом, Туркестаном и Украиной нужно заключить союз против российской политики захвата и ассимиляции. Для достижения этой цели будет создан институт и выпускаться журнал, в котором Вы будете очень полезны. После бесед с Вами лично все эти вопросы доведу до сведения нашего **правительства**», — сказал он. Паши переговоры с этим человеком были продолжены 20 июня 1924 года, содержание которых подробно записаны в моей записной тетради. Он считал, что деятельность в этой области нецелесообразно связывать с партиями, предпочитал поставить ее выше партий и сосредоточить ее

центр в научном или полунаучном «Восточном институте». Сказал, что он находится в связи с одним обществом в Варшаве, называемым «Клуб Конкорда», а также «Обществом по защите прав человека» и с журналистами газеты «Котидьен» в Париже. Одним словом, предложения этого Стемповского как-будто открывали достаточно обнадеживающие перспективы для моей будущей политической деятельности. И Мустафа Чокаев был согласен с этой оценкой. Узнавший обо всем этом один из участников белого русского движения человек по фамилии Сокольников встретился со мной, сказал, что вряд ли будет целесообразно придать нашему делу вид чисто «иностранческой» инициативы, так как в этом случае Советы в конечном случае свяжут его с англо-американским империализмом.

После этих событий мои связи с украинцами и кавказцами стали еще теснее. Планируемый журнал должен был выходить не в Польше, а во Франции под названием «Прометей». Мсье Стемповский говорил о том, что к этому движению, кроме зависимых от России **народов**, следует привлечь также таких ее восточных соседей, как Турция, **Иран**, Афганистан, которые вынуждены защищаться от захватнической политики России, маскирующейся ныне под личиной социалистических идей.

2) Вторая тема наших бесед со Стемповским была связана с проблемами, имевшими в тот момент для меня жизненно важное значение. Он хотел устроить меня на работу в Польско-Германскую совместную кинокомпанию «УФА». Стемповский и его друзья намеревались в работе этой кинокомпании уделить значительное внимание современному положению и истории восточных народов и желали шире знакомить с их культурой весь остальной мир. И я должен был принять участие в этом деле как специалист по декорациям и костюмам. Гонорар, определенный мне кинокомпанией «УФА» за исполнение этой обязанности, был очень высоким. Во время разговора на эту тему и сотрудник кинокомпании и Стемповский говорили: «Фильмы о восточных странах и народах не завоеуют успеха, если декорации, костюмы не будут подготовлены на основе этнографических, исторических наук. Например, мы не знаем, какова была внешность, одежда Мухаммеда, Чингисхана, Тимура, кагана Хубилая²²⁹, Бабура, Акбара и их приближенных, не знаем, какие декорации нужно изготовить. Вы говорили, что таких сведений много в музеях, а также в книжных миниатюрах тех лет. Мы хотели бы воспользоваться Вашими знаниями в этой области». Это было действительно очень интересное предложение, и я до-

статочно долго размышлял о нем. Но решил ответить отказом: «Я свою судьбу посвятил, с одной стороны, науке, с другой стороны, борьбе за завоевание права моего народа вновь обрести свободу и самостоятельность. Если сейчас приму участие в делах кинокомпании, недруги распространят сплетню, что «Валидов стал **артистом**» и воспользуются этим в пропаганде против нашего движения. Я не смогу принять Ваше предложение».

**Туркестанские
студенты
в Берлине**

Из Туркестана правительство **Файзуллы** Ходжаева в Берлин направило 70 молодых людей для учебы в университетах. Среди них были часто упоминаемый в данных

воспоминаниях Азимбек Биримжан и **Бийтилев** из Казахстана, узбек Габдесаттар. В Берлине мы все время были вместе. Думая о будущем освободительной борьбы, я возлагал надежды именно на эту молодежь. Из Башкортостана здесь же на учебе находился и **Усман** Куватов, имя которого также упоминалось мною выше в связи с событиями 1917 года. Он незадолго до нашего приезда заболел из-за злоупотребления **алкоголем** и уехал обратно на родину. Усман был сыном образованного человека, написавшего труд по истории башкир. Сам он отличался верностью нашей политической борьбе. Мы крайне огорчились его отъезду из Берлина. У нас из числа башкир в эмиграции больше не было другого человека, который имел бы университетское образование, к тому же владел языком и был бы способен продолжить нашу борьбу за самостоятельность. В 1943 году, приехав в Германию из Турции для встречи со своими земляками, попавшими в плен в ходе войны, я узнал у одного из них, что Усман Куватов был очень печален и даже плакал из-за необходимости отъезда из Европы и говорил: «Видимо, сюда и прибыл за собственной **гибелью**». Действительно, вскоре после возвращения его репрессировали.

В Европе тогда находился также командир одного из башкирских полков **Галимзян** Таган. Он сибирской дорогой уехал в Маньчжурию, принял там участие в боевых действиях, выехал в Японию, в Токио познакомился с послом Венгрии и с его помощью прибыл в Будапешт, поступил в Дебрецене в сельскохозяйственный институт, после окончания которого начал учиться на экономическом факультете Будапештского университета, написал там докторскую диссертацию, за это время в совершенстве овладел венгерским языком и снискал себе несколько верных друзей. В июле он приезжал в Берлин и этот месяц мы весело провели вместе с ним и с другими

друзьями, встречаясь как в городе, так и совершая прогулки в его окрестностях. В отличие от большинства других узбекских студентов, обучавшихся медицине, торговле, техническим специальностям, Абдусаттар посвятил себя филологии, прекрасно выучил немецкий язык, знал и фарси. Среди городских жителей Туркестана мужская красота привлекает особое внимание и нередко становится предметом своеобразных шуток. И Абдусаттар отличался внешней красотой и поэтому оказывался объектом подобных шуток, которые он воспринимал вполне благодушно.

Персидские и чагатайские газели доставляли ему особое удовольствие. Обычно он занимался в восточном отделении Прусской государственной библиотеки. Однажды часа в четыре небо заволокли тучи и в читальном зале стало темно до такой степени, что читать было уже невозможно. В это время в дверях показался Абдусаттар и в то же мгновение электрик, включив свет, ярко осветил зал. Написав на листке двести стихов одного хорасанского поэта, я положил на его портфель:

«Ах, ты как луч света, стоило тебе ступить через порог,
Застолье наше превратилось в цветущий сад».

Это ему очень понравилось, и он спросил: «**Неужели** ты это сумел сочинить за столь краткое мгновение?» «Разумеется, нет. Это стихи одного из старых поэтов, сохранившихся в памяти. Вспомнились, как только ты появился в лучах света», — ответил я ему. Нас связывали искренние узы дружбы. Одну из моих статей о борьбе за права Туркестана он перевел на немецкий язык и опубликовал в журнале «Немецкое обозрение». В этом же журнале он напечатал и собственную статью об узбекской литературе. После завершения им учебы я попытался вызвать его в Турцию, но получить визу для него так и не удалось. Абдусаттар вернулся на родину и также был репрессирован. Это был человек, хорошо знакомый со всей литературой по истории Туркестана, особенно по освободительной борьбе последних лет. Интересовался он и материалами, накопившимися в моих руках.

Азимбек Биримжан, часто упоминаемый мною в этих воспоминаниях, — казахский интеллигент. Если бы я стал описывать все, что мы пережили вместе в Берлине и все то добро, которое он нам сделал, эти воспоминания слишком затянулись бы. После окончания учебы и он желал переехать в Турцию, но и для него визу получить мы не смогли. Понимая, что дальнейшая его судьба будет трагичной, Азимбек, однако, был вынужден вернуться на родину. Действительно,

он, как и **Усман Куватов**, Абдусаттар Джаббаров, вскоре был репрессирован.

В Берлине мы встретили также башкир по имени **Сынтимер** и **Мухаммед Давлетчурин**, их называли кураистами, Они оба попали в плен в ходе Первой мировой войны. Мухаммед оказался братом моего друга **Сибэгата** из тангаурского села **Юлдыбаево**. Оба очень хорошо знали башкирские народные песни. Мы слушали наши родные протяжные мелодии, приглашая их к себе или приходили к ним сами. Для исследователей истории тюркской музыки представляло бы особый интерес то, что Мухаммед Давлетчурин знал мелодии, напояинавшие музыку Мевлеви в Турции. После прибытия в Турцию об этих двух башкирах я рассказал знаменитому музыканту Турции **Тауфику** и последнему шейху Мевлеви **Валиду Челеби**, попытался и этих двух кураистов переселить в Турцию. Но и здесь помешала пресловутая проблема виз. **Сынтимер** вскоре умер, а **Давлетчурин** остался жить в Германии, находился там и во время Второй мировой войны. Когда в оккупированном русскими Берлине бесчинствующие солдаты пытались изнасиловать двух его дочерей, Мухаммед бросился их защищать и погиб под штыками красных солдат. Когда я вспоминаю тогдашнюю нашу жизнь в Берлине, в моей памяти в первую очередь возникают образы этих пяти моих незабвенных друзей.

Связи с родными и друзьями на Востоке

После прибытия в Берлин на основании информации, накопленной нами благодаря установленным в Париже и Берлине связям, я написал письма **Тураббеку Турабекову**, находившемуся в иранском городе **Мешхеде**, **Абдельхамиду Арифову**, живущему в губернии **Читрал** Индии, **Хашиму Шайку** в **Кабул**. В этих письмах я вкратце изложил новости мировой политики, а также суть наших переговоров о судьбе Туркестана с разными известными деятелями, учеными, лидерами различных партий. Успел получить от них и ответные письма. **Тураббек** и **Абдельхамид** имели возможность переправить некоторые мои письма в Россию по каналам, лишь им самим известным. К нашим друзьям, обосновавшимся в Турции, позже присоединились люди из окружения **Энвера паши** и некоторые мои соратники из Туркестана. Они прибыли в Турцию через **Иран**. Тем самым в Турции заметно расширился круг людей, деятельно участвующих в борьбе за самостоятельность Туркестана и в его культурном развитии. Мы обменивались письмами по очень важным вопросам с **Усманом Ходжаевым**, живущим в **Стамбуле**, с бухарцем **Хажу Хисаметдином**, обосно-

вавшимся в городе **Эскишехер**, а также с **Садретдин-ханом**, находившемся в афганском городе **Газни**. Письма **Хажу Хисаметдина** и бывшего министра финансов Бухары **Насира Махдума Хакимова**, полученные мною 10 сентября, послужили причиной того, что я испытал тогда очень глубокое огорчение. Оказывается, они оба считали меня главным виновником того, что были вынуждены, покинув родину, оказаться в Турции без средств к существованию, без работы, в нищете и страданиях. Эти письма и мои ответы им выражают наиболее трагичные стороны новейшей истории Туркестана.

В эти же дни я получил письма от моего отца и брата **Абдерауфа**. Отец вместе с письмом прислал мне целую брошюру о жизни моего дяди и учителя **Хабибназара**, который в том году скончался. Написанное отцом о дяде оживило в памяти все мое детство, заставило пережить все заново.

Пришли письма и от моей жены **Нафисы**, и от ее отца **Хажимухаммета Якшимбета**. На письмо **Нафисы**, написанное ею 2 ноября 1924 года, я ответил 27 ноября, сообщил ей, что я обратился с ходатайством в российское посольство в Берлине, чтобы ей разрешили выехать в Германию или Турцию и добавил следующие стихотворные строки, навеянные поэтическими творениями **Навои** и **Физули**²³⁰:

Ах, если бы это небо вращалось, повинуюсь моей воле!
Надолинах чужих стран душа моя не находит покоя,
Если бы излечить боль разлуки встречей с другом!
Если бы друг мой смог прибыть и осчастливить меня.
Моя душа горит в огне разлуки и рвется соединиться с другом,
Я болен горем разлуки, лишь твой лик излечит и вернет мне силы.

В письмах отцу и тестю я также привел стихи великих восточных поэтов.

Первый конгресс
Туркестанского
национального
объединения
в Европе

Прошло совсем немного времени после нашего Прибытия в Берлин И ВЫЯСНИЛОСЬ, что советские агенты в российских эмигрантских кругах начали интриги против меня. Начало этому делу было положено распространением некими темными личностями сплетен о том, будто «руководство Туркестанским национальным объединением каким-то башкиром не прибавляет чести узбекам». В Туркестане подобные слова не имели бы какого-либо существенного значения, но здесь они не прошли бесследно. В интригу не преминули внести свою лепту и татарские унитаристы. На-

писав и размножив **письмо** на восьми страницах под названием «Зарубежным членам Туркестанского **национального объединения**», я предложил избрать председателем кого-либо другого и разослал их 13 ноября 1924 года всем членам правления, объявив, что конгресс соберется в Берлине 23 ноября. Из Парижа прибыл Мустафа Чокаев, из Будапешта — Галимзян Таган. Оба приняли присягу быть верными делу и целям национального объединения. Церемония присяги **была** проведена под руководством Абдельвахаба Мурата и **Абделькадира** Инана. Ввиду того, что в нашей программе был пункт о достижении самостоятельности Туркестана, Мустафа Чокаев сомневался, войти ли ему в Туркестанское национальное объединение, но позже все-таки решился. Участники конгресса не согласились освободить меня от обязанностей председателя национального объединения.

В связи с разделением Советами единого Туркестана на отдельные пять республик: Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан — мы приняли ряд важных решений. Было оговорено, что мы слово «Туркестан» и дальше будем применять в нашей эмигрантской **печати**, а возникшие отдельные республики будем называть «Узбекистанская часть **Туркестана**», «Киргизстанская часть Туркестана» и т. д. Также решили сохранить флаг, принятый нами в Самарканде. После подробного обсуждения пришли к общему мнению по вопросу о едином литературном языке. Принятые решения мы 28 ноября разослали нашим соотечественникам в Турцию, Египет, Иран, Афганистан.

Мусульмане
Финляндии

В декабре известные торговцы из Финляндии Зиннатулла Ахсен и **Имадетдин** приехали в Берлин. Они организовали встречу с эмигрантами из России дома у **Галимзяна** Идриси, позже пригласили нас в гостиницу, где сами остановились. В 1917 году после Февральской революции в России я был в Финляндии. Среди татар, живущих там, были и образованные люди, которые кроме торговых дел интересовались вопросами национальной культуры, имели они и печатные органы. Их богачи оказали также и материальную помощь национально-освободительному движению российских мусульман.

Из татарских интеллигентов живший в Петрограде известный ученый Муса Ярулла Бигиев, имам Петроградской мечети Лутфи Исхаки также иногда приезжали и гостили у финских татар. Свое чудесное произведение «Пост во время длинных дней» Муса Ярулла начал писать во время пребывания среди татар Финляндии. И сейчас эти татары, узнав, что в Берлине находится Гаиз Исхаки, я и **другие** лица, играю-

щие ту или иную роль в культуре российских мусульман, поспешили приехать, чтобы поговорить и обсудить некоторые проблемы. Зиннатулла Ахсен — человек, занимавшийся организацией перевода на финский язык и издания Корана и других важных восточных произведений, позволяющих глубоко знакомиться с **исламом**. В целом он занимался распространением исламской культуры в Финляндии. Он поручил перевод части Корана учителю гимназии по имени Георг Пименов.

Зиннатулла Ахсен пожелал поговорить со мною по некоторым вопросам культуры. Интересующие его вопросы он принес в записанном виде. Значительная часть моих ответов ему понравилась. Но часть вопросов, относящихся к незнакомым мне областям, остались без ответа. К этим вопросам, заставляющим задуматься о некоторых религиозных проблемах, я еще вернусь в этих воспоминаниях ниже.

Бурхан Шахиди

10 декабря приехал один образованный торговец по имени Бурхан Шахиди. В визитной карточке, которую он мне вручил, было написано С. Бурхоус. Оказалось, что он выходец из деревни Аксу Тютюшеского уезда Казанской губернии, якобы родственник известных татарских писателей Бурхана Шарафа и Галимзяна Шарафа²³¹, с 1912 года проживает в Урумчи. Сказал, что он дружит с татарским историком **Хади** Атласи, которого я также хорошо знал. Этот Бурхан, старавшийся казаться идеалистом, истинным националистом и мусульманином, рассказал, что с 1912 года в Восточном Туркестане занимается торговыми и общественными делами, вручил мне некоторые свои статьи, опубликованные на татарском языке. Сказал и о том, что изучил китайский язык, поддерживает связь с правительством Чан Кайши. Поделился своими соображениями о судьбе ислама в Китае, о путях достижения самостоятельности Восточного Туркестана. Предложил и мне заняться написанием истории Восточного Туркестана и обещал «непрерменно этот труд **опубликовать**». Сказал, что Синьцзянское правительство направило его в Берлин для закупки товаров, а также типографии. На следующий день я об этом человеке расспросил у Галимзяна Идриси, так как он хорошо знал очень многих татарских интеллигентов, где бы они ни жили. Галимзян сказал: «Это торговец, который, с одной стороны, служит Чан Кайши, а с другой, — русским». Позже, в 1935 году, он принимал участие в событиях Восточного Туркестана. Шахиди выпустил китайско-уйгурско-русский словарь. Я же и потом продолжал интересоваться его судьбой. Он стал членом парламента при правлении Чан Кайши, но верно служил только русским. Когда в конце 1949 года вой-

ска Чан Кайши вынуждены были отступить и в Китае к власти пришли красные, он оказался самым верным человеком коммунистов. Правительство Масуд-бея было распущено, часть его членов сумела бежать в Тибет и Индию. А члены этого правительства, вынужденные остаться в Восточном Туркестане, были убиты стараниями **Бурхана**. Скандал вокруг известного казахского предводителя, народного героя Усман Батура, руководившего борьбой казахов против китайского засилья в Алтае в 1940 году, также возник по инициативе этого же Бурхана. Словом, он ловко служил и красным китайцам, и русским. В 1957 году в Урумчи Усман Батур попал в руки красных китайцев и был заключен в тюрьму. Бурхан добился того, чтобы против Усмана были выдвинуты тяжкие ложные обвинения и он был казнен.

Встреченный мною в Берлине этот Бурхан Шахиди, пожалуй, был самым страшным из встреченных мною **предателей** и провокаторов, с которыми я сталкивался в своей жизни. Перед уходом он сказал: «Мы еще встретимся с **Вами**». Я ответил, что крайне занят и совсем не имею свободного времени. Общение с ним оставляло весьма тяжкое и двусмысленное впечатление. События последующих десятилетий, изложенные мною выше, подтвердили, что мои предчувствия оказались не напрасными.

Весь 1924 год я провел, работая над своей книгой «Современный Туркестан и его недавняя **история**» и ведя беседы по политическим вопросам с деятелями самых различных направлений. В 1925 году мое пребывание в Берлине длилось всего пять месяцев, но это был весьма плодотворный период моей жизни.

**Конгресс
социалистов-
революционеров**

В Берлине в числе русских **эмигрантов**, с нами охотно общавшихся, была также группа социал-революционера Чернова. Он жил в Праге, мы встретились в нем во время его приезда в Берлин. Все эсеры были против освободительного движения народов, оказавшихся в зависимости от России. Лишь группа Чернова и левые эсеры в этом отношении были более снисходительны. Керенский со всем своим окружением в эмиграции занял в этом вопросе крайне **правые** политические позиции. Из них с господами **Штейнбергом** и **Спиро** я познакомился еще в июне. Спиро рассказывал, как он в 1917 году в качестве командующего Черноморским флотом уничтожил Крымско-татарскую республику. Он выступил против Брест-Литовского мирного соглашения большевиков, был арестован, позже сумел бежать в Германию.

19 декабря 1924 года в Англии пало правительство **Макдональда**. Говорили, что причиной этому послужило какое-то

письмо председателя III Коминтерна Зиновьева. Некоторые русские эмигранты рассказывали также, что это письмо не что иное, как фальшивка, сочиненная английскими реакционерами, а другие утверждали, что эта утка имеет московское происхождение. Однако лидеры левых эсеров со знанием обстоятельств дела рассказывали о том, что письмо было подготовлено русскими социалистами в Берлине для того, чтобы в Англии к власти вместо рабочей партии во главе с Макдональдом, ведущим весьма взвешенную политику, пришли реакционные политические круги. Все эти разговоры, слухи и сплетни отрезвляюще действовали на всех нас, беженцев из России, так как они ясно показывали, что в Европе среди партий, желающих вести борьбу против большевиков, господствуют глубокие идейные противоречия.

Мое знакомство с левыми эсерами принесло и пользу: Штейнберг сообщил, что **24—25 декабря 1924 года** в Берлине состоится конгресс социалистических партий, не признающих политику русских коммунистов, и предложил мне принять в нем участие от имени социалистов Туркестана. Я вручил **Ледебуру**²³⁸ наше обращение, подписанное от имени наших единомышленников из Стамбула (**Мустафа Шахкули** и **Мамур Ниязи**) и Берлина (**Абдельвахит Мурат**, **Азимбек**, **Абделькадир Сулейман**, **Дамулла Бийтилев**). Я сообщил, что на конгрессе приму участие в качестве представителя социалистического крыла «Туркестанского национального объединения». Конгресс собрался в Берлине в доме покойного **Карла Либкнехта**²³⁴ по Шоссе-штрассе, 121. В нем участвовали «Социалистический Союз Германии» (**Ледебур**, **П. Вегман**, **Рабольд**), «Социалистический-коммунистический Союз Франции» (**М. Летранж**), партия «Левых социал-революционеров и максималистов России» (**И. Штейнберг**, **В. Спиро**), «Партия левых народников Литвы» (**А. Перкунас**), «Белорусская партия социал-революционеров» (**Т. Греб**, **А. Боровский**), «Украинская партия социал-революционеров» (**С. Рипецкий** и **М. Курах**), «Итальянская социалистическая партия (максималистов)» (**П. Ненни**²³⁵, **А. Балабанова**²³⁶, в качестве гостей участвовали **З. Валидов** и **Н. Шаповал** из Украинской партии социал-революционеров. С **А. Балабановой** я был знаком еще с Москвы. Она близко сотрудничала с Лениным, но позже, не согласившись с ним по некоторым принципиальным вопросам, вышла из Коммунистической партии и уехала в Италию. При встрече она отнеслась ко мне с вниманием, представила **Ненни** и некоторым другим деятелям.

Произнесенные на конгрессе речи были глубоко содержательными, это были свободные мысли, высказанные в свободном **мире**. Свое выступление я назвал «К социализму во-

преки большевизму». Я пытался доказать собравшимся, что русские коммунисты, скрывающиеся за знаменем социализма, по существу являются империалистами похлеще капиталистов, а басмачи — борцы за национальное освобождение. Говорил также, что левые социалисты всего мира должны добиться взаимопонимания с революционерами колониально зависимых народов, оставив позади III Интернационал, организовать IV Интернационал. Эти идеи были встречены аплодисментами. Между тем мои слова никак не должны были снискать подобных аплодисментов у социал-демократов меньшевиков, английских левых эсеров, левых эсеров Франции и Германии (круг людей, близких к II Интернационалу). В то время среди левых социалистов все еще были люди, не желавшие отдаляться от московских коммунистов. Некоторые деятели, руководившие «Бундом»²³⁷ и русскими левыми эсерами, были сионистами, религиозными евреями, посещающими синагогу. Мы чувствовали, что их благосклонное к нам отношение было неискренним и диктовалось какими-то сиюминутными интересами. Моими мыслями искренне заинтересовались лишь Ненни, Балабанова, Ледебур, Вегман и Шаповал. Выясняя для себя некоторые проблемы, они задали мне целый ряд вопросов и даже делали пометки в своих записных книжках. Эту мою речь с пояснениями опубликовал брат Карла Либкнехта (к сожалению, запамятовал его имя) в издаваемом им журнале «Klassenkampf» (1925 год, 14, 21 номера) и левые эсеры в журнале «Знамя борьбы» (1925 год, 9—10 номера) с положительными комментариями.

За свою жизнь я встречался с представителями многих партий и уважал тех из них, которые искренне верили истинности той теории, которой следует их партия, и были последовательны в своей деятельности.

Чокаев и социализм 25 января 1925 года я получил от Чокаева письмо странного содержания. Мустафе крайне не понравились моя речь на конгрессе левых социалистов, опубликованная на страницах журнала «Знамя борьбы», и мои слова, содержащиеся в отправленном ему письме. Я писал: «То, что ты, будучи членом Туркестанского национального объединения, продолжаешь публиковать статьи в газете Милюкова, не соответствует нашим интересам и целям». Слова он мои понял в том смысле, что «в дальнейшем следует порвать связи с кадетами». Поэтому он написал: «Если и дальше на подобных конгрессах Вы будете продолжать выступать как социалист из числа членов Туркестанского национального объединения, я не

смогу оставаться в рядах этой организации. Неужто вы надеетесь увлечь за собою народ, опираясь на программу партии «Эрк»?» 1 февраля я отправил ему ответ следующего содержания: «Ранее на наших совещаниях в Берлине, после того как я прочитал на русском языке свое будущее выступление, на конгрессе социалистов, ты положительно оценил эту возможность ознакомления мировой общественности с нашими требованиями. Почему же твои взгляды так резко изменились? Кажется, и эта речь, и содержание моего письма прежде всего не понравились Марии Яковлевне (супруге Чокаева). Эта ситуация несколько раз повторялась и в прошлом году. И у Алихана Букейхана, и у Ахмета Байтурсунова жены тоже русские, но они своих жен в политические дела не впутывают и письма читать не дают. Как только начинается разговор на политические темы, их жены находят предлог покинуть комнату. Марию Яковлевну я знаю как очень хорошего человека и как твою супругу глубоко уважаю. Я готов сделать для нее все, что ты пожелаешь. Вот и турецкий табак удалось для нее найти, надеюсь, будешь доволен. Но Мария Яковлевна не состоит членом Туркестанского национального объединения. Поэтому это письмо я отправляю тебе через Акбар-ага Шайхелислама. Я на конгрессе выступал не в качестве члена Туркестанского национального объединения, а как представитель партии «Эрк», связанной с объединением. При этом я участвовал там не в качестве члена, а как гость, и все это тебе самому хорошо известно. Туркестанское национальное объединение действует на основе общей «платформы из семи пунктов», объединяющей две большие туркестанские партии и Алаш Орду. Эти три партии, не нарушая цели и задачи, определенные в тех семи пунктах, имеют право принимать участие в работе любого конгресса. Существование названных партий после эмиграции из Туркестана ведущих их членов весьма проблематично. Среди эмигрировавших число членов этих партий составляло всего двадцать два человека. С членами партий, оставшимися на родине, у нас нет постоянной прочной связи. Разумеется, если Туркестан добьется самостоятельности, эти партии смогут работать в зависимости от достигнутых им успехов в ходе демократических выборов. Я верю, что эта «программа из семи пунктов» будет в будущем полезной, так как дает основу для создания коалиции. Почему же партия «Эрк» открыто приняла социалистическую программу? Основной причиной отдаления туземного рабочего класса от национальных организаций и сближения с местными русскими рабочими организациями послужило то, что такие деятели, как ты, в 1917 году в Коканде,

Абделькадир Мухитдинов в 1921 году в Бухаре в резкой форме выступили против социализма. Будучи товарищем председателя правительства, ты вступил в полемику с Чаньшевым и открыто объявил, что правовые вопросы Вы понимаете в буржуазном смысле и не пожелали сблизиться с рабочими профсоюзами, выступили против идеи о том, что квартиры для рабочих и служащих среднего достатка должны строиться государством. Тогда ты заявил: «Если хотят, пусть Потеляхов в Коканде, богач Миркамил в Андижане купят все дома и сдают их народу в аренду, это не противоречит праву», — и ты был признан как антисоциалистический политик. Именно в то время возникла идея создания партии рабочих «Туде», которая была направлена к размежеванию между рабочими мусульманами и русскими социалистическими партиями и профсоюзами.

В июне 1917 года Хамза Хакимзаде²³⁸ в Самарканде, Махмудходжа Бехбуди и я, стремясь создать национальные профсоюзные объединения, основную свою задачу видели именно в достижении этой цели. Азербайджанская национальная социалистическая партия, партия Мусават²³⁹ в 1918—1919 годы сумели очень хорошо организовать подобные национальные профсоюзы.

Социализм мы представляли в качестве демократической федерации, объединяющей в масштабе России национально-государственные образования, возникшие на основе учета своеобразия каждой нации. Мы были против диктаторского давления. А Российская коммунистическая партия в масштабе всей России повела политику империалистического социализма. В то время ЦК РКП разрешил создать в Москве «Мусульманский центр», предназначенный помогать большевикам в их пропаганде среди мусульман, но не позволил создавать филиалы этого центра на местах. В 1919 году в Туркестане идея социализма получила широкое распространение, а создание несоциалистических партий было запрещено.

Мы и после эмиграции надеялись влиять на ситуацию в Туркестане извне через национальные социалистические партии. Действительно, это все еще возможно. В 1920 году программу партии мы составили, приравливаясь к условиям России, и после эмиграции не сочли нужным изменять ее.

Ты спрашиваешь, сможет ли партия «Эрк» завоевать авторитет среди народа. Почему бы нет, если она останется верна национальной идее и исламу? Только партия должна научиться действовать в условиях демократических свобод. Обо всем этом мы в 1917 году долго совещались с Махмудом Ходжой и Хайретдином Балгынбаевым. И сейчас вместе с

Азимбеком изучаем опыт германских организаций, который может быть полезен для достижения наших целей. Здесь соединение национальной идеи с социализмом идет по двум направлениям. Одно направление — движение национал-социалистов. Но оно основано на ненависти к евреям. Германский расизм и протестантизм противопоставляют католицизму и окончательно встали на путь диктатуры. А мы, сберегая чувства таджиков, во многих случаях вместо слова «тюрк» используем слово «мусульманин» или «туркестанец». То есть расизм нам чужд. Второй путь немцев — христианско-социалистическое движение. Возможно, у них кое-чему мы сможем научиться. Мои представления о социализме основаны на научных знаниях. Я в свое время тщательно изучил труды Герцена, Чернышевского, Маркса, Плеханова, Ленина, Чернова. Система материалистического взгляда на историю, содержащаяся в научном социализме, может помочь нам объективно описать историю нашей родины, но другие стороны этой теории в Туркестане нельзя будет претворить в жизнь. Но если социалистическая теория, взяв за основу демократию и эволюционное развитие, сумеет соединиться с национальной идеей и исламскими ценностями, то она сможет оказать влияние на широкие народные массы в Туркестане. «Эрк» — партия, свойственная лишь Туркестану. Ее программа и идеи не пригодны для распространения и использования в других странах.

В программе джадидов нет внутренней последовательности. Основа их программы из 19 пунктов составлена мною. По некоторым пунктам джадиды дискутировали месяцами. Бесконечные споры между ними оставляли удручающее впечатление. Не достигнув ясности по финансовым, экономическим проблемам, по вопросам о кооперации, невозможно создать программу буржуазно-демократической партии. Ты эту партию вместо джадидской желаешь назвать «радикальной», но программы, включающей в себя экономические проблемы, не имеешь. Сейчас самое лучшее для всех нас — «общая платформа из семи пунктов». Было бы хорошо не раздувать наши разногласия, имеющиеся за пределами этих семи пунктов. Я советовал тебе встретиться с Рашидом Саффетом. Узнал, что вы встретились. Ты и ему выразил свое недовольство моим участием в конгрессе социалистов, говорил о своей близости к Милокову, о том, что публикуешь статьи в его газете и объяснял Саффету суть идейного разногласия между Милоковым и Меньшиковым. Для этого человека, когда-то бывшего секретарем Талаат-паши, вряд ли такие вопросы имеют какое-либо значение.

Мое участие в Берлинском конгрессе **объясняется** тем, что эти люди как социалисты проявляли интерес к нуждам таких малочисленных народов, как наши. И сейчас я узнал, что Роза Люксембург в своих письмах, написанных незадолго до смерти, с сожалением писала о том, что РКП встала на **путь** российского империализма, и обещания РКП признать право на самоопределение народов, зависимых от России, оценила как обман. Мир стремительно меняется. И тебе было бы полезно встречаться с социалистами, положительно относящимися к федеративным связям с социалистами угнетенных народов и не являющимися сторонниками колонизаторов. Ты как правовед в 1917—1918 годы пытался доказать, что «конфискованное имущество Потеляхова должно быть возвращено **владельцу**». Ныне не удастся защитить права Бухарского эмира, Потеляхова и богача Миркамила. За прошедшие семь лет произошли такие перемены, которые трудно укладываются в голове. А будущие семь лет будут отмечены еще большими переменами, об этом заговорили и либералы, не являющиеся социалистами. В государствах стали национализовать системы связи и транспорта.

Независимость печати — святое право народа. Нельзя будет допустить чтобы печать всецело находилась в распоряжении буржуазии. Крайне отрицательные последствия имеет тот факт, что вся печать в России, как и в царские времена, находится в руках государства и одной партии. Лишение права народов быть хозяевами собственных богатств приведет к установлению неограниченного господства над личностью. Эту истину вряд ли ты будешь отрицать. По **существу**, это и есть тот социализм, против которого с такой ненавистью ты выступал в 1917 году. Это поистине мировая проблема, поэтому объяснять ее специально применительно к Туркестану нет никакой необходимости. Мы должны будем принять то, что будет принято во всем мире. Суть в следующем: мы не должны обмануться империалистическим, диктаторским социализмом великих **держав** и будем стремиться к социализму, который не ограничивает права наций и свободную волю личности, а защищает самостоятельность народов и сохраняет верность демократическим нормам. Все эти вопросы были тщательно обсуждены в отделениях Туркестанского национального объединения в 1920—1921 годы в Бухаре и Самарканде. Ввиду того, что тебя тогда уже не было в Туркестане, обо всем я написал подробно. Краткое содержание данного письма я разослал также Усману Ходжаеву, Назиру Магзуму, Мустафе Шахкули в Стамбул, Абдельхамиду Арифову и **Тураббеку** в Мешхед. Если я допустил неточность, они напишут и мне и тебе. 1 февраля 1925 года».

**Встречи
с немецкими
социалистами
и с Каутским**

Взгляды участников конгресса **социалистов на права** колоний и отсталых народов в условиях будущего социалистического общества были весьма различными. Во всяком случае, я не смог согласиться с большинством высказанных там мнений. Поэтому решил поговорить с представителями других партий в Берлине, а также с деятелями, не относящимися к кругу социалистов. Прежде всего я встретился с двумя членами парламента, состоящими в социал-демократической партии Германии, к которой принадлежал и Президент республики Эберт²⁴⁰, а также с главным редактором их газеты. Встреча состоялась в редакции газеты «**Vorwärts**», занимавшей довольно большое здание. С помощью редакторов этой газеты мне удалось встретиться с духовным лидером германских социалистов того времени Карлом **Каутским**²⁴¹. Я был давно знаком с его трудом «**Материалистическое понимание истории**», который послужил основой Н. Бухарину для написания его книги «**Исторический материализм**». Десять лет спустя во времена гитлеровского правления в Вене мне удалось тщательно изучить труды К. Каутского. В результате обстоятельной беседы с этим великим ученым, состоявшейся 1 января 1925 года, я выяснил, что у него нет какого-либо основательного мнения о судьбе угнетенных народов России. В ходе всех этих бесед переводчиком был Азимбек Биримжан. Из разговора в редакции газеты «**Vorwärts**» с ее наиболее выдающимся журналистом Фридрихом Штампфером стало ясно, что руководители этой очень сильной партии подвержены непомерной самоуверенности и гордости и поэтому к проблемам наших малочисленных и зависимых народов относятся свысока, считая эти вопросы второстепенными и, более того, готовы следовать колониальной политике. В ходе конгресса один из друзей Карла Либкнехта Вегман поговорил со мной, пригласив в отдельную комнату. Он мне показался деятелем, который не будет ратовать за возвращение германских колоний. И я после завершающего заседания конгресса отдельно встретился с **немецкими** представителями, где сказал: «**От немецких социал-демократов, не отвергающих колониальную политику, добра ждать не приходится. Если немецкий народ, отказавшись от appetитов захватнической политики и оставив это дело Англии, Франции, Бельгии и Голландии, объявит о своем признании принципа признания прав угнетенных народов, то он завоеует чувство глубокого уважения восточных народов. В 1914 году в начале войны по отношению к вам пробудились именно такие чувства**». Вегман одобрительно вос-

принял эти мысли. После окончания конгресса Штаренберг сказал мне: «Вы, приняв участие в этом конгрессе в качестве гостя, добавили ей новую, интересную черту».

Встреча
с генералом
Шлейхером

Я пожелал встретиться с одним из видных лидеров несоциалистических политических кругов — с генералом Шлейхером, выполнявшим в то время обязанности начальника Генерального штаба Германии. Эта встреча стала возможной благодаря немецкому офицеру Лемману, который был ярким врагом социал-демократов. Говорили, что когда один из его друзей, вступивший в социал-демократическую партию, протянул ему при встрече руку, он сказал: «Убери руку, засунь в карман!» В Кабуле при встрече я ему говорил о том, что направляюсь в Европу, намерен посетить и Германию. На что он сказал: «Я дам адрес моего друга, Вам может понадобиться его помощь», — и дал небольшую записку, не запечатав конверт. В записке обо мне было сказано: «Очень хорошо ориентируется в делах Средней Азии».

Мне удалось найти его друга, который оказался офицером вермахта и так же, как и сам Лемман, прекрасно владел русским языком. Он спросил меня: «Что же Вы желаете?» Я сказал: «Если это возможно, я хотел бы на несколько минут встретиться с генералом Шлейхером», — и объяснил ему предмет разговора. Мы с генералом поговорили около пятнадцати минут. «Сможете ли вы разрешить нам вести деятельность в Германии, а также нет ли у вас возможности оказать нам материальную помощь для организации печати?» — спросил я у него. «В получении разрешения нет никакой необходимости, занимайтесь вашими делами по своему усмотрению. Сообщайте обо всех ваших делах время от времени и мне. Но материальной помощи оказать мы не сможем. Мы все еще живем в духе прошлой войны и главным своим врагом считаем французов. В этой связи свою химическую и авиационную индустрию намереваемся разместить в Советях. Поэтому мы не можем ни участвовать, ни оказывать помощь политическим движениям, направленным против русских. Вы в Кабуле оказали помощь нашему офицеру Лемману, поэтому мы к Вам отнеслись с вниманием», — ответил он. Со слов генерала я узнал, что встреченный мною в Кабуле Лемман был офицером Генштаба Германии по фамилии Мюстер, служивший за границей под вымышленным именем. Идею размещения германской химической и авиационной промышленности в стране Советов я нашел весьма странной, крайне этому удивился и все свои сомнения по этому поводу открыто высказал и самому генералу.

Беседы
с иранскими
азербайджанцами

22 апреля мой азербайджанский друг Гусейн Кязимзаде пригласил нас в дом одного своего соотечественника, жившего в Берлине с семьей. Был приглашен и другой иранский азербайджанец с супругой и сыном. Среди собравшихся был также иранский писатель Касим Ганизаде. Были предложены вкусные иранские блюда. О мальчике, разговаривавшем с матерью на азербайджанском языке, мой друг Абделькадир сказал: «Не взглянуть бы, как хорошо ребенок разговаривает на тюркском языке!» На что отец ребенка ответил: «К сожалению, разговаривает», — выразив тем самым свое негативное отношение к собственному родному языку. Ганизаде, стараясь сгладить возникшую неловкость, стал объяснять, что в Иране азербайджанцы никогда не пишут на своем языке, пишут всегда на фарси, и вообще не в столь отдаленном будущем тюркский язык будет вытеснен, а азербайджанцы турками не являются. У него была и брошюра на тюрки, опубликованная в виде ответа некоему османскому турку по имени «Рушани бей». Однажды турецкие войска под командованием Кязима Карабекира-паши, находясь в Иранском Азербайджане, отнимали вещи, самовары местных азербайджанцев. Поэтому они недолюбливают турков. Ныне в Иране азербайджане своим детям дают не тюркские, а иранские имена наподобие таких, как Джемшид, Хушен и т. д. Короче, это застолье было малоприятным. И Гусейн Кязимзаде просидел, не проронив ни слова. Однако хозяин дома не был сторонником столь кардинальной иранской ассимиляции. Он достаточно резко выступил против мнения остальных азербайджанцев. И я сказал: «Мы, туркестанцы, очень любим персидскую литературу. Но если вы встанете на путь уничтожения здесь всего тюркского, и у нас эта любовь исчезнет. В России дагестанец Искандер Муратбек еще в 1882 году в одной из своих статей писал: «Мы должны, оставив свой родной язык, переходить на русский». В то время это было ошеломляющим заявлением. Принуждение тюрков в Иране к ассимиляции, запрещение тюркским матерям разговаривать со своими детьми на родном языке было возможно лишь во времена монархии Каджаров. Если когда-либо и у вас установится подлинная демократия, вы не сможете запретить неиранскому населению открывать школы на своем языке. Такого рода запрещения непременно приведут к продлению жизни монархизма или к возникновению диктатуры персидского национализма».

Следовательно, в Иране, наряду с тюрками патриотами, встреченными нами здесь, выросли и личности нового типа,

которые **испытывают** отрицательные чувства по отношению к своей собственной нации.

В это же время и в России Советы начали в Туркестане процесс национального размежевания в зависимости от деления тюркских народов на различные племена и стали вытеснять из употребления понятия «тюрк» и «**Туркестан**». Это означало, что, как в России, так и в Иране сформировался единый фронт против тюрков. Десять лет тому назад, читая «Путешествие **Ибрагим-бека**»²⁴² и «**Даруррахадских мусульман**», мы и не придавали никакого значения тому, что одно из произведений написано на языке крымских татар, а другое — на фарси. И вот отныне мы будем вынуждены не только в Иранском Азербайджане, но и среди тюрков России вести борьбу против людей нового типа, которые постараются стереть с наших душ чувство единства тюркской цивилизации. Этим людям специально подготовили для того, чтобы отрицать общность тюркских **народов**. Короче, мы с Абделькадиром в тот день вернулись в наше жилище, охваченные тревожными чувствами, в смятении обсуждая, что же ждет наши народы в будущем.

Из числа тюркских правителей династия Каджар в Иране и династия **Мангытов** в Бухаре были самыми бездарными. Династия Маньчжуров, вышедшая из семьи урало-алтайских народов, управляя Китаем, все свои усилия направляла на сохранение собственного языка и литературы. А династия Каджар, наоборот, не предприняла никаких мер против распространения и укрепления среди азербайджанских тюрков, составлявших основу их собственного правления, выдумки иранских националистов, утверждающих, что якобы в Иране «вытеснение и исчезновение в будущем тюркского языка — явление **предрешенное**». В будущем эта династия понесет наказание за собственную недалекость.

Сегодня люди, впавшие в глубокое заблуждение и сожалеющие о том, что их дети разговаривают на тюркском языке, ведут себя так, как будто именно они достигли понимания окончательной истины. Но азербайджанский язык не исчезнет. Азербайджанский язык не будет переживать ту же судьбу, что переживала тюркская культура после гибели в 1912 году Маньчжурской династии, так как эта династия составляла меньшинство, враждебное демократии. Поэтому после ее падения и язык ее был обречен на исчезновение. А что касается Азербайджана, хотя он и разделен на две части, все же сумел взрастить своих борцов за демократию, способен достигнуть успеха в борьбе против деспотизма. Династия Каджар, существующая как пережиток прошлого, обречена

на гибель. Несмотря на потуги иреджских мурз, прикладываемых немало усилий, чтобы способствовать ассимиляции собственного народа среди персов, однажды это общество достигнет до стремления защитить собственный язык демократическим путем.

Все это мне объяснили азербайджанские интеллигенты, с которыми я познакомился и общался в Мешхеде год тому назад.

**Переписка
с нашими
друзьями,
оставшимися
на Востоке**

Я хорошо понимал значение своих встреч и бесед с самыми различными политическими деятелями и интеллигентами многих народов, находившихся в Германии. В особенности после короткой встречи с К. Каутским и генералом Шлейхером я почувствовал, что в некоторой степени начинаю понимать состояние политических дел в Европе. Не упоминая их имен, некоторым своим друзьям, оставшимся на Востоке, я отправил письма через людей, отъезжающих в Иран. Это были бывший военный министр Бухары Абдельхамид Арифов, потомок известного рода из Джизака Тураббек Турабеков, ташкентец **Садретдин-хан**. Копия моего очень подробного письма, написанного 12 января 1925 года, сохранилась до сих пор. В этом письме я отразил итоги того, что нам удалось изучить и понять в делах мировой политики за два года после отъезда из России в марте 1923 года. Тураббек и Абдельхамид с глубоким недовольством поведали в своем письме и о том, что они пешком добрались из Мешхеда в Тегеран и, обратившись в Турецкое посольство с просьбой выдать им визу для поездки в Турцию, получили отказ. Не удостоившись благосклонности иранцев, они впроголодь, пешком вернулись в Мешхед. Они попросили меня сообщить о том, что мне удалось узнать в Европе, какие же конкретные серьезные меры принимает свободный мир против Советов. Прочитав в их письме, что они, если в ближайшее время не предвидится никаких реальных результатов, намерены вернуться в Туркестан, я тотчас написал и отправил свое вышеупомянутое большое письмо. После прибытия в Европу я своим друзьям, оставшимся в Мешхеде, Пешаваре и Стамбуле, отправил подробные письма политического содержания (24 февраля, 15 и 18 октября, 13 ноября 1924 года). Эти письма в **10—15** листов каждое содержат в себе суть всей информации, которую нам удалось накопить в свободном мире о мировой политике и об отношении мира к делам Средней Азии, а также сведения о положении в Туркестане, накопленные вышеупомянутыми тремя моими друзьями в Тегеране, Мешхеде, **Кабуле**,

Газне и Кветте. В 1926 году по пути в хадж муфтий Казахстана Магади Кази на неделю остановился в Стамбуле. Из его уст мне было радостно узнать, что два моих письма дошли до Кызыл Орды и были прочитаны тамошними интеллигентами. Это были мои последние письма, написанные 12 и 28 февраля 1925 года. Содержание последнего письма заключалось в следующем: «Будучи в России, мы постоянно слышали, будто «в Европе все известно и что там строятся различные планы против Советов». Но все это оказалось выдумкой самих большевиков. На самом деле здесь такого движения не ощущается. В целом до сих пор какого-либо **основательного**, однозначного отношения к Советам нет. События и политическая мысль протекает в Европе по сравнению с Советами весьма вяло. Например, труд К. Каутского о революционных изменениях в земельных отношениях при Советской власти, написанный в 1925 году, основан на статистических данных 1916 года. Оказалось сильным преувеличением и мнение, будто на мир капитализма социалистическая революция оказала очень большое влияние. Это мне впервые объяснили в Бомбее в комитете Халифата. И в газете «**Ал-Мухаттам**» (14. XI. 1924), выходящей в Египте, мы прочитали те же мысли. В Харбине татары-эмигранты в своей газете «**Дальний Восток**» (до сих пор вышли 35 номеров) опубликовали некоторые сведения из японской прессы. И там приводится та же мысль. Попытки подготовки коммунистической революции потерпели полную неудачу, в мире усиливается идея эволюционного развития. При беседе с итальянскими социалистами Ненни и Балабановой они **говорили**, что «III Интернационал на сегодняшний день обречен на деградацию под пятой мощных традиций русского империализма. Ввиду того, что английские и немецкие социалисты остались верны Второму Интернационалу, создание Четвертого Интернационала не даст возможности развернуть пропаганду в тех же масштабах, в каких ее сумели организовать в свое время Второй и Третий Интернационалы. Балабанова, прибывшая в Италию из-за возникновения идейных расхождений с Лениным, считает, что в России необходимо защитить социалистическую революцию от русского империалистического национализма, и в этом вопросе солидарна с Троцким. Балабанова желает, чтобы социал-революционеры были едины с угнетенными народами России. В этом деле от Второго Интернационала никакой пользы нет. Как показывают накопленные сведения, многие русские эмигранты положительно оценивают то, что большевики принимают прежние великорусские традиции, некоторые из них, вернувшись в Россию, начали и за плату, и бесплатно служить советскому импери-

ализму. Прежнее «Новое время» ныне **выходит** в Париже. Мне кажется, Марков 2-й²⁴³, Милюков, Керенский, несмотря на то, что пока критикуют Советы, в будущем поддержат внешнюю политику большевиков. Известный политик правого толка Изгоев в своих статьях, опубликованных в газете «**Руль**», выразил свою радость по поводу того, что внешняя политика большевиков развивается в направлении, угодном русским национальным притязаниям. В одном из последних номеров этой газеты, от 25 апреля 1925 года, Изгоев писал: «Большевизм как идеология теряет свою силу. Ныне никто не захочет ради нее жертвовать своей жизнью. Но в Советской России усиливается национальное чувство, сейчас Советы ради славы России способны поднять против любого другого государства сотни тысяч людей. В Советах и среди их сторонников в свободном мире ныне дела ведутся не мощью идеологии, а силой денег и приказов. Богатства России несметны, поэтому большевики достаточно долго смогут заставлять работать в свою пользу продажные души, покупая их за взятки. Если дело приобретет такое направление, деятельность большевиков вынуждена будет ограничиться лишь пределами **России**».

Что касается эмигрантов-мусульман, они устанавливают связи с различными русскими политическими кругами в соответствии со своими политическими взглядами. Садри Максуди и Мустафа Чокаев сблизилась с кадетами, с Милюковым, а Гаяз Исхаки, **Фуат Туктаров**, Ахмет Цаликов²⁴⁴ — с Керенским. Из числа русских эмигрантов мы общаемся с группой Виктора Чернова и с некоторыми русскими эсерами, однако остаемся самостоятельными, стараемся сохранить тесные отношения с представителями Турции, Ирана, Афганистана, с азербайджанцами **Расулзаде** и **Алимардан** беями. И в Берлине установили связи с людьми Турции, Афганистана, Ирана и с Черновым. Остаемся верны программе «**Эрк**», поэтому выступаем против сближения с партиями, не разделяющими нашу идею о самостоятельности наших **народов**. В этой связи 24 декабря я в качестве гостя принимал участие в работе съезда левых социалистов, выступающих в качестве сторонников революции. С поляками открыто обмениваемся мнениями. Они намерены открыть «Восточный университет» и в целях защиты интересов народов, оставшихся в зависимости от России, помогут издать журнал на русском и французском языках. Для продолжения нашей борьбы, если появится такая возможность, мы готовы принять помощь из Америки, даже желали бы, чтобы в Мешхеде была открыта Американская аграрная школа для молодых туркестанцев.

Об этом беседовали и с деятелями Ирана, вручили иранскому правительству просьбу об оказании помощи нашим землякам. Однако вопрос о получении помощи из Америки находится на уровне желаний, мы с ними никакой связи еще не установили. Если аграрная школа будет открыта, среди туркестанской молодежи увеличилось бы число владеющих английским и французским языками. Но у англичан помощи просить мы не намерены. Они в Индии и Средней Азии продолжают вести ту же политику, какую вели во времена лорда Гордона²⁴⁵. Лидер лейбористской партии Макдональд два года находился у власти, но образ мыслей у них ничуть не изменился. Это хорошо знает и Абдельхамид Арифов. Англичане воспринимая среднеазиатцев как народ, который может нанести вред интересам Англии. Из-за этого они в Индии не позволили нам ни с кем встретиться.

Если в Мешхеде будет открыто аграрное учебное заведение, появится возможность и вам устроиться там и заняться полезным нашему народу делом. Но в мире капитализма и демократии нет единства, мировая политика продолжает двигаться на тех же рельсах, на которых она находилась до Первой мировой войны. Нелегко объяснить, как все это вредно для будущего. Кроме того, у нас нет людей, владеющих европейскими языками. Чокаев в этом году начал серьезно изучать французский язык. К сожалению, нет никого, кто мог бы написать статьи на английском языке. Пока мы успеваем объяснить европейским народам и американцам наши нужды и требования, Советы успеют во все это вмешаться, окажут давление и на Иран. Восточные государства трусливы, Европа безынициативна, ее политика не отвечает требованиям нынешнего времени, высокомерна и запутанна.

В вопросах организации печати, может, помогут поляки. Они обещали нам помочь в издании журнала «Туркестан». Россия ныне не будет пытаться расширять свои внешние границы, но, отняв права и имущество сельского населения народов, оказавшихся под их зависимостью, преследуя ислам, попытается установить новую советскую «религию», называемую «интернационализм», и постарается уничтожить наш язык. Во всяком случае, они на нашей родине приложат максимум усилий, чтобы начисто уничтожить там национальное движение. Большевики отложат на будущее идею осуществления коммунизма в мировом масштабе и будут опираться на план осуществления его в пределах России. Ни одно из европейских государств не требует восстановления прав народов, оказавшихся в зависимости от России, они не собираются объявлять войну Советам. То есть в своей борьбе

против русских большевиков мы оказались теперь в одиночестве. Но у европейских народов есть собственные интересы, и они наши единственные союзники. Советы не смогут нас вечно держать в «гетто». По словам учителя Ташкентской гимназии мсье Кастанье, человека, хорошо знающего туркестанские дела, во Франции среди людей, занимающихся делами Азии, встречаются и такие, которые рассуждают следующим образом: якобы русские в России имеют право, уничтожив и ассимилировав казахов, башкир, туркмен, образовать новую Америку, как это было сделано американцами, вытеснившими индейцев с их исконных земель. Тот же Кастанье считает, что между представителями различных наций, объединившихся в III Интернационал, непременно возникнут противоречия. Во всяком случае, мы должны приложить все усилия, чтобы наши народы могли жить как единая нация в едином государстве. Я думаю, что будущее принадлежит передовому национализму, принявшему принцип демократического социализма. В Европе распространяется мнение, что в борьбе против большевизма не осталось иного пути, кроме как применение против них тех же методов, которыми пользуются они сами».

12 февраля 1925 года я Абдельхамиду и Тураббеку написал следующее письмо: «Вы были вынуждены идти пешком из Тегерана в Мешхед, тем не менее не торопитесь оторваться от свободного мира, так как вернувшись в Россию, вы останетесь в таком положении, что будете мечтать о своих пеших странствиях как о благе. Мы за эти два года в Иране, Афганистане, Индии, Франции и Германии встретились с очень многими людьми и беседовали о будущем всего мира, а также Средней Азии. Опасаясь, что это письмо будет вскрыто, многие имена не буду называть. Несмотря на то, что во всем мире господствует политический мрак, верю, остается несколько источников надежд:

1) Коммунистическая теория не смогла завоевать весь мир, замкнулась в пределах России, и, смешавшись с русским империализмом, обречена раствориться в шовинизме. Отныне большевизм для распространения в мире будет вынужден пользоваться не мощью оружия, а силой денег.

2) Русский народ поверил, что он, опираясь на свои империалистические традиции, на путях достижения коммунизма даже через голод и бедность сможет завоевать влияние во всем мире. Возможно, эта вера у них ныне начнет ослабевать. Россия не сможет согнуть волю всего человечества и будет в конечном счете вынуждена отступить. Финский профессор Нильсон говорил мне: «Финские коммунисты никогда не по-

жертвуют свою родину русским товарищам, обманувшись на какие-то классовые интересы. Верю, что со временем и коммунисты других народов станут такими же. Вы там, в Средней Азии, а мы здесь, в Европе, даже оставаясь голодными, должны продолжать верить тому, что наши народы вновь обретут свою самостоятельность и свободу».

В Китае в эпоху династии Вэй²⁴⁶ тюрки были подвержены вынужденной ассимиляции, утратили свой язык, но при появлении возможности они восстановили и свой язык и свою самостоятельность. В то время народ к пропасти трагедии исчезновения привел буддизм, выдвинул его к ассимиляции среди китайцев. А нас в конечном счете спасет ислам. Коммунизм перестал быть самостоятельной теорией, он превратился всего лишь в орудие в руках русского империализма и это поймут во всем мире. Мы, члены Туркестанского национального объединения, два с половиной месяца тому назад собрали здесь наш конгресс. Советы убрали из употребления слово Туркестан, образовали пять отдельных республик и вместо единого Туркестана намереваются образовать пять отдельных народов, создав для каждого из них отдельную грамматику, издав словари. Позже, сославшись на то, что эти языки не в состоянии стать полноценными, начнут принуждать переходить на русский язык. На конгрессе мы тщательно обсуждали эти вопросы. Если турецкий язык обретет форму, приемлемую и для Средней Азии, то и наши языки определили бы направление своего дальнейшего развития. Но сегодня в нашей политической жизни, в существовании нашего языка начинается крайне мрачный период, аналогов которому трудно было бы найти во всей нашей прошлой истории. Во всяком случае, наши народы со своей тяжелой судьбой не останутся вне внимания народов мира.

Эта беда, то есть опасность слабого быть проглоченным сильным, является общей для всех народов Восточной Европы и Средней Азии. Народы мира окажутся перед необходимостью совместно искать меры защиты против этой опасности. Способность русских расти, как вампир, поглощая все соседние народы, предварительно разобшив их друг от друга, сильно пугает государства, граничащие с Россией. Россия никогда не отступает от возможности поглощать своих соседей политически; если это невозможно, то стремится сделать это в сфере культуры. Пусть сам Бог будет защитником наших народов. Это все, что нам удалось здесь узнать, мы отнюдь не одиноки в своей борьбе за национальное освобождение. 12.02.1925».

написания
истории
Туркестана

Дела, которым я в Берлине придавал особое значение, заключались в написании Современной политической ИСТОРИИ Туркестана и опубликовании ее на одном из европейских языков, издание на турецком

и европейском языках журнала, отражающего проблемы Туркестана, поиск журналистов и специалистов, способных помочь нам в этом деле. Работа над историей Туркестана шла успешно, и после прибытия в Стамбул эту книгу мне удалось издать в Египте. Мои друзья проф. Эберхард и доктор Анхеггер перевели книгу на немецкий язык для издания в Германии. Мистер У. Э. Д. Аллен на свои средства перевел труд с немецкого на английский, но оба перевода не были опубликованы. Копии немецкого перевода хранятся у меня и у мистера Аллена, а копии английского перевода имеются у мистера Аллена и в библиотеке Гарвардского университета. Один из английских губернаторов в Индии сэра Олафа Кэроу краткое содержание книги по английскому переводу изложил в своей книге «Советская империя и тюрки Средней Азии». Благодаря этому труду сэра Олафа содержание моей книги и в особенности мои мысли об освободительной борьбе в Туркестане, написанные мною в Берлине в 1924—1925 годы, стали широко известны.

При встрече в Лахоре в 1958 году с Президентом Пакистанской республики Мирзой Искандером Али, а в 1964 году в Дели — с руководителем Индии Джавахарлалом Неру я узнал, что о нашей освободительной борьбе и обо мне самом они узнали из книги сэра Олафа и говорили о целесообразности издания моего труда целиком на английском языке.

Что касается вопроса о журнале, немцев заинтересовать этим не удалось. Однако украинские социалисты пожелали осуществить эту идею как дело, соответствующее интересам всех народов, попавших в зависимость от России. С лидером партии украинских социалистов Шаповалом мы многократно встречались в гостинице «Эксельсиор». Как начало издания журнала Шаповал предложил выпустить сборник статей, объединяющих социалистов народов, оказавшихся в зависимости от России, назвав его «Национальный вопрос и национальное право в России с точки зрения революционного социализма», после чего с помощью чехов и поляков организовать издание трех журналов, которые должны стать идейными центрами социалистов Украины, Кавказа и Туркестана. Я же считал целесообразным издание лишь одного общего журнала. По содер-

жанию беседы с Шаповалом было заметно, что он обменялся мнениями и с поляком Стемповским. Я знал, что по всем этим вопросам мнения чехов и поляков отличались. Русские революционеры превратили Прагу в свой центр. Стемповский вел со мною разговоры и об открытии в Варшаве «Восточного института», но никоим образом при этом не упоминал чехов, считал, что финансовую сторону дела на себя возьмет польское правительство. Теперь же, по мнению Шаповала, планируемый к изданию журнал не будет столь масштабным, как это полагали поляки, а станет органом лишь нескольких социалистических партий. Для обсуждения вопросов, связанных с изданием этого журнала, Шаповал свел меня с белорусскими и литовскими представителями, принявшими участие в том же конгрессе левых социалистов. На одном из обсуждений, состоявшемся 1 января 1925 года, они мне сказали: «Через три дня (то есть 4 января) в доме Карла Либкнехта поговорите с его братом, а также с Вегманом, редактором газеты «*Klassenkampf*». Он о Вас хорошего мнения, влиятелен. Если не помогут поляки и чехи, может быть, движение всех левых социалистов удастся объединить вокруг журнала, издаваемого во Франции». Я высказался в том смысле, что в случае, если наряду с данным журналом, издаваемым социалистическими организациями угнетенных народов России, будет издаваться общий журнал социал-демократических кругов таких народов, как грузины, армяне, нам следует к этому относиться положительно. Связи, возникшие между левыми эсерами и левыми социалистами различных угнетенных народов России, мне показались обнадеживающими. Через некоторое время этому журналу дали название «Прометей». Кажется, такое название предложили кавказцы.

Для обсуждения этого вопроса мы пригласили из Парижа в Берлин Мустафу Чокаева, и я ему рассказал о путях осуществления плана Стемповского, о формах нашего участия во всем этом деле. Разумеется, в деле издания журнала «Прометей», видимо, были и другие, не известные нам обстоятельства. Тем не менее свои переговоры, связанные с этим делом, привлечение к нему Мустафы Чокаева я считаю одним из самых успешных своих организационных дел, предпринятых после отъезда из Туркестана. Короче, в Варшаве будет создан «Восточный институт», занимающийся преимущественно нашими проблемами, а в Париже при содействии поляков начнет издаваться на французском языке «Прометей».

Все эти встречи и обсуждения оживили и третье дело, которое нужно было сделать — подготовку кадров, способных вести в Европе борьбу за освобождение Туркестана. Из числа

молодежи я считал наиболее подготовленными для этой деятельности казаха Азимбека Биримжана, помогавшего мне в Берлине как переводчик, узбека Абдельвахаба М. Мурада, бухарца Ахмеда Нагими и башкира доктора Галимзяна Тагана. Все это я говорил и некоторым туркестанским студентам, проживавшим в пансионе «Зох», и сказал, что было бы целесообразно, если бы Азимбек Биримжан или Ахмед Нагими, находясь рядом с Чокаевым в Париже, учились там французскому и английскому языкам. Однако Чокаев по какой-то причине не пожелал взять к себе этих молодых людей, хотя материально они были бы обеспечены и не стали бы его обременять. Он сказал, что из социалистов не будет вступать в тесный контакт ни с кем кроме тех, кто близок к кругу Керенского. Этого мнения он придерживался издавна. В журнале, посвященном угнетенным народам России, издаваемом в Париже на французском и русском языках, успешно мог бы заниматься Усман Куватов. И Чокаев отнесся к этому одобрительно. Незадолго до нашего прибытия в Европу Куватов уехал на родину, в надежде, что еще вернется в Европу. Но Советы его не выпустили обратно. Короче, из-за того, что Чокаев проявил равнодушие к своему земляку Биримжану, и эта идея не осуществилась. Я рекомендовал ему и молодого узбека по имени Абдесаттар, но Чокаеву и он чем-то не понравился.

Связи
с «Российским ком»
Академией Наук

3 января поступили почтой оттиски моей статьи об обнаруженных мною в Мешхеде трудах Ибн Фадлана, Ибн Факиха и Абу-Дулафа, опубликованной в журнале Российской Академии Наук. Оттисков было 25 экземпляров. Я разослал их в Париже мистеру Феррану, проф. Дени, Минорскому, Кастанье, мирзе Мухаммеду Казвини и Садри Максуди, в Англию проф. Брауну, Денисону Россу, в Берлине Захау, Маркварту, в Стамбуле Фуату Кёпрюлю-заде, в Анкаре Юсуфу Акчуре. Через несколько дней все они прислали письма с поздравлениями и пожеланиями дальнейшего успеха. Профессора Бартольд, Самойлович, Крачковский²⁴⁷ написали мне письма, в которых выражали пожелание, чтобы я и впредь публиковал свои научные статьи в изданиях Российской Академии Наук и что это будет встречено учеными России вполне благожелательно. Крачковский же подчеркнул, что в России особый интерес вызывает моя работа над трудом о Бируни. Переписка с российскими учеными, участие в научных изданиях тогда никаких препятствий не встречали. Но после появления моих статей политического содержания, направленных против Советов в таких периоди-

ческих изданиях как «**Klassenkampf**» и «**Знамя борьбы**», **положение** резко изменилось. **Лишь Бартольд** не прерывал **с** мною переписку.

Профессор 9 января меня посетили профессор Гель-
из Финляндии синфорского технологического универ-
Янсон ситета в Финляндии Янсон и казанский
татарин Хамит Зубеир, учившийся в то
время в Турции. Мы беседовали около четырех часов. Цель
Янсона — объединение финнов, народов Азии, угнетенных
народов России против колонизаторской политики Москвы.
Он вел разговор исходя из мысли, что к этому делу можно бу-
дет привлечь также и Турцию, Иран и Афганистан. Он ска-
зал, что с помощью посла Финляндии в Токио проф. Рамсте-
да²⁴⁸ к этому делу можно будет привлечь и Японию. Эта идея
принадлежала группе финской буржуазии, которая имела
клуб под названием «Клуб народов **форпоста**». Они достигли
договоренности и с «Клубом **Конкорд**», руководимого
польским сенатором Сидлетским. Об этом клубе впервые я
услышал из уст **Стемповского**. Он сказал, что пацифистски
настроенные финские социалисты не воспримут идей наци-
онального социализма, которых придерживались украинец
Шаповал и я. Когда проф. Янсон заговорил о сотрудничестве
с «Клубом **Конкорд**», я также посвятил его в некоторые мо-
менты своих переговоров с Стемповским. Я сказал: «Если
польское правительство окажет нам содействие в издании
журнала и к тому же и финское правительство протянет ру-
ку помощи, то это было бы очень **хорошо**». Проф. Янсон сооб-
щил о том, что он объяснил полякам нецелесообразность пе-
редачи руководства всеми этими делами в руки украинцев,
грузин и армян, так как в этом случае будут отеснены от
движения мусульманские народы. По его мнению, мусуль-
манские народы могли бы достичь очень хорошего сотрудни-
чества с поляками и финнами, а армян и грузин нужно будет
привлечь к какой-либо иной организации вместе с такими
христианскими народами как украинцы и литовцы. Кроме
того, ему казалось, что грузины, будучи верными социалис-
тами, не захотят сотрудничать с несоциалистическими кру-
гами других **наций**. По мнению Янсона идея движения «**ту-
ранистов**», охватывающего и венгров, представляет собою эт-
нографическую и культурологическую проблему, весьма да-
лекую от политической реальности. Это может быть **связано**
с одной стороны, с финнами, а с другой — с японцами. И я
высказался против смешения современными политическими
движениями наших древних родственных отношений с ма-
дырами и монголами и притягивания их к движению **тура-
нистов**. Я сказал, что если мы начнем привлекать к делу ис-

торические гипотезы, основания **которых** еще не прояснены
самой наукой, нельзя будет заинтересовать проблемами осво-
бодительного движения угнетенных народов России народы
Ирана и Афганистана. Проф. Янсон тотчас после возвраще-
ния на родину написал мне письмо, где сообщил, что руково-
дители клубов «**Форпостенфёлкер**» и «**Конкорд**» хорошо вос-
приняли высказанные мною мысли и что если я соглашусь
приехать в Гельсингфорс и Варшаву с **выступлениями**, то это
будет целесообразно, а материальную сторону поездки он
сможет решить сам. Он занимался также распространением
статей об этих проблемах, опубликованных на **немецком**
языке.

Доктор
Риза Нур-бей

13 марта прежний министр просвещения
Турции доктор Риза Нур-бей прибыл в Бер-
лин и устроился в гостинице «**Иден**». Он
послал человека и пригласил меня к себе. Это был человек,
увлеченно занимавшийся турецкой историей и **этнографией**,
издавший несколько книг по истории Турции. Он сказал, что
в Париже от **Али-Мардана Топчибаши** узнал о сделанных мне
предложениях нескольких ученых остаться в Европе и в
весьма категоричной форме посоветовал мне отказаться от
подобных планов, выехать в Турцию и, оставив все политиче-
ские дела другим, серьезно заняться историей тюркских на-
родов. Он сказал также, что об этом успехе переговорить с та-
кими видными деятелями Турции как Фуат Кёпрюлю, Юсуф
Акчура, Хамидуллах Субхи, Агаоглы Ахмет, обменяться
письмами и предложил мне также написать им письма.

15 марта мы с ним с глазу на глаз беседовали целых три
часа. Я ему тщательно обрисовал все дела, которые мы долж-
ны были сделать в Европе. На что он сказал: «Все эти дела
предоставьте делать другим. Самое лучшее для Вас — стать
профессором в нашем университете. Вы сможете быть полез-
ным и в сфере политики, руководя Вашими соратниками. В
области политики мы ваши **единомышленники**». Позже он
представил меня послу Турции Камалетдину Сами-паше и
посоветовал встретиться с доктором Рашитом Саффетом и Ра-
уфом **Орбай**, которые в ближайшие дни должны были **при-**
быть в Берлин. Именно эти беседы послужили причиной ре-
шения выехать в Турцию. Мне показались очень интересны-
ми его категоричные предложения выехать из Европы в Тур-
цию, не интересуясь моим собственным мнением. Я это вос-
принял в том смысле, что турки меня считают своим челове-
ком. Через несколько дней **Камалетдин Сами-папа** вручил
мне приглашение министра просвещения Хамудуллаха Суб-
хи. И от Фуата Кёпрюлю и Юсуфа **Акчуры** пришли письма.
Только меня крайне **огорчило** то, что Юсуф Акчура, согла-

сившись быть поручителем для меня, не взял на себя эти обязательства относительно **Абделькадира**. Риза Нур-бей решил и эту проблему, и 11 апреля от него **пришло** письмо, где сообщалось, что мы назначены на должности в «Комитете по делам сочинений и переводов». Таким образом он определил наше будущее. Проф. Браун, мирза Мухаммед Казвини и Мустафа **Чокаев** мне очень серьезно советовали поехать в Англию. Я бросил жребий, вышла Турция, и на этом вопрос решился окончательно. Письмо Хамдуллах Субхи и решение о нашем назначении в «**Комитет** по делам сочинений и переводов», вынесенное стараниями Ризы Нур-бея, решили вопрос бесповоротно. После этого, какие бы выгодные условия не предложили сэр Аурел Стейн, Денисон Росс и проф. Браун, я этим двум почтенным туркам не смог бы сказать, что уезжаю в Лондон.

Несколько моих публичных выступлений в январе и феврале в Берлине, статья моего друга Абделькадира об освободительной борьбе башкир, опубликованная в журнале «**Новый Кавказ**», издаваемой азербайджанцами в Стамбуле, послужили причиной возникновения острой дискуссии между нами и татарскими деятелями, обосновавшимися в Берлине.

Выступление,
посвященное
Чингисхану

22—23 января я сделал подробное **сообщение**° Чингисхане, длившееся два вечера, а 1 февраля изложил краткое содержание своего труда по истории Азербайджана.

Доклад азербайджанского интеллигента **Алиаскар-бея** об азербайджанском поэте Сабире²⁴⁹, сделанное им 4 февраля, прозвучало как продолжение моего выступления, состоявшегося четырьмя днями раньше, и оба выступления получили положительную оценку. Стоило казанским интеллигентам Гаязу Исхаки²⁵⁰ и Фуату Туктарову сказать: «Почему этот доклад направлен в поддержку идей Заки **Валиди**?», как туркестанские студенты и азербайджанские представители во главе с Мирзой Хажии выступили в мою защиту и спор оказался отнюдь не в пользу татар. Выступления, сделанные азербайджанцами Мухаммедом, Мирзой Хаджи **Камалом**, превратились в самостоятельные научные сообщения. Гаяз Исхаки обвинил меня в том, что я пытаюсь проблемы истории решать с позиций материализма и экономики. На что Мирза Хаджи сказал: «На этой конференции участвовали мы все, но никто другой из выступления Заки Валиди не сделал подобных **выводов**». А Фуат Туктаров выступил против моего мнения рассматривать Чингисхана как основоположника общего для тюрков и монголов государства, как общего героического предводителя двух народов, и попытался представить его лишь как героического деятеля татар.

Экономическая
Туркестана
и казанские **унитаристы**

В том же Восточном клубе 1 апреля после моего выступления по теме «**История** сельского хозяйства Туркестана» Гаяз Исхаки и его друзья обвинили меня в том, что я, «**смешав** проблемы национальной истории с экономическими вопросами, внес путаницу в понятие **нации**». Взяв в руки номер журнала «Новый Кавказ» (1925, 12—16 номера), где была опубликована статья Абделькадира об освободительной борьбе башкир, Исхаки сказал, что все это написано в целях унижения татар. После этого возник большой спор. Туркестанские студенты Тулеген, Ахмет Шукру, **Салих** Улус, Ахметьян Окай, бухарцы **Афзал**, Ахмед Наим, все азербайджанцы, турки Халил Ведат, Бакир **Сыткы** и Акрам Каран выступили в мою защиту, и конференция получила конструктивное направление. И 17 апреля татары, собравшиеся по случаю праздника «сунни» (обычай обрезания) сына **Галимьяна** Идриси, жаловались турецкому консулу **Намык** бею, выразив недовольство нашим приглашением в Турцию, привлекли к этому делу и некоего купца-татарина из Финляндии. Таким способом они попытались помешать нашему выезду в Турцию. В результате чего по желанию консула **Намык** бея была образована комиссия, состоявшая из турков, азербайджанцев, туркестанцев (Бакир Сыткы, Харун Малик, Халил Ведат, из Туркестана Афзал Бухари, азербайджанец **Искандер Ага**), которая и рассмотрела притязания татар. В ходе разбирательства четыре студента из Туркестана перевели и передали комиссии статьи Гаяза Исхаки и дагестанца Ахмета **Цаликова** об их преданности русской демократии, о том, что они против движения российских мусульман за независимость, которую они опубликовали в газете Керенского «Дни» (22.VIII.1924, 542, 544, 560 номера). Комиссия спор решила в нашу пользу. Все эти события освещены в 32 страничной брошюре **Фаткелькадира** (Абделькадира) Сулеймана и в его статье, опубликованной в журнале «Новый Кавказ». В ходе дискуссии Гаяз Исхаки в насмешливом тоне высказался в том смысле, что мы с ничтожными силами поднялись против великой России. Азербайджанец Камил-бей спросил Гаяза Исхаки: «Почему вы радуетесь тому, что в Башкортостане движение за национальное освобождение потерпело неудачу под ударами русской сабли?» Исхаки затруднился что-либо ответить. Таким образом обнаружилась вся неприглядность поведения татарских унитаристов. Турецкий ученый экономист Харун-бей на заседании комиссии 29 апреля спросил у татар: «Почему вы, татары, стараетесь обойти обсуждение **экономичес-**

ких проблем национально-освободительного движения? Почему вам так не по душе научное выступление, посвященное экономике Туркестана и его аграрной истории?» Этот вопрос также способствовал прояснению сути проблемы. Гаяз Исхаки ответил: «**Экономические** проблемы ныне способны разобщить российских мусульман. Нам сейчас необходимо объединиться на основе проблем культуры, религии. Во времена царского самодержавия мы имели духовное управление во главе с муфтием. Причиной того, что управление и сам муфтий потеряли свое влияние среди мусульман, послужило башкирское национальное движение, начатое этим **Валидовым**, и земельный вопрос среди казахов и **башкир**». Харун-бей, который вначале был на стороне татар, сказал: «Ни одно национальное движение без экономической программы не бывает жизнеспособным. Национально-культурную автономию наподобие той, которую хотят евреи, вам предоставит любой режим. Для этого нет смысла эмигрировать за границу». Гаяз Исхаки и Фуат Туктаров говорили о том, что Казахстан и прежде следовал за Казанью и сейчас национальное движение, начавшееся в Казани, будет **расширяться** путем распространения вширь. Председательствовавший на заседании **Харун-бей**, завершая разговор, сказал: «Все это ваши внутренние проблемы, они не касаются **Турции**».

Таким образом, появление на арене нескольких татарских интеллигентов, снискавших себе в 1917 году известность как унитаристы, лишний раз обнаружило всю бессмысленность их политики. Вдобавок ко всему Гаяз Исхаки и его единомышленник Гумер Терегулов в целях сближения с поляками, намеревавшихся организовать в Варшаве «Восточный институт», вынуждены были выдавать себя за сторонников национально-освободительной борьбы. Они старый вопрос о противоречиях между унитаристами и федералистами в России попытались преподнести как «межплеменной спор между башкирами и татарами». Изображая меня как «врага № 1 татарского народа», стали распространять злонамеренные сплетни в Турции, Крыму, даже среди добруджинских татар. Все мы в конечном счете соберемся в Турции, поэтому было совершенно ясно, что последствия всех этих сплетен и интриг будут для всех нас весьма неприятными. Перед отъездом в Турцию я написал письма Юсуфу Акчуре, Али-Мардан-бею, в Париж Садри Максуди, который в это время также собирался отправляться в Турцию, просил их не придавать значения всем этим недостойным интригам и инсинуациям. Юсуф Акчуря прислал мне благожелательный ответ. Садри Максуди в своем письме от 25 апреля 1925

года написал: «В вопросах о российских мусульманах твои мысли мне, а мои мысли тебе хорошо известны, поэтому хотелось бы достичь таких взаимоотношений, при которых мы не будем делать попыток изменить точки зрения друг друга». Али-Мардан-бей в своем письме сообщил, что по всем этим делам специально встретился с Максуди беём, но в ходе беседы не смог достичь с ним взаимопонимания и убедить в том, что все такие бесплодные дискуссии кроме вреда ни к чему не приведут.

В связи с этими спорами Мустафа Шахкули 2 мая 1925 года из Эскишехера написал длинное письмо Гаязу Исхаки (копию письма он прислал и мне), где содержатся и такие слова: «Выступая против свободы и самостоятельности не только тюркских народов, оказавшихся в зависимости от России, но даже Украины и Финляндии, стремясь выдать свои собственные взгляды обо всем этом за мнение всех казанских татар, вы стараетесь казанских тюрков, занимающих столь прекрасное место в истории культуры всех тюрков, оторвать от всех остальных тюркских народов, даже от всех других нерусских народов, стремящихся к национальному освобождению. С вашей стороны было большой ошибкой то, что уже в первые дни революции в России, придя в Петрограде к Председателю Временного правительства князю Львову²⁵¹ в качестве «представителей казанских мусульман», поспешили заявить: «Мы, в отличие от украинцев, не претендуем на автономию, самостоятельность, будем оставаться гражданами России». Объявили об этом и в русских газетах, и в своей газете «Ил», издевались над Украиной, требующей независимости, называя ее Малороссией и Хохляндией, словами, которые кажутся самим украинцам оскорбительными. В то время к князю Львову обратились всего четыре человека. Я бесконечно удивляюсь и вашей нынешней попытке все эти свои прошлые действия представить как меры, направленные на укрепление единства тюркских народов, и вашим потугам на страницах газеты Керенского «Дни» казаться сторонниками неделимой России и российскими патриотами. И вот ныне и вы, и боровшиеся за освобождение Азербайджана и Туркестана вынуждены искать пристанища, как и мы в Турции. Если и в Турции вы продолжите свои попытки изображать себя единственными правочерными во всем этом деле и начнете выступать об этом в печати, то найдутся люди, которые бросят вам в лицо ваше обращение к князю Львову». Подобными письмами и устными упреками унитаристы были поставлены на место.

Различные
конференции

Поскольку Берлин был одним из пяти крупнейших центров мировой культуры, здесь была широкая возможность получить информацию по политическим и культурным вопросам самых различных народов непосредственно от представителей этих народов. Это было светлой стороной демократического общества. Нам, людям, прибывшим из России, Париж и Берлин казались совершенно новым миром свободы, разительно отличающимся от России.

В апреле состоялись несколько важных для меня конференций. 2 апреля в Берлине вышеупомянутый доктор Харунбей, ассистент кораблестроительного техникума, сделал сообщение об основных экономических проблемах Турции, о будущем кораблестроении в ней. А 5 апреля один из российских политических журналистов, Петр Савицкий²⁵², собрав представителей интеллигенции российских мусульман, выступил с докладом о евразийском движении. В этом выступлении, позже опубликованном в Праге под заголовком «О задачах кочевниковедения», культура кочевников, населяющих Восточную Европу, Среднюю и Северную Азию, была представлена как «Евразийская цивилизация». Включившись в обсуждение идей о движении «Евразия», оказавшихся по душе татарским интеллигентам, я высказал мысль, что они будут служить российскому империализму в их деле ассимиляции восточных народов, применяя всяческий обман, что тоже послужило толчком к возникновению споров.

12 апреля китайские профессора и писатели в здании высшей реальной школы «Сименс» (Simenes Oberrealschule) организовали торжественное собрание, посвященное памяти их руководителя Сунь Ятсена. Это собрание дало мне возможность принять участие в обсуждении взаимной связи дальневосточных проблем с проблемами народов, оказавшихся в зависимости от России, и об использовании латинского алфавита на китайском языке. Там присутствовал и один из китайских революционеров, с которым я был знаком еще по Москве. Он объявил присутствующим, что «здесь присутствует товарищ Валидов, он специалист по Средней Азии и Дальнему Востоку. Прошу его сказать несколько слов о Сунь Ятсене». На что я ответил: «О нем знаю немного. И то, что я знаю, почерпнуто лишь из статей, опубликованных в советской периодической печати. Из трудов вашего великого деятеля Сунь Ятсена я прочитал лишь одну его книгу — «Принцип народовластия». Если рассуждать, основываясь на этой книге, то ваш вождь был одним из тех, кто возлагал

надежды на демократию. Следует сказать, что ввиду соседства с большевиками, установившими самую худшую форму диктатуры, у вас демократия может существовать лишь в условной форме. Иначе ни механизм управления, ни армия, ни судебная система, ни экономические и социальные учреждения не смогут нормально функционировать. Сунь Ятсен на двух последних съездах партии Гоминьдан, повернув в политике влево, встал на путь приема в партию коммунистов и тем самым придал движению всего Китая самое опасное направление. Коммунисты вашу партию взорвут изнутри или приберут ее к собственным рукам, в конечном итоге вы окажетесь перед необходимостью покинуть ее. В Туркестане хорошо известна судьба Наливкина и его товарищей. Если вы проявите твердость и попытаетесь не оставлять свою партию в руках коммунистов, то в Китае произойдет основательный раскол общества на две противоборствующие стороны. Из-за удаленности от морских путей, ввиду того, что великие державы, также как большевики, были против освобождения Туркестана, местные демократы не смогли объединиться с российскими демократами».

Все эти свои мысли своему китайскому знакомому я вручил в записанном виде. Другую свою статью «Опыт Китая» два года спустя я опубликовал в Стамбуле на страницах выпускаемого нами журнала «Новый Туркестан» (1927 год, 2—3 номера, стр. 9—13). Эту статью Джелалетдин Ванг Зин Шан перевел на китайский язык, показал генералу Чан Кайши и опубликовал.

В этих воспоминаниях уже была речь о наших дружественных отношениях с послом Афганистана в Бухаре Габдерасул-ханом, установившихся между нами в 1921 году. Наша первая встреча с Энвером-пашой состоялась в его доме. И вот сейчас Габдерасул-хан прибыл в Берлин устраивать сына на учебу. 24 апреля мы провели вместе с ним, сфотографировались, а 25 апреля встретились с одним из известных деятелей российских мусульман сибиряком Абдрашитом Ибрагимом (Рашит-кази), который был близким другом моего отца.

Идя навстречу желанию этого почтенного человека, 27 апреля в среду было устроено собрание, где обсуждались проблемы российских мусульман. Рашит-кази прекрасно владел фарси. Абдерасул-хан, также присутствовавший на нашем собрании, оживил нашу беседу, рассказав о том, как он зимою 1920 года был гостем башкирского национального правительства.

Второй конгресс
Туркестанского
национального
объединения,
состоявшийся
в Берлине

Мы с Абделькадиром 12 мая должны выехать в Турцию. Решили 9 мая провести второй конгресс Туркестанского национального объединения в Европе, пригласив туда Мустафу Чокаева и Галимзяна Тагана. Определили круг вопросов, которые необходимо обсудить на конгрессе. Ознакомили друг друга со своими записями о том, каким должен быть восточно-тюркский литературный язык, которым мы будем пользоваться в наших эмигрантских изданиях вне России и пришли по этому вопросу к единому мнению. Обсуждение проблем продолжили 29 апреля. Были приняты хорошие решения, но нас беспокоило, будет ли возможность нам самим все это претворить в жизнь.

Встреча
с российским
послом
Крестинским

Еще в начале 1924 года, тотчас после прибытия в Берлин, я обратился в Советское посольство и попросил разрешения выехать к себе мою жену Нафису, оставшуюся на родине. И сама Нафиса, ее отец Хажимухаммет, и мой отец хлопотали о том же, однако российские официальные органы не давали мне никакого ответа. Галимзян Идриси, привезший туркестанских студентов в Берлин, находился в постоянной связи с российским посольством. Студенты и деньги свои получали из его рук. 16 апреля этот человек сказал мне: «На Ваше обращение разрешить супруге выехать сюда пришел ответ, Вас вызывают в посольство». 17 апреля я направился туда. Сказали: «Будете беседовать с послом Крестинским». Встретились. Я его знал еще с 1912 года. И он, и Цюрупа²⁵⁴, позже ставший советским министром финансов, были социал-демократами. Они до революции работали в земстве, Крестинский — в Екатеринбурге, а Цюрупа — в Уфе, где в одно время жил и я. Об этом я уже упоминал выше. Цюрупа и Крестинский придерживались социал-демократических взглядов, однако позже стали одними из самых видных большевистских руководителей. Крестинский занимал пост секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии. Но у него не сложились взаимоотношения со Сталиным. Так же как и Мостовенко, Крестинский не соглашался с роспуском башкирских воинских формирований, с резким ограничением прав нашего национального правительства. После смерти Ленина он был освобожден от должности секретаря ЦК и направлен послом в Берлин. И вот сейчас он меня встретил как старого знакомого: «Вопрос о разрешении Вашей жене эмигрировать — очень сложный, не так просто вывезти и библио-

теку. Прежде всего мы должны знать о том, намереваетесь ли Вы вернуться на родину. Короче, если примете иностранное гражданство, разрешения на выезд жены не будет». На что я ответил: «Два года тому назад перед выездом из Туркестана в Иран в своем письме, направленном нашему общему товарищу, тогдашнему руководителю Туркестана Рудзутаку и Ленину, я все попытался объяснить. С тех пор положение не изменилось. Речи о моем возвращении в Россию быть не может. Воля человека должна быть свободной, я понимаю ценность свободы и не смогу ни на что ее променять», и привел одно из стихотворений иранского поэта Низами²⁵⁵ об этом и перевел его смысл на русский язык. Он сказал: «Нет, я не говорю, что Вам следует вернуться в Россию, но советую не прерывать свои связи с Россией, публиковать свои труды на родине, поддерживать связь с друзьями. Между тем Вы уже начали публиковать статьи против политики Советской власти. Чтобы вызвать супругу и получить книги, Вам следует оставаться гражданином России». Именно в эти дни я получил в турецком посольстве временный паспорт и отныне стал гражданином Турции. Все это я не стал сообщать Крестинскому, лишь сказал: «Отныне я не смогу быть гражданином России. Что делать, видимо, и жена моя приехать не сможет». После достаточно долгой беседы Крестинский сказал: «Желаю Вам всяческих благ, будьте здоровы». Я ему пожелал всего доброго, сказал, что никоим образом не доверяю Сталину. Он и сам особого доверия к Сталину не испытывал. Через некоторое время он был вызван в Москву, арестован и казнен вместе со своими товарищами Рыковым и Бухариным. Я считал, что Крестинский, как и Рыков, был честным человеком. Его советы в том смысле, что «Вам следует, не меняя гражданства, пока оставаться за рубежом» я воспринял как последний знак его прежнего ко мне благорасположения.

9 мая мы провели последнее в Европе заседание Туркестанского Национального объединения, в котором принимали участие Мустафа Чокаев и Галимзян Таган. Решили, что центр объединения будет находиться в Турции. Мустафа Чокаев был назначен представителем Туркестанского национального объединения в Европе. Мы приняли очень хорошие решения о языке нашей периодической печати, программе дальнейшей деятельности. Казахи, башкиры, узбеки, татары будут писать в печати, сохраняя особенности своего языка, применяя характерные для данного языка слова, но в смысле этимологическом и морфологическом все должны будут придерживаться установленных общих правил. Конгресс прошел очень успешно. Лишь Чокаев не согласился порвать связи с русскими кадетами (Милюков) и левыми эсера-

ми (круг Керенского) и не принимал идею полной национальной самостоятельности. Он считал неизбежным ведение борьбы против большевиков вместе с русскими эмигрантами-демократами.

Во время пребывания в Берлине мы были, с одной стороны, в контакте с финскими, а с другой — индийскими и иранскими мусульманами. Поэтому время от времени мы обсуждали и общеисламские проблемы.

Перевод
Корана
на финский язык

28 марта в Берлин прибыл проф. Пименов, занимавшийся переводом Корана на финский язык. Финансировал это дело татарский торговец Зиннатулла Ахсен, живущий в Финляндии. Из его писем я знал, что он переписывался и с некоторыми учеными Египта, сейчас по совету Зиннатуллы приехал в Берлин, чтобы встретиться с людьми, сведущими в исламоведении — с Галимзяном Идриси, с польским мусульманином доктором Якубом Шинкевичем, иранским ученым Такизаде, с индийским ученым-ахмадие проф. Садретдином и мною. Вопросы, заданные всем этим людям проф. Пименовым, отличались друг от друга, и все они относились к малопонятным для переводчика местам, оставшимся поэтому им не переведенными. Заданные мне 57 вопросов большею частью относились к проблемам, которые были мне малоизвестны. Я ему сказал: «Я не знаком с исламской теологией, читал не тафсиры (комментарии), а переводы Корана. Мне неизвестны обстоятельства и причины возникновения аятов и хадисов, Коран я понимаю лишь как человек, знающий арабский язык». Цель Пименова заключалась в том, чтобы написать к изданию Корана на финском языке вступительную статью о Пророке Мухаммеде и самом Коране. Когда я ему сказал: «Лучший знаток истории Корана проф. Нёльдеке в Берлине, жив-здоров, можете с ним встретиться», он ответил: «Я труды европейских ученых, в том числе написанное Нёльдеке и Гольдциером²⁵⁶, прочитал, у них мне учиться нечему, для меня сейчас важно знать мнение мусульманских ученых».

Его первый вопрос, заданный мне: «В Коране некоторые исторические события повествуются правильно, а иные — искаженно. В чем причина этого? Почему великий Александр Македонский, будучи язычником, поклонявшийся древним эллинским богам, изображается как человек, действующий по велению единого Аллаха, верующий единому богу? В чем смысл этого эпизода?»

Мой ответ: «Этот же вопрос 15 лет тому назад вызвал спор в моей собственной семье. Лично я при объяснении такого ро-

да аятов придерживался **о** мнения средневековых **мутази-литов**. То есть снизошедший к Пророку от Аллаха Коран не был облечен в арабские слова, в разуме Пророка заключен лишь смысл Корана. Он, разъяняя смысл Корана, опирался на особенности мировоззрения арабов доисламского периода, на их фольклор, а также на стереотипы мышления своих современников. Например, смысл 91 суры посредством 7—10 аятов можно было бы пояснить следующим образом: «Аллах в каждом человеке породил эгоизм, который и является источником зла. Он вложил в человека как вдохновение к добру, так и побуждение ко злу. Аллах спасает тех, кто зло сумеет очистить добром, а те, которые не очищаясь от скверны, заключают ее в своем сердце и встают на путь греховности, обречены на **несчастья**». До этих четырех аятов человек, согласно правилам арабской риторики, может поклясться от имени солнца, луны, дня, ночи (то есть земли), неба и собственного я (**эго**). Например, для нашей тюркской культуры этот обычай совершенно чужд. А в аятах, следующих после вышеупомянутых четырех, чтобы разъяснить слова бога легендарного народа Аравии **«самуд**»: «не способные обуздать свой эгоизм обречены на **несчастья**», приводится пример о том, как люди, убившие верблюда Пророка, были уничтожены волей Аллаха. Этот аят служит для более глубокого разъяснения 7—10 аятов Корана.

Характеристика Александра Македонского как любимого раба Аллаха, как великого завоевателя, покорившего все страны от восхода до захода солнца, на основе веры в единого Аллаха, разумеется, служит в качестве убедительного для арабов примера того, что сильная личность с непреклонной волей, ведя дело согласно установлениям Аллаха, получает с его стороны всю необходимую помощь и благословение (XVIII; 84). Также и в христианском Евангелии (от Исаяи, XLV, 1, XLVI, II) персидский правитель династии Ахеменидов²⁵⁷ Ксеркс²⁵⁸, живший за два века до Македонского, изображается как представитель Бога, который благодаря верности Богу сумел вести восточные государства к победам и установить **справедливость**. А на самом деле Ксеркс, как и Александр Македонский, был одним из великих язычников. И в Евангелии целью данного повествования является разъяснение того, что победители, обладающие великой силой воли, пользуются особым покровительством бога. Как и Библия и Евангелие, Коран не преследовал цель учить людей истории. В этих аятах великие истины объясняются различными народами при помощи историй, притч, рассказов, вполне доступных их **разумению**».

Второй вопрос: Вы верите тому, что Пророк действительно вознесся в небо?

Ответ: У полководца османских турок в Плевне Осман-паша²⁶⁹, когда он оказался в плену у русских, император Александр II спросил, как Мухаммед сумел вознестись на небо? На что паша ответил, что Пророк вознесся, воспользовавшись той же лестницей, что и Иисус Христос. Коран объясняет это вознесение как вещей сон. Супруга Пророка **Айша** рассказывает, что Пророк в ту ночь был дома. Несомненно то, что Пророк в ночь вознесения на небо завершает свою миссию быть представителем божественной силы во вселенском масштабе. Именно в эту ночь к нему снисходит вера в собственную способность воплощать в себе всю вселенную. Ночь вознесения — это момент достижения кульминации пророческого прозрения Пророка и силы собственного воздействия на мир. Это состояние наблюдалось и в жизни Будды.

Третий вопрос: В нескольких местах Корана (II, 22, XIII, 2, XXXI, 10, XL, 65) земля изображается как твердь, составляющая нижнюю часть мироздания, а небо описывается как его верхняя часть, опрокинутая на Землю в виде семислойной сферы. Таким образом, возникает космогоническая картина, вполне понятная простому человеку. А в других местах (XXVII, 88) Земля, Солнце и Луна, обеспечивающие смену дня и ночи, объясняются как объекты, которые до наступления судного дня по небосводу движутся по собственной орбите. В чем смысл такого двойного представления мира в Коране? Не является все это отражением гелиоцентристской и геоцентристской систем и откуда появилось такое противоречие?

Ответ: Обратив внимание на это противоречие, Вы поставили чрезвычайно важную проблему. В 40-ом аяте 36-ой суры, 33-ем аяте 21-ой суры, вне всякого сомнения, речь идет о том, что Солнце, Луна и Земля движутся по собственным орбитам, так как когда речь идет о дне и ночи, при этом имеется ввиду Земля. Если бы в данном случае речь шла о движении по орбитам Солнца и Луны, то было бы применено выражение, «каждое из двух» (килахума), а не слово «все» (кулли). Между тем в другом месте Корана (XXVII, 88) говорится: «И ты увидишь, что **горы**, которые ты считал неподвижными, — вот они идут, как идет облако по деянию **Аллаха**»*.

* Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Баку, 1990, стр. 318.

То, что это происходит не в **судный** день, а относится ко всей текущей повседневности, понятно из продолжения текста: «Мастерство Аллаха к творению мира таково, что он сотворил все в **совершенстве**». По существу, это и есть основная мысль, снизошедшая Пророку от Аллаха, а слова во всех других аятах представляют собой разъяснение в таких формах, которые могли быть понятны и восприняты арабским обществом того времени. Те же мысли приходили и в головы суфиев, признававших, что Пророк представляет собою исключительную личность, действия которого одухотворены ощущением дыхания всей вселенной, что он способен вдохновляться этой своей способностью. **Джалалетдин** Руми писал: «Выше этих звезд эту вселенную продолжают другие звезды. Они горят, не превращаясь в золу, не гаснут, превращаясь в ничто. Они плывут в иных небесах, дальше от нашего неба, которое мы представляем как состоящее из семи слоев. Они свою мощь черпают от тепла божественных лучей, не связаны друг с другом, но и не отрываются друг от друга». За столь глубокие мысли произведение Руми тогда называли «**Вторым Кораном**». И Бируни писал: «Люди эгоистичны настолько, что полагают, будто вся вселенная вращается вокруг них. То, что Земля вращается, понимали некоторые из греческих и индийских философов, но я не ученый-физик. Это докажут **они**». Бируни отстранился от решения всех этих споров, чтобы не оттолкнуть этим самым от себя окружающих. Точно так же и **Декарт**²⁶⁰, приняв взгляды **Галилея**²⁶¹, не спешил опубликовать свои труды. Пророк и **Джалалетдин** Руми не стали долго задерживаться на этом вопросе, а сумели направить свой народ на путь истины, обращаясь к нему на понятном ему языке и «в соответствии с уровнем его разума».

Другими вопросами **Пименова** я не стал серьезно заниматься, так как они относились к вопросам, в которых я не был сведущ. Тем не менее после возвращения в Финляндию он продолжил со мною переписку. В 1937 году, когда в Германии в Боннском университете я был удостоен звания «**Почетного профессора исламоведческих наук**», **Зиннатулла** пригласил меня в Таммерфорс. С **Пименовым** мы там встречались несколько раз. Он ислам изучил очень глубоко, был одним из искренних почитателей нашего Пророка.

Коран в переводе на финский, выполненный **Пименовым**, был издан в прекрасной форме **Зиннатуллой** **Ахсеном**. По отзывам ученых, владеющих финским языком, этот перевод является наилучшим среди всех переводов Корана на европейские языки.

Ходжа Садретдин Пименов встретился с вышеупомянутым Ходжа Садретдином из Индии и говорил ему о том, что я последователь мутазилитов. Этот человек был лидером ахмадие в Берлине, занимался строительством мечети в части Берлина, называемой Вельмерсдорф. Пригласив польского интеллигента из мусульман Якуба Шинкевича и меня к себе домой, он устроил очень хороший обед. Там присутствовали и некоторые индийцы. Все они прекрасно владели фарси. Садретдин сказал мне: «Разве Вы принадлежите к мутазилитам²⁶²? Так говорил Пименов». «Нет,— ответил я,— я не принадлежу ни к какой секте, я лишь мусульманин. Но в толковании смысла и языка Корана мне действительно близки мысли мутазилитов. И Тамерлан своих имамов назначал из среды мутазилитов Хорезма. А вот людей Дамаска, отказавшихся творить намаз под руководством мутазилитов и поднявших народ на восстание, он велел казнить». Ходжа Садретдин подарил мне некоторые вагазы (проповеди) ахмадие, опубликованные на немецком языке, что послужило причиной возникновения во время обеда обмена мнениями по проблеме алфавитов. В подаренных мне изданиях персидские и арабские имена и термины были написаны латинскими буквами, но согласно английскому произношению. Например, вместо «U» написано «OO», а вместо «A» — «U». Человек, не владеющий английским, не в состоянии все это прочитывать правильно. С этой проблемой я столкнулся еще в Индии, поэтому сказал, что если там при написании английских слов и даже предложений арабскими буквами, а также при написании арабских слов или слов на языке урду латинскими буквами не будут придерживаться каких-то общепринятых норм, а будут опираться на английский язык или на произношение индийских мусульман, возникнет угроза такой путаницы, которая послужит препятствием для развития науки и культуры. Ходжа Садретдин попросил поподробнее разъяснить мои мысли. Я сказал: «При написании исламских имен и терминов латинскими буквами их нужно писать не по местному произношению, а согласно арабскому написанию. Арабские «fetha», «kesre» и «damme» следует обозначать буквами «A», «I», «U», а арабские буквы «A», «I», «U» снабдить знаком долготы, то есть нужно писать так, как принято у востоковедов». Сказал также, что интеллигенция исламского мира должна прийти по этому вопросу к какому-либо общему мнению. Написал также возможные латинские эквиваленты «беззвучных» арабских букв. Из присутствовавших на обеде Якуб Шинкевич поддержал мои идеи со знанием дела. Ходжа Сад-

ретдин проблему не представлял во всей полноте, тем не менее согласился с тем, что среди мусульман необходимо прийти к единому мнению по правилам написания исламских имен и терминов в трудах, публикуемых на европейских языках. Однако другие мусульманские интеллигенты из Индии, присутствовавшие на обеде, мои предложения поняли как разновидность «миссионерского письма» и не согласились с мыслью принятия общих правил транскрипции. 40 лет спустя после этого разговора в 1965 году я был приглашен в Тегеран на научный конгресс пакистанских, турецких, иранских ученых, посвященный проблемам общего культурного наследия. Свои мысли, опубликованные в материалах этого конгресса (см. Papers read at the RCD Seminar on common cultural heritage, № 1, 1965, p. 22—23), я многократно пытался, начиная с описанного выше разговора в Берлине в 1925 году, объяснить при каждом удобном случае многим исламским ученым. Например, я говорил об этом в Турции Аднану Адывару, Рашиту Саффету, мугаллиму Джавдату, в Египте — Мухаммеду Мустафе, в Иране — мирзе Мухаммеду Казвини и многим другим, но убедить никого не смог. Только в последнее время, если судить по содержанию «Журнала по изучению ислама», издаваемого в Карачи пакистанскими учеными, эта мысль, похоже, начинает утверждаться. В принципе эта идея принимается всеми специалистами, владеющими теми или иными европейскими языками в той степени, что они могут писать на них свои труды. Но трудно понять, почему до сих пор затягивается ее осуществление.

В Берлине я встретился с Ходжа Садретдином несколько раз. По его словам основатель секты ахмадие Гулам Ахмад²⁶³ по своему происхождению принадлежал к Бабуридам, то есть был одним из потомков мирз Тамерлана. Эти ахмадие были очень близки к англичанам. Об этом свидетельствовало и то, что англичане, будучи против наших встреч с другими мусульманами Индии, однако желали послать нас в Кадиян за счет собственных средств. Индийцы, встреченные нами у Ходжи Садретдина, были настроены крайне негативно по отношению к англичанам, но сам Садретдин с друзьями не проявлял по отношению к англичанам ни малейшей враждебности.

ИЗ ЕВРОПЫ В ТУРЦИЮ

В Праге

12 мая во вторник мы отправились в путь из Берлина в Стамбул. На вокзал нас пришли провожать Азимбек, Абдельвахаб Мурад, Ибрагим **Арифхан** (ныне профессор в Стамбуле), профессор из Стамбула Ахметзян Окай, Ахмет Шукру, который позже, приехав в Турцию, преподавал философию в гимназии, Ахмет **Наим** из Бухары, **Галимзян** Идриси, Усман Тукумбет, башкир-кураист Мухаммед, Тимирбек Казбеков и наш немецкий друг Макс. Своим друзьям в Прагу и Будапешт мы заранее сообщили, когда будем проезжать эти города. В Праге нас встретили упомянутый выше украинский левый социалист **Шаповал** и лидер калмыцких эмигрантов **Балинов**. В тот же вечер в «Союзе чехословацких легионеров» мы встретились с Богданом Павлу, доктором Патейделем и другими предводителями чехословацких войск, в 1918 году поднявших восстание против большевиков в Сибири. Они устроили ужин, в ходе которого между нами состоялась искренняя, очень откровенная беседа. Теперь многие из наших знакомых стали членами парламента, говорили, что в парламенте влияние членов легиона весьма значительно. Богдан Павлу стал министром внутренних дел, назначался послом в различные страны. На ужине мы достаточно долго беседовали с человеком, сидевшим за столом напротив меня. Позже выяснилось, что это был доктор Бенеш²⁶⁴, позже сыгравший столь значительную роль в судьбе Чехословакии.

После ужина, беседуя с ним, сидя в креслах, я спросил у Бенеша: «Сможете ли вы оказать помощь нашему движению?» Он ответил: «разумеется, поможем, но меня **беспокоит**, будут ли от этого какие-то результаты? Мы, чехи, добились самостоятельности, вошли в Лигу наций, нас признали великие державы, мы обменялись с ними послами, и наши внешние **связи** вошли в нормальное русло. К сожалению, малочисленные народы России в этом деле отстали. Правитель-

ства Украины, Грузии, Азербайджана в той или иной форме вошли в Лигу наций, однако ввиду того, что они образовались за пределами своих государств и находятся в эмиграции, достичь успеха им будет трудно. А вы, башкиры и **туркестанцы**, до сих пор не смогли войти в двери Лиги наций. Боюсь, что ваша деятельность ограничится тем, что испишете несколько флаконов чернил». Я ему сказал: «Многие деятели высказывают те же мысли. И я посоветовал бы вам не полагаться лишь на силу дипломатических отношений, а обратить внимание на всемирное укрепление своей военной мощи. Я многократно беседовал с Лениным. Как государственный деятель он нам говорил много хороших слов. Но стоило военному руководству во главе с советским военачальником Вацетисом выступить против создания национальных воинских формирований, правительство Ленина приняло 19 мая 1920 года особое постановление, после чего башкирские войска были разделены на мелкие части и отданы в распоряжение Заволжского военного округа. Доктор Патейдель хорошо понимает, что тем самым фактически была уничтожена самостоятельность нашей республики. С этого дня и мы решили, покинув родину, эмигрировать в Европу. Даст бог, поляки, вы, другие западные соседи России не останутся в подобном положении, вы не допустите военного ослабления ваших государств. Причина того, что меня побуждает говорить Вам все это, заключается в следующем: для вас всех, народов славянского происхождения, угроза попадания в русскую ловушку, обманувшись чувствами древнего родства, все еще остается вполне реальной, о чем я и желаю напомнить». Резонность моих слов признал и Патейдель: «Валидов прав. Ведь борьбу с теми, кто выступает против организации легионов, мы это обстоятельство всегда должны **помнить**».

Несмотря на то, что прошло уже четыре года, эти чехи, с которыми мы сотрудирачили в Башкортостане, писали свои воспоминания о событиях гражданской войны в России, публиковали их в газетах и даже в виде отдельных брошюр. Доктор Патейдель сказал мне: «Приезжайте в Прагу, когда пожелаете, будете нашим гостем. Если хотите, поселитесь у нас, будем оказывать вам всяческую **помощь**». Поблагодарив за дружеское предложение, мы выразили глубокое удовлетворение тем, что наша совместная борьба против большевиков оставила в душе чехословацких друзей светлые воспоминания. После 1927 года я в Праге побывал несколько раз. Из азиатов здесь обосновалась группа калмыков, у них была и собственная печать. Когда началась Вторая мировая война, они переехали в Америку.

Приезжая сюда, я постоянно ощущал искреннее гостеприимство чехов.

В Будапешт мы прибыли 14 мая. На вокзале нас встречали турок Хусейн Намык Оркун, позже мы с ним очень сдружились, мадьярский **туранист** врач **Баратуши**, профессор **Иштван Дьёрфи** и **Галимзян Таган**. Прежде всего они нас повели показать «**Рундшау**» (**панораму**), изображающую первых мадьярских переселенцев на берегах Дуная, а вечером в доме Баратуши был устроен ужин. Он подарил мне свой труд в 12 томах по истории и этнографии **туранских** племен. На ужине были произнесены прекрасные, волнующие речи. Назавтра мы посетили библиотеку Венгерской Академии наук, затем посетили их знаменитого ученого, профессора Дьюлу Немета²⁶⁵, беседа с ним длилась около трех часов. Ему, как и мне, было 34 года.

Хусейн Намык очень резко критиковал Фуата Кёпрюлюзаде.

Здесь же мы случайно встретились с этнографом Месарошем Дьюлой с супругой. В молодости после женитьбы этот ученый вместе с супругой приехал в Башкортостан для ведения этнографических исследований. Они были гостями и в нашем доме, тогда мне было всего тринадцать лет. Месарош подарил мне свой труд о башкирах, где в одной из статей упоминает и нашу деревню. Его супруга подарила мне серебряную табакерку. Несколько лет спустя Месарош приехал в Стамбул для ведения занятий по этнографии на литературном факультете университета. Он рассказывал обо мне и, стремясь изобразить меня как человека с необычайной памятью и умом, говорил, будто я, проходя по будапештской улице, узнал и приветствовал человека, которого лишь один раз мельком видел 22 года тому назад. Разумеется, это было преувеличение, несколько странное в устах солидного профессора. На самом же деле я его узнал в тот момент, когда нас знакомил доктор Галимзян Таган. Они нас очень хорошо приняли, угостили чудесными винами. Месарош нам показал свои, как раз в то время опубликованные, фотографии. Книга, которую он мне тогда подарил, называлась «**Магна Унгария**». Ее содержание позже мне переводил и разъяснял мой друг доктор Галимзян Таган. Я спросил у **Месароша**: «**Как** вы познакомились с моим отцом? Почему приехали именно к нам?» Он ответил: «Когда я записывал древние башкирские легенды и предания в деревне Аскарново, мне сказали, что **все** это нужно расспрашивать у муллы Ахметшаха из Кузяново, так как он знает все это лучше нас, после чего суфий **Хибатулла** привез нас к вам и познакомил с Вашим отцом. Не-

сколько легенд я записал у вашего отца, а также у стариков вашей деревни по имени **Хисам** и **Сафи**». Оказалось, что мой отец и эти старики снискали в округе известность как знатоки народных преданий. Однако настоящим знатоком народного творчества был мой дядя мулла **Вали Кузянов**. Видимо, под влиянием его славы и моего отца принимали за знатока народных преданий. Между тем отец этим не увлекался, он был ученым имамом. Тем не менее и он помнил наизусть несколько стихотворных **дастанов**.

В этот вечер Галимзян Таган со своим другом Иштваном Дьёрфи пригласили меня, **Абделькадира** и Хусейна Намыка в очень хороший ресторан и угостили венгерскими блюдами и отменными токайскими винами, которые были даже лучше вчерашних. Эти вина оказались достаточно крепкими, и когда мы в час ночи покидали ресторан, все трое от избытка чувств пели наши башкирские песни. Наш **Абделькадир**, прозвище которого было «**Тукан**», и на этот раз задремал, сев на уличную скамейку. Мы его с трудом довели до **гостиницы**. А доктор Таган обладал удивительно приятным голосом и знал все башкирские песни. Когда он пел, открывались окна домов, и мадьярские женщины с удовольствием слушали его пение.

На следующий день мы вновь посетили Месароша. Он высказал удивительные мысли о происхождении булгар, хазаров и башкир и прочитал нам интереснейший вариант дастана об Огузе, записанный им из уст башкир. И с профессором Дьюлой Неметом мы разговаривали лишь о научных проблемах. Я высказал мысль о том, что в Будапештском университете ему необходимо открыть кафедру по истории среднеазиатских народов.

Вечером часам к 6—7 мы были приглашены в здание парламента, в общество «**Туран**», где я выступил с сообщением о племенах кинжек, живущих в средней Азии, и об их родстве с древними башкирами. Присутствовали председатель общества профессор Пекар, Прёле и другие профессора. Выслушали с вниманием. После выступления они заключили меня в свои объятия, сказав: «Впервые к нам прибыл башкир и выступил перед нами с научным **сообщением**». И этот вечер до двух часов ночи мы провели в хорошем венгерском ресторане, и на этот раз наш «**Тукан**» от души веселился, пока его не охватила дремота.

В Констанце

В Бухарест мы прибыли 18 мая, а 19-го в Констанце устроились в гостинице. **Абдулла-эфенди** пригласил нас к себе в гости. Оказывается, здесь поселились семьи ногайских родов **Едисан**, **Кинегес**, **Алчын**.

Исламгали-ага и **Гадельюсуф-ага** послали гонца в деревню по названию Али ага, расположенную неподалеку от Констанцы, пригласили живущего там поэта-сказителя по имени Нуритдин и познакомили нас с ним. Этот человек рассказал хорошо мне известные эпосы «**Чора-батыр**», «**Едигей**»²⁶⁷ и «**Урак и Мамай**»²⁶⁸. В 1920 году среди каракалпаков, живущих севернее Хорезма, я встретил другого сказителя, которого также звали Нуритдин. И он мне рассказывал очень подробные, полные варианты этих же эпосов. Была удивительна случайность, что обоих сказителей звали Нуритдин.

Гадельюсуф-ага принадлежал к роду Кимшикле племени Едисан. Он напомнил нам одну древнюю ногайскую присказку: «Вместо Алая **Алчына** пусть приходит божья **напасть!**» Я еще в детстве не раз слышал эту присказку из уст моего дяди муллы Вали. Ногайцы делились на три племени: Едисан, Едискил и Чимбойлук. Семь родов Едисана следующие: Кинегес, Мангыт, Аджеген, Алчын, Ялтыр, Дерсенги и Машкар. Смысл слов «Алчын Алая» заключается в следующем: у рода Алчын был князь (бей) по имени **Алай**, его и сравнивали с божьей напастью. Так мы среди румынских ногайцев услышали много любопытного, рассказали они многое из того, что знали сами. Эти беседы для нас были еще более приятны, чем отменные токайские вина в Будапеште. Мой друг **Абделькадир** всем своим существом был этнографическим мешком о двух ногах. **Гадельюсуф-аге** он дал обширные сведения о мощном племени Алчын, основная часть которого осталась в составе Малого Джуза²⁶⁹ казахов, а также о тех его осколках, Мангытах и Кинегесах, поселившихся в окрестностях Бухары и Самарканда. Мы не знали, в какое время жил герой алчынского племени **Алай**, но рассказали о некоторых видных личностях, вышедших из этого племени. Например, поэт-философ **Бедиль**²⁷⁰, живший в Индии во времена императора **Аурангзеба**, Ялантуш **Аталык**, строитель двух из трех знаменитых медресе в Самарканде (сооруженных по повелению известного везира узбекских султанов и украшенных глазурью), принадлежали к этому племени. **Адил-ага**, обращаясь к **Исламгали-эфенди**, сказал: «Помнишь рассказы стариков о знатоках шежере (генеалогий)? Вот они!» **Исламгали** и **Гадел-ага** были очень довольны общением с нами и предлагали еще на несколько дней остаться в Констанце, говорили, что здесь есть еще несколько человек, с которыми нам стоило бы встретиться и побеседовать. Короче, на какую бы историческую тему мы с **Абделькадиром** не начинали разговор, наши знания в конечном счете перекликались со сведениями, сохранившимися в памяти хозяев, и все это восхо-

дило к основополагающим историческим воспоминаниям нашего народа.

Слово «сан» означает сто тысяч, а «Едисан» — большое сообщество семи больших племен, в совокупности насчитывающее семьсот тысяч населения. Это сообщество племен было самой мощной составной частью ногайцев. И одно из родовых подразделений этого племени под предводительством потомков князя по имени **Арслан-мирза** еще в начале XVIII века вместе с потомками **Кучук-хана** жило в юго-восточном Башкортостане. Во времена калмыцкого хана **Аюки**²⁷¹ они перекочевали ближе к Крыму и присоединились к своим сородичам, жившим там, верно служили в войсках Османской империи. А другая часть осталась в окрестностях Хивы. На юго-востоке Башкортостана в отрогах гор Ирендык до сих пор сохранились деревни потомков этих ногайцев. Оказалось, что **Адил-ага** тоже слышал о горах Ирендык. И мои предки, служившие в войсках Кучук-хана, были тесно связаны с едисанскими ногайцами.

При беседе с **Адил-ага** и сказителем **Нуритдином** я упомянул и о преданиях, что мы являемся ногайцами, присоединившимися к юрматынским башкирам и что, совершив в **1908—1909** годы путешествие к Астраханским ногайцам, мне удалось обнаружить и доказательства, подтверждающие данный факт. Тогда же в Астрахани возник вопрос о моей женитьбе. И в Констанце **Адил-ага** предложил мне жениться. Это предложение не выходило у меня из головы и после прибытия в Стамбул. Когда из России пришла весть о том, что моя супруга **Нафиса**, оставшаяся на родине, вышла замуж, я тотчас вспомнил слова **Адил-ага** из Кирешликли, которые он мне прошептал на ухо: «Приезжай к нам еще, я тебя женю на ногайской девушке». Однако я туда не поехал. Женился на дочери друга **Адил-аги** Омара Унгара, также принадлежавшего к едисанскому роду ногайцев. Моя будущая супруга **Назмия** прибыла в Стамбульский университет для подготовки докторской диссертации после окончания Бухарестского университета, где она училась у историков **Йорга**²⁷² и Джурско. То есть эта женитьба состоялась под прямым влиянием знакомства с ногайцами Астрахани, Хивы (Чимбай), Констанцы, под воздействием чувств, возбужденных их старинными преданиями. **Назмия** преданно и искренне помогала мне во всей моей научной деятельности и в написании данных воспоминаний. Наша дочь **Исанбика** после изучения китайского языка и истории в Стамбульском университете поехала в Тайваньский университет для совершенствования в китайском языке и ныне работает над докторской диссертацией в Гарвардском университете. Наш сын **Субидай** во

Франкфуртском, Лондонском и в **Средне-Восточном** (Анкара) университетах изучал экономические науки. Ныне для подготовки докторской диссертации уехал в Америку в университет Джона Гопкинса. Таким образом, двухдневное посещение Констанцы в мае 1925 года закончилось тем, что я породнился с румынскими ногайцами и татарами. Последние части этих воспоминаний я диктовал двум своим детям. Так осуществилось обретение мной нового семейного очага и жизненное **обновление**.

Встречи в Стамбуле

Вечером, сев на пароход, мы направились в Стамбул. Встреченный нами в Берлине Фуат Туктаров и инженер из Дагестана Хусейн-бей также оказались на этом же пароходе. Мой прежний друг Фуат Туктаров не остыл от наших старых дискуссий, не поздоровался, руки не подал, не разговаривал. 20 мая в среду мы прибыли в Стамбул. И здесь нам понадобился поручитель. До решения этой проблемы мы оказались под контролем полицейского управления Бейоглу. И ныне здравствующий наш друг Якуб Апанай, Мехмед Эмин Расулзаде, наш туркестанский друг Усман Ходжаев и Миён Бузур согласились быть нашими поручителями и освободили нас от опеки полицейских. Несмотря на то, что на руках у нас были, хотя и временные, но турецкие паспорта, и на них представлены визы турецкого посла в Берлине, наши дела приняли столь неприятные формы, что, естественно, нас крайне огорчало. Полицейским чинам мы показали адрес дома Мухаммеда Эмина Расулзаде, расположенного на Еребатане, неподалеку от **Айя-Софии**, и попросили его отвести нас к нему. Нам дали для сопровождения полицейского. С нами шел и не разговаривающий Фуат Туктаров. Полицейский повел нас пешком и к тому же считал своим долгом каждому встречному давать о нас информацию: «Это, кажется, **армяне**». Наконец мы пришли к Расулзаде. Он повел нас в полицейский участок в Султанахмете. Объяснив, что «они не армяне, а **мусульмане**», освободили нас из рук полицейских. Причиной всех этих мытарств оказались шапки на наших головах, которые были восприняты как армянский головной убор.

И вот мы в любимом и родном Стамбуле. В тот же день после обеда, взобравшись на **конки**^{*}, я поехал в библиотеку мечети Фатих. Друзья наши заняли для нас прекрасную, чистую комнату в гостинице, где мы проспали целых двенадцать часов. Наутро, поднявшись, мы посетили библиотеки

«**Фатих**», «**Сулеймания**», «**Айя-София**» и «**Кёпрюлю**», я взял в руки книги, о которых мне говорил отец после возвращения из хаджа, старинные книги, о которых я когда-то прочитал в путевых записках Бартольда или в других источниках, особенно труды **Бируни**, книги об истории Тамерлана, принадлежащие перу Хафиза **Абру**²⁷³. Увидел книгу Рашидаддина о теологии и китайской медицине, хранящуюся в «**Айя-Софье**», а в библиотеке Кёпрюлю взглянул на книгу Бируни по истории Индии, а также на его труд под названием «**Патанджала**», молил Аллаха о том, чтобы он дал мне возможность длительное время пользоваться этими книгами, изучая их одну за другой. Оказывается, заведующий **библиотекой** «**Фатих**» никому не показывает эти особо ценные книги. Он спросил: «Откуда Вы знаете, что они хранятся у нас?» «Ваши опубликованные каталоги я выписал еще будучи в **России**», — ответил я. Позже он смог вспомнить и моего отца.

В тот же день мы встретились в Стамбуле со своими соратниками по борьбе в Туркестане и дважды сфотографировались. Первый раз это были Мамур из Джизака, Абдешукур из Самарканда, туркмен **Нафиз** и я, а во второй группе — тот же Мамур, Хамракул и Давран **Ачыл** из Самарканда, Усман Ходжаев из Бухары, **Абделькадир** и я. В Туркестане этого делать было нельзя. У нас фотоаппаратов не было, а городские фотографы обычно находились под надзором полиции и фотографирование в ателье было занятием, чреватом для собственной безопасности.

22 мая 1925 года мы целый вечер **беседовали** с Мехмедом Эмин Расулзаде, а 23-го я встретился с Риза Нур-беєм и Фуатом Кёпрюлю. 26 мая нас пригласили на чай азербайджанцы. Все они были добропорядочными людьми. 27 мая было Днем независимости Азербайджана, по этому случаю я держал речь, выразил благодарность за то, что в программе Муссаватистской партии была упомянута освободительная борьба в Башкортостане и Туркестане. 28 мая вновь посетил библиотеки «**Айя-София**», «**Сулеймания**», «**Баязит Умуми**», «**Нуруосмания**» и «**Кёпрюлю**». В тот же вечер мы посетили Юсуфа **Акчуру**, жившего в Эренкёйе. Миён Бузур также был вместе со мной. Юсуф **Акчура** спросил в манере, для меня неожиданной: «Когда я Вас встретил в Уфе, какую Вы играли роль? Хана или маршала? Что можно сделать с шестью-семью басмачами? Для достижения успеха необходимо быть лояльным к России, достичь с нею **взаимопонимания**». На что я ответил: «Вы поступили бы превосходно, если бы все это объяснили татарам в 1552 году, когда Иван Грозный со-

*Трамвай на конной тяге.

бирался завоевать Казань, не было бы кровопролития и мы все достигли бы успеха и мира. Теперь мне стало совершенно ясно, почему наши переговоры в Уфе закончились безрезультатно». Разговор получился неприятным, я не стал задерживаться, вернулся домой. Назавтра он сам нашел меня в гостинице, сказал, что я не совсем правильно воспринял его слова. Я ответил: «Неудачно от политика Вашего ранга выслушивать слова, смысл которых нуждается в дополнительных разъяснениях уже на следующий день. Во всяком случае события прошедших лет я описал в виде книги. Посмотрим, какова будет Ваша реакция. Может быть, Вы скажете, что нет необходимости ни в борьбе против русских, ни в написании книги, характеризующей эту борьбу? Ваш предок Акчура в то далекое время был на стороне царя. Об этом написал Вельяминов-Зернов²⁷⁴, а не я. Мы надеялись услышать от Вас слова одобрения, а не упреков». Юсуф-бей сказал: «Наступит и этот день, не расстраивайтесь. Я все это сказал, будучи удрученным неудачей, постигшей Вас в борьбе на Урале и в Туркестане, и говорил в том смысле, что если бы Вы в данный момент вместо прибытия сюда смогли продолжить свою деятельность на Родине, то это было бы лучше». «Я верю в искренность Ваших слов. Однако в журнале «Революционный Восток», выходящий в Москве, была опубликована Ваша речь, произнесенная в Анкаре, где Вы выступили сторонником России. Зачем понадобилось это?» — спросил я. На что он ответил: «Все это не было искренней мыслью, она была высказана при встрече с российским послом, здесь иногда такая необходимость возникает». «Ничего против такой необходимости возразить не могу. Однако при произнесении подобных речей было бы хорошо более тщательно продумать, какое они произведут впечатление на российских мусульман, на тюркские народы Средней Азии. Ваша речь, разумеется, по повелению русских, публиковалась в журнале «Революция», в нескольких газетах и произвела удручающее впечатление. Когда публиковалась Ваша речь, мы вели бои севернее Самарканда в местечке под названием Усман. Служащие ныне у Вас наши солдаты Аюп и Ислам в то время также были вместе с нами», — ответил я. Видя, что продолжение этого разговора будет очень тягостным, я переменял тему. И позже с Юсуфом Акчурой мы встречались много раз, но ко всем этим проблемам больше не возвращались.

28 мая я встретился в университете с Фуатом Кёпрюлю-заде и другими профессорами. Тот день и вечер мы провели вместе с Абдрашитом-кази.

Мое первое
научное
выступление в
Стамбуле

Группа студентов университета, слышавших обо мне, 29 мая попросили сделать доклад об основных первоисточниках, дающих наиболее фундаментальные сведения об истории тюркских народов Средней Азии. Возможно, это выступление было организовано Фуатом Кёпрюлю. Выступление состоялось в Институте тюркологии. В то время я турецким языком владел не настолько, чтобы делать научные сообщения. Тем не менее меня очень внимательно выслушали, задали разные вопросы. Выражения, которые я не мог объяснить, растолковывал слушателям Рагип Хулуси-бей.

Там присутствовал и студент-мусульманин из Китая Джелалетдин Ванг-Зин-Шанг. После окончания университета он вернулся на родину, принимал участие в деятельности партии Гоминьдан, был министром в национальном правительстве Восточного Туркестана. После захвата власти в Китае коммунистами он через Пакистан приехал в Стамбул и преподавал в университете китайский язык. Его дети продолжают дело отца.

И позже я старался быть полезным молодежи, прибывающей в наш университет из стран Азии, Европы и Америки.

Обед в Кючюкялы

30 мая я работал в библиотеках «Сулейманья» и «Кёпрюлю», а 31-го, в воскресенье, брат покойного Энвера-паши Нури-паша пригласил меня в казино «Чамлык» в Кючюкялы. Мы там пробыли до прибытия поезда в Бостанжу. На обеде принимали участие несколько его друзей и генералов, но все они были в гражданской одежде. Там были Халил-паша, Эркетет-паша, Джафер-паша, Тайяр-паша, Муршел-паша и офицеры, сопровождавшие Энвер-пашу в Туркестане, в том числе Хайдар Ташан и Мухитдин-бей. Играл оркестр. Было понятно, что застолье устроено в мою честь. Наибольшее волнение и глубокие чувства испытывали Шукру Багларбашы и Хайдар Ташан. Во время обеда ни один посторонний не входил в сад. Разглядывая блестящие песчинки на дне прозрачного моря и обращаясь к Эмиру Эркетету и Нури-паша, я сказал: «Как бы мне хотелось, чтобы здесь у меня был собственный дом». Аллах услышал мои слова. Правда, не сразу, но 32 года спустя я смог здесь построить дом и перевезти свою библиотеку.

Беседа с учителем
Джеватом
и Фарит-беем

Учитель Джеват — один из известных интеллигентов в Турции, кроме французского он владел арабским и фарси. Мы встречались с ним несколько раз в Институте тюркологии. Он, сказав, что желает со мною иметь конфиденциальную бе-

седу, пригласил меня на кофе. В назначенный день мы направились в здание института по подготовке учителей. Оказалось, что был приглашен и преподаватель фарси Стамбульского университета Фарит-бей. И он кроме фарси владел французским настолько, что сочинял на этом языке стихи. В целом в тот период в Турции французский язык был достаточно широко распространен. Я заметил, что представляя нового человека, в интеллигентных кругах особо намекали, на каком уровне представляемый владел французским. Библиотека Джевдат-бея была действительно богатой. На турецком языке в основном были собраны книги по литературе и истории. Тщательно подобрана литература, изданная в России. Были представлены и несколько моих публикаций на турецком языке. Джевдат-бей сказал мне: «С глазу на глаз я хочу Вам сказать, — проговорил он и, взяв в руки номер журнала «Начальное образование» и показав мне две собственные полемические статьи, направленные против меня, продолжил, — прошу Вас к этому вопросу более не возвращаться, так как мои мысли, выраженные в этих статьях, потеряли свое значение, в системе государственного управления ныне религиозные дела отделены от светских, это дело завершилось». Я ответил ему: «Спасибо за предупреждение. Будьте спокойны, и я не намерен заниматься этими проблемами. Все это обычные расхождения во мнениях, к тому же теперь они принадлежат истории». Через некоторое время пришел и профессор Фарит-бей, с ним началась очень содержательная беседа. Если Фарит-бей высказывал немало либеральных мыслей, то Джевдат-бей был достаточно консервативным. В те дни в периодической печати горячо обсуждались проблемы, связанные с алфавитом, печатались статьи, доказывающие целесообразность перехода к латинице. Оба моих собеседника были против такого перехода. Фарит-бей спросил меня: «Что Вы думаете по этому поводу? Пример ли Россия латинский алфавит?» Содержание этой беседы, состоявшейся за чаепитием, подробно изложено в моей записной книжке. На их вопросы я тогда ответил следующим образом: «Технический прогресс рано или поздно вынудит нас принять латинский алфавит, но и от старого алфавита мы не сможем отказаться одним махом. Полвека, самое меньшее четверть века следует пользоваться обеими алфавитами. Газеты и романы должны будут печататься арабскими буквами, чтобы не был нанесен вред преемственности нашей культуры. Необходимо переиздать наши важнейшие книги прошлых эпох. Однако единственное эффективное средство быстрого приобщения к Западной культуре — не смена алфавита, а

путь, на который встали индийцы и индийские мусульмане: принятие английского языка как языка науки и университетского образования. Дальнейшее распространение французского языка в Азии вряд ли возможно. Если английский язык будет в обязательном порядке изучаться в средних школах, то можно будет часть занятий и в университетах вести на английском языке. В то же самое время и для турецкого языка откроется путь для превращения в язык науки, если удастся развитие всех других тюркских языков направить на русло сближения с нашим языком. По моему мнению, индийские мусульмане встанут на правильный путь. Они, разъезжая по всему миру, примут участие в научных конференциях, выступят в центре Азии как хранители древней цивилизации и однажды, освоив и европейскую культуру, превратятся в общество, способствующее всему мировому прогрессу. Я думаю, если мы лет пятьдесят будем развиваться по аналогичному пути, то наши проблемы, связанные с алфавитом и научным языком, постепенно решатся сами собой. Во всяком случае восточным народам будет трудно подняться до уровня европейских путем перевода всех университетских учебников и фундаментальных энциклопедий на арабский, фарси и другие (около 80-ти) языки, которые еще не успели развиваться до необходимого уровня. Мусульманским народам целесообразно принятие одного из европейских языков в качестве языка науки и преподавания в университетах. Один из европейских языков, например, английский, следует ввести в последних классах средней школы как основной иностранный язык. На всех факультетах университета кроме филологических и философских, а также в научных академиях, в институтах, дающих высшее образование, каждодневным рабочим и печатным языком должен быть английский. В таком случае отстающие в своем развитии народы Азии смогут войти в круг мировой науки, не потеряв для этого слишком много времени и усилий. Интеллигенты Малайзии, которых мы встретили в Берлине, несмотря на то, что они являются буддистами из юго-восточной Азии и остались под зависимостью Франции, желают принять английский в качестве языка науки. И исламский мир вступит на тот же путь. Будет просто прекрасно, если дорогостоящие и имеющие международное значение энциклопедии будут издаваться как общие для всех исламских народов Передней и Средней Азии. В течение полвека и наш национальный язык, как например, венгерский, обретет форму языка науки».

Джевдат и Фарит-бей в корне не согласились со мной. У Джевдат-бея мои мысли вызвали сильное раздражение, в то

время как **Фарит-бей** отнесся ко всему более спокойно. Я добавил: «Утверждение английского языка как языка науки в Китае, Японии и Индии свидетельствует о том, что среди народов Азии этот язык непременно утвердится. Если проблема научного языка решится так, как я предполагаю, то мечта о распространении русского языка также окажется **пустой**». Фарит-бей ответил: «Ваша статья по вопросу о халифате и султанате, опубликованная 10 лет назад в журнале **«Белем»** и вызвавшая в нас столь отрицательную реакцию, что Джевдат-бей ответил Вам сердитой ответной статьей, оказалась, тем не менее, ближе к истине, а мы ошиблись. Если бы не это обстоятельство, то и сегодняшние Ваши суждения вызвали бы в нас такое же негодование. Мы бы просили Вас все это никому больше в Турции не **говорить**». Джевдат-бей добавил: «Если турецкий язык будет вынужден уступить свое право быть языком науки какому-то другому, то я с сегодняшнего дня буду все свои статьи писать на французском или арабском». Джевдат-бей попытался объяснить ему: «В данном случае речь не идет о том, что турецкий язык свою роль языка науки целиком должен уступить какому-либо другому. Зеки-беи ведет речь о том, каким образом языки мусульманских народов можно было бы поднять до уровня европейских научных языков.

Поскольку время неумолимо будет требовать решения вопроса об алфавите, он говорит о необходимости введения системы **Галатасарая** и в наших университетах. Он считает, что мы, начав преподавание английского языка со средней школы, должны довести уровень знаний до того, чтобы студенты могли слушать лекции в университетах на английском языке. Такого рода фундаментальные вопросы нам будет полезно обсуждать только между собой. Не следовало бы об этом выступать в **печати**».

Фарит-бей действительно оказался либерально мыслящим человеком. У меня он спрашивал и о шаманизме. Позже он принял псевдоним **«Кам»**, то есть **«Шаман»**. Он согласился и с моими мыслями об использовании латинского алфавита в науке, в том числе технических дисциплинах.

Свои мысли о параллельном использовании арабского и латинского алфавитов в течение пятидесяти лет я два года спустя опубликовал в виде статьи в журнале **«Новый Туркестан»**. Это было уже время осуществления в Турции смены алфавита.

Через год после моего назначения преподавателем Стамбульского университета я много раз встречался с Фарит-бе-

ем, и мы откровенно обменивались мнениями. Трое **ученых**, с которыми я познакомился, едва прибыв в Стамбул, были Фуат Кёпрюлю, Фарит-бей и заведующий библиотекой Баязид Исмаил Саиб-бей. Фарит-бей в совершенстве знал фарси, а **Исмаил-бей** — арабский. Этим знаниям языков соответствовала и их ученость. Кроме того они были и искренними людьми. Когда я почувствовал, что учитель Джевдат-бей был слишком фанатичным, к тому же имел привычку ко всем относиться с подозрительностью, не стал с ним общаться.

1 июня я прибыл в Анкару. По дороге в городе Эскишехир на вокзале меня встречали вместе. В вагоне нашим спутником оказался некий **финансовый инспектор**. С ним мы долго беседовали о мировых событиях, о делах тюркского мира. Наши мысли во всем совпадали, и Мустафа, обращаясь ко мне, сказал: «Удивительно, создается впечатление, что этот человек был вместе с нами в центре туркестанских событий. Между тем он в жизни ни разу не выезжал за пределы **Турции**».

После того как мы устроились в гостинице в Анкаре, Мустафа преподнес мне в подарок чудесную шкатулку прекрасной работы, сделанную из какого-то редкого сорта дерева, купленную им в Мазари-Шарифе. Дорогая, ценная вещь. Видимо, шкатулка предназначалась для хранения драгоценностей. «Внутри жемчугов нет, но вещь старинная», — сказал Мустафа. На внутренней стороне шкатулки дерево сохранилось совершенно белым, где Мустафа написал следующие слова: «Моему выдающемуся сородичу **Заки-агаю**, познакомившему нас с великим тюркским миром, ставшему первопричиной нашего существования национальной жизнью Туркестана и нашего участия в борьбе за его национальное освобождение, руководившему нами в этой борьбе, преподношу в качестве дара, который должен напоминать ему о незабываемых годах нашей борьбы. Мустафа Шахкули. Анкара, **1341/1925**». Вместе с этой шкатулкой он приготовил для меня и свой большой фотопортрет, на котором написал те же слова.

Мустафа — по происхождению потомок знатного рода — так называемых «сеитов **Шахкули**», ведущих свою родословную еще со времен Касимовских **ханов**²⁷⁵. Их историю опубликовал Вельяминов-Зернов. Мустафа в Москве окончил высший Коммерческий институт. Я с ним познакомился еще в 1914 году в Москве в доме его родственника **фабрикан-**

та Хасана **Акчурина**. С помощью Хасан-бея Мустафа получил очень хорошее образование, занимался и политическими науками. Вместе со своей сестрой они перевели с английского на татарский язык некоторые статьи Леона **Каэна** по истории тюркских народов. Они оба в 1917 году искренне, от всей души присоединились к нам, нашим идеям свободы. На московском Государственном Совещании вместе с некоторыми другими студентами выступили против унитаристов. Мустафа и его сестра Сара Шахкулова, получившая высшее образование в Швейцарии, в 1918 году приехали в автономный Башкортостан и работали в экономических учреждениях нашего правительства. А в 1920 году Мустафа приехал с нами в Бухару. Позже он вместе с Усманом Ходжаевым прибыл в Восточную Бухару и выполнял в басмаческих отрядах обязанности инструктора, после прибытия Энвера-паши постоянно находился в его окружении, после его гибели сотрудничал с Сами Хаджи.

Мустафа со стороны матери приходился родственником Юсуфу Акчуре и Исмаилу Гаспринскому. Изучил он и фарси, очень любил чагатайскую литературу, исследовал все рукописные сборники Ахмета **Ясави**²⁷⁶ и составил полный каталог его стихов, но этот труд до сих пор не опубликован.

В Анкаре в комнате гостиницы, где мы остановились, кроватей не было. Постелили на полу, Мустафе это очень понравилось. Он приготовил плов по-бухарски, принес прекрасные вина и разные турецкие яства. Мустафа очень соскучился по матери и сестре Саре, оставшимся в Башкортостане, пел наши песни от неизбывной тоски и плакал. Когда-то я ему прочитал стихи **Алишера** Навои следующего содержания: «Какое великое счастье для человека, если у него есть возможность быть наедине с таким другом, которому можно поведать все свое горе». **Теперь** он повторял эти стихи поэта. Я очень любил этого человека и не удержался от слез.

Свои воспоминания об освободительной борьбе 1918—1923 годов Мустафа написал в виде книги, один экземпляр которой хранится в моей библиотеке, а фотокопия — в архиве Колумбийского университета. Проф. Э. Олворт и для себя сделал копию.

Встретились с турецким консулом Сами-беем, а 2 июня — с Хамдулла-беем. Оказывается, Гаяз Исхаки и Фуат **Туктаров** и еще кое-кто и здесь написали донос на меня, адресовав его **Хамдулле-бею** и правительству. Хамдулла-бей сказал мне: «Все эти дела относятся к событиям, происшедшим на вашей родине. К Турции отношения не имеют. Я дам им ответ в том смысле, что нет оснований для **беспокойств**».

4 июня Хамдулла Субхи в «**Турецком очаге**» организовал заседание, где я, извинившись за свое слабое знание турецкого языка, выступил с сообщением по вопросам тюркской культуры. «Турецкий очаг» избрал меня членом комиссии по культурным вопросам. Председателем этой комиссии были Самих Рифат, членами — Юсуф **Акчура**, Фуат Кёпрюлю, Велид **Челеби**. Мы коллективно сфотографировались.

Турецкое гражданство

Сегодня в официальной газете за подписью главы государства и членов правительства был опубликован текст решения о предоставлении мне и Хамиту Зубеиру гражданства Турецкой республики. Вот текст этого документа:

«Постановление Канцелярия главы правительства: № 2032

На основе свидетельства Министерства просвещения за номером **3840—8240**, поступившего 3 июня 1341 года и содержащего предложение рассмотреть вопрос о предоставлении гражданства Турции Заки **Валиди** и Хамиту **Зубеиру**²⁷⁷, известным своими исследованиями, публикациями, трудами в области истории и филологии турков и других тюркских народов и **назначённых** Министерством на должности, а также учитывая их собственное желание, выраженное в их заявлении, Кабинет министров, обсудив дело, на своем заседании 3 июля 1341 года, решил, удовлетворив их просьбу, принять и зарегистрировать вышеупомянутых лиц в качестве граждан Турецкой республики.

1341 год, 3 июня.

Президент Турецкой республики Гази Мустафа **Кемаль-паша**.

Премьер-министр
Исмет

Министр иностранных дел
д-р. **Тевфик Рюштю**

Министр морского министерства
М. Джемилъ

Министр здравоохранения
и социального обеспечения
д-р. **Рефик**

Министр просвещения
Хамдулла Субхи

Министр внутренних дел
М. Джемилъ

Министр по национальной
обороне **Реджеп Пекер**

Министр юстиции
Тевфик Рюштю

Министр сельского хозяйства
Мехмет Сабри

Министр финансов
Сулейман Сырры.

С опубликованием данного Постановления мое **назначе-**ние членом Комиссии Министерства просвещения по **делам** сочинений и переводов приобрело законный вид. Теперь **мне** начали платить и жалованье.

На основе этого Постановления Министерство **внутрен-**них дел должно было, приписав меня к какой-либо махалле **Анкарского** вилайета, выписать паспорт. Меня записали в **махаллу** Хаджи Халил. Однако староста этой **махаллы**, возможно, ожидая взятку или по какой-либо иной причине, не торопился зарегистрировать меня. Он сказал: «Если Мустафа **Кемаль-паша** — Президент Турецкой республики, то я президент квартала Хаджи Халил. При удобном случае и **на-**личии желаня я выпишу ему **паспорт**». После **регистрации** я арендовал маленький домик, состоявший из двух комнат. С двух сторон дома были сараи с соломенной крышей. Вечером рядом с одним из них я увидел ишака, привязанного к воротам, позже он стал орать на всю округу. Жители Анкары в то время жили среди узеньких улочек, в маленьких домах, в весьма плохих гигиенических условиях и под постоянной угрозой пожаров. Я уплатил за дом, но жить там не смог, остался в гостинице. Здесь не было обычая, чтобы одинокого неженатого мужчину пускали в дом на квартиру. Вдобавок в частных домах было много клопов, а в нижней части города и мух. Свои бумаги, книги я не стал переносить в арендованный дом, оставил в здании Министерства просвещения. В целом после прибытия в Анкару самое большое желание, испытываемое мною, заключалось в том, чтобы поскорее привести в порядок все свои записи и найденные рукописи и ввести всю свою будущую **деятельность** в русло твердого порядка.

Другие дела, сделанные мною в Анкаре

4 июня из Стамбула прибыл Усман Ходжаев и бывший министр финансов Бухары Назир-магзум. И у них были проблемы с гражданством. Мы поговорили о том, как будем заниматься турецкими делами, будучи теперь подданными Турции. В 1926 году, пригласив из Парижа Мустафу Чокаева, организуем в Стамбуле конгресс Туркестанского национального объединения. В **Ев-**ропе представителями Туркестанского национального объединения будут Мустафа Чокаев и Мустафа Шахкули. **Аб-**делькадир и я, включившись в университетскую жизнь, вместе с **Усманом** Ходжаевым будем издавать журнал «Новый Туркестан», где будут печататься научные статьи по истории, литературе, общественной и экономической жизни Туркестана. Советские агенты в целях проведения политики «Национального размежевания» в Средней Азии выступили

против рассмотрения освободительной борьбы в Туркестане как единого национального движения и начали в этом **на-**правлении принимать серьезные меры. Учитывая это **обсто-**ятельство, мы решили представлять все движение в Средней Азии как единое целое вместе с движением татар, башкир и казахов и договорились применять для всех тюрков, **живу-**щих на востоке и севере от Хазарского моря, понятия «**Тур-**кестан и страна восточных **тюрков**», решили все свои собрания, конгрессы устраивать также совместно. Одно из этих совещаний проходило в доме Юсуфа **Акчур**ы.

6 июня я обратился с заявлением в Министерство иностранных дел с просьбой оказать мне помощь в получении разрешения на выезд в Турцию моей жены Нафисы, оставшейся в России. В этой связи у меня состоялась очень обстоятельная беседа с Тевфиком Рюшту и Ахметом **Хикметом**. В тот же день Министру просвещения Хамдуллах-бею я вручил подготовленные мною уставы Академии наук, Турецкого археологического общества, Турецкого географического общества, Турецкого института истории и Турецкого института языка, которые должны были существовать в системе Академии наук Турции. Я считал, что все это должно быть создано в **Тур-**ции. Предоставил я ему и тексты устава **Гёттингенского** Немецкого научного общества и связанные с этими вопросами законы на немецком языке.

10 июня я направился на заседание «**Турецкого очага**», где должно состояться знакомство с его членами. В тот же день я был гостем в Чанкая, в местечке под названием Каваклы у Велида Челеби. Он не владел европейскими языками, увлекался персидской культурой, особенно любил творчество суфиев. На основе изучения опубликованных и неопубликованных словарей тюркских языков он перевел на османский язык «**Кутадгу билиг**»²⁷⁸. Мы с **Абделькадиром** беседовали с ним об этом в течение **3—4** часов.

Вечером **11** июня утром от **8³⁰** до 12 часов в «**Турецком очаге**» состоялись научные выступления. Из членов общества присутствовали многие, в том числе Самих Рифат, Ахмет Хикмет, Хамит Зубеир, Хасан Ферид, Иззет Улви. Я, по рекомендации советника Нафи Атуфа, прочитал свой заранее подготовленный доклад по теме «**Условия поднятия научных исследований в Турции до уровня мировых требований**». Экземпляр своего доклада я вручил и Хамдуллах-бею, обменялись мнениями по этим вопросам, мои идеи были одобрены.

В те же дни я побеседовал с Министром внутренних дел **Джемал-бе**ем. «С любыми вопросами **обращайся** прямо ко **мне**», — сказал он. Мне показалось, что здесь не так много людей, которые, не обращая внимания на формальную раз-

ницу в занимаемом социальном положении, могут, как Хамдуллах Субхи и Джемал-бей, проявить искреннюю дружбу и товарищество. Поэтому его слова произвели на меня большое впечатление и я время от времени наносил ему визиты.

16 мая я встретился с **Джелалом Унсы-беем**. Он был азербайджанским тюрком и раньше **Исмаила Гаспринского** начал издавать в Тифлисе газету на турецком языке «**Кешкул**». Я думал, что он давно уже в мире ином. Оказалось, живет в Турции, интересуется иранской и азербайджанской культурой. Меня он познакомил с неким торговцем коврами по имени Хулуси-бей. По происхождению он был из крымских татар и принадлежал к роду узбеков. Однако этот род не переместился из Туркестана, не имел отношения к туркестанским узбекам, издавна жил здесь. Люди этого рода считают себя местными. Хулуси-бей интересовался персидской, а также золотоордынской и крымской литературами, книгами религиозного содержания. Вместе с **Джелал-беем** мы посещали его неоднократно, подолгу беседовали о литературе. Иногда Хулуси или **Джелал-бей** устраивали гадание, называемое «**фал**», пользуясь сборником «**Диван Хафиза**». Однажды он, взяв в руки прекрасный рукописный экземпляр «**Дивана**», открыл фал: попалась страница, где были строки Хафиза: «Ты поедешь в Хорезм или **Ходжент**». **Джемал Унсы** воскликнул: «**Ха**, если поедешь в Самарканд, передавай привет эмиру **Тимуру!**» Когда мы в другой раз пришли к нему, **Джелал-бей** сказал шутливо хозяину: «Открой для **Валиди-бея** еще раз Хафиза, не возьмет ли он и меня с **собой**». Когда Хулуси-бей открыл книгу, вышла страница, где говорилось: «Туркестан тебя любит, а Китай и Индия платят налоги за каждый **волос**». Возможно, Унсы-бей заранее сказал **Хулуси-бею** открыть именно эту страницу. Как бы там ни было, они этим мне дали знать, что очень одобряют мою преданность моей родине. **Джелал Унсы-бей** сказал: «Ходжа Хафиз очень искренен с тобой. Дает тебе советы как лучшему другу. Я 30 лет здесь, Хафиз никогда мне ничего подобного не говорил». Обращаясь к **Хулуси-бею**, он попросил: «Открой фал теперь для **меня**». Вышел текст в смысле: «Остерегайся завистливых **людей**». Вновь обращаясь ко мне, **Джелал-бей** сказал: «И этот фал, кажется, относится к тебе, так как мое время уже кончилось, мне никто завидовать не **станет**». «**Может быть**, — ответил я, — так как Али Кушчи после прибытия в Стамбул в своем письме друзьям в Самарканде написал, что здесь много завистливых людей, но правитель очень хоро-

ший». **Джелал Унсы-бей** служил в Министерстве иностранных дел переводчиком русского языка.

17 июня. Свое свободное время я посвятил работе над большим трудом по исторической географии Туркестана. Однако в Анкаре не было ни нужных книг, ни библиотеки. Поэтому решил не оставаться в Анкаре и занялся поисками возможности получить назначение на должность в Стамбуле. Тем более в письме Хамдуллаха Субхи, полученном мною в Берлине, было написано, что я буду заниматься преподаванием истории. При каждом удобном случае я напоминал ему об этом.

19 июня. Заболев малярией, два дня не смог ходить на работу. Хамдуллах Субхи послал своего советника **Нафи Атүфа** узнать о моем состоянии. Увидев, что я устроился отнюдь не в самой лучшей комнате, обещал помочь.

**Профессор
Самойлович**

5 июля в Министерстве просвещения мне сказали, что в правление «Турецкого очага» недавно позвонил по телефону Агаоглу **Ахмет**, ищет случая переговорить со мной. Оказывается, в Анкару прибыл известный тюрколог **Самойлович** и желает встретиться со мной. И я назначил встречу с ним в одном ресторане, который находился неподалеку от места, называемое теперь «**Вакуф ханлары**». В этот же день и встретились. С этим ученым в царские времена мы были очень дружны. Наша дружба началась с момента опубликования мною в 1913 году одной статьи о Махтумкули²⁷⁹. Он и в 1921 году для встречи со мной приезжал в Бухару. Об этом я уже писал выше. Предполагая, что его приезд в Бухару был организован по распоряжению Коммунистической партии, я тогда уклонился от встречи с ним. Однажды, когда он в Бухаре беседовал с моим родственником Баишевым, я находился в соседней комнате, однако не вышел к нему. Для организации встречи со мной он попытался воспользоваться помощью узбекского поэта Абдельхамида Чулпана. Из-за этого я избежал встречи даже со своим другом Чулпаном.

Разговор профессор начал по-дружески, так, как будто ничего особенного между нами не происходило, о бухарских событиях не было сказано ни слова. Поэтому мне сразу в голову пришла мысль, что разговор идет по заранее определенному плану. А он говорил лишь о научных проблемах, и я стал ждать, когда же обнаружатся уши его тайной миссии. Через дня два мы встретились вновь. Его слова напоминали мне все то, что я слышал от Крестинского в Берлине. То есть он говорил: «Мы Вас очень ценим, свои путешествия за рубежом продолжайте, не прерывая своих связей с учеными дру-

зьями в России. Вы тот, кто должен со временем занять в Академии Наук место **Бартольда**, Вам не следует менять **гражданства**. Я рассказал ему о своих семейных проблемах, на что он сказал: «Если все будете делать, как я говорю, и этот вопрос разрешится. Иначе Вашей жене на выезд разрешения не **дадут**». Рассказал я ему и о том, что мой брат Абде-рауф заказной почтой выслал мне некоторые мои рукописи, в том числе написанную мною историю ногайцев, но я их не получил. «Все это связано с **политикой**», — сказал он. Позже мы пошли в кино, разговаривали о самых различных делах, но он никоим образом не касался того, что я руководил в Туркестане басмаческим движением. Я укрепился в мысли, что он, вне всякого сомнения, разговор ведет согласно заранее определенной цели. Оказалось, Ахмет **Агаоглу** рассказал ему о том, что я внес проект о создании в Турции Академии наук. Чувствовалось, что Самойловича этот вопрос крайне заинтересовал. Было ясно, что он не желает сосредоточения научных исследований в Турции в едином центре, планового их развития. Во всех научных делах в Турции первым «**советником**» он желал видеть русских. «**Да** это малозначительная **записка**», — сказал я и попытался переменить тему разговора. Но он вновь и вновь возвращался к этому вопросу. Тогда я сказал: «**Это** вопрос, относящийся к Министерству просвещения. Подробности дела мне не **известны**».

И после этого события я многократно писал в Министерство народного образования о необходимости создания Академии наук, но лишь много позже от Авни-бея, выпускающего «**Турецкую энциклопедию**», узнал, что противниками этого плана были политические круги левого толка, близкие к русским. Авни-бей был откровенен со мною, так как в вопросе создания Академии наук мы придерживались одинаковых взглядов.

Кто знает, может быть, Самойлович и не был агентом спецслужб, так как большевики позже уничтожили и его самого. Но тогда я счел дальнейший разговор бессмысленным и сказал: «Я отныне гражданин Турции, написал историю освободительной борьбы в Туркестане. Что делать, старый друг, дорогой Александр Николаевич, русские друзья потеряли свою искренность. Русской интеллигенции дали проглотить опиум под названием «**мировое господство**». Этим самым у вас отняли волю, дружбу и искренность в ваших взаимоотношениях между собой. Как Вы могли встать на столь низкий путь выслеживания меня в Бухаре? **Неужто** и Василий Владимирович (Бартольд), Игнатий Юлианович (Крачковский) согласились бы делать то же **самое?**» Белое лицо Самойловича густо покраснело. «**Это** напраслина. То, что я ис-

кал встречи с Вами в Бухаре или встретился здесь, делается не по чьему-либо **приказанию**», — сказал он. Я же продолжал: «А среди русских тюркологов, которые в 1922 году в Москве в Восточном университете и на филологическом отделении Академии наук доказывали необходимость создания на основе кириллицы девятнадцати литературных языков для тюркских народов, оказавшихся в зависимости от России, Вас, может быть, тоже не было? Правда, я слышал, будто у вас нашлись и смелые молодые тюркологи, которые защищали идею принятия всеми унифицированной латиницы. Однако сегодня в России получили верх те, кто желает помешать формированию общего литературного языка для всех восточных тюрков, кто призывает создать для каждого из этих народов особый алфавит на фонетической основе их разговорной речи, кто говорит о перспективе ассимиляции за короткий срок тюркских народов среди русских. Обо всем этом я подробно написал в своем письме Ленину за два дня до выезда из Туркестана в Иран. Теперь я в Турции и останусь здесь. Во время предыдущей беседы Вы упоминали слова **Страбона** о том, что солончаки между Анкарой и Коньей останутся вечно такими, какими мы их видим и что их никогда нельзя сделать плодородными. Еще в прошлом веке были люди, говорившие, что «тюрки всегда занимались захватом чужих стран, поэтому Анатолия продолжает оставаться похожей на лысину, где не растет ни один **волос**». Сейчас Вы сами видите, что отныне турки все свои силы приложат к тому, чтобы делять свою землю, считавшуюся бесплодным солончаком, и заставят ее цвести.

То, что расположенная на солончаках Анкара является столицей, я рассматриваю не как признак безнадежности будущего Турции, а наоборот, считаю символом, воплощающим ее устремление в это будущее. Кто знает, может быть Хаймана, которой отказывали в перспективе, однажды превратится в великий культурный центр, где смогут найти себе пристанище **8—10** миллионов турков. Шейх вашей Академии Кржижановский и один его товарищ, размышляя о путях нахождения на Среднем Востоке источников электроэнергии для России, высказали мысль, что в будущем, если бы России удалось сюда добраться, Элазыг, Малатья и Диярбакыр, расположенные в верховьях реки Араке, смогли бы стать центрами производства белого угля и металла для Советов. Но я думаю, однажды каждый из этих трех городов сумеет превратиться в центр турецкой индустрии, где будут заняты миллионы рабочих. Тогда навеки исчезнет страх за судьбу турецкого языка перед лицом опасности со стороны армян или даже курдов. До полной ассимиляции тюрков,

оказавшихся в зависимости от России, еще далеко и та безмерная жадность, которая присуща русской нации, принесет немало бед и на ее собственную голову. В то время, Александр Николаевич, может быть, мы сможем вновь стать друзьями как прежде. И раньше эта жадность была немалой. Однако в то время еще не было для нас препятствия наряду со строками «Евгения Онегина» учить и суры Корана. Отныне эта жадность не оставит права на национальное существование ни одному из народов, оказавшихся под пятой России. С просьбой разрешить выехать из России моей любимой жене я обращался к Ленину, Крестинскому. Но видимо ее используют для того, чтобы терзать мою душу».

От волнения и напряжения я почувствовал себя так, как будто выпил пива. Настроение Самойловича вконец испортилось. Расстались. Вернувшись в гостиницу, я подробно записал весь разговор. Мы с ним больше не встречались. Через год в Стамбул для чтения лекций и научных выступлений приехал проф. Бартольд вместе с супругой. Супруга профессора сказала мне: «У Александра Николаевича, встречавшегося с Вами в Анкаре, после возвращения настроение было отвратительным. Он совершил большую ошибку, вмешавшись в политические дела».

8 июля. В Стамбул приехал и мулла Лутфи, в свое время бывший имамом Петербургской мечети. И он был писателем и редактором. Недавно мы получили вест, что он скончался в Стамбуле.

9 июля я нанес визит Министру внутренних дел Реджепу Пекеру в его рабочем кабинете, просил у него назначить на соответствующие должности наших друзей по совместной борьбе в Туркестане Мамура Ниязи и Мустафу Шахкули. Он это воспринял благосклонно и обещал помочь. Оказалось, что он сам по происхождению дагестанец.

Гора Хусейн Гази
Решил осмотреть место сражения между войсками Тимура и Баязида²⁸¹. 17 июля поднялся на гору Хусейн Гази, расположенную на юго-востоке Анкары. Один сельский житель из Кызылхассара спросил меня: «Что ты тут ходишь? А если кто-нибудь убьет?» «Что поделаешь, убьет так убьет. Хочу осмотреть поле битвы между войсками Тимура и Баязида», — ответил я ему. «И я поднимусь на эту гору», — сказал он и с горы показал мне находившееся вдали место сражения, называемое долина Чубук. «Все это Вы знаете по книгам?» — спросил я его. «Нет», — ответил он, — предки жителей нашего села прибыли из Хорасана. Мы очень любим Тимура. Баязида против

Тимура настроили не турки, а сербы. При возвращении зайдите к нам». Я продолжал подъем на вершину горы, было достаточно прохладно. Собрав среди камней кизяк, разжег костер, собрал хворост. За спиной в мешке у меня было несколько сырых картофелин, стал их печь в костре. С собой у меня был медный курай, сделанный на башкирский манер с пятью отверстиями. Когда я наигрывал на нем, издали слышались чьи-то голоса, они приближались и наконец показались и сами люди. Это были европейцы — немецкие, французские и швейцарские инженеры. Всего пять человек, работавшие на строительстве железной дороги. Они принесли с собой много провизии: курицу, различные европейские сыры, виски и вина. Увидев мои картофелины, лежащие в золе, сказали: «Брось это» и угости своими яствами. Опасаясь, что мои картофелины в золе вызовут сплетни, я не стал называть ни своего имени, ни места работы, не произнес ни одного слова по-европейски. Однако через два дня в зале для посетителей Министерства внутренних дел я встретился с одним из этих инженеров. Поздоровались, это был швейцарец. Рядом со мной был знакомый австриец, который и представил меня швейцарцу. После чего стало ясно, кто же пытался печь картошку в золе. Позже, как и австриец, этот швейцарец стал моим другом, с которым мы часто встречались.

Гора Хусейн Гази оказалась неудобным местом для изучения места сражения на долине Чубук. В то время у меня на руках не было карт, составленных Омаром Халис-пашой. Позже вместе с этим швейцарцем и одним учителем средней школы, втроем, наняв у сельских жителей лошадей, мы объездили основной театр военных действий — окрестности Эсенбога, Чатал Тепе и Ягбасана. Затем мы пешком направились в дом Юсуфа Акчуры в Кечиурене. В то время в окрестностях Анкары сохранялись ногайские переселенческие села, люди в одежде все еще сохраняли свой древний облик. Молодые снохи ногайки, никогда не знавшие паранджи, водрузив на головы свои «богтак», «севгеле», описанные еще Марко Поло, продавали на базаре «курут». Я посетил и их деревни. Свои воскресные дни я обычно проводил в деревнях Хаймана.

Визит
к Гази Мустафе
Кемалю

21 июля в четверг — праздник Курбан-байрам. В этот день я был на праздничном намазе в мечети Хаджи Байрам. Из головы не выходили злодеяния русских в странах тюркских народов. Я обратил внимание на шелковую материю, прикрепленную к стене мечети, на которой было написано двестише следу-

ющего содержания: «Разрушится со временем и величественный дворец, не сможет опереться на твои стенания. Будет гореть в огне душа и того, что ныне бросает в пламень чужие души».

Я направился поздравить с праздником афганского посла Ахмет-хана, рассказал о стихах на стене. Он сказал: «И я обратил **на** них внимание и вот перевел на **фарси**» и прочитал свой прекрасный перевод. Мне подумалось: «Афганского посла я поздравил, наступило время поздравить и Мустафу Кемалья-пашу, надо идти к **нему**». Вместе со мной был и Хашим Нагит-бей, он хорошо владел французским. Это был один из тех авторов, которые опубликовали интересные труды по проблемам отставания Турции и путях ее развития. Мы с ним многократно и подолгу беседовали об этих проблемах. Я спросил у него: «Что если сегодня мы пойдем поздравлять Гизи Мустафу **Кемалья** с праздником Курбан-байрам?» «Будет очень хорошо, он примет нас в зале приемов **меджлиса**», — ответил он. Мы пошли вместе, помощника паши попросили доложить о **нас**. Через некоторое время приняли нас, проявили большое внимание. Мустафа Кемаль спросил: «Почему так затягивал встречу?» Я сказал: «**Хамдуллах-бей** хотел представить меня Вам, к тому же хотелось, чтобы входя в Вашу дверь, в кармане иметь паспорт турецкого **гражданина**». Улыбнулся, был очень вежлив. Спросил: «У нас есть обычай пять траурные напевы, называем мы этот обычай «**Сузинак**». А в Туркестане есть что-либо подобное?» На что я ответил: «**Кажется**, у нас это называется «**Бер** бахче». Мне очень понравилось, что паша мне задавал вопросы как своему давнему знакомому. О моих многочисленных встречах с Мустафой **Кемалем** речь будет во второй части этих воспоминаний. Только суждено ли мне их дописать? Сорокапятилетний Мустафа Кемаль-паша оставил у меня очень хорошее впечатление. Моя встреча с ним состоялась на самой серединной точке моей судьбы, когда я переживал первые дни второй половины своей жизни. Выходя из приемной, я встретил депутата меджлиса Сами Рифат-бея. «**Ваша** встреча была очень хорошей, поздравляю. И то, что он спросил про Сузинака, преисполнено смысла. Он хорошо знает, из каких истоков идет турецкая культура», — сказал он.

18 февраля, 1967 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(20.07.1969)

I. Эти свои воспоминания я хотел довести вплоть до дней опубликования данной книги. В этом томе описана моя жизнь с детства до 35-летнего возраста, прошедшая в постоянной борьбе. Тщательно собрал я материалы и о своей последующей 44-летней жизни в Турции **Ататюрка** в качестве университетского профессора и исследователя. В Турции я прожил, не вмешиваясь в политику, не вступая в партии, не следуя за какой-либо личностью, сохраняя свою личную свободу. Тем не менее и вторая половина моей жизни не оказалась бы монотонной и однобокой. Из-за своих научных воззрений я был вынужден некоторое время жить вне пределов Турции, в Австрии и Германии. В ходе второй мировой войны Советы, опасаясь влияния Турции на другие тюркские мусульманские народы, постарались навлечь большие беды на головы тех, кто в Турции занимался историей и национальной культурой этих народов. Если бы мне удалось написать и вторую часть этой книги, я смог бы описать и ту борьбу, которая происходила в Турции в сфере образования, научных исследований, а также на путях внедрения современной научной методологии в изучении Востока. Моя жизнь в Турции целиком была посвящена **науке**. Я занимался изучением и оценкой исторических источников и документов, в течение многих веков тщательно собранных и сохраненных Османским государством. Этапы этой работы заслуживают того, чтобы их оживить в воспоминаниях. Но я уже в весьма преклонном возрасте и желание успеть опубликовать некоторые из своих законченных важных научных трудов примирило меня с мыслью, что вторую часть мемуаров написать не удастся.

II. Если я в этой книге не напишу несколько слов о событиях в **областях** вокруг Каспийского моря после 1925 года, то у читателя сложится впечатление, что мои мысли основываются лишь на событиях, происшедших до моей эмиграции из России. А на самом деле все эти годы я продолжал непрерывно изучать жизнь этого региона. Советский Союз действительно представлял собой площадь революционных изменений. Об этом я говорил и тогда, когда речь в этой книге шла о Каутском. Там человеческое существование из-за диктаторского режима и подчинения пропагандистской системе обре-

ла уродливые формы. Несмотря на это, жизнь Советов, основанная на твердых планах, по многим направлениям развивается с головокружительной быстротой. Многие явления, ставшие сегодня там действительностью, полвека тому назад, находясь в Туркестане, мы не смогли бы вообразить в наших фантазиях. Это отметили и такие европейцы, как **Фитцрой Маклин**, которому дважды, в 1939 и 1959 годах, удалось побывать в Бухаре. Существовавшие веками Бухара и Хива (Хорезм) после советизации в 1920 году вместо своей древней культуры очень быстро восприняли культуру советскую.

Когда в Бухаре в 1959 году был обнаружен природный газ, там появились новые микрорайоны с вознесшимися к небу высокими домами, были уничтожены многие исторические памятники, хранившие следы древних и очень древних цивилизаций, на места их расположения легли автострады. Здесь до 1963 года было добыто 3,3 миллиарда кубометров газа. Из европейской части России приехало большое количество переселенцев, они для доставки газа в индустриальные центры России проложили трубопроводы длиной в 3500 километров*.

Упомянутый в этой книге в качестве маленького городка, но связанный с древним преданием об Эргунекуне Нукус ныне превратился в важнейший пункт воздушных связей Москвы с Индией и Пакистаном. В местечке Арка, старинном кочевье огузов, в наше время известном как место добычи угля и меди, расположена космическая станция Советов под названием Байконур.

В 1932—1933 годы в Казахстане от голода умерло 3 миллиона человек. Двадцать лет спустя в 1953 году в этой стране была отчуждена площадь размером в 20 миллионов гектаров, богатая залежами медной руды, где поселили переселенцев. Площадь этих земель к 1963 году достигла 27 миллионов гектаров**.

В итоге казахи в собственной стране стали составлять 25% населения.

В то время, когда мы еще находились в Башкортостане, нефть не добывалась. А сейчас там добыча нефти в четыре раза превосходит Баку. К 1963 году на Гуймазинских месторождениях Башкортостана добыто 105 миллионов тонн нефти***.

Советские статистические данные о производстве хлопка, железа, гидроэлектроэнергии сообщаются вместе со сведениями об увеличении в Туркестане русских переселенцев, об уменьшении процентной доли коренных народов в общем количестве населения края, о распространении русского языка.

III. Между тем Турция, где я плодотворно провел последние 44 года своей жизни, в противоположность горестному положению Туркестана, сохра-

*Геология нефти и газа. 1963, № 3; Нефтяное хозяйство. 1964, № 9—10; Введенский, журнал, 1965, № 39—40 (Ссылки А.-З. Валиди Тоған).

**Народное движение за освоение целинных земель. Коллективный труд. Москва, 1959; Mecil Ayarbek, «Türkili», Izmir, 1968, № 4. S. 18—21.

***Там же.

няет свою независимость и ныне входит в период своего великого подъема. Сейчас армия Турции достигла невиданной в последние века силы. Возрастает ее влияние в мире, увеличилась и ее финансовая мощь. Угроза теократизма, о которой я, беспокоясь за судьбу Турции, критически отзывался еще в 1913 году, ныне осталась на обочине. Конгресс исламских народов, состоявшийся в апреле этого года в Равалпинди, ясно дал понять, что Турция, несмотря на все свои недостатки, может служить примером для интеллигенции других исламских народов в деле обновления ислама, освобождения от теократизма*.

Российские ученые в 1920 году, считая истоки Аракса началом российских рек и предполагая, что реки Евфрат и Тигр в будущем станут источником энергии для Передней Азии, заговорили, будто этот регион нуждается в «созидательной» мощи России. Ныне наш народ своей волей и стараниями превратил эти места в центр индустрии и производства энергии для всей Турции. Строительство мостов и подземных тоннелей на Босфоре и Дарданеллах обеспечит дальнейшее существование языка и культуры нескольких миллионов тюрков, проживающих в различных центрах мировой культуры.

IV. Турция, а также быстро развивающийся на основе богатых нефтяных месторождений Иран, окрепнув, должны были ослабить попытки России взять под свое влияние Азию. Но они, наоборот, примирились с возрастанием подобного влияния. Россия вышла на Средиземноморье, на Ниле египтянам построила плотину, в Индокитае прилагает все силы к тому, чтобы создать прокоммунистическое правление. Наблюдая, как они сейчас захватили Чехословакию, можно ясно понять, что их отступление от Австрии и Иранского Азербайджана — не более как временный тактический ход. Россия в целях усиления своего влияния в Средиземноморье, в Передней и Юго-Восточной Азии стремится сохранить свое присутствие вокруг Черного и Каспийского морей, намеревается целиком захватить Афганистан. В этой связи мои живые воспоминания, полученные в ходе путешествия в прошлом году в северный Афганистан, могли бы составить итоги и заключение этих воспоминаний. В Мазари Шарифе один узбекский эмигрант из Бухары, выходец из рода Кунград, понимающий тенденции мирового развития, сказал мне: «Одни из нас рвутся душой в Турцию, другие желают вернуться в Россию. Но я останусь здесь, так как сама Россия движется сюда. Через Герат и Мазар в Индию строятся бетонные дороги, по которым смогут двигаться тяжелые танки, в некоторых местах толщина покрытия дорог достигает полутора метров. Россия, несомненно, намеревается, пройдя через Гиндукуш, обосноваться в Кашмире. Так же, как красный Китай обосновался в Тибете». Наступление русских отныне не является лишь проблемой Туркестана, сегодня это беда всей Азии. Когда я пишу эти строки, на Западе были опубликованы несколько статей по теме «Основная цель России в Азии». Мнение немецких специалистов заключается в следующем: «Планы России в Азии

*Моя статья, посвященная данному вопросу, будет опубликована в 3—4 разделе IV тома журнала «Islam Arastirmalari Dergisi»

сейчас ясны. Она, играя роль посредника в Кашмире, желает там закрепить-ся и всю юго-восточную Азию целиком взять под свое **влияние**»*.

V. Соседние к России мусульманские государства по отношению к при-емам психологического давления русских проявляют невежество и беспо-мощность. Проходят годы. Все верят советской статистике, так как она яв-ляется единственной, что можно взять в руки. В результате чего формирова-ние общего взгляда оказывается в руках русских, а местные ученые в сфере знаний испытывают неуверенность.

Советская Россия применяет целую систему мер по отношению к сосе-дям и к своим подданным в сфере языка, искусства, театра, обычаев и тра-диций. Прошли годы, но ни местная интеллигенция, ни специалисты сосед-них стран не смогли достичь независимого от русских анализа этой полити-ки. Поэтому у них нет собственного профессионального мнения. Россия стро-го следит за тем, чтобы принимаемые ею меры были успешно проведены со всей последовательностью. С одной стороны, она выпускает красочные ил-люстрированные издания, показывающие, какого полного счастья достигли ее граждане мусульмане. С другой стороны, Россия, издавая статистические «сведения», пытается убедить мир в неизбежности ассимиляции и исчезно-вения этих народов. Было бы пагубно целиком отрицать и не изучать всю эту статистику, издаваемую в виде толстых фолиантов и выполненных в форме научных публикаций. В соседних с Россией государствах растет число кад-ров российской ориентации, не демонстрирующих своего присутствия.

Например, принимаются очень серьезные меры по усилению экономи-ческой зависимости Афганистана от России. Залежи природного газа в Ши-биргане русские взяли в собственные руки. Также как бухарский газ, он бу-дет по трубопроводам перегоняться в Россию и даже в Восточную Европу. После установления связи при помощи туннеля Гиндукуш — Сузак путь, пройденный Александром Македонским от Кабула до Балха, сократился на 200 километров. Россия хорошо понимает значение сооружений по добыче нефти и газа в северном Афганистане и строительства автострад. Европей-ская общественность от влияния ложной «информации» Советов с опоздани-ем, но все-таки освобождается. Например, английские газеты в 1954 году, введенные в заблуждение советскими сообщениями, шумели о том, что во-круг территорий с богатыми залежами медной руды в Казахстане «Советы совершают такие великие преобразования в сельском хозяйстве, которые удивят весь мир». Спустя 15 лет, когда стало ясно, что из этого ничего не по-лучилось, они написали об этих степях как о землях, «оставшихся пригод-ными лишь как скудные пастбища для скота».**

* Frankfurter Rundschau, 24.6.1969; The German Tribune, 12.6.1969.

** R. Kelf — Cohen. The Consumer in Sovietland. The Daily Telegraph. June 10, 1969.

У нас в Турции советская пропаганда до сих пор сохраняет свое влия-ние, и сегодня казахстанские целинные земли представляются как «источ-ник благополучия» Советов.

Сейчас извлечение истинной информации из советских источников пре-вратилось в вид искусства, так как их статистики, предоставляя полную информацию лишь Политбюро партии, широкой публике выдают весьма по-ловинчатые сведения. Этим искусством в первую очередь овладеть должны мы. Но почему-то это не делается. Остаются без внимания предложения о со-здании научных учреждений, которые могли бы раскрыть истинное положе-ние вещей путем самостоятельных исследований*. Широко распространив-шиеся меры по созданию препон против научной деятельности, назначение на руководящие должности в научных учреждениях и университетах людей красной политической ориентации осуществляется дерзко и уверенно, с применением психологических методов, которым в последнее время прида-ется столь большое внимание.

VI. В этих воспоминаниях следует отметить и то, что некоторые отрица-тельные явления в соседних с Россией исламских государствах в последнее время были исправлены. Я испытываю глубокое удовлетворение от того, что мысли о демократии в исламских странах и о социализме, высказанные мною еще в 1923 году при обсуждении наших проблем в Кабуле, оказались созвучными тому общему направлению мыслей, которые превалируют сей-час среди нашей интеллигенции. Тогда я говорил, что в исламских государ-ствах демократия не может осуществляться от начала до конца по американ-скому или английскому образцу, а должна сообразовываться с националь-ными особенностями, присущими каждой стране и народу. Вопреки попыт-кам в течение последних 44 лет отдалить исламские народы друг от друга, вовлекая мощные пропагандистские средства и тратя большие деньги, меж-ду нашими народами каких-либо серьезных столкновений не произошло. А имевшие место некоторые негативные события не вызвали между политиче-скими кругами различных направлений больших противоречий. Наоборот, причины этих событий своевременно и хладнокровно анализируются. Пра-вители Ирана и Афганистана в целях сохранения своих корон не встали на путь кровавых мер, а проявили готовность вместе с народом осуществлять необходимые революционные преобразования**.

Я писал некогда о том, что у России очень широкие возможности для за-воевания все новых и новых земель, поэтому принятие соседними государст-вами серьезных мер в деле укрепления собственных границ имеет большее значение и соответствует интересам государств всего мира***. Сейчас в этом

Z. V. Togan. The Organisation of the Western and Central Asian studies (Report of Middle East, Washington, 1958).

Şah Muhammed Riza, Inqilab-i Sefid, Tahran, 1968; Kiral Muhammed Zahir Sah, «Afganistan in the past fifty years» (The Kabul Tims, August 22, 1968).

*** Z. V. Togan. Bugünkü Turkistan ve yaqin mazisi. Kahire. 1928—1939, s.652; Z. V. Togan. Die gegenwärtige Lage der Muhammedaner, Budapest. 1930. s. 14.

деле оказывается помощь в очень широких масштабах. В особенности подерживаемые Пакистаном серьезные меры будут претворены в жизнь исламскими союзами и организацией РСД, образовавшимися, охватывая пространство от Европы до арабских стран.

На Конгрессе востоковедов, организованном в 1967 году в Анн Арборе, таджикским руководителем Гафуровым²⁸² и на Конгрессе в Тегеране в 1968 году, посвященном искусству Ирана, устами одного русского, сотрудничающего в ЮНЕСКО, Россия в пропагандистских целях выдвинула для всеобщего обсуждения одну идею. Согласно этой идее Иран, таджики и афганцы, взяв за основу арийские принципы, должны объединиться с севера на юг в пространстве, ныне занимаемом РСД и Исламом, и в дальнейшем должны свои культурные дела вести в соответствии с этими принципами. В прошлом году в Таджикистане была организована научная конференция по «Жушанской культуре»²⁸³ и началось претворение в жизнь этой идеи. Тем не менее афганцы в советских регионах остались верны своим политическим традициям, основанным на исламе. Поэтому вся эта возня не смогла обосноваться в Кабуле, переместилась в Москву. Неприятие по отношению к русификации, интригам, рост национального самосознания в данное время в Туркестанских республиках по сравнению с 1925 годом выросли в масштабах, которые сейчас нам трудно даже и представить. Махмуд Кашгари превратился в национального героя всех этих стран.

В своем письме моджахедам-интеллигентам из Туркестана, оставшимся в Иране после эмиграции, в 1924 году я писал, что «в политике европейских государств по отношению к Советам нет ясности и последовательности». «Тем не менее, — писал я также, — наша опора — уверенность европейских народов в самих себе. А Советы не смогут выйти из гетто, которое сами себе и устроили». Вот уже 44 года, Советы так и не смогли выйти из собственного гетто, у них на то не хватило мужества. В те минуты, когда я пишу эти строки, Запад развивает науки не тайно, а перед взором миллионов людей, демонстрируя праздники ее победы в виде посадки астронавтов свободного мира на поверхность Луны. Многие люди верят, что проникновение человека в космос окажет благотворное воздействие на нравственность человечества, поможет установлению в мире всеобщей справедливости.

Издательство не ставило своей целью дать подробный исчерпывающий комментарий ко второй книге «Воспоминаний» З. Валиди. Тем не менее, хотя данное издание и рассчитано на широкого читателя, мы сочли возможным дать краткие справки об упоминаемых автором деятелях политики, науки, культуры, истории, объяснить некоторые встречающиеся в тексте термины. Далеко не обо всех удалось разыскать сведения в специальной и справочной литературе, многих работ, необходимых для комментирования, нет в библиотеках Башкортостана. Среди наиболее важных справочников и научных изданий нами были использованы Большая Советская Энциклопедия (3-е издание), Советская Историческая Энциклопедия, Большой Энциклопедический словарь (М., 1991), Энциклопедический словарь «Ислам» (М., 1991), словарь Г. П. Матвиевской и Б. А. Розенфельда «Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII—XVII вв.)» (Т. 1. М., 1983), «Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» (М., 1989), «История всемирной литературы» (Т. 9. М., 1993), библиографический обзор Ч. А. Стори «Персидская литература» (М., 1972), Британская энциклопедия (1994), энциклопедия «Отечественная история» (Т. 1. М., 1994), глава I коллективного труда «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории» (М., 1988), «История узбекской литературы в 2-х томах» (Ташкент, 1987—1989), биографический словарь «Политические деятели России. 1917 год» (М., 1993), Краткая литературная энциклопедия. Издательство сознает, что подготовка академического варианта этой и других работ З. Валиди — дело будущего, требующее привлечения большого количества специалистов в области разных наук.

Следует отметить и то, что мы не стали давать комментарии о большом количестве башкирских, татарских, казахских, среднеазиатских и некоторых других деятелях и менее известных участниках описываемых событий по двум причинам:

1) требуется слишком большая исследовательская и поисковая работа, которая затянет издание книги, а объем комментариев окажется очень большим;

2) о многих персонах, упоминаемых автором «Воспоминаний», сведений в отечественной литературе пока нет, так как большинство из них были репрессированы, или оказались в эмиграции.

Информация о некоторых из башкирских деятелей содержится в книге Б. Х. Юлдашбаева «Образование БАССР» (Уфа, 1958), в комментариях к сборнику документов «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики» (Уфа, 1959, под редакцией Б. Х. Юлдашбаева), в целом ряде других книг, журнальных и газетных статей последних лет, а также в краткой энциклопедии «Башкортостан» (Уфа, 1996). Когда этот труд находился уже в печати, в Москве вышел перевод настоящих «Воспоминаний», выполненный В. Б. Феоновой под редакцией кандидата исторических наук С. М. Исхакова (649 стр.). Обширные комментарии, помещенные в московском издании, также помогут читателю разобраться в огромном мире З. Валиди.

Примечания подготовлены кандидатом исторических наук, научным сотрудником Отдела народов Урала с МАЭ УНЦ РАН И. В. Кучумовым.

А. М. Юлдашбаев

¹ Байтурсун (Байтурсынов) Ахмет (1873—1938) — один из лидеров Алаш-Орды, член Комуча, член Киргизского (Казахского) РВК. В 1920 году стал первым наркомом просвещения Казахстана. Был реформатором казахского алфавита, издал труды по казахскому языку, литературе и фольклору. Репрессирован.

² Преображенский Евгений Алексеевич (1886—1937) — советский партийный и государственный деятель, экономист. Являлся председателем Уфимского губкома РКП(б), членом ВЦИК. Репрессирован.

³ Тохтамыш (?—1406) — хан Золотой Орды с 1380 года. В 1382 году организовал поход в русские земли. В войне с Тимуром (1389—1395) потерпел поражение. В 1398—1399 годах разбит ханом Заволжской Орды Темир-Кутлум.

⁴ Хафиз Шамсиддин Мухаммад Ширази (ок. 1325—1389 или 1390) — персидский поэт. Автор лирических газелей, в которых создал образ бесшабашного гуляки и свободного духом человека, протестующего против существующего уклада жизни. Многим его газелям свойственна сатиричность.

⁵ Атласи (Атласов) Хади (1876 или 1879—1938) — татарский общественный и религиозный деятель, мулла. Эсер, член руководства партии «Иттифак», участник татарского национального движения. Подвергался репрессиям как до революции, так и в советское время. В 1938 году расстрелян.

⁶ Субхи Мустафа (1882 или 1883—1921) — один из основателей Коммунистической партии Турции и ее председатель в 1920 году. В 1914 году бежал в Россию. В 1921 году вернулся на родину, был вывезен жандармами в море и с рядом других активистов КПТ потоплен близ Трабзона.

⁷ Кучум (?—ок. 1598) — хан Сибирского ханства с 1563 года. В 1582—1598 годах оказывал сопротивление российской экспансии в Сибири.

⁸ Кучук — правнук сибирского хана Кучума, владел землями на границе с юго-восточной Башкирией. Во время башкирского восстания 1662—1664 годов башкиры безуспешно пытались заручиться его поддержкой.

⁹ Алдар Исянгильдин — один из предводителей башкирского восстания 1704—1711 годов, участник башкирского восстания 1735—1740 годов. Тархан.

¹⁰ Уракай Юлдашбаев — башкир Айлинской волости Сибирской дороги, один из лидеров башкирского восстания 1704—1711 годов.

¹¹ Букеевская (Внутренняя) орда — казахское ханство (1801—1876), вассал России. Образовано выходцами из Младшего жуза (5 тыс. семей) между рр. Волгой и Уралом на землях, покинутых в 1771 году калмыками. Вошла в состав Астраханской губернии. Свое название получила по имени султана Букея (ум. 1815).

¹² Младохивинцы — демократически настроенные интеллигенты в Хивинском ханстве, накануне Февральской революции выступавшие за введение в школах светских предметов. В апреле 1917 года пришли к власти в Хиве, но вскоре были отстранены ханом, стали сотрудничать с коммунистами. В дальнейшем как самостоятельная сила были устранины большевика-

ми с политической арены. Впоследствии многие младохивинцы были репрессированы.

¹³ Джунаид-хан (Мухаммед-Курбан Сердар) (1857—1938) — один из руководителей басмаческого движения в Хорезме и Туркменистане. В январе 1918—январе 1920 годов правитель Хивы. До начала 30-х годов совершал налеты на Среднюю Азию, в 1931 году бежал в Афганистан.

¹⁴ Самойлов Федор Никитич (1882—1952) — в годы гражданской войны — уполномоченный ВЦИК при Башревкоме, автор воспоминаний «Малая Башкирия в 1918—1920 гг.: Из истории первого опыта Советской национальной политики» (1933).

¹⁵ Башкирский историк Ш. Типеев (1900—1983) выпустил в 1929 году книгу «К истории национального движения и Советской Башкирии (1917—1929 гг.)».

¹⁶ Сулейман Фатхелькадир (Инан Абделькадир) (1889—1976) — башкирский писатель и поэт, в Турции — этнограф, языковед, фольклорист. В 1919 году был министром образования Башкортостана. В 1920—1923 годах участвовал в басмаческом движении, затем в эмиграции (в основном, в Турции).

¹⁷ Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Овеей-Герш Аронович) (1883—1936) — в описываемое время (1919—1926) председатель Исполкома Коминтерна. Репрессирован.

¹⁸ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939) — деятель международного социал-демократического движения. После Октябрьской революции жил в России, был партийным публицистом. В 1920—1924 годах член Исполкома Коминтерна. Репрессирован.

¹⁹ Рыскулов Турар (1894—1938) — в 1920 году председатель Центрального исполкома Туркестанской АССР, в 1921—1922 годах заместитель наркома по делам национальностей РСФСР, в 1926—1937 годах заместитель председателя СНК РСФСР. Репрессирован.

²⁰ Павлович Михаил Павлович (Вельтман Михаил Лазаревич) (1871—1927) — российский революционер и востоковед. В 1921—1923 годах член коллегии Наркомнаца. С 1921 года ректор Московского института востоковедения. Автор трудов по истории национально-освободительного движения.

²¹ Энвер-паша (1881—1922) — один из лидеров младотурок, глава триумвирата, управлявшего Турцией в годы первой мировой войны. В 1918 году бежал из Турции, позже примкнул к бухарским басмачам. Убит в стычке с отрядом Красной Армии.

²² Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — председатель СНК СССР в 1924—1930 годах, председатель СНК РСФСР в 1924—1929 годах. Репрессирован.

²³ Артем (Сергеев Федор Андреевич) (1883—1921) — в 1919 году — заместитель председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, затем чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК в Малой Башкирии, руководитель «Башкирпомощи». Член ВЦИК.

²⁴ Крестинский Николай Николаевич (1883—1938)— с 1921 года полпред Советской России в Германии, с 1920 года заместитель наркома иностранных дел СССР. Репрессирован.

²⁵ Рудзутак Ян Эрнестович (1887—1938)— вписываемое время — председатель Турккомиссии ВЦИК, Туркбюро ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК РКП(б). Репрессирован.

²⁶ Якут Хамави (между 1178 и 1180—1229)— арабский ученый-энциклопедист. Автор биографического словаря (свыше 1000 статей) и географического словаря стран известного тогда мира (около 16000 статей)— вершины домонгольской арабской географической науки.

²⁷ Атсыз ал-Малик Абу Музаффар Ала ад-Дин Джалал ад-Дин (1095—1156)— хорезмшах с 1127 года. В течение многих лет вел борьбу за полную независимость Хорезма от Восточно-Сельджукского государства, вассалом которого он был. Подчинил себе соседние с Хорезмом кочевые народы.

²⁸ «Бабур-наме» — автобиография Бабура. Содержит изложение различных событий с 1493 по 1529 годы. Кроме автобиографических сведений дано описание походов, картин природы, городской и сельской жизни Средней Азии, Афганистана и Индии.

²⁹ Едигей (1352—1419)— эмир Белой Орды. Основатель Ногайской Орды, с 1399 года правитель Золотой Орды. Погиб в междоусобной войне.

³⁰ Букейханов Алихан Нурмухамедович (1870—1937)— лидер Алаш-Орды, кадет. Октябрьскую революцию не принял, но позже стал сотрудничать с большевиками. В 1922—1927 годах работал в Центральном издательстве народов СССР в Москве, переводил произведения литературы и фольклора. Репрессирован.

³¹ Чингисхан (ок. 1155—1227)— основатель и великий хан Монгольской империи с 1206 года, организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу.

³² Залеман К. Г.— см. прим. 43 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

³³ Мутаннаби Абу-т-Тайиб Ахмед ибн аль-Хусейн (915—965)— арабский поэт. Его сочинения отмечены свободолобием и философской глубиной. Казнен за сатирические стихи.

³⁴ Речь идет о статьях: Мостовенко П. Н. О больших ошибках в «Малой Башкирии» (Пролетарская революция. 1928. № 5); Юмагулов Х. Ю. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1918—1920 гг. (Там же. № 3); Самойлов Ф. Об одной националистической вылазке или неизменных ошибках Х. Ю. Юмагулова (Там же. № 3).

³⁵ Беляев Иван Александрович (?—1920 ?)— русский востоковед. С 1905 года служил в Туркестане, преподавал на семинарии. Автор первой грамматики туркменского языка и русско-туркменского словаря. Собирал фольклор.

³⁶ Тимур (Тамерлан) (1336—1405)— среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир с 1370 года. Создатель государства со столи-

цей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду, совершал походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию.

³⁷ Шахрух (1377—1447)— сын Тимура, с 1397 года правитель Хорасана, с 1409 года правитель государства Тимуридов. Пытался предотвратить распад последнего.

³⁸ Ибн Фадлан Ахмед ибн аль-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад — арабский путешественник X века. В 921—923 годах совершил путешествие через Бухару и Хорезм к волжским булгарам. Привел сведения об образе жизни и верованиях башкир.

³⁹ Толстов Сергей Павлович (1907—1976)— советский археолог и этнограф. Член-корреспондент АН СССР с 1953 года. В 1939—1951 годах профессор МГУ, в 1942—1966 годах директор Института этнографии АН СССР. Автор трудов по археологии и древней истории Средней Азии, истории религии, этногенезу.

⁴⁰ Ибн Ирак Абу Наср Мансур ибн Али аль-Джади (ум. 1036)— выдающийся среднеазиатский ученый, уроженец Хорезма. Воспитатель и друг аль-Бируни. Автор трудов в области естествознания и точных наук. Работал в Кяте и других городах.

⁴¹ См. прим. 30 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁴² Газневи Махмуд (998—1030)— правитель государства Газневидов. При нем оно достигло наивысшего могущества, включив в себя территорию современного Афганистана, ряда районов Ирана, Средней Азии и Индии.

⁴³ Мамун — см. прим. 27 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁴⁴ Айни Садриддин Саид-Муратзада (1878—1954)— таджикский писатель, ученый, общественный деятель. Первый президент (с 1951 года) АН Таджикской ССР. Автор повестей, романов, воспоминаний, трудов по истории и литературе народов Средней Азии.

⁴⁵ Ходжаев Файзулла (1896—1938)— председатель Бухарского ревкома, председатель Совета народных назиров с 1920 года. С 1925 года председатель СНК Узбекской ССР, один из председателей ЦИК СССР.

⁴⁶ Гаспринский (Гаспралы) Исмаил бей (1851—1914)— турецкий общественный деятель, историк, публицист. В 1871 году отправился в Париж, учился в Сорбонне, работал секретарем И. С. Тургенева, затем недолго жил в Стамбуле. После возвращения в Крым работал учителем, публиковался в российских газетах. С 1883 года издавал газету «Терджиман» («Переводчик») в Бахчисарае — первую мусульманскую газету в Европейской России и до 1905 года — единственную газету турецких народов нашей страны. В своей школе проповедовал идеи джадидизма. С 1908 года издавал первый журнал для мусульманок «Мир женщины» (на крымско-татарском языке), готовил энциклопедию для мусульман России. В 1910 году парижский журнал «Мусульманский мир» выдвигал И. Гаспринского на соискание Нобелевской премии мира.

⁴⁷ Ауэзов Мухтар Амарханович (1897—1961)— казахский писатель, академик АН Казахской ССР с 1946 года. Автор романов (том числе романов-эпопей «Жизнь Абая»), повестей, рассказов, трудов по истории ка-

захской литературы и фольклора. Лауреат Сталинской (1949) и Ленинской (1959) премий.

⁴⁸ **Мушфики Абдурахман (1525—1588)**— таджикский поэт-сатирик. Стал героем устного народного творчества в Средней Азии.

⁴⁹ **Абдулла-хан II (1534—1598)**— узбекский хан из династии Шейбанидов с 1583 года. Захватил Бухару, Ташкент, Балх, Фергану, Хорезм и др. Его вассалом был сибирский хан **Кучум**.

⁵⁰ **Чулпан (Юнусов Абдулхамид Сулейман оглы) (1897—1937)**— узбекский поэт, переводчик. Автор стихов, прозы, пьес на революционную тематику, о дореволюционной жизни узбеков. Репрессирован.

⁵¹ **Самойлович Александр Николаевич (1880—1938)**— выдающийся советский востоковед, академик АН СССР с 1929 года. С 1934 года директор Института востоковедения АН СССР. Автор большого числа трудов, небольших по объему, но всегда содержащих новые идеи и важные выводы по языку, литературе, фольклору, этнографии тюркских народов, общим вопросам тюркологии. Репрессирован.

⁵² **Кемаль Мустафа (Ататюрк) (1881—1938)**— руководитель турецкой революции 1918—1923 годов, первый президент (с 1923 года) Турецкой республики.

⁵³ **Вяткин В. Л.**— см. прим. 44 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁵⁴ **Наливкин Владимир Петрович (1852—1918)**— русский востоковед, был одним из лучших знатоков истории и культуры Туркестана. Избирался депутатом II Государственной Думы. Автор многочисленных работ по проблемам Туркестана. Покончил жизнь самоубийством на могиле своей жены, этнографа-востоковеда М. В. Наливкиной.

⁵⁵ **Афрасиаб** — городище, развалины Самарканда VI в. до н.э.— XIII в.н.э.

⁵⁶ **Шахи-Зинда (перс. — «живой царь»)**— памятник средневековой архитектуры в Самарканде, ансамбль мемориально-культурных построек (в основном XIV—XV вв.) с керамическим многоцветным декором.

⁵⁷ **Кашгари М.**— см. прим. 48 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁵⁸ **Мостовенко Павел Николаевич (1881—1938)**— российский революционер. Являлся чрезвычайным уполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК в Башкирской республике, членом президиума и секретарем Башкирского обкома РКП(б), членом президиума БашЦИК. Репрессирован.

⁵⁹ **Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941)**— германский император и прусский король в 1888—1918 годах. Свергнут в результате Ноябрьской революции 1918 года.

⁶⁰ **Аманулла-хан (1892—1960)**— король Афганистана в 1919—1929 годах. Возглавил освободительную войну против Великобритании, добился признания полной независимости своей страны (1919). Свергнут в результате мятежа, эмигрировал.

⁶¹ **Талаат-паша Мехмуд (1874—1921)**— младотурок, гроссмейстер масонской ложи «Османского Великого Востока», после младотурецкой революции — депутат меджлиса, военный министр, министр внутренних дел

Турции. Председатель ЦК партии «Иттихад ве Теракки» (1914—1918), в ноябре 1918 года после отставки младотурецкого правительства уехал в Германию. Был застрелен дашнаком в Берлине.

⁶² Семиреченское восстание 1916 года — речь идет о Среднеазиатском восстании 1916 года (наиболее активно проходило в Тургайской области), стихийном антиколониальном выступлении народов Средней Азии и Казахстана в связи с указом царского правительства о мобилизации мусульманского населения в армию и на тыловые работы. Подавлено войсками.

⁶³ **Юрнев (Кротовский) Константин Константинович (1888—1938)**— советский дипломат. С 1921 года полпред России в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Репрессирован.

⁶⁴ **Фаррухи Абу-л-Хасан Али ибн Джулу (?—1037/1038)**— персидский поэт и историк литературы.

⁶⁵ **Марко Поло (ок. 1254—1324)**— итальянский путешественник. В 1271—1275 годах совершил путешествие в Китай, где прожил около 17 лет. В 1292—1295 годах морем вернулся в Италию. Написанная с его слов «Книга Марко Поло» (1298)— один из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии.

⁶⁶ **Бехбуди Махмудходжа (1875—1919)**— узбекский писатель-драматург, публицист, драматург. В 1913 году образовал в Самарканде любительскую театральную труппу, где была поставлена его пьеса «Отцеубийца» — первая национальная узбекская трагедия. Автор антиклерикальных статей, учебников на таджикском языке («Краткий курс общей географии», «Введение в географию народонаселения», «Краткий курс географии России»), Погиб.

⁶⁷ **Бухари (аль-Бухари) Мухаммед ибн Исмаил Абу Абдулах аль-Джуфи (810—870)**— знаменитый суннитский богослов. По преданию, проверил 600 тысяч распространенных тогда хадисов (преданий о словах и действиях Пророка) и еще 200 тысяч записал у своих учителей и информаторов, отобрал около 7400 «безупречных» хадисов. Для большинства суннитов сборник хадисов аль-Бухари (называется «ас-Сахих») стал второй книгой после Корана. Умер и похоронен в селении Хартанка (близ Самарканда).

⁶⁸ **Руми Д.** — см. прим. 7 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁶⁹ **Эргаш Джуманбулбул-оглы (1870—1938)**— узбекский народный сказитель. Исполнял старинные дастаны и создавал новые поэмы на революционную тематику.

⁷⁰ **Аль-Афшин Хайдар ибн Кавус (ум. 840)**— арабский полководец, воевал с Византией, подавлял восстание Бабека в Азербайджане и Западном Иране. Обвиненный в измене и ереси, казнен по приказу халифа.

⁷¹ **Бабур** — см. прим. 21 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁷² **Навои А.**— см. прим. 10 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

⁷³ Опасения по поводу сохранности исторических ценностей имели веские основания. Так, например, в октябре 1920 года инструктор поезда «Красный Восток» докладывал в Туркбюро о действиях Красной Армии в Бухаре: «Вызывают сильное возмущение грандиозные грабежи, которыми сопровождалось занятие города революционными войсками. Говорят о раз-

граблении богатейших эмирских сокровищниц, наполненных драгоценностями величайшей стоимости. Люди буквально ходили по золоту и серебру. Исчезли вещи глубочайшей древности» (цит. по: Генис В. Л. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 50).

⁷⁴ Маулана («наш господин») — одно из прозвищ Д. Руми.

⁷⁵ Харут и Марут — имена двух ангелов, заточенных за грехи в темницу в Вавилоне. Упоминаются в Коране как знатоки магии, обучающие ей людей, но предостерегающие их от последствий ее употребления.

⁷⁶ Бистами (аль-Бистами) Абу Йазид (Баязид) Тайфур ибн Иса (ум. 875) — известный персидский мистик.

⁷⁷ Аль-Халадж Абу-л-Мугис аль-Хусейн ибн Мансур (ок. 858—922) — выдающийся суфий. Казнен за свои проповеди.

⁷⁸ Садр-и-джахан («столп мира») — титул феодальных правителей Бухары XII — нач. XIII вв. из рода Бурхан, соединявших в своих руках духовную и светскую власть.

⁷⁹ Ибн аль-Джаузи Джамал ад-Дин Абу-л-Фарадж Абу-Рахман (ок. 1116—1201) — арабский богослов, историк, известный арабский проповедник.

⁸⁰ Малик ибн Анас аль-Асхаби (713—975) — богослов, имам (духовный руководитель) Медины. Вел большую преподавательскую деятельность.

⁸¹ Камал ад-Дин Хусейн — неясно, о ком идет речь. Можно предполагать следующие варианты: 1. Камал ад-Дин Хусейн Ардабли (ум. 1533/1534 или 1544) — автор богословских трактатов; 2. Камал ад-Дин Хусейн аль-Хорезми аль-Кубрави (ум. 1435/1436) — автор богословских трактатов.

⁸² Шихаб ад-Дин ибн Шамс ад-Дин ибн Умар Завули Даулабади (ум. ок. 1445) — персидский писатель.

⁸³ Хусейн Байкара (1438—1506) — среднеазиатский поэт. Воспевал любовь, используя для этого оригинальные метафоры и сравнения.

⁸⁴ Суфи Аллаяр (1616—1706) — узбекский поэт-мистик. Писал на узбекском и таджикском языках.

⁸⁵ Хайям Омар (1048—1123) — персидский поэт, выдающийся математик своего времени, философ, астроном. Составил наиболее точный из всех существующих доныне солнечных календарей. Автор четверостиший, проникнутых гедоническими мотивами, пафосом свободы личности, антиклерикальным вольнодумством.

⁸⁶ Джабраил (Джибрил) — имя ангела, наиболее приближенного к Аллаху, главного посредника между ним и пророками.

⁸⁷ Чокаев (Чокай-оглы) Мустафа (1890—1941) — глава Временного правительства Туркестана (Кокандской автономии) в 1917—1919 годах. В 1920 году эмигрировал в Турцию, затем жил в Германии и Франции, издавал журналы, вел научную работу. В книге «Туркестан под властью Советов» (Париж, 1935) подверг беспощадной критике национальную политику в СССР.

⁸⁸ Назым Хикмет Ран (1902—1963) — турецкий писатель и общественный деятель. В 1921 году вступил в Коммунистическую партию Турции, 17 лет провел в тюрьмах. С 1951 года жил в СССР.

⁸⁹ Султангалиев Мирсаит Хайдаргалиевич (1892—1940) — председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе РСФСР в 1918—1920 годах. В 1919—1921 годах — председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при РКП(б). Репрессирован.

⁹⁰ Сванидзе Александр Семенович (1886—1941) — торгпред СССР в Германии с 1924 года, затем — на руководящей работе в банковской системе СССР. Автор трудов по истории Древнего Востока. Репрессирован.

⁹¹ Бройдо (Зильберквейт) Григорий Исаакович (1885—1956) — советский партийный и государственный деятель. В 1920 году был направлен Турккомиссией в Хиву с чрезвычайными полномочиями. В 1921—1923 годах заместитель наркома по национальным делам. С 1933 года первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, в 1934—1941 годах заместитель наркома просвещения РСФСР и на других должностях.

⁹² Поливанов Евгений Дмитриевич (1891—1938) — советский востоковед. Автор трудов по восточным языкам и общему языкознанию. Участвовал в разработке письменности для народов СССР. Репрессирован.

⁹³ «Кобланды-батыр» — казахский героический эпос. Отражает события, предшествовавшие возникновению Казахского ханства в XV в.

⁹⁴ Кутайба (Кутейба) ибн Муслим аль-Бахили Абу Хафс — арабский полководец, завоеватель Средней Азии, наместник Хорасана в 705—715 годах.

⁹⁵ Карлуки — тюркское племя в Семиречье (юго-восточная часть Казахстана) в VIII—X вв. Создали свое государство. В X в. вошли в государство Караханидов.

⁹⁶ Рашидаддин (1247—1318) — иранский ученый и государственный деятель. В 1298—1317 годах везирь. Автор энциклопедии по естествознанию, трудов по истории, медицине, ботанике и др. Казнен.

⁹⁷ Танышпаев Мухаметжан (1879—1937) — один из лидеров Алаш-Орды, затем работал в народном хозяйстве, занимался наукой. Подвергался арестам и ссылкам. Репрессирован.

⁹⁸ Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936) — советский военачальник, командир 1-го ранга (1935). В 1918—1919 годах командующий войсками Восточного фронта, в 1919—1924 годах главком вооруженными силами Республики, затем на руководящих должностях в Красной Армии.

⁹⁹ Мукаддаси (946 или 947 — ок. 1000) — арабский географ и путешественник. Посетил почти все страны мусульманского мира, составил их подробное описание.

¹⁰⁰ Таган Галимьян Гирфанович (1892—1948) — этнограф, экономист, доктор экономических наук. В башкирском национальном движении командовал полком и дивизией. В эмиграции окончил агротехнический университет в Венгрии, заведовал восточным отделением Национального эт-

нографического музея Венгрии, а в 1945—48 годы — лектор тюркологии в Гамбургском университете.

¹⁰¹ Бартольд Василий Владимирович (1869—1930)— выдающийся русский востоковед, академик АН СССР. Автор фундаментальных трудов по истории ислама и стран мусульманского Востока, вел до самой своей кончины переписку с З. Валиди (хранится в Петербурге). В 1963—1977 годах в СССР вышло собрание сочинений В. В. Бартольда в девяти томах, в его подготовке советским востоковедам оказывал помощь З. Валиди.

¹⁰² Кылыч Арслан II (ум. 1192)— сельджукский султан, глава Конийского (Иконийского) султаната (на территории Малой Азии).

¹⁰³ Кей-Хюсрев Гияззетдин — сельджукский султан.

¹⁰⁴ Бакои — среднеазиатский поэт XVI в. Прославлял эмиров, ханов, придворных.

¹⁰⁵ Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880—1936)— в 1921 году председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Покончил жизнь самоубийством.

¹⁰⁶ Бухарин Николай Иванович (1888—1938)— российский революционный и государственный деятель. В 1911—1917 годах в эмиграции. В 1917—1918 годах — лидер «левых коммунистов», отрицал возможность существования наций при социализме, выступал против автономии Башкортостана. Был главным редактором газет «Правда» и «Известия», входил в руководство страны. Академик АН СССР с 1929 года. Репрессирован.

¹⁰⁷ Люксембург Роза (1871—1919)— деятель германского и польского рабочего движения, одна из организаторов Коммунистической партии Германии. Убита.

¹⁰⁸ Джанибек (?—1357)— хан Золотой Орды с 1342 года, сын хана Узбека.

¹⁰⁹ Кайб (Гаиб)-хан — казахский хан, в 1747—1757 годах правитель Хивы.

¹¹⁰ Аблай (1712—1781)— казахский хан Среднего жуза с 1771 года. В 1740 году принял русское подданство, в 1757 году — китайское. Лавировал между Россией и Китаем. Оставил после себя 30 сыновей, его внуком был видный казахский ученый Ч. Валиханов.

¹¹¹ Туйюхуни (тухуни, тугухуни)— кочевое племя в Центральной Азии. Проживали в районе озера Кукунор, в VII—VIII вв. подверглись нападению тибетцев, рассеялись. Затем поселились в северной части современной провинции Шэньси и соседних районах провинции Шэньси КНР.

¹¹² Шато — ответвление кочевого племени чжюе, потомков среднеазиатских хунну. Обитали в восточной Джунгарии, у озера Баркуль.

¹¹³ Табгачи — кочевое племя на северо-востоке Китая. Усилилось в IV в. н.э. В 386 году их вождь Тоба Гуй основал государство Северная Вэй (386—532), объединившее в 439 году под своей властью весь Северный Китай. К концу V в. полностью ассимилировались с китайцами.

¹¹⁴ Огузы — тюркские племена в Центральной и Средней Азии (VII—XI вв). В середине XI в. часть огузов заселила южно-русские степи, другая,

возглавляемая сельджуками, завоевала Малую Азию. Огузы сыграли важную роль в этногенезе ряда тюркских народов.

¹¹⁵ Эргункун — в монгольской мифологии недоступное урочище, где скрывались от врагов родоначальники монголов Нукуз и Киян и их жены.

¹¹⁶ Батырша (Алеев Абдулла) (ок. 1710 или 1715—1762)— мусульманский просветитель и политический деятель, предводитель восстания в Башкирии в 1755 году. Выступал против правительственных ограничений мусульманской обрядности, запрещения местному населению свободной и беспощинной добычи соли, ограничений местного управления, чрезмерных налогов и повинностей. В 1756 году схвачен и отвезен в Петербург, где в тюрьме написал «показание» (письмо) на имя императрицы Елизаветы о тяжелом положении нерусского населения Приуралья. Наказан кнутом и вырезанием ноздрей, пожизненно заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и убит при попытке к бегству.

¹¹⁷ Кенесары Касымов (1802—1847)— казахский хан Среднего жуза. В 1837—1847 годах возглавлял движение против России.

¹¹⁸ Анау — остатки древних (V тыс. до н.э. —IV в. до н.э.) земледельческих поселений у села Анау к востоку от современного Ашгабата, давшие название культуре эпохи энеолита. При раскопках найдены остатки жилищ, росписные сосуды, металлические орудия и др. В турецкой историографии этническая принадлежность носителей этой культуры определяется как прототюркская.

¹¹⁹ Надир-шах Афшар (1688—1747)— шах Ирана с 1736 года. Завоевал обширные территории в Индии, Средней Азии, Закавказье.

¹²⁰ Санджар Мелик-шах (1086—1157)— последний султан (с 1119 года) государства Великих Сельджуков в Хорасане.

¹²¹ Караханиды — тюркская мусульманская династия, стоявшая во главе государства Караханидов в Средней Азии в 927—1212 годах.

¹²² Каджары — династия шахов Ирана (1796—1925).

¹²³ Ага Мохаммед-хан Каджар (1742—1797)— основатель династии Каджаров, иранский шах с 1796 года. Совершал походы в Грузию, отличался чрезвычайной жестокостью.

¹²⁴ Мирза Мальком-хан Назем-Доуле (1833—1908)— иранский писатель, просветитель и публицист. В своих пьесах высмеивал взяточничество, лицемерие и разврат иранского чиновничества.

¹²⁵ Сепехр Мирза Мохаммед Таги (1800/1802—1880)— один из последних крупных представителей феодальной иранской историографии. Автор незавершенного многотомного исторического труда «Окончательная история».

¹²⁶ Риза-шах Пехлеви (1874—1944)— шах Ирана в 1925—1941 годах, основатель династии Пехлеви (1925—1979).

¹²⁷ Газали — см. прим. 9 в I книге настоящих «Воспоминаний».

¹²⁸ Фирдоуси Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030)— великий персидский и таджикский поэт, автор монументальной поэмы «Шахнаме».

¹²⁹ Харун-ар-Рашид (763 или 766—809) - халиф из династии Аббасидов с 786 года. При нем в Халифате достигли значительного развития сельское хозяйство, ремесла, торговля и культура.

¹³⁰ Зия Гёкалп (1875—1924)— турецкий философ, социолог, один из идеологов младотурков, «отец турецкого национализма», поэт и прозаик. Пропагандировал пантюркизм.

¹³¹ Кёпрюлю Мехмет Фуат (1890—1966)— турецкий филолог и историк, иностранный член-корреспондент АН СССР (1928—1947). Министр иностранных дел Турции (1950—1957), автор трудов по средневековой истории и истории литературы.

¹³² Ибн аль-Факих аль-Хамадани (нач. X в.)— арабский географ, автор книги «Жемчужина века».

¹³³ Абу Дулаф — арабский путешественник, в 944 году совершил поездку в Центральную и Восточную Азию.

¹³⁴ Минорский Владимир Федорович (1877—1966)— выдающийся русский востоковед. С 1903 года служил в МИД России, занимал ряд дипломатических постов в российских представительствах в Турции и Иране, после Октябрьской революции на родину не вернулся. Был профессором Лондонского университета. Автор многих трудов о странах Ближнего Востока. Похоронен в Москве.

¹³⁵ Топчибашев Али-Мардан бек Алекпер оглы (1862—1934)— российский политический деятель. Выступал за федеративное устройство России. С мая 1918 года чрезвычайный представитель Азербайджанской Демократической Республики в Грузинской Демократической Республике, затем министр иностранных дел Азербайджана. После установления в Азербайджане советской власти (апрель 1920 года) в эмиграции. Участник Генуэзской (1922) и Лозаннской (1923) конференций, на которых ставил вопрос о незаконной оккупации Азербайджана Красной Армией.

¹³⁶ Икбал Мухаммед (1873 или 1877—1938)— поэт и философ Индостана. Приветствовал Октябрьскую революцию в России, выступал за создание мусульманского государства в составе независимой индийской конфедерации.

¹³⁷ Убайдулла-хан — правитель Мавераннахра в 1533—1539 годах. Из династии Шейбанидов.

¹³⁸ Хулагу-хан (1217—1265)— основатель династии и государства на Ближнем и Среднем Востоке Хулагуидов (1256—сер. XIV в.), внук Чингисхана. Завершил завоевание монголами Ирана, Ирака и сопредельных стран.

¹³⁹ Голубые тюрки — самоназвание тюркского этнического объединения в эпоху раннего средневековья. Название появляется в 70-е годы VII века, когда произошла консолидация ряда древнетюркских племен в тюркский «народ».

¹⁴⁰ Джами Абдурахман (1414—1492)— великий персидский и таджикский поэт, философ-суфий.

¹⁴¹ Мирхонд, Хондемир — см. прим. 42 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

¹⁴² Исфизари Муин ад-Дин Мухаммад Замаджи (Замчи) (ок. 1446/ 1447—1498)— хорасанский поэт и каллиграф.

¹⁴³ Хорезмийский язык — принадлежит к иранской группе индоевропейской семьи языков, вымерший. Известен по словам и фразам, встречающимся в арабоязычной литературе X—XIII вв. в арабской графике и надписям с IV—III вв. до н.э. в арамейской графике.

¹⁴⁴ XXII Международный конгресс востоковедов проходил 15—22 сентября 1951 года в Стамбуле. Работа велась на 15 секциях, затрагивая широкий круг проблем истории, религии, философии, археологии, социальных вопросов и искусства стран Востока. Подготовка и проведение конгресса происходили под руководством А.-З. Валиди Тогана.

¹⁴⁵ Эфталиты (хиониты, белые гунны)— объединение племен (V—VI вв.), образовавших государство на территории Афганистана, Средней Азии, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана. Эфталитское объединение распалось в Индии в 530-х годах, в Средней Азии и Афганистане в 560-х годах под ударами индийских, сасанидских и тюркских правителей.

¹⁴⁶ Шейбани-хан Мухаммед (1451—1510)— узбекский хан, основатель династии Шейбанидов.

¹⁴⁷ «Шахнаме» («Книга о царях») — общее название прозаических и стихотворных сводов мифов и исторических хроник иранских народов. Самый значительный из них — поэтическая эпопея Фирдоуси.

¹⁴⁸ Чагатай (Джагатай) (?—1242)— монгольский хан, сын Чингисхана и участник большинства его походов.

¹⁴⁹ Афганский Петр Великий — речь идет о короле Афганистана Аманнуле-хане.

¹⁵⁰ Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — академик (1929 года) и вице-президент (1929—1939) АН СССР.

¹⁵¹ Низам аль-Мульк (1017—1092)— с 1063 года везир сельджукских правителей Алп-Арслана, затем Мелик-шаха. Странник сильной центральной власти. Свои взгляды изложил в «Книге о правлении». Убит.

¹⁵² Хабибулла (ок. 1872—1919)— афганский эмир с 1901 года. В начале своего правления пытался проводить реформы, но под давлением Англии и внутренней реакции выступил против младоафганцев.

¹⁵³ РСД — созданное в 1964 г. Ираном, Турцией и Пакистаном объединение «Региональное сотрудничество ради прогресса».

¹⁵⁴ «Деде Коркут» («Книга моего деда Коркута») — героический эпос огузов. Содержит ценные сведения по истории тюркских кочевых племен, их быта и общественных отношений, народных верований и обычаев.

¹⁵⁵ Моисей — библейский персонаж. Харун — имеется в виду Харун-ар-Рашид. З. Валиди называет своего друга Хашима Шайка потомком Моисея и Харуна, намекая на принадлежность евреев к народам семито-хамитской семьи языков (семитская группа), к которой принадлежат и арабы.

¹⁵⁶ «Тузук-и Тимури» («Уложение Тимура») — автобиография Тимура, написана на тюркском языке. Оригинал неизвестен, имеется персидский перевод. Русское издание: Уложение Тимура. Ташкент, 1904.

¹⁵⁷ Ахмадие (**Кадияни**)— мусульманская община, основанная в Индии. Для ахмадие характерны рационалистическое толкование Корана, собственная интерпретация основных норм ислама, отказ от концепции джихада. На практике они много внимания уделяют просветительству, коммерции, пропаганде своего учения. Ахмадие сейчас преимущественно распространены в Пакистане.

¹⁵⁸ Сипаи — с середины XVIII в. по 1947 год наемные индийские солдаты, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей.

¹⁵⁹ Табари (ат-Табари) Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир (838 или 839—923)— арабский историк и богослов, автор труда по всеобщей истории «История пророков и царей»— одного из важнейших источников по истории Арабского халифата до 915 года. Ему также принадлежит много-томный комментарий к Корану.

¹⁶⁰ Карпини Джованни да Плано (1182—1252)— итальянский путешественник, монах. В 1246—1247 годах совершил путешествие в Монголию.

¹⁶¹ Рубрук Виллем (между 1215 и 1220—1293)— фламандский путешественник, монах. В 1253—1255 годах совершил путешествие в Монголию.

¹⁶² Паллас Петр Симон (1741—1811)— русский естествоиспытатель и путешественник, академик Петербургской АН с 1767 года. По национальности немец, с 1767 года работал в России. В 1768—1774 годах возглавлял академическую экспедицию по исследованию юго-востока России, Урала и Сибири, в 1793—1794 годах путешествовал по Поволжью, Северному Кавказу и Приазовью, затем много лет жил в Крыму. Во время путешествий собрал колоссальный материал по многим отраслям знания.

¹⁶³ Абдуррахман (1844—1901)— эмир Афганистана с 1880 года. Стремясь использовать противоречия великих держав, добивался усиления Афганистана и обеспечения его целостности, способствовал ликвидации феодальной раздробленности и укреплению экономики страны.

¹⁶⁴ Мангыт — династия ханов Бухары (1753—1920). Успешно боролись с феодальной раздробленностью, с начала XIX в. вели ожесточенную борьбу с Кокандским и Хивинским ханствами за подчинение мелких соседних владений.

¹⁶⁵ Ибн Руста Абу Али Ахмед ибн Омар (2-я пол. IX—нач. X в.)— арабский географ иранского происхождения. В дошедшем до нас седьмом томе «Книги драгоценных ожерелий» содержатся сведения о Византии, Восточной Индии, славянах и урало-алтайских народах Восточной Европы.

¹⁶⁶ Ам'як Бухари (ум. 1152)— среднеазиатский поэт, прозванный современниками «повелителем поэтов». Автор касид и элегий.

¹⁶⁷ Неру Джавахарлал (1889—1964)— премьер-министр и министр иностранных дел Индии с 1947 года.

¹⁶⁸ Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937)— один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924, 1929—1935 годах возглавлял правительство.

¹⁶⁹ Абу-л-Фазл (1551—1602)— видный хронист и философ, советник и друг Акбар-шаха, вел всю его дипломатическую переписку с иностранными

государствами. Убит по приказу сына Акбар-шаха Джахангира, опасавшего усиления влияния Абу-л-Фазла на своего отца. Автор хроники правления Акбар-шаха «Акбар-наме».

¹⁷⁰ Акбар-шах Джелаль-ад-дин (1542—1605)— правитель Могольской империи в Индии с 1556 года. При нем это государство достигло наивысшего могущества.

¹⁷¹ Милюков П. Н.— см. прим. 19 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

¹⁷² Рединг Руфус Дэниел Айзеке (1860—1935)— английский политический деятель, дипломат. Маркиз. В 1921—1926 годах вице-король Индии.

¹⁷³ Саз — струнный шипковый музыкальный инструмент с 3—4 парными или тройными струнами. Распространен среди народов Закавказья, Ирана, Афганистана, Турции и других стран Востока.

¹⁷⁴ Хумаюн (1508—1556)— правитель Могольской империи в Индии в 1530—1540 и с 1555 года.

¹⁷⁵ Джахангир (1569—1627)— правитель Могольской империи в Индии с 1605 года, правнук Бабур.

¹⁷⁶ Шамс Тебризи — см. прим. 6 в 1 книге настоящих «Воспоминаний».

¹⁷⁷ Махмуд Газневи Абу-л-Касим (969 или 971—1030)— правитель с 998 года Газневидского государства (территория современного Афганистана, ряда областей Ирана, Средней Азии и Индии).

¹⁷⁸ Мутриби — узбекский поэт, музыкант и литературовед конца XVI—первой половины XVII в. Известны две его антологии — «Антология поэтов» (жизнь и творчество 350 поэтов Мавераннахра в основном второй половины XVI в.) и антология поэтов Мавераннахра и Индии первой четверти XVII в.

¹⁷⁹ Мирза Сахибзада Искандер Али (1899—1969)— первый президент Пакистана в 1956—1958 годах.

¹⁸⁰ Баракатулла Мавляви (1859—1927)— деятель Индийского национально-освободительного движения, ученый. В 1919 году посетил Россию, был принят В. И. Лениным. 4 ноября 1919 года в ходе своей поездки по Поволжью и Приуралью выступил в Уфе на митинге, посвященном освободительному движению народов Востока.

¹⁸¹ Кале Пауль (1875—1964)— немецкий востоковед, специалист по древнееврейским текстам.

¹⁸² Аль-Фараби Абу Наср ибн Мухаммед (870—950)— великий тюркский философ и ученый энциклопедист.

¹⁸³ Зебунисса (псевдоним — Махфи) (1643—1721)— таджикская поэтесса-лирик, жила в Индии, писала на таджикском и арабском языках.

¹⁸⁴ Аурангзеб (1618—1707)— правитель Могольской империи в Индии с 1658 года. В войне за престол уничтожил своих братьев-соперников, арестовал отца. Завершил завоевание Декана и Южной Индии.

¹⁸⁵ Гульбадан Бегум (1522—1603)— индийская хронистка, дочь Бабур. Будучи высокообразованной для своего времени женщиной, написала на фарси воспоминания о своем отце и о брате Хумаюне «Хумаюн-наме», содержащие обильный материал о быте мусульманских феодальных кругов в Индии и афганских землях.

¹⁸⁶ Ибн аль-Араби Мухиддин Абу Абдаллах Мухаммед ибн Али аль-Хатими (1165—1240)— арабский мыслитель и поэт, мистик, один из наиболее влиятельных представителей суфизма.

¹⁸⁷ Хиджаз — провинция в Саудовской Аравии, где в начале VII в. зародился ислам.

¹⁸⁸ Аль-Бусири (1212—1296)— египетский поэт, автор нескольких небольших поэм с прославлением Пророка.

¹⁸⁹ Олджайту Мухаммед Худабенде (1280—1316)— правитель Ирана с 1304 года. Из династии Хулагуидов.

¹⁹⁰ Селим I Грозный (Явуз) (1467/1468 или 1470—1520)— турецкий султан с 1512 года. В ходе завоевательных войн подчинил Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Хиджаз.

¹⁹¹ Четыре халифа — первые четыре халифа (Абу Бакр, Омар, Осман, Али).

¹⁹² Муавия I (?—680)— основатель и первый халиф (с 661 года) династии Омейядов.

¹⁹³ Абдаррахман бин Ауф (582—652/653)— один из ближайших сподвижников Пророка.

¹⁹⁴ Абу Зарр Джундаб бин Джанада аль-Гифари — один из ближайших сподвижников Пророка, бедуин, участник войн арабов в Сирии и Египте.

¹⁹⁵ Халид ибн аль-Валид (VII в.)— выдающийся арабский полководец.

¹⁹⁶ Курд Али Мухаммед Фарид (1876—1953)— сирийский ученый, журналист, общественный деятель. В 1901, 1905—1908 годах жил в Египте, с 1910 года — в Сирии. В 1919 году был основателем и первым президентом Арабской АН в Дамаске. Автор многих работ по истории арабской литературы и культуры.

¹⁹⁷ Тарзи Махмуд-бек (1867/1868—1934/1935)— афганский писатель, историк, политический деятель. Способствовал развитию афганской прессы и публицистики. В 1919—1922, 1924—1927 годах министр иностранных дел Афганистана. С 1929 года в эмиграции.

¹⁹⁸ Перовский Василий Алексеевич (1795—1857)— граф, русский генерал от кавалерии с 1843 года. В 1832—1842, 1851—1857 годах командир Оренбургского корпуса, руководил неудачным Хивинским походом (1839—1840).

¹⁹⁹ Максудов (Максуди) Садретдин (Садри) Низаметдинович (в эмиграции Садри Максуди Ареал) (1879—1957)— татарский политический деятель, правовед, историк, ординарный профессор. В России один из идеологов и организаторов культурно-просветительского и национального движения среди татар России, член Государственной Думы двух созывов, Председатель Исполкома Всероссийского мусульманского Совета (Милли Шура). В эмиграции — профессор права Стамбульского университета, автор трудов «Философия права», «История тюрков и право», «Философия права Фараби».

²⁰⁰ Топчибашев Мирза Джафар (1790—1869)— российский востоковед. Азербайджанец. С 1811 года жил в Петербурге, до 1849 года преподавал персидский и турецкий (знал еще арабский, грузинский и армянский) язы-

ки в университете. Есть сведения, что уроки персидского у него брал А. С. Грибоедов.

²⁰¹ Шульгин Василий Витальевич (1878—1976)— русский политик-монархист. После Октябрьской революции активно боролся с советской властью, жил в эмиграции в Югославии. В 1944—1956 годах в тюремном заключении в СССР. Автор воспоминаний.

²⁰² Рамишвили Исидор Иванович (1859—1937)— один из лидеров грузинских меньшевиков. С 1921 года в эмиграции.

²⁰³ Пеллио Поль (1878—1945)— французский китаевед и монголовед, иностранный член-корреспондент АН СССР с 1922 года.

²⁰⁴ Стейн Аузел (Марк) (1862—1943)— выдающийся английский археолог. Выходец из Венгрии. Превосходный знаток санскритской литературы и источников по истории Индии и Центральной Азии. Провел колоссальную работу по исследованию Восточного Туркестана, опубликовал материалы своих экспедиций в 11 огромных томах большого формата. Автор научно-популярных книг.

²⁰⁵ Ферран Габриэль (1864—1935)— французский востоковед, автор трудов по средневековой арабской географии и астрономии. Обнаружил в фондах Парижской национальной библиотеки рукописи сочинений Ахмада ибн Маджида (XV в.) и Сулеймана аль-Махри (XVI в.) по мореходству. Опубликовал об этих авторах очерки в «Энциклопедии ислама».

²⁰⁶ Готьо Робер (1876—1916)— французский иранист, заложил основы изучения согдийского языка. Погиб на фронте в первую мировую войну. З. Валидов, видимо, ошибается, говоря о своих встречах с Р. Готьо. Возможно, встреча происходила с другим иранистом.

²⁰⁷ Блоше Эдгар (1870—1937)— французский востоковед. Его основные труды посвящены библиографии и каталогизации мусульманских рукописей. В 1932—1933 годах издал двухтомный каталог тюркских рукописей, хранящихся в Парижской национальной библиотеке.

²⁰⁸ Смирнов В. Д. — см. прим. 45 в I книге настоящих «Воспоминаний».

²⁰⁹ Браун (Броун) Эдвард Гренвилл (1862—1925)— английский востоковед, профессор (с 1888 года) персидского и арабского языков Кембриджского университета. Автор четырехтомной «Истории персидской литературы» (1902—1924), монографий «Иранская революция 1905—1909 гг.» (1910), «Арабская медицина» (1921). Перевел и издал многие произведения арабских и персидских авторов.

²¹⁰ Карра де Во Бернард (1867—1952)— французский востоковед, автор трудов по истории средневековой арабской науки и философии. Его перу принадлежат пятитомное исследование философии арабов в средние века (1921—1926), монографии «Авиценна» (1900), «аль-Газали» (1902), серия статей в «Энциклопедии ислама». На русском языке публиковалась книга Б. Карра де Во «Арабские географы» (Л., 1941).

²¹¹ Бенвенист Эмиль (1902—1976)— французский лингвист, автор работ по индоевропейскому и общему языкознанию. На русском языке издавались его книги «Общая лингвистика» (М., 1974) и «Словарь индоевропейских социальных терминов» (М., 1995).

²¹² Идриси (1100—1161 или 1165)—арабский географ. По поручению сицилийского короля Роджера II создал карту мира и «Книгу Роджера» — ценный источник по истории и исторической географии Европы и Африки.

²¹³ Ибн Мискавейх (?—1030)— арабоязычный историк и философ персидского происхождения. Автор трудов по истории, философии и этике.

²¹⁴ Чернов Виктор Михайлович (1873—1952)— один из основателей партии эсеров. В 1917 году министр земледелия Временного правительства. Эмигрант.

²¹⁵ Лекок Альберт фон (1860—1930)— немецкий тюрколог, исследователь Центральной Азии. Руководил несколькими научными экспедициями в Восточный Туркестан.

²¹⁶ Сейфуллин Сакен (1894—1938)— казахский писатель. Председатель СНК Казахской АССР (1922—1925), член ВЦИК. Автор лирических стихов, поэм, пьес, повестей. Репрессирован.

²¹⁷ Дулатов Мирякуп (1885—1935)— казахский писатель. Репрессирован.

²¹⁸ Александр II (1818—1881)— российский император с 1855 года. Почетный член Петербургской АН с 1826 года. Получил разностороннее образование. В годы его царствования были проведены крестьянская (1861), университетская (1863), земская и судебная (1864), городская (1870), военная реформы. Продолжал политику территориального расширения и укрепления Российской империи. Убит народовольцами.

²¹⁹ Захау Эдуард Карл (1845—1930)— немецкий востоковед, член Петербургской АН (1888). Автор трудов о Бируни, христианской литературе Восточного Туркестана.

²²⁰ Нёльдеке Теодор (1836—1930)— немецкий востоковед, иностранный почетный член АН СССР с 1926 года. Автор трудов по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии, о происхождении Корана и др.

²²¹ Мордтман Иоганнес (1852—1932)— немецкий востоковед, автор статей в «Энциклопедии ислама».

²²² Мюллер Фридрих-Вильгельм Карл (1863—1930)— немецкий тюрколог, опубликовал в 1904 году среднеиранские тексты из Восточного Туркестана (Турфан).

²²³ Маркварт Йозеф (1869—1930)— немецкий востоковед, автор крупных исторических трудов о древнетюркской рунике, истории древних огузов, йугуров, хазар, кипчаков. Обладая редкой филологической эрудицией, разрабатывал различные проблемы восточноевропейской и кавказской истории на основе анализа арабо-персидских и китайских источников.

²²⁴ Сасаниды — династия иранских шахов (224—651).

²²⁵ Медников Николай Александрович (1855—1918)— русский арабист. Автор исследования «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов», посвященного истории Ближнего Востока в VII—XI вв., отличающегося высочайшим качеством переводов источников и не потерявшего своей ценности до сих пор.

²²⁶ Кипчаки (половцы, комань, кумань)— тюркский народ, занимавший в раннее средневековье обширные пространства Евразии (Дешт-и-Кипчак). В XIII в. разгромлены и покорены монголами. Сыграли большую

роль в истории Великой Степи, в этногенезе многих тюркских народов, особенно башкир.

²²⁷ Асади Туси Абу Мансур — персидский поэт XI в. Автор эпико-героической поэмы «Гершасп-наме» и «Словаря персидского языка» — самого раннего из известных толковых словарей этого языка.

²²⁸ Массиньон Луи (1883—1962)— французский исламовед, иностранный член АН СССР. Автор трудов по широкому кругу проблем мусульманского мира.

²²⁹ Хубилай (1215—1294)— монгольский великий хан с 1260 года, внук Чингисхана. В 1279 году завершил завоевание Китая.

²³⁰ Физули Мухаммед Сулейман оглы (1494—1556)— азербайджанский поэт-лирик. Автор газелей, касыд, рубай, лирико-эпической поэмы «Лейла и Меджнун».

²³¹ Шараф (Шарафиев) Галимджан Шарафович (1886—1950)— татарский политический деятель, ученый. Автор проекта Урало-Волжского штата, являлся председателем Коллегии по осуществлению его автономии. С 1925 года работал в Академцентре при Наркомпросе Татарской АССР, активно участвовал в культурной и научной жизни Татарстана.

²³² Чан Кайши (1887—1975)— глава (1927—1949) гоминьдановского режима в Китае. С 1949 года возглавлял так называемую «Китайскую республику» на Тайване. Генералиссимус.

²³³ Ледебур Георг (1850—1947)— один из основателей (1917) и лидеров Независимой социал-демократической партии Германии. В начале 20-х годов противник объединения с коммунистами.

²³⁴ Либкнехт Карл (1871—1919)— деятель германского коммунистического движения, один из организаторов Коммунистической партии Германии. Убит.

²³⁵ Ненни Пьетро (1891—1980)— в 1931—1939, 1949—1963 годах генеральный секретарь, с 1970 года председатель Итальянской социалистической партии, один из лидеров Социалистического Интернационала.

²³⁶ Балабанова Анжелика Исаковна — участница итальянского рабочего движения. В 1917 году выступила в РСДРП (исключена из РКП(б) в 1924 году). В 1897—1918 и с 1922 года жила за границей. До конца жизни вела антикоммунистическую деятельность.

²³⁷ Бунд (на идиш — «Союз») («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») — еврейская мелкобуржуазная партия в 1897—1921 годах. В 1898—1903, 1906—1912 годах автономная организация в РСДРП. В 1917 году поддерживал Временное правительство.

²³⁸ Хамза Хакимзаде Ниязи (1889—1929)— народный поэт Узбекистана (1926), драматург, общественный деятель. Автор драм «Бай и батрак» (1918), «Тайны паранджи» (1927), комедии «Майсары» (1926). Убит.

²³⁹ Мусават («Равенство») — партия в Азербайджане в 1911—1920 годах. Выступала за национально-территориальную автономию, панисламизм, пантюркизм. Боролась против советской России.

²⁴⁰ Эберт Фридрих (1871—1925)— президент Германии с 1919 года.

²⁴¹ Каутский Карл (1854—1938)— один из крупнейших лидеров и теоретиков германской социал-демократии.

²⁴² «Путешествие Ибрагим-бека, или Несчастья, терзавшие его» — публицистический роман в трех частях (1888—1909) иранского писателя Зейн оль-Абедин Марагеи (1837—1911). Обличает беззаконие государственных чиновников, рассказывает о тяжелом положении народа.

²⁴³ Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866—?) — один из лидеров крайних правых в России. После Октябрьской революции эмигрант.

²⁴⁴ Цаликов (Цалыкаты) Ахмед (Ахмет) Тембулатович (1882—1928) — российский политический деятель. Меншевик. Осетин. С 1917 года председатель Временного Центрального бюро российских мусульман, затем возглавил Всероссийский мусульманский совет (Милли Шуро). С февраля 1921 года эмигрант.

²⁴⁵ Гордон Чарлз Джордж (1833—1885) — английский колониальный деятель, генерал. В 1863—1864 годах подавлял Тайпинское восстание в Китае. В 1877—1879, 1884—1885 годах английский губернатор Судана, подавлял восстание махдистов. Убит.

²⁴⁶ Вэй Северная — государство и династия в 386—535 годах на территории Северного Китая.

²⁴⁷ Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — выдающийся советский востоковед, академик АН СССР. Автор трудов по истории, литературе, языку арабов в средние века и новое время. Перевел на русский язык Коран (изд. 1963).

²⁴⁸ Рамстедт (Рамштедт) Густав Джон (1873—1950) — финский монголовед, переводчик, преподаватель, собиратель монгольских рукописей.

²⁴⁹ Сабир Алекпер Таирзаде (1862—1911) — азербайджанский поэт, сатирик.

²⁵⁰ Исахи Гаяз (Мухаммед-Гаяз) Гилязетдинович (1878—1954) — татарский общественный деятель, писатель и публицист, активист татарского национального движения первой четверти XX в. С 1919 года эмигрант, умер в Турции.

²⁵¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — глава Временного правительства России в марте — июле 1917 года. В 1918 году эмигрировал.

²⁵² Савицкий Петр Николаевич (1895—1968) — русский философ, экономист, географ, один из идеологов евразийства с 1921 года. Во время гражданской войны в России эмигрировал в Болгарию, затем в Чехословакию. В 1945—1956 годах был в тюремном заключении в СССР, затем уехал вновь в Прагу.

²⁵³ Сунь Ятсен (1866—1925) — китайский революционер-демократ. Вождь Синьхайской революции 1911—1913 годов, первый (временный) президент Китайской республики (1 января—1 апреля 1912 года). В 1912 году основал партию Гоминьдан.

²⁵⁴ Цюрупа Александр Дмитриевич (1870—1928) — советский государственный и партийный деятель. Участник революции в Уфимской губернии.

²⁵⁵ Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141 — ок. 1209) — азербайджанский поэт и мыслитель. Основное сочинение — «Хамсе» («Пятерица»), состоящее из пяти поэм.

²⁵⁶ Гольдциер И. — см. прим. 37 в I книге настоящих «Воспоминаний».

²⁵⁷ Ахемениды — династия древнеперсидских царей (558—330 годы до н.э.). При наивысшем могуществе государство Ахеменидов включало большинство стран Ближнего и Среднего Востока.

²⁵⁸ Ксеркс I (?—465 до н.э.) — царь государства Ахеменидов с 486 года до н.э. В 480—479 годах возглавлял неудачный поход персов в Грецию.

²⁵⁹ Осман Нури-паша (1832—1900) — турецкий маршал (мушир). В годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов командовал войсками в Плевне, отразил три штурма, после осады и неудачи прорыва сдался русским. В 1878—1885 годах военный министр Турции.

²⁶⁰ Декарт Рене (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог. С 1629 года жил в Нидерландах.

²⁶¹ Галилей Галилео (1564—1642) — итальянский ученый, один из основателей точного естествознания. Заложил основы современной механики.

²⁶² Мутазилиты (араб. — «обособившиеся») — создатели ранней мусульманской теологии рационалистического характера, зародившейся в Арабском халифате в VIII—IX вв. Отрицали многие догматы ортодоксального ислама, оказали большое влияние на многие еретические философские учения Ближнего Востока.

²⁶³ Мирза Гулам Ахмад Кадияни (1835—1908) — основатель мусульманской общины ахмадие. Жил в городе Кадиян (Пенджаб). Изложил свое учение в 80 трудах, написанных на урду и арабском.

²⁶⁴ Бенеш Эдуард (1884—1948) — президент Чехословакии в 1946—1948 годах. В 1918—1935 годах министр иностранных дел.

²⁶⁵ Немец Дьюла (1890—1976) — венгерский тюрколог, академик Венгерской АН с 1935 года. Профессор тюркской филологии Будапештского университета (1916—1964). Его основные труды посвящены тюркской филологии и ранней истории венгров.

²⁶⁶ Дастан об Огузе («Огуз-наме») — эпическое сказание о легендарной родословной тюрков и их мифическом прародителе Огуз-хане. Древнейшая версия XIII—XIV вв. сохранилась в уйгурской рукописи XV в.

²⁶⁷ «Урак и Мамай» — казахско-ногайский эпос. Отражает исторические события первой четверти XVI в.

²⁶⁸ «Едигей» («Идиге») (1-я пол. XV в.) — героический эпос ряда тюркских народов. В основу положены эпизоды борьбы эмира Едигея с Тохтамышем.

²⁶⁹ Малый жуз (Младший жуз) — группа казахских племенных объединений в Западном Казахстане (с XVI в.). В 1731 году вошел в состав России.

²⁷⁰ Бедиль Мирза Абдулькадир (1644—1721) — персоязычный поэт Индии. Создатель сознательно усложненного «индийского стиля».

²⁷¹ Аюка (1642—1724) — калмыцкий хан с 1672 года. Присягнул на подданство России. Его войска использовались при подавлении Астраханского и Булавинского восстаний, а также в Северной войне.

²⁷² Йорга Николас — румынский историк. С 1903 года возглавлял журнал «Сэмэнэторул» («Сеятель»). Создатель «сэмэнэторизма» — «надклассовой», «внесоциальной» литературы.

²⁷³ Хафиз Абри (?—1430 или 1431 или 1451)— придворный историк и географ Тимуридов. Автор трудов по географии Ирана и соседних стран, истории известного тогда мира.

²⁷⁴ Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830—1904)— русский историк-востоковед, археолог, лингвист, нумизмат. Академик (с 1861 года) и почетный член (с 1890 года) Петербургской АН. Автор исследований и публикаций материалов по истории народов Средней Азии и Поволжья.

²⁷⁵ Касимовские ханы — правители удельного Касимовского царства (княжества) на Оке во второй пол. XV—XVII вв. Являлись татарскими «царями» и «царевичами» и их потомками, перешедшими на русскую службу.

²⁷⁶ Ясави — см. прим. 5 в I книге настоящих «Воспоминаний».

²⁷⁷ Кошай Хамит Зубеир (1897—1984)— уроженец татарского аула Тлянче-Тамак Мензелинского уезда Уфимской губернии. С 1909 года учился в Салониках. Когда началась Первая Балканская война, поступил в Стамбульский университет, после окончания которого в 1916 году работал преподавателем. В 1917—1922 годах учился в Будапештском университете. В 1925 году вернулся в Турцию. Археолог, этнограф, автор ряда научных работ, один из организаторов Турецкого исторического и Турецкого лингвистического обществ.

²⁷⁸ «Кутадгубилиг» (XI в.)— выдающееся произведение тюркской литературы, назидательно-дидактическая поэма Юсуфа Баласагунского. Сохранилась в трех рукописях, самую совершенную (так называемую Ферганскую или Наманганскую) обнаружил в 1913 году З. Валидов в г. Намангане.

²⁷⁹ Махтумкули (литературное имя Фраги) (ок. 1730— 80-е годы)— туркменский поэт и мыслитель, автор лирических стихов о страданиях народа, разоренного чужеземным нашествием.

²⁸⁰ Страбон (64/63 до н.э. — 23/24 н.э.)— древнегреческий географ и путешественник, историк. Автор «Географии», являющейся итогом географических знаний античности и «Исторических записок» (не сохранились).

²⁸¹ Баязид I Молниеносный (1354 или 1360—1403)— турецкий султан в 1389—1402 годах. Завоевал обширные территории на Балканах и в Малой Азии. Разбит и взят в плен Тимуром в 1402 году.

²⁸² Гафуров Бободжан Гафурович (1908—1977)— советский историк и партийный деятель. Академик АН СССР с 1968 года. В 1946—1956 годах первый секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана, с 1956 года директор Института востоковедения АН СССР. Автор трудов по истории народов Средней Азии.

²⁸³ Кушанское царство — древнее государство на территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и, возможно, Синьцзяна. Период расцвета приходится на I—III вв. Сохранились многочисленные памятники кушанского искусства, особенно рельефы и статуи.

ФОТОГРАФИИ

Ахметзаки Валиди Тоган некоторые из фотографий, о которых упоминает в тексте «Воспоминаний», по неизвестным нам техническим причинам не смог поместить в книгу. Их нет и в наших руках. Кроме того, автор в турецком оригинале приводит фотокопии некоторых важных с его точки зрения документов. У нас нет возможности воспроизвести и их, поэтому мы не смогли подготовить их клише.

Тексты под остальными фотографиями принадлежат автору.

Вместе с тем мы сочли возможным включить несколько фотографий, сохранившихся в архиве ученого и связанных с сюжетами в книге. Тексты под ними составлены переводчиком А. М. Юлдашбаевым.

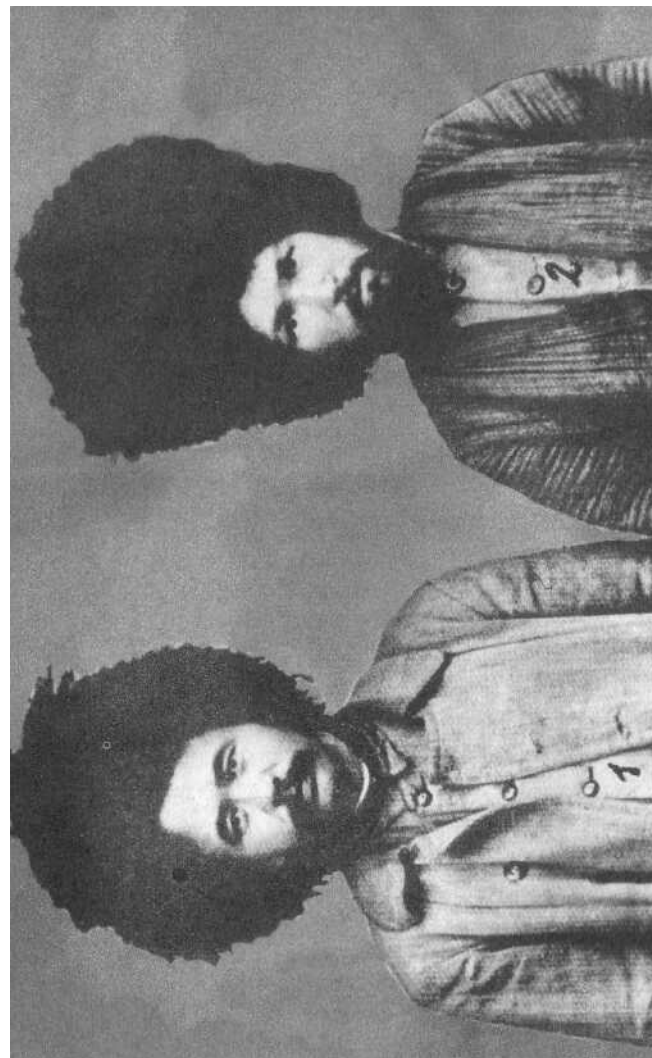
Сыновья башкира Султангирея Алтая, занимавшегося национальными делами в Кашгаре: 1) Ини-атулла, 2) Рахматулла, 3) Фитратулла.

Сторонники Бухарского эмира убили группу башкирских и татарских офицеров и солдат. Один из оставшихся в живых — Исламгирей Дукютоглу.

Казахский поэт и артист Динше, представлявший Алаш Орду в Бухаре и Самарканде.

1) Абделькадир Инан, 2) Ваки Валиди Тоган в туркменской одежде, январь 1923 г

1) З. В. Тоган, 2) Азимбек Беримжан, 3) Абделькадир Инан. После совместной деятельности в Казахстане и Башкортостане встреча в Берлине. Тиргартен, 1924 г.

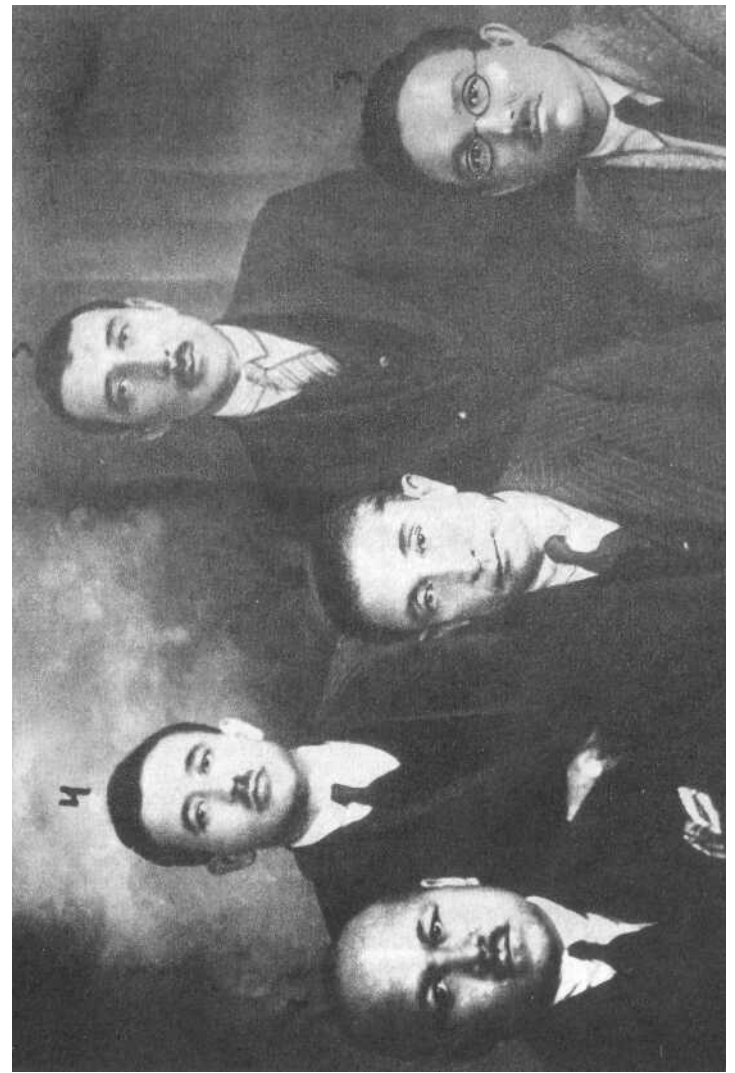
1) Мамур Ниязи, 2) З. В. Тоган, 3) один из самаркандских предводителей басмачества Хамракул бек, 4) глава правительства Бухары Усман Ходжаев, 5) башкирский студент Ахмет Зыя, 6) брат самаркандского басмача Ачил бея Давран Ачил, 7) Абделькадир Инан, 8) студент из Бухары Салих.

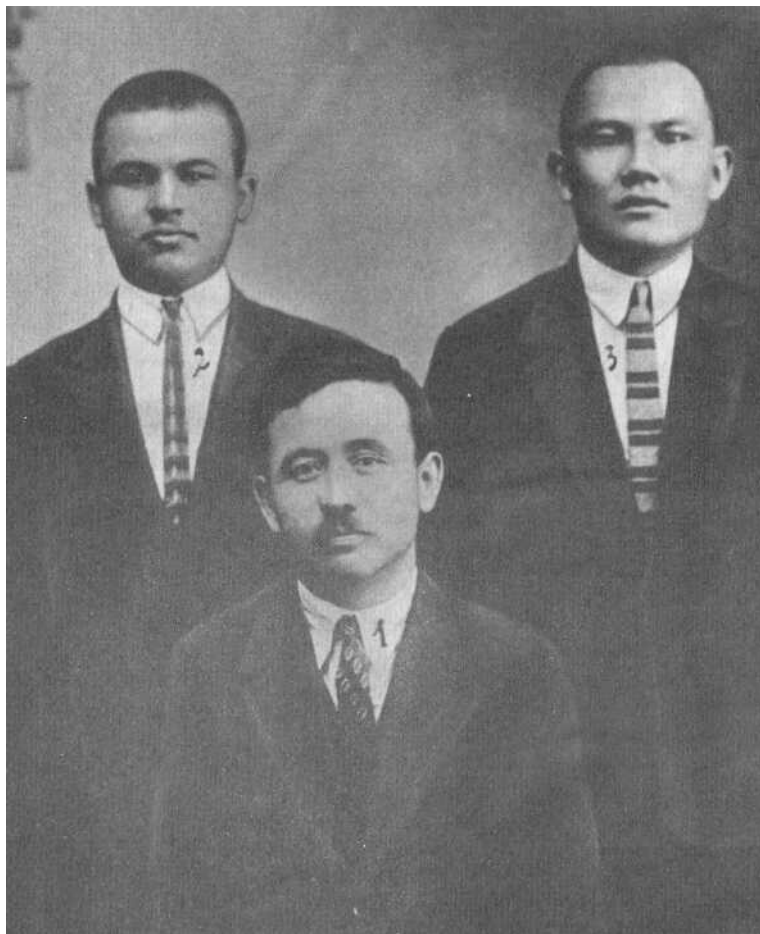
1) Мамур Ниязи, 2) З. В. Тоган, 3) офицер из Ферганы Тимур, 4) помощник заведующего отделом безопасности в Самарканде Габдешукур, 5) один из приближенных Энвера паши — туркмен из Джилдикуля Нафиз, 6) Рауф из Самарканды. 1925 год, Стамбул.

Турецкие офицеры, входившие в свиту Энвера паши: 1) Али Риза, 2) Бартинли Мухитдин, 3) полковник Хасан, 4) полковник Халил.

1) Мустафа Чокаев, 2) Усман Ходжаев, 3) З. В. Торан, 4) Абделькадир Инан, 5) Мустафа Шаххули в Стамбуле. 1926год.

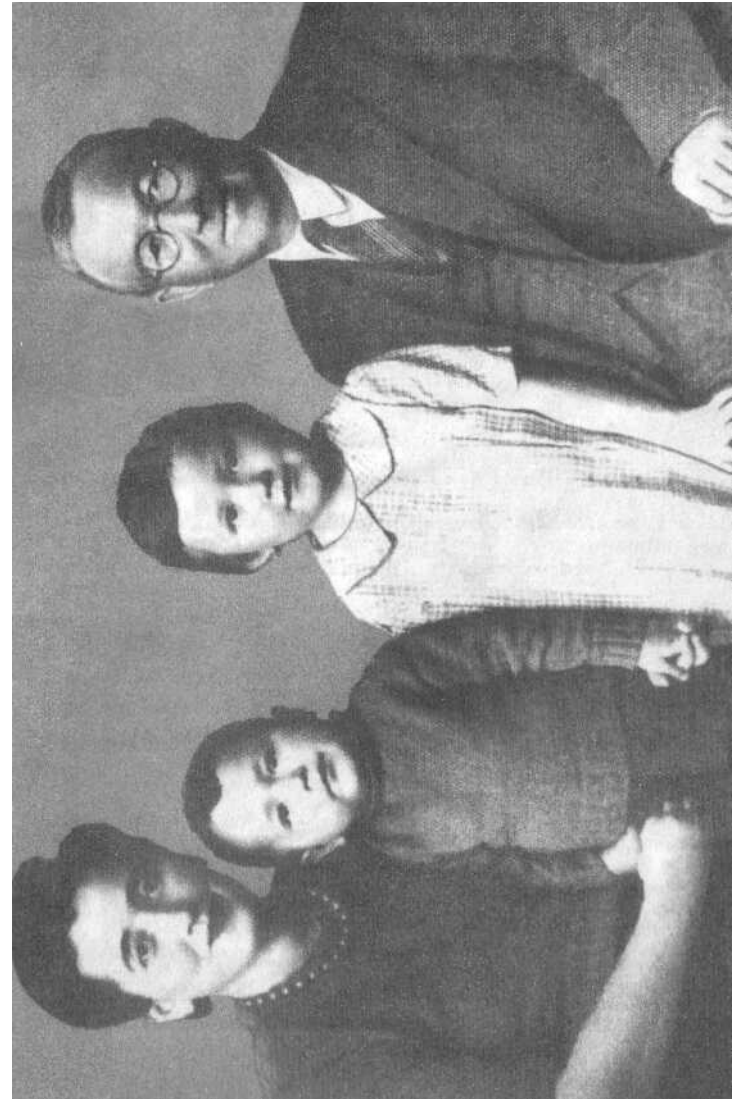
1) Абделькадир Инан, 2) узбек Давран Ачил, 3) казах Абделькадир Кемисбай.

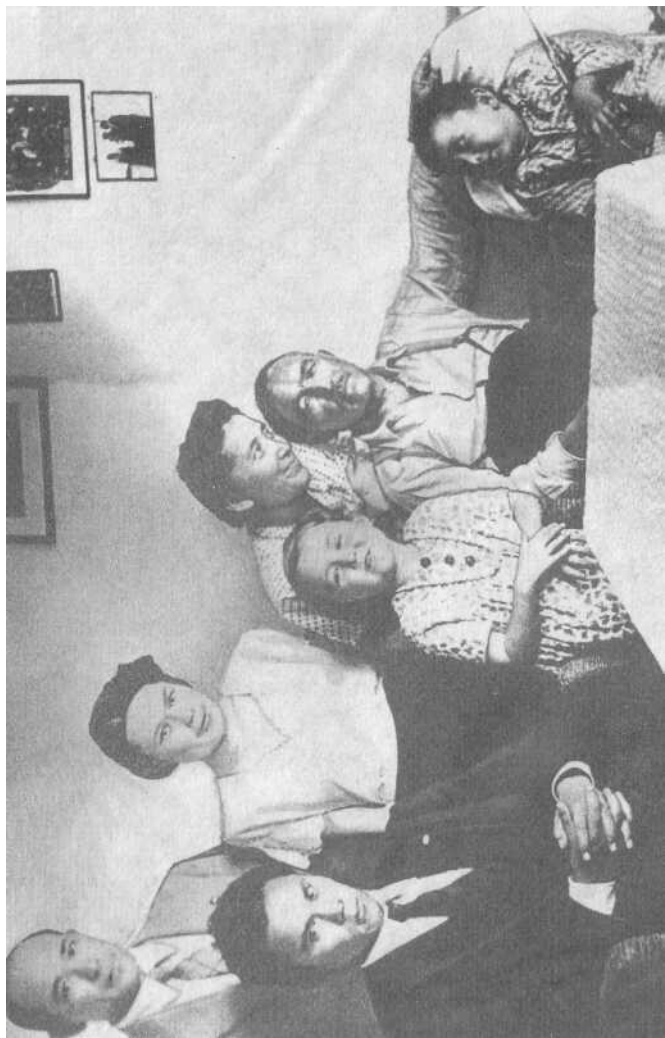
1) З. В. Тоған, 1926 год, в 35-летнем возрасте, когда был назначен профессором литературного факультета Стамбульского университета, 3) проф. Перев Намли Борагав, в науке по изучению фольклора тюрок оказался сторонником красных. Он выступил против опубликования моих статей по истории «Позднечатаятской литературы» (просуществовавшей до конца XIX века) в издаваемой ЮНЕСКО «Фундаментальной книге по тюркской филологии», написав «рапорт» в ЮНЕСКО о том, что мои статьи направлены против политики Советов. А советская политика исходит из положения, что начиная с XVI века тюркские народы, оказавшиеся в составе России, перестали быть тюрками и стали отдельными народами с собственными названиями, 5) Орхан Шаик Гекъяй. Остался верен традиционным методам исследования турецкой национальной культуры и на этом пути опубликовал ценные труды, 7) Китайский мусульманин Джеппаледдин Ванг Зин Шан. Перевел путевые заметки двух китайцев, побывавших у Чингисхана. Слушал и мои уроки, позже во времена правления Гоминдана (Чан Кайши) служил в Министерстве внутренних дел национального правительства Восточного Туркестана, после прихода красных выехал в Пакистан, затем занял должность преподавателя китайского языка в Стамбульском университете, 8) Нихал Атсыз. Во времена деканства Кедрюлю был ассистентом по тюркологии, опубликовал целый ряд трудов и журналов по национальной культуре, и ныне продолжает свою деятельность в этом направлении.

Фото, запечатленное во время пребывания академика В. В. Бартольда в Стамбуле. На кресле — В. В. Бартольд. Стоят слева направо: А. Инан, А. Н. Курат (татарин по происхождению, впоследствии видный учёный, профессор), А.-З. Валиди. 1926 г. (А. Ю.)

Слева направо: Назмие Тоган, Сулибей и Исенбике, А.-З. Валиди Тоган.

Семья Алтай, занимавшаяся проблемами освобождения народа в Кашгаре, и семья Тоган, занимавшаяся тем же в Бухаре, расставшиеся в Башкортостане в 1920 году и вновь нашедшие друг друга в Стамбуле.

В 1966 году А.-З. Валиди Тоган и Назмие Тоган были приглашены в Тегеран на международную научную конференцию иранистов. Шахиншах Ирана Мухаммед Риза Пехлеви и шахиня Сурия Пехлеви приветствуют своих гостей. (А. Ю.)

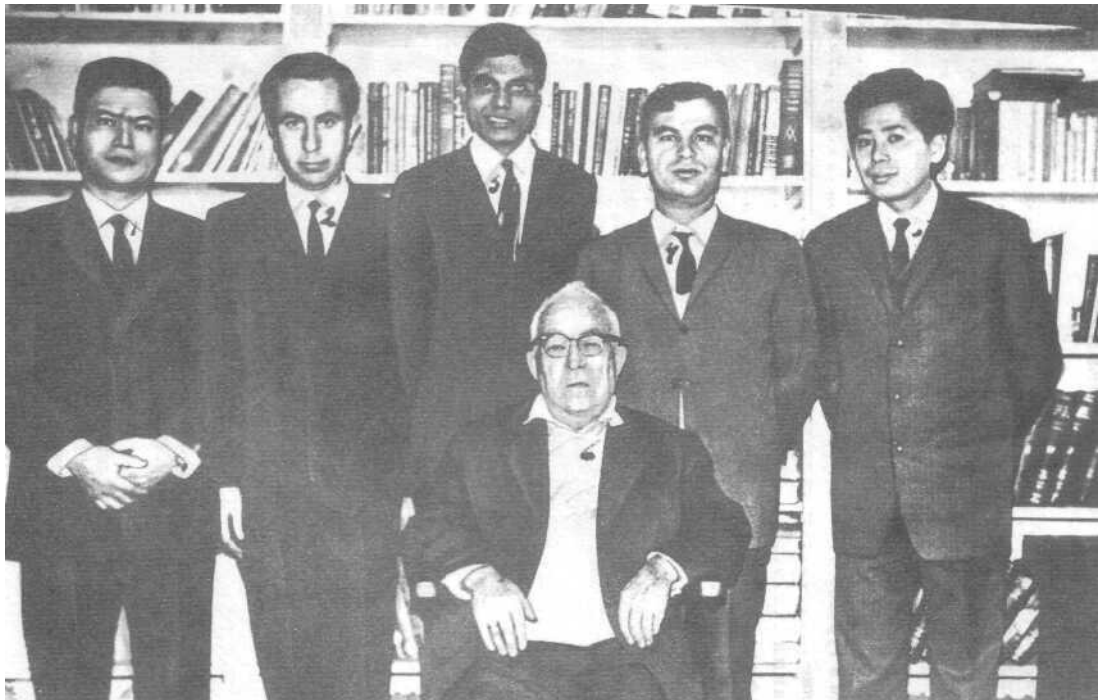

А.-З. Валиди Тоган произносит прощальную речь на похоронах выдающегося турецкого ученого, общественного и политического деятеля Фуата Кеprюлю. 1966 год. (А. Ю.)

Апрель 1966 года. Дни, когда работа над этими «Воспоминаниями» была завершена, я вместе со своими студентами, принимавшими участие на моем семинаре по всеобщей истории тюрков.

[Слева от А.-З. Валиди Тоган его ассистент (ныне профессор, доктор) Гюльчин Чандарлыоглу. — А. Ю.]

Мои аспиранты, готовившие в 1964—1968 годы докторские диссертации (слева направо): Танг Чи из Манчжурии, Тунджер Байкара из Айдына (Турция), Исраретдин Ахмет из Пакистана, Энвер Конукчу из Дюзджи (Турция), Чи Гуй Хуанг из Формозы, А.-З. Валиди Тоган. Стамбул, 1968 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борьба в Туркестане.	5
Энвер-папа в Туркестане.	67
Ташкентский съезд	132
Семь недель в Иранском Хоросане.	160
Пять месяцев в Афганистане.	178
Индия — Турция.	211
Восемнадцать месяцев в Европе.	234
Из Европы в Турцию.	298
Послесловие.	323
Примечания.	329
Фотографии.	351

Литературно-художественное издание

Заки Валиди Тоган

ВОСПОМИНАНИЯ

**Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок
за национальное бытие и сохранение культуры**

Книга 2

Перевод с турецкого
А. М. ЮЛДАШБАЕВ

Редактор *Н. Грахов*
Художник *И. Файрушин*
Художественный редактор *Ф. Ислахов*
Технический редактор *З. Чингизова*.
Корректоры *Л. Семенова*,
А. Ниязова

ИБ № 5520

Сдано в набор 28.05.97. Подписано к печати 26.01.98. Формат бумаги 84x1081/32. Бумага офсетная.
Гарнитура школьная. Печать высокая. Условн. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отг. 19,32.
Учетн.-издат. л. 20,79. Тираж 10000 экз. Заказ № 445. Цена свободная.
Башкирское издательство «Китап», 450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.